

studia classica

Ю. В. Андреев

РАННЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС (гомеровский период)

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»

studia classica

Отечественные исследования по античной и средневековой истории

Ю. В. Андреев

РАННЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС (гомеровский период)

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Вступительная статья
Ю. А. Виноградова

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»
ГА
Санкт-Петербург
2003

УДК 321(38)
ББК 66.1(0)321
А65

Андреев Ю. В.

А65 Раннегреческий полис (гомеровский период). Избранные статьи / Вступ. ст. Ю. А. Виноградова. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. — 448 с., илл. — (Серия «Studia classica»).

ISBN 5-93762-026-7

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой сборник трудов известного российского ученого-антиковеда, профессора истории и археологии, доктора исторических наук Ю. В. Андреева (1937—1998). В основу издания положена давно уже ставшая «классической» для отечественного антиковедения работа «Раннегреческий полис (гомеровский период)». В ней автор со свойственной ему оригинальностью суждений, сочетающейся со строго научным методологическим подходом, исследует целый комплекс проблем, связанных с формированием в глубине «темных веков» того типа социальной и политической организации античного общества, который впоследствии стал определяющим для всей классической древности — полиса.

Другие сочинения, вошедшие в сборник, — это впервые собранные вместе статьи разных лет, посвященные отдельным проблемам древнегреческой истории, как широко известные, так и публиковавшиеся ранее лишь в малотиражных изданиях или не издававшиеся вовсе.

Книга адресована как специалистам-историкам, так и всем интересующимся античной историей и культурой.

УДК 321(38)
ББК 66.1(0)321

ISBN 5-93762-026-7

© Л. В. Шадричева-Андреева, 2003
© Издательский Центр
«Гуманитарная Академия», 2003

Ю. В. Андреев и его концепция раннегреческого полиса

Уважаемый читатель, в Ваших руках книга в высшей степени интересная и для отечественной науки почти уникальная. Уникальность эта, конечно, в первую очередь определяется ее содержанием, но вместе с тем следует признать и то, что переиздания по-настоящему стоящих научных книг в нашей стране чрезвычайно редки. Лишь в последние годы стали появляться перепечатки классических работ таких выдающихся ученых-историков, как М. И. Ростовцев, М. И. Артамонов и др. В ряду подобных классических работ достойное место занимает и монография Ю. В. Андреева «Раннегреческий полис (гомеровский период)», которая составляет основу предлагаемого Вашему вниманию издания.

Эта книга впервые была опубликована в 1976 г. в издательстве Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета и сразу привлекла внимание специалистов самых различных областей исторического знания. На следующий год после ее выхода виднейший историк и эпиграфист Ю. Г. Виноградов вместе с первоклассным этнографом А. М. Хазановым единодушно признали монографию очень интересной, важной и новаторской[1]. Таким же образом думали и рядовые читатели — книга стремительно исчезла с прилавков книжных магазинов и стала библиографической редкостью. Прошедшие годы не снизили научной значимости исследования Ю. В. Андреева, при этом и не уменьшился в нашей стране интерес к истории древней Греции в ее самую раннюю пору, в частности, к «гомеровскому» вопросу, возникновению греческого полиса и т. д. Однако современные научные публикации вряд ли могут в полной мере удовлетворить соответствующий интерес, поскольку их авторы, как правило, трактуют особенности развития полисов Эллады классической эпохи и даже более позднего времени и только немногие из них уделяют определенное

[1] *Виноградов Ю. Г., Хазанов А. М.* Рец. на кн.: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976 // ВДИ. 1977. № 3. С. 193 сл.

внимание феномену раннегреческого полиса[2]. Ю. В. Андреев же обращался именно к самым истокам, и в этом плане переиздание его монографии вполне актуально и очень полезно.

Несколько слов необходимо сказать об авторе. Юрий Викторович Андреев (1937—1998) — специалист в области истории древней Греции, ученый Божьей милостью, мыслитель, ярчайшая личность которого как бы «подтягивала» окружающих, внушала коллегам и ученикам стремление к познанию истины. Вся его жизнь была связана с Санкт-Петербургом, он был оторван от города лишь на два страшных года 1942—1944, а так — здесь Юрий Викторович родился, учился, трудился и безвременно ушел из этого мира. Он закончил Ленинградский государственный университет, многие годы преподавал в нем на Историческом факультете (Кафедра истории древней Греции и Рима), стал профессором. В 1967 г. Ю. В. Андреев успешно защитил кандидатскую диссертацию «Мужские союзы в дорийских городах-государствах». Его интерес к изучению своеобразия дорийских полисов Греции, прежде всего Спарты, с годами ничуть не уменьшился. Подтверждением этому являются некоторые из статей автора, вошедшие в данную книгу: «Спарта как тип полиса», «Архаическая Спарта: культура и политика», «Греческий полис без бюрократии и литературы», «Спартанская гинекократия».

В 1982 г. Ю. В. Андреев перешел в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (сейчас Институт истории материальной культуры РАН), с 1986 г. был назначен на должность заведующего Группой античной археологии ЛОИА, в 1991 г. получил звание профессора археологии. Здесь, в академическом институте, Юрий Викторович написал и опубликовал многие важные труды своей жизни[3].

---

[2] Среди работ российских ученых назову несколько: *Кошеленко Г. А.* 1) Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; 2) Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 9—36; 3) Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 217—246; *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 89—127; *Глускина Л. М.* Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Т. II. М., 1983. С. 5—42; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 90—118; *Строгецкий В. М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1994.

[3] Подробней о жизни Ю. В. Андреева и его работах см.: ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000.

«Раннегреческий полис» — это первая крупная монография автора, относящаяся еще к университетскому этапу его научной деятельности, собственно, это сокращенный вариант докторской диссертации «Гомеровское общество», которая была защишена в 1979 г. Исследование Ю. В. Андреева базируется, так сказать, на «двух китах» — на сведениях, содержащихся в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», с одной стороны, а с другой, — на археологических материалах, относящихся к XI—VIII вв. до н. э. Создание обеих поэм, приписываемых Гомеру, автор, как и большинство исследователей, относил к VIII в. до н. э. Нет сомнения, что любой образованный человек знает их содержание, но лишь специалист может представить, насколько они специфичны и сложны в плане постижения исторической истины, как непросто извлекать из них крупицы знаний о греческом обществе, которое традиционно называется «гомеровским». В этих эпических произведениях, как известно, самым причудливым образом сочетаются разнообразные и разновременные мотивы и образы. Несомненно, в них имеются элементы, восходящие к микенской эпохе (сама Троянская война, о которой повествуется в «Илиаде», если она, конечно, имела место, может быть отнесена к XIII в. до н. э.), однако о данном времени Гомер имеет весьма смутное представление и по этой причине, повествуя о «героической эпохе», чаще помещает ее в более позднюю историческую среду.

Совсем не упрощают задачи имеющиеся данные археологии, которые абсолютно правильно называют «молчаливыми». Действительно, во время археологических раскопок могут быть открыты остатки стен древних построек, фрагменты разбитых сосудов, обломки проржавевших мечей или топоров и т. п., но сами по себе они ничего поведать не могут. Для того чтобы получить информацию о людях и обществе, от которых эти древности сохранились, их надо «расспросить», т. е. подвергнуть всестороннему научному анализу. И совсем не обязательно, что результаты такого анализа будут в полной мере совпадать со сведениями письменной традиции, в нашем случае с информацией, содержащейся в поэмах Гомера.

Центральная проблема монографии Ю. В. Андреева — рождение греческого полиса. Общеизвестно, что в науке нового времени полис традиционно понимается как город-государство, хотя постоянно ведутся споры о том, насколько верно этот термин отражает реалии классической древности, можно ли его считать и городом, и государством одновременно[4]. Видный исследователь М. Х. Хансен,

[4] О. Мюррей кратко и остроумно выразил различия в понимании сущности полиса, характерные для различных научных школ (немецкой,

подводя итог затянувшимся спорам, заметил, что полис было бы, конечно, лучше понимать как «гражданское государство», но тогда потерялась бы связь между городским и политическим аспектами полиса, а значит, «город-государство» следует признать оптимальным эквивалентом этого термина в современном языке[5]. В полной мере соглашаясь с М. Х. Хансеном, все-таки можно выразить сожаление о том, что здесь гражданская составляющая как-то ускользает из обычного определения полиса, хотя значение ее очень велико[6]. И. Моррис выразил абсолютно верную мысль: «Если граждане становились подданными, то их община прекращала быть полисом»[7].

Во вступлении к своей монографии Ю. В. Андреев обращает наше внимание на то, что в греческом языке слово «полис» имеет три значения: 1) город, 2) государство и 3) гражданская община. Специальное изучение этого термина позволяет назвать большее количество его значений (в дополнение к трем приведенным — акрополь, территория, народ и др.)[8], но главными среди них, как считает М. Х. Хансен, были «поселение (город)» и «община»[9]. «Государство» исключено им из реестра главных значений (возможно, не вполне обоснованно) по той причине, что в древней Греции далеко не все полисы были независимыми, а независимость — это важнейший атрибут любого государства. В остальном же указанное положение Ю. В. Андреева вполне отвечает воззрениям на эту проблему в науке наших дней.

Этимологически слово polis (πόλις) в своем раннем варианте *ptolis*, возможно, связано с *po-to-ri-jo*, зафиксированном в микенском линейном письме Б. Однако там оно не является существительным, а лишь

французской, английской и американской), см.: *Murray O.* Cities of Reason // The Greek City from Homer to Alexander. Oxford, 1990. P. 3.

[5] *Hansen M. H.* 1) The Polis as a Sitizen-State // The Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. I. Copenhagen, 1993. P. 7; 2) Polis and City-State. An Ancient Concept and its Modern Equivalent // The Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. V. Copenhagen, 1998. P. 123; ср.: *Raaflaub K. A.* City-State, Territory, and Empire in Classical Antiquity // City-State in Classical Antiquity and Medieval Italy. Stuttgart, 1991. P. 565–566.

[6] *Morris I.* 1) Burial and Ancient Society. The Rise of the Greek City-State. Cambridge, 1987. P. 3, 193; 2) The Early Polis as City and State // City and Country in the Ancient World. London–New York, 1991. P. 26; *Raaflaub K. A.* City-State, Territory and Empire in Classical Antiquity. P. 566.

[7] *Morris I.* The Early Polis as City and State. P. 27.

[8] *Hansen M. H.* Polis and City-State. P. 20 ff.

[9] *Hansen M. H.* Polis and City-State. P. 33.

частью имени собственного, так что в отношении того, что могло значить в языке микенцев слово *po-to-ri-jo*, ничего определенного сказать нельзя. Лучшие результаты дает сравнение с другими индоевропейскими языками. В самом деле, слово *polis* близко староиндийскому слову *pur*, литовскому *pilis* или латышскому *pils*, которые, в общем, означают одно и то же — «цитадель», «твердыня»[10]. Произнося названия индийских городов Джейпур, Бхаратпур или латышских Даугавпилс, Вентспилс, мы вряд ли ощущаем налет этой глубочайшей древности. Однако для понимания истоков формирования греческого полиса приведенные этимологические наблюдения, как будет показано ниже, имеют очень большое значение. Такое понимание термина «полис» («цитадель», «твердыня») изредка встречается даже в Греции классического времени. К примеру, в Афинах, как об этом свидетельствует Фукидид, полисом называли акрополь в память о том, что здесь когда-то находилось древнейшее поселение (II, 15, 5).

Но каким же предстает полис в гомеровских поэмах? Нет сомнения, что для поэта именно полис являлся единственной формой общежития, которое достойно человеческого общества. Не удивительно поэтому, что на страницах поэм данный термин употребляется около 250 раз. В полисах живут как боги, в частности Эол (Od., X, 13), так и люди, при этом отнюдь не только цивилизованные. Гомер упоминает «город (полис. — *Ю. В.*) людей киммерийских» (Od., XI, 14), полис кровожадных лестригонов (Od., X, 105—110) и лишь совсем диким одногазым циклопам он отказывает в праве полисного общежития (Od., IX, 114 sq.).

Как представляется, М. Х. Хансен не вполне прав, когда указывает, что главной территориальной единицей древней Греции тогда был не полис, а район или область[11]. В подтверждение своей точки зрения этот исследователь приводит отрывок из второй песни «Илиады», так называемый «Каталог кораблей» (Il., II, 495—877), в котором рассказывается, кто из царей, откуда и сколько привел кораблей под Трою. Действительно, в данной части «Илиады» прежде всего упоминаются различные области Эллады, однако вряд ли имеет смысл, основываясь на этом, преуменьшать значение полиса в эпоху Гомера. Многие ученые, в том числе и Ю. В. Андреев, обо-

[10] *Hansen M. H.* 1) The Polis as a Citizen-State. P. 9; 2) ΠΟΛΛΑΧΩΣ ΠΟΛΙΣ ΛΕΓΕΤΑΙ (Arist. Pol. 1276 a 23). The Copenhagen Inventory of Poleis and the Lex Hafniensis de Civitate // Introduction to an Inventory of Poleis. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. III. Copenhagen, 1996. P. 10.

[11] *Hansen M. H.* The Polis as a Citizen-State. P. 12.

сновано считают, что «Каталог кораблей» является одной из древнейших частей «Илиады» и вполне может относиться к догомеровскому времени, когда полиса как такового еще не существовало.

В другом своем заключении М. Х. Хансен вполне солидарен с Ю. В. Андреевым. Он подчеркивает, что представление о полисе как о городе с прилегающей территорией, где располагаются деревни, сельскохозяйственные усадьбы и пр., не типично для Гомера[12], точнее говоря, сельские территории поэтом описываются, однако деревень на них нет. Как это ни покажется странным, но на страницах поэм описания деревенской жизни практически отсутствуют, автора всецело занимает город и его обитатели. В качестве примеров можно привести строки, посвященные Трое или городу феаков (Od., VI, 262 sq.), пассаж, посвященный изображению двух городов на щите Ахилла (Il., II, 559 sq.), и т. д. Описания городских стен, башен, улиц, дворцов, святилищ, храмов и пр. занимают в них весьма существенное место. В отношении храмов, правда, необходимо оговориться, поскольку в тексте поэм их известно всего два, оба при этом находятся в Трое: храм покровителя города Аполлона «на вершине святого Пергама» (Il., I, 39; V, 446; VII, 83) и, как это ни странно, храм противницы троянцев Афины (Il., VI, 297–300).

Ю. В. Андрееву принадлежит великолепное наблюдение относительно употребления Гомером терминов πόλις и ἄστυ, которые имеют одинаковое значение — «город». Автор очень убедительно, на мой взгляд, сумел показать, что слово πόλις поэт употреблял, когда описывал город снаружи, а ἄστυ, — когда видел его изнутри.

Весьма колоритно в «Илиаде» показан лагерь ахейцев под Троей. Он имеет оборонительные стены, ворота, площадь, на которой происходят собрания, алтари богов и т. д. Этот «военный городок» и сообщество воинов, которое в нем обитает, в принципе, вполне можно уподобить полису, и Ю. В. Андреев указывает на это на страницах своей книги. Любопытно, однако, что Гомер никогда не называл лагерь ахейцев ни как πόλις, ни как ἄστυ[13]. Положение, на мой взгляд, в высшей степени любопытное — поэт отказывает в статусе полиса поселению с явными признаками урбанизации, которое представляет собой место сосредоточения своего рода общины граждан, то есть полис в одном из своих фундаментальных значений. Вряд ли следует задаваться вопросом, смогли бы или нет более поздние авторы на-

[12] *Hansen M. H.* The Polis as a Citizen-State. P. 10.

[13] *Raaflaub K. A.* Homer to Solon: the Rise of the Polis. The Written Sources // The Ancient Greek City-State. Acts of the Copenhagen Polis Centre. Vol. I. Copenhagen, 1993. P. 47.

звать такой долговременный лагерь полисом, однако Гомер, как видим, относится к своей терминологии очень строго.

Вообще же представление о том, что полис — это люди, не было чуждо для Гомера. В частности, когда он заметил, что на рать ахейцев обрушилась «целая Троя», то, конечно, имел в виду не городские стены, а вооруженных граждан полиса Трои (Il., XVI, 69—70). Такое понимание, впрочем, стало типичней для авторов более позднего времени. Так, Геродот рассказывает, что перед Саламинской битвой коринфянин Адимант обвинил Фемистокла в том, что тот не имеет родины и полиса, поскольку Афины уже были захвачены персами, а значит, не должен иметь голоса в собрании. Фемистокл доказал, что имеет и полис, и родную землю, так как афиняне располагали самой большой эскадрой, состоявшей из 200 кораблей (VIII, 61). Признавая полемическую заостренность этого суждения Фемистокла, все-таки следует признать, что для него в тот момент афинский полис находился на кораблях, т. е. представлял собой, так сказать, чистый вариант гражданской общины. В «Персах» Эсхила аналогичным образом выразился персидский гонец, который на вопросы Атоссы (матери Ксеркса) о судьбе города афинян заметил: «У них есть люди. Это щит надежный» (349—350). Еще более впечатляюще утверждение афинского стратега Никия: «Ведь полис — это люди, а не стены и не порожние корабли» (Thuc., VII, 77, 7). В этой связи можно привести и не менее авторитетное суждение Аристотеля, писавшего, что «полис есть совокупность граждан» (Pol., III, 1, 2, 1275 a).

Вряд ли в отношении лагеря ахейцев под стенами Трои следует особо акцентировать внимание на том, что в отличие от обычного полиса здесь собрались в основном воины, при этом прибывшие из различных областей Греции. В качестве примера из более поздней истории можно указать, что Ксенофонт, рассказывая о походе Десяти тысяч греческих наемников, поддержавших Кира Младшего во время его неудачной попытки захвата власти в Персии в 401 г. до н. э., отмечает, что, когда те вышли к Черному морю, была сделана попытка основать здесь полис (Anab., VI, 4, 7; 14; VI, 6, 3). Но чем этот полис, будь он основан, в самом начале своего существования отличался бы от лагеря под Троей? Думается, что с формальной стороны — почти ничем, кроме желания воинов остаться тут навсегда и стать гражданами нового полиса.

Ю. В. Андреев на страницах своего исследования прекрасно показал, что все описанные в поэмах полисы отнюдь не однообразны, не стандартны, и по этой причине в их совокупности представляется возможным выделить два типа поселений, вероятно, соответствующих

двум главным стадиям в развитии раннегреческого полиса. Первый — «протополис», или поселение первичной семейно-родовой общины, наиболее типичным образцом которого признается Троя. Второй — «раннеархаический полис», являющийся уже начальной формой города-государства, примером которого может служить город феаков. Эти две стадии различаются оформлением центральной части города. В центре Трои на вершине холма, как известно, находился дворец Приама, а в городе феаков центральное место принадлежало агоре с расположенным на нем святилищем Посейдона и другими общественными постройками. Таким образом, Гомер в известном смысле сумел зафиксировать переход древнегреческого общества со стадии сельских общин на стадию городов-государств. При этом государство здесь не отделилось от общества, а сохранило унаследованную форму соседской самоуправляемой общины земледельцев-землевладельцев, члены которой, в основном, проживали в одном городе.

Как хорошо известно, очень большое значение для понимания становления и ранней истории полиса имеет вопрос о так называемом «синойкизме», когда из нескольких самоуправляемых общин путем сселения создавался один сравнительно крупный центр. Классический пример такой акции — синойкизм Аттики, проведенный легендарным Тесеем (Thuc., II, 15, 2). Кроме того, известно, что из пяти деревень были созданы Мегары (Plut. Mor., 295 b—c), а в конце Пелопоннесской войны из трех автономных общин оформился Родос (см.: Thuc., VIII, 44, 2; Strabo, XIV, 2, 11). После поражения, нанесенного Спарте фиванцами, подобным образом был организован Мегалополь (Paus., VIII, 27, 1—2). Логично ожидать, что в гомеровское время мелкие общины также сливались воедино, и царьки-басилеи каждой из них стали составлять элиту новых образований. В этом, как предположил Ю. В. Андреев, и следует искать объяснение удивительному факту наличия в полисе многих «царей».

Гомеровские полисы, какими они предстают со страниц поэм, конечно, нельзя считать демократическими (даже в смысле варварской «военной демократии»), как это почти единодушно признавалось в советское время. Народ (демос) здесь бессилен перед властью сильной личности. Не удивительно поэтому, что Гомер даже не знает такого слова — «демократия», хотя тяготение толпы к демократической форме власти поэт, может быть, замечает, определив ее как «многовластие» (Il., II, 204). В обществе, которое обрисовано в поэмах, господствуют «цари, питомцы Зевса» (Il., II, 98), а единственный рядовой воин, осмелившийся поднять свой голос против их эгоизма и несправедливости, — Терсит (Il., II, 213—270). Гомер, выражая систему ценностей аристократии, именует его не иначе, как

«наглый», «дерзкий», «мерзейший из граждан». Любопытно, что само имя героя происходит от слова θάρσος, которое в эпическом сознании ассоциируется с неким деянием, которое, если оно происходит при поддержке божества, следует понимать как «отвагу», а при отсутствии таковой как «наглость»[14]. Неудача и осмеяние Терсита в таком контексте абсолютно закономерны, протест человека из низов общества для автора поэмы, очевидно, просто не мог иметь иного результата. Разумеется, из Терсита нельзя создавать фигуру героического защитника свободы слова и демократии, но и сводить весь этот эпизод лишь к иллюстрации того, что происходит, когда неавторитетная личность выражает спорное мнение, вряд ли допустимо[15]. Анализ данного эпизода в книге Ю. В. Андреева, на мой взгляд, историчней и глубже.

Если гомеровские полисы не были демократическими, то, по мнению Ю. В. Андреева, их нельзя считать и монархическими. Несмотря на наличие царей они имели, так сказать, республиканскую форму правления, в них собирались народные собрания, проводились выборы, хотя реально всей жизнью управляла небольшая группа родовой аристократии. Идеальный образ такого управления рисуется в случае полиса феаков, где властвовал Алкиной, а вместе с ним еще 12 царей (Od., VIII, 390–391). Но этот идеальный полис существовал лишь в сознании поэта, в реальной же жизни, как можно полагать, полисы часто страдали от споров знатных родов, соперничества и борьбы за власть их лидеров. Именно об этом, скорее всего, может свидетельствовать история женихов Пенелопы, которые, вне всякого сомнения, являлись выходцами из аристократических семей Итаки, и расправы над ними вернувшегося домой Одиссея.

Как видим, Гомер рисует весьма непростую и неоднозначную картину развития древнегреческого общества. Осознавая эту неоднозначность, все-таки представляется возможным признать, что гомеровский эпос отражает форму более развитого полиса, нежели это обычно считается, поскольку все существенные элементы полиса в нем, безусловно, имеются. Гомер, вероятнее всего, называл полисом именно то, что было полисом в строгом смысле этого слова: как отмечает Ч. Ллойд, в гомеровском эпосе уже четко виден образ полиса V в. до н. э.[16] Само собой разумеется, что полис Гомера необходимо

---

[14] См.: *Линкольн Б.* Эпизод с Терситом в «Илиаде» (неавторитетное выступление) // ВДИ. 1994. № 2. С. 20, прим. 15.

[15] *Линкольн Б.* Эпизод с Терситом... С. 17.

[16] *Lloyd Ch.* Greek Urbanity and the Polis // Aspects of Graeco-Roman Urbanism. Essays on the Classical City. Oxford, 1983. P. 13.

считать лишь предшественником классического полиса, но много более существенным, чем просто «эмбрион» или что-нибудь подобное[17].

Теперь обратимся к археологическим материалам и попытаемся выяснить, насколько они соответствуют или же, напротив, противоречат приведенному выше заключению.

Данные археологии красноречиво свидетельствуют о том, что после крушения так называемой крито-микенской цивилизации (конец XIII в. до н. э.), этой первой цивилизации на Европейском континенте, Греция переживала глубочайший культурный регресс: исчезла государственность, а вместе с ней дворцы, грандиозные царские усыпальницы, была забыта письменность и т. д. Состояние имеющихся источников таково, что XI—VIII вв. до н. э. в истории древней Греции обычно называют «темными веками». И. Моррис полагает, что несмотря на все это греческое общество сохранило тогда некоторые элементы былой социальной организации и иерархической структуры[18], однако, думается, к генезису полиса это вряд ли имеет прямое отношение. Ю. В. Андреев, как и большинство исследователей, с крито-микенской цивилизацией полис не связывал[19], вполне обоснованно полагая, что данный социально-экономический и демографический феномен представляет собой продукт послемикенского пласта в греческой истории.

«Темные века» делят на основании особенностей росписей керамических сосудов на три этапа: субмикенский (когда в орнаментации еще сохранялись микенские, пусть сильно редуцированные, мотивы), протогеометрический и геометрический (когда зародился и достиг расцвета новый стиль росписей, сводящийся к системе различных геометрических фигур). Как уже говорилось, данные археологической науки относительно большей части «темных веков» чрезвычайно скудны. Следов поселений так называемого субмикенского и протогеометрического периодов (1100—900 гг. до н. э.) на Балканах и на островах Эгейского моря открыто очень и очень немного. Эти следы настолько малочисленны, что, по мнению Ю. В. Андреева, после крушения микенской цивилизации на стыке бронзового и железного веков большая часть населения, скорее всего, жила подвижно, часто передвигаясь с места на место, или же ютилась в небольших деревнях, от которых не осталось почти никаких следов. Совсем не слу-

---

[17] *Raaflaub K. A.* Homer to Solon. P. 59, 76.

[18] *Morris I.* 1) Burial and Ancient Society. P. 143 ff.; 2) The Early Polis as City and State. P. 26, 41 ff.

[19] См.: *Полякова Л. Ф.* От микенских дворцов к полису. С. 126—127; *Raaflaub K. A.* Homer to Solon. P. 43.

чайно А. М. Снодграсс назвал XII — ранний XI вв. до н. э. в истории Греции временем упадка, а последовавший за ним период, охвативший поздний XI — ранний X вв. до н. э., временем изоляции[20].

При всем этом необходимо особо подчеркнуть, что именно в это время в культуре Греции происходят весьма важные перемены, наиболее существенной из которых в плане дальнейшего развития древнегреческого общества было распространение железа. Имеющиеся факты позволяют считать, что до второй половины XII в. до н. э. железо считалось драгоценным металлом[21]. Обработка этого металла начинается здесь с XI в. до н. э., а в X—IX вв. до н. э. железо уже активно использовалось для производства оружия и прочего инвентаря[22].

На фоне весьма скромных материалов, известных о культуре Греции этого времени, в полной мере сенсационным выглядит открытие 1981 г. в Лефканди на о. Эвбея. Археологи обнаружили здесь очень богатый ранний некрополь и, что в особенности важно, самое раннее монументальное здание Греции начала железного века, которое, вероятно, было оставлено обитателями между 1000 и 950 гг. до н. э. Размеры этого апсидального по форме здания действительно впечатляют: длина — 50 м, ширина — около 10 м, сохранность стен в высоту — 1,5 м. В его центральной части в скальной породе была обнаружена шахта глубиной 2,75 м, в которой находились два захоронения. В первом — четыре скелета коней; во втором — останки женщины с богатым набором украшений и прекрасная бронзовая амфора, верхний край и ручки которой орнаментированы резными изображениями. Рядом с амфорой найдены железный меч, наконечник копья и точильный камень. Последние находки позволили исследователям предположить, что основным в комплексе было погребение воина-героя («героя Лефканди», как его иногда стали называть), следы погребального костра которого были зафиксированы поблизости. Является ли этот комплекс настоящим геройоном, где почитался дух великого воителя, или же здесь первоначально существовала жилая постройка, а лишь потом данное место было использовано для совершения захоронений, возможно, даже был насыпан курган[23], покажут

---

[20] *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. 2-nd ed. New York, 2000. P. 360 ff., 368 ff.

[21] *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Age. London, 1972. P. 314.

[22] *Полякова Г. Ф.* От микенских дворцов к полису. С. 118—119; *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Age. P. 316.

[23] *Popham M., Touloupa E., Sackett L. H.* The Hero of Lefkandi // Antiquity. 1982. Vol. 56 (№ 218). P. 169—174; ср.: *De Waele J. A. K. E.* The Layout of the Lefkandi «Heroon» // BSA. № 93. 1998. P. 384.

новые специальные исследования. Ю. В. Андреев по поводу этих интереснейших находок заметил, что, может быть, следует скорректировать сложившуюся в науке картину жизни греческого общества на полпути между Троянской войной и созданием «Илиады». Эта жизнь, возможно, была не такой беспросветной, как это порой пишется, но вряд ли открытия на Эвбее могут служить достаточным основанием для того, «чтобы переписать всю эту картину заново»[24].

Вместе с тем, как писал Ю. В. Андреев, «по мере того, как шла на убыль бурная череда племенных миграций и социальных катастроф», в Греции начинают проявляться ростки нового. А. М. Снодграсс определяет время восстановления жизни в стране в пределах позднего X — раннего VIII в. до н. э.[25] Порой даже говорится о греческом «ренессансе», который обозначился к концу этого хронологического отрезка[26], и действительно, данный этап имеет заметные отличия от предшествующего ему, но контраст с поздним VIII в. до н. э., как отмечает А. М. Снодграсс, еще более разительный[27]. И. Моррис, оценивая всю совокупность происшедших тогда изменений, назвал вторую половину VIII в. до н. э. временем хаотической трансформации[28].

В связи с проблемой генезиса полиса среди ростков нового особое внимание следует уделить археологическим данным, которые позволяют судить о распространении в Греции городского уклада жизни. Появление городского уклада и, разумеется, появление городов, по мысли Ю. В. Андреева, относится к IX—VIII вв. до н. э. Среди археологических памятников, которые могут свидетельствовать об этом, он назвал три: Старую Смирну, Загору и Эмпорио.

Наиболее впечатляющий памятник градостроительства этого времени — Старая Смирна (Малая Азия). Греческая колония в данном месте существовала уже в X в. до н. э., а в IX в. до н. э. поселение было обнесено стеной из сырцовых кирпичей, уложенных на каменном цоколе. Внутреннее пространство в кольце оборонительных стен было застроено небольшими по площади домами (как правило,

---

[24] *Андреев Ю. В.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III — начало I тыс. до н. э.). СПб., 2002. С. 707; ср. характеристику «темных веков», данную в работе: *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Age. P. 355.

[25] *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. P. 402 ff.

[26] См.: *Hägg R.* The Greek Renaissance of the Eighth Century B. C. Stockholm, 1983.

[27] *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. P. 413.

[28] *Morris I.* Archaeology and Archaic Greek History // Archaic Greece: New Approaches and New Evidence. London, 1998. P. 25.

однокомнатными) прямоугольной или овальной в плане формы, стены которых были сложены из кирпича-сырца, а крыши перекрыты соломой или тростником. Эти примитивные постройки беспорядочно лепились друг к другу, образуя некое подобие пчелиных сот[29].

Другой важный памятник такого рода — городище Загора на о. Андрос (IX—VIII вв. до н. э.). Поселение занимало место с надежной естественной укрепленностью: небольшое плато, на котором оно расположено, с трех сторон ограничено крутыми обрывами; с восточной же, более доступной, стороны была возведена оборонительная стена. Наряду с конгломератом жилых, чрезвычайно простых по устройству жилищ археологи открыли здесь фундамент небольшого храма и, вероятно, дворца[30].

Еще одно поселение — Эмпорио на о. Хиос, которое относится к более позднему времени, чем два первых памятника, а именно к VIII в. до н. э. Археологическими раскопками в данном месте были открыты остатки приблизительно 50 домов, расположенных по склонам довольно высокого холма. На вершине холма, обнесенной невысокой стеной, выявлены остатки двух общественных зданий, возможно, храма и дворца или двух храмов. Ю. В. Андреев считал, что на акрополе Эмпорио находились священный участок и агора, к тому же акрополь служил убежищем для жителей поселения, расположенного на склоне холма[31].

Итак, как мы видим, ростки урбанизма в древней Греции Ю. В. Андреев связывал всего с тремя археологическими памятниками. Но даже на таком скудном материале он сделал попытку выделить два типа застройки поселений: интравертный и экстравертный. Для первого характерна «ульевидная» застройка со слабо выраженным внутренним членением площади (Старая Смирна, Загора); для второго присуще четкое разделение площади на две части — жилой массив у подножья холма и укрепленный акрополь на его вершине (Эмпорио). Оба типа, по мнению Ю. В. Андреева, зависели от выбора принципа защиты населения от вражеских нападений. Первый из них вслед за немецкими исследователями он определил как «город-деревня» (Stadt-Dorf, Ackerburg и т. п.), отметив, что такой тип существовал на протяжении всей истории Сре-

---

[29] *Cook J. M.* Old Smyrna, 1948—1951 // BSA. № 53—54. 1958—1959. P. 9 ff.

[30] *Erwin M.* News Letter from Greece: Addendum // AJA. 1968. Vol. 72. № 4. P. 381.

[31] *Boardman J.* Excavations in Chios, 1952—1955. Greek Emporio // BSA. Suppl. 6. 1967.

диземноморья, являясь оптимальным вариантом расселения в местных природных условиях[32].

В «Раннегреческом полисе» автор не высказал сомнений насчет того, что несмотря на незначительность имеющихся материалов, они знаменуют собой поворот к распространению в Греции городского уклада жизни. В дальнейшем, однако, взгляды Ю. В. Андреева заметно трансформировались, что было обусловлено прежде всего последующими разработками им теоретических вопросов генезиса городов. Основные идеи, связанные с обозначенной проблемой, хорошо сформулированы Ю. В. Андреевым в статье «Ранние формы урбанизации», вошедшей в настоящее издание. Размышляя над этими вопросами, Ю. В. Андреев пришел к заключению, что в своем развитии древние города проходили несколько стадий развития, при этом ранние из них, строго говоря, нельзя определять как городские, поскольку они предшествуют появлению города в собственном смысле слова. Всего таких ранних стадий он выделил две: квазигород и протогород. На первой из них (квазигород) поселения сближаются с городом лишь по внешним признакам: компактная застройка, наличие оборонительных стен и т. д. Протогород — это уже поселение, которое не просто было внешне схожим с городом, но и выполняло очень важные функции (экономического, социального, политического, военного и идеологического характера) в масштабах целого района. Город же, по заключению исследователя, можно определить «в самом широком значении этого слова, прежде всего как устойчивую форму территориальной консолидации гетерогенного населения, непосредственно не занятого в сфере сельскохозяйственного производства»[33]. Данный важный вывод в теоретическом отношении почти бесспорен, правда, к городам древней Греции его применить чрезвычайно затруднительно, поскольку, как уже говорилось, за городскими стенами здесь проживали самоуправляемые общины земледельцев-землевладельцев, самым непосредственным образом занятые в сельскохозяйственном производстве. Г. А. Кошеленко по этому поводу отметил: «Экономика полиса в принципе базируется на сельском хозяйстве, представляющем основную сферу занятия гражданина»[34]. Для пони-

---

[32] Ср.: *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. Leiden, 1958. P. 21.

[33] *Андреев Ю. В.* Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989. С. 12.

[34] *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. С. 10; ср.: *Блаватский В. Д.* Античный город // Античный город. М., 1963. С. 15; *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. P. 17;

мания феномена полиса необходимо осознать тот парадоксальный факт, что древняя Греция, безусловно, была цивилизацией городской, но города здесь в значительной степени были населены земледельцами[35]. Поэтому-то для полиса часто констатируется отсутствие противоречий между «городом» и «деревней»[36]. Подчеркну, что речь в данном случае идет именно о противоположности, а не о различиях между «городом» и «деревней», которые, разумеется, существовали.

Вполне очевидно, что ни одно из названных выше поселений не подходит под предложенное определение города. Ремесло и торговля в их жизни, судя по всему, играли ничтожную роль, хозяйственная жизнь носила преимущественно аграрный характер, что признавал и сам Ю. В. Андреев. Старую Смирну и Загору благодаря их компактной застройке и наличию укреплений можно определить всего лишь как квазигорода, а с Эмпорио на о. Хиос дело обстоит и того сложней. В принципе, данное поселение не соответствует даже такой дефиниции. Не удивительно поэтому, что А. М. Снодграсс считает Эмпорио всего лишь деревней с укреплением на вершине холма[37]. И все же список древнейших «городов» по-прежнему состоит из трех показательных памятников: среди поселений, которые датируются до 700 г. до н. э., М. Х. Хансен городскими признает уже знакомые нам Старую Смирну и Загору на о. Андрос, а также Мегары Гиблейские, занявшие в перечне место Эмпорио[38].

Мегары Гиблейские — это одна из ранних греческих колоний, основанная на восточном побережье Сицилии, вероятно, в 727 г. до н. э.[39] Раскопки французских археологов под руководством Ж. Вале и Ф. Вийяра, начатые в 1949 г. и продолжавшиеся несколько деся-

---

Starr Ch. G. The Origigins of Greek Civilization. 1100–650. New York, 1961. P. 340–345; *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972. P. 176.

[35] *Bolkestein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. P. 19; *Finley M. I.* The Ancient Economy. Berkeley–Los Angeles, 1973. P. 131; *Morris I.* The Early Polis as City and State. P. 38; *Raaflaub K. A.* City-State, Territory, and Empire... P. 567; *Osborne R.* Classical Landscape with Figures. The Ancient Greek City and its Countryside. London, 1987. P. 13.

[36] *Humphreys S. C.* Town and Country in Ancient Greece // Man, Settlement and Urbanism. London, 1972. P. 765–766.

[37] *Snodgrass A. M.* Archaeology and the Study of the Greek City // City and Country in the Ancient World. London–New York, 1991. P. 8.

[38] *Hansen M. H.* The Polis as a Citizen-State. P. 11.

[39] См.: *Пальцева Л. Я.* Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 107.

тилетий, дали очень важные материалы о планировочной структуре раннего города, относящейся к времени его основания. Открытие регулярного плана в Мегарах Гиблейских, а также подобного рода открытия в других греческих колониях Сицилии и Аппенинского полуострова позволили ученым говорить, что в этих колониях впервые в греческом мире были созданы урбанистические схемы, которые предшествовали так называемой Гипподамовой системе планировки города времени классики[40].

С сожалением приходится признавать, что археологические исследования последних лет практически не расширили круга интересующих нас памятников. А. М. Снодграсс в предисловии ко второму изданию своей знаменитой книги «Темные века в Греции» (2000 г.) заметил, что несмотря на впечатляющие результаты археологического изучения Греции, в результате которых были открыты сотни разнообразных памятников от каменного века до начала Нового времени, памятники раннего железного века среди них очень редки (причем подобная картина характерна также для раннего неолита, среднего бронзового века и ранневизантийского времени)[41]. В общем, до сих пор археология ранней Греции остается археологией могил, а не поселений[42], что сильно затрудняет любые рассуждения о становлении древнегреческого города, рождении полиса и т. п.

Остается лишь предполагать, что постепенный рост полиса имел место в VIII в. до н. э., но масштаб соответствующих изменений был столь невелик, что И. Моррис достаточно обоснованно считает, что в содержательном плане мы не можем рассматривать их как проявления урбанизации[43]. Решающие перемены, вероятнее всего, про-

---

[40] *Пальцева Л. А.* Из истории архаической Греции. С. 134; *Vallet G.* Espace privé et espace public dans une cité coloniale d'Occident (Megara Hyblaea) // Problemes de la terre en Grece ancienne. Paris, 1973. P. 83 ss.; *Vallet G., Villard F., Auberson P.* Megara Hyblaea. I. Le quartier de l'agora archaique. Ecole francaise de Rome. Paris, 1976; *Ward-Perkins J. B.* Cities of Ancient Greece and Italy: Planning in Classical Antiquity. New York, 1974. P. 11, 22–24; *Kolb F.* Die Stadt im Altertum. Munchen, 1984. S. 105 ff.; *Di Vita A.* 1) Urban Planning in Ancient Sicily // The Western Greeks. Classical Civilization in the Western Mediterranean. London–New York, 1996. 266 ff.; 2) Town Planning in the Greek Colonies of Sicily from the Time of their Foundations to the Punic Wars // Greek Colonists and Native Populations. Oxford, 1990. P. 348–349.

[41] *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. P. XXX.

[42] *Morris I.* Burial and Ancient Society. P. 8.

[43] *Morris I.* The Early Polis as City and State. P. 26, 39.

изошли в конце столетия. В этом отношении чрезвычайно показательными представляются наблюдения за развитием домостроительства древней Греции. Археологические исследования демонстрируют, что до 750 г. до н. э. здесь были распространены довольно примитивные однокомнатные дома овальной или апсидальной формы. Более совершенные же многокомнатные постройки с двориками стали нормой лишь где-то к 600 г. до н. э.[44]

Что касается термина «полис», то для периода между 1100 и 800 гг. до н. э., если основываться на данных археологии и приведенной выше достаточно убедительной этимологии этого слова, он мог означать лишь «крепость» или «твердыню»[45]. В такой ситуации вряд ли вообще допустимо говорить о «преждевременности» (еще до образования государства) возникновения городов в Греции. Очень может быть, что дело обстояло совершенно противоположным образом и греческий город сформировался в недрах уже существовавшего полиса[46], если, конечно, его понимать как гражданскую общину земледельцев, контролировавшую территорию около своей родовой укрепленной твердыни с расположенным на ней святилищем и, возможно, другими общественными постройками.

Приведенные факты, на мой взгляд, позволяют согласиться с мнением тех ученых, которые пишут об удивительной бреши, существующей между «гомеровским полисом», как основной единицей общества, реконструируемого на основании текста «Илиады» и «Одиссеи», и археологическими реалиями развития древнегреческих городов. Намеренно заостряя проблему, можно указать на то, что, по мнению М. Х. Хансена, полис как город, скорее всего, не принадлежит даже к VIII в. до н. э., а только к VII в. до н. э. (в ранних колониях) или к VI в. до н. э. (в греческой метрополии)[47]. При этом в научной литературе утвердилась парадоксальная, но вполне отвечающая имеющимся археологическим материалам концепция, согласно которой греческие колонии Сицилии и южной части Апенинского полуострова (Великая Греция) стали формироваться в виде городских структур, явно опережая свои метрополии[48]. В. П. Яйленко по этому поводу заметил,

---

[44] *Morris I.* Archaeology and Archaic Greek History. P. 16 ff., 23.

[45] *Hansen M. H.* 1) ΠΟΛΛΑΧΩΣ ΠΟΛΙΣ ΛΕΓΕΤΑΙ. P. 34–36; 2) The Polis as a Citizen-State. P. 9–11; 3) Polis and City-State. P. 10.

[46] *Кошеленко Г. А.* Полис и проблемы развития экономики. С. 220.

[47] *Hansen M. H.* The Polis as a Sitizen-State. P. 11.

[48] *Snodgrass A. M.* 1) Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley–Los Angeles, 1981. P. 157; 2) Interaction by Design: the Greek City-State // Peer Polity Interaction and Socio-Political Change. Cambridge, 1986. P. 49–

что «в становлении метрополий в качестве городских центров существенную роль играли экономические связи с их колониями»[49].

Обозначенную брешь заполнить в настоящее время практически невозможно. Тем не менее М. Х. Хансен предлагает несколько путей выхода из этой весьма неприятной ситуации. Во-первых, следует надеяться, что со временем в Греции будут открыты показательные остатки городов VIII в. до н. э. Во-вторых, можно полагать, что в текстах поэм в отношении городов имело место смешение самых различных представлений: с одной стороны, реминисценций об укрепленных твердынях и дворцах микенских владык, а с другой, — реальных знаний о современных поэту городах Востока. Наконец, в третьих, предлагается гипотеза, которая вряд ли найдет быструю поддержку у научной общественности, — датировать поэмы Гомера VII в. до н. э.[50], может быть, концом VIII—началом VII вв. до н. э.[51]

Заключая свою книгу, Ю. В. Андреев подчеркнул, что «еще на закате "героического века", до начала писаной истории, во многом определился тот своеобразный путь исторического развития, вступив на который, Греция смогла раз и навсегда порвать с застойными формами древневосточной экономики и государственности и спустя несколько столетий достигла небывалых еще высот политического и культурного прогресса». Этот быстрый прогресс, разумеется, в немалой степени определялся тем, что греки сумели создать такой уникальный социально-экономический и политический организм как полис. Безусловно, это так! Что же касается особенностей формирования полиса в глубинах «темных веков» истории Греции, то приходится констатировать, что дискуссии по этой проблеме на страницах научных изданий не утихают, да и вряд ли когда-нибудь утихнут...

В этом отношении для вдумчивого читателя исследование Ю. В. Андреева может стать и умным учителем, и прекрасным собеседником, и надежным ориентиром в море споров и разноголосицы.

Доктор исторических наук Ю. А. Виноградов
Санкт-Петербург, март 2003 г.

51; *Kolb F.* Die Stadt im Altertum. S. 111; *Hansen M. H.* The Polis as a Citizen-State. P. 11; *Di Vita A.* 1) Urban Planning in Ancient Sicily. P. 264; 2) Town Planning in the Greek Colonies of Sicily... P. 346.

[49] *Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. С. 80.

[50] *Hansen M. H.* The Polis as a Citizen-State. P. 11.

[51] *Raaflaub K. A.* Homer to Solon. P. 42.

РАННЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС
(гомеровский период)

От автора

Среди множества вопросов, стоящих перед историками античного мира, особое, можно сказать, ключевое положение занимает вопрос о полисе, его происхождении, характере и исторической роли. От его решения во многом зависит правильное понимание целого ряда важных моментов в истории античной (греко-римской) цивилизации. Само слово «полис» имело в греческом языке, из которого оно перешло в языки современных европейских народов, три различных значения: 1) город, 2) государство, 3) гражданская община. В сознании греков все эти три понятия, как правило, сливались в единое понятие города-государства.

Возникнув на заре греческой истории, полис сразу же стал мощным фактором дальнейшего экономического и культурного прогресса рабовладельческого общества. Объединившись в полисные общины, греки сумели далеко опередить в своем развитии соседние «варварские» народы. Полисный строй блестяще оправдал себя в тяжелую годину греко-персидских войн, наглядно продемонстрировав свое превосходство над громоздкой и неуклюжей машиной восточной деспотии. Только в условиях полисной демократии стал возможен тот расцвет культуры и искусства, который составляет отличительную черту так называемого «классического» периода греческой истории (V—IV вв. до н. э.). Являясь оптимальной формой политической организации класса рабовладельцев, полис обладал большим запасом жизнестойкости и, постепенно видоизменяясь, продолжал оставаться неотъемлемым элементом античной цивилизации на всех этапах ее исторического развития.

Среди советских историков интерес к проблеме полиса особенно оживился в последние годы. Можно назвать целый ряд интересных и содержательных работ на эту тему, опубликованных в недавнее время. Среди них статьи и книги С. Л. Утченко, К. М. Колобовой, Е. М. Штаерман, Л. М. Глускиной, Э. Д. Фролова и других авторов. В их исследованиях убедительно раскрыта специфика полиса как особой формы античного государства, дан всесторонний марк-

систско-ленинский анализ основных факторов, обусловивших кризис полисного строя в Греции и Риме и его последующий упадок и вырождение.

Необходимо, однако, отметить, что разработка круга вопросов, связанных с полисом, идет пока очень неравномерно. Сконцентрировав все свое внимание на поздних, хорошо освещенных в источниках этапах развития города-государства, советские исследователи сравнительно редко обращаются в своих работах к гораздо менее ясному для нас периоду его становления. Между тем в чисто теоретическом плане для правильного понимания природы полиса проблема генезиса имеет не меньшую значимость, чем вопросы кризиса и упадка.

Предлагая вниманию читателя книгу, посвященную остродискуссионному вопросу о происхождении раннегреческого полиса, автор надеется, что ему удастся в какой-то мере восполнить весьма ощутимый в настоящее время недостаток в специальных исследованиях по этой важной теме. Настоящая монография не претендует на всестороннее и исчерпывающее раскрытие всего комплекса проблем, связанных с эпохой становления полиса. Хронологические рамки нашего очерка ограничиваются XII—VIII вв. до н. э. Этот период почти не освещен в позднейшей исторической традиции. Поэтому в своей работе мы опирались, главным образом, на археологический материал и свидетельства гомеровских поэм.

Вступление

ГОМЕР И ИСТОРИЯ

Для каждого исследователя, изучающего раннегреческое общество и его институты, источником первостепенной важности являются две поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Источник этот в высшей степени сложен, специфичен и требует поэтому сугубой осторожности в обращении. Перевод поэзии на язык конкретной политики или экономики всегда таит в себе немало трудностей для историка. Историческая интерпретация гомеровских поэм помимо обычных затруднений, возникающих в таких случаях и вытекающих из условности и обобщенности поэтического языка, из избирательности поэтического видения мира, отсутствия строгой логической последовательности в поэтическом повествовании и других чисто художественных особенностей произведения такого плана, встречает на своем пути и еще одно трудно преодолимое препятствие. Дело в том, что ученые до сих пор еще не могут сказать со всей определенностью, на какую историческую реальность ориентировался Гомер, изображая Троянскую войну и другие связанные с ней события, и что следует понимать под так называемым «гомеровским периодом»[1]. Сам этот вопрос возник в конце XIX века в непосредственной связи с великими археологическими открытиями Г. Шлимана.

Побуждаемый искренней любовью к Гомеру и азартом прирожденного кладоискателя, Шлиман сумел реабилитировать «Илиаду» и «Одиссею» в глазах европейской науки, показав, что наряду с элементами вымысла, мифа в них есть и элемент саги, т. е. подлинной исторической традиции. Раскопки Шлимана наглядно продемонстрировали историческую подлинность важнейших политических центров, фигурирующих в эпосе: Трои, Микен,

[1] Подробный обзор дискуссии и основную литературу см.: *Lesky A.* Homeros // RE. Suppl. XI. 1968. Sp. 740 f.

Тиринфа, Орхомена, после чего появилась возможность говорить и о реальности запечатленных в поэмах событий из истории «Героического века» и прежде всего о реальности самой Троянской войны[2]. В ряде случаев обнаруживалось удивительное сходство между отдельными эпическими реалиями и предметами, найденными во время раскопок. Так, знаменитый в рост человека щит Аякса оказался изображенным на клинке бронзового кинжала из IV шахтовой могилы в Микенах, украшенном сценой охоты на львов. Остатки шлема из клыков вепря, обнаруженные в той же могиле, живо напомнили описание такого же шлема в X песни «Илиады», а найденный здесь же золотой кубок с двумя ручками, украшенными фигурками голубей, невольно ассоциировался с воспетым поэтом «двоедонным» кубком Нестора[3].

Аналогии такого рода, а их число при желании можно было и увеличить, заключали в себе немалый соблазн для историка, предлагая, казалось бы, простой и ясный ответ на вопрос об историческом «подтексте» гомеровской эпопеи. Держась за ниточку археологических ассоциаций, нетрудно было прийти к выводу, что открытая Шлиманом микенская или, как позднее ее стали называть, крито-микенская культура — это и есть гомеровская культура в собственном значении слова, а сам Гомер, если и не был современником Троянской войны, то жил, во всяком случае, спустя короткое время после нее и как придворный бард воспевал для ахейских или ахейско-ионийских владык славные подвиги их отцов и дедов, идя, как принято говорить, «по горячим следам» недавних событий. В нарочито парадоксальной форме эта мысль была сформулирована А. Эвансом в его известном высказывании

---

[2] Об историческом ядре предания см.: *Finley M. I., Caskey J. L., Kirk G. S., Page D. L.* The Trojan war // JHS. Vol. 84. 1964; *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley—Los Angeles, 1959; *Lesky A.* Homeros. Sp. 750 f.

[3] О микенских реалиях в эпосе см.: *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. London, 1933; *Lorimer H. L.* Homer and monuments. London, 1950; *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. London, 1958; *Page D. L.* History and the Homeric Iliad; *Kirk G. S.* The songs of Homer. Cambridge, 1962; *Wace J. B., Stubbings F. H.* A companion to Homer. London, 1962; Archaeologia Homerica. Die Denkmäler und das frühgriechische Epos / Hrsg. von F. Matz und H.-G. Buchholz. Göttingen, 1967 и слл.

о Гомере: «Гомер, собственно говоря, был переводчиком, и иллюстрированное издание его оригинала недавно вышло в свет на Крите и в Микенах; коротко говоря, он обрабатывал более древний минойский эпос»[4].

Романтическая погоня за микенскими реминисценциями в эпосе, которой со страстью отдавались многие, в особенности английские, исследователи Гомера, в конце концов должна была уступить место трезвому и всестороннему анализу текста поэм во всеоружии современной историко-филологической критики. Систематическое изучение материальной культуры и быта гомеровских героев сквозь призму археологии, начатое в конце XIX века основополагающими трудами немецких ученых Гельбига и Рейхеля, было продолжено в XX столетии М. Нильссоном, Шадевальдтом, Лоример, Уэбстером и др.[5], и в настоящее время уже принесло свои ощутимые плоды. Благодаря проделанной этими исследователями скрупулезной работе стала ясна историческая сложность, многосоставность той культурной среды, в которой развивается действие обеих гомеровских поэм. Наряду со сравнительно немногочисленными предметами, бесспорно, микенского происхождения, вроде щита Аякса или шлема Мериона, эта среда включает в себя и много других элементов, не находящих никаких аналогий среди микенского археологического материала и, следовательно, принадлежащих более позднему времени. Сюда можно отнести упоминания об оружии и орудиях, изготовленных из железа, метательные копья, по-видимому, еще неизвестные в микенское время, упоминания о храме и о статуе божества, исполненной в натуральную величину. Несомненно позднего происхождения безраздельно преобладающий в эпосе обычай кремации умерших, а также те пассажи Одиссеи, в которых фигурируют финикийцы (они едва ли могли появиться в водах Эгейского моря ранее IX в.

---

[4] *Колобова К. М.* Рец. на кн.: *Evans J.* Time and chance // ВДИ. 1947. № 4. С. 110.

[5] Кроме литературы, указанной выше, в прим. 3, см.: *Helbig W.* Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Leipzig, 1887; *Reichel W.* Homerische Waffen. Wien, 1901; *Lang A.* Homer and his age. New York, 1906; *Schadewaldt W.* Von Homers Welt und Werk. Stuttgart, 1951; *Myres J. L., Gray D.* Homer and his critics. London, 1958; *Bowra C. M.* 1) Homer and his forerunners. Edinburgh, 1955; 2) Homer. London, 1972.

до н. э.)[6]. С другой стороны, такие важные элементы микенской цивилизации, без которых мы теперь не можем себе ее представить, как обнесенные мощными циклопическими стенами цитадели ахейских династов, их монументальные усыпальницы с купольным сводом, фресковая живопись, водопровод и канализация во дворцах, мощеные дороги с мостами, наконец, линейное слоговое письмо остаются вообще вне поля зрения эпического поэта, как если бы он ничего не знал о их существовании. «Гомер и археология быстро расходятся, — замечает современный англо-американский исследователь Финли. — В целом ему было известно, где процветала микенская цивилизация, а его герои жили в больших дворцах эпохи бронзы; неведомых во времена самого Гомера. И это фактически все, что он знал о микенской эпохе...»[7]

В полной мере это расхождение между свидетельствами эпоса и показаниями микенской археологии было осознано лишь после того, как были прочитаны первые таблички пилосского и кносского архивов. Вырисовывающиеся в этих документах контуры бюрократического государства с его централизованной экономикой, иерархией сословий, широко разветвленным фискальным аппаратом резко контрастируют с почти первобытной простотой жизни и нравов гомеровских героев. Элементарные житейские ситуации, в которые поэт ставит своих персонажей: публичная ссора двух царей; препирательство царя с простолюдином на народном собрании; пиры, участники которых сами готовят свою трапезу, а затем вкушают ее за одним столом с рабами и нищими; царь, лично надзирающий за работой на своем наделе или даже сам работающий на нем, — все это, конечно, не имеет ничего общего с тем приподнятым над обыденностью, насквозь ритуализированным бытом микенской дворцовой элиты, который угадывается за скупыми текстами табличек. Зато сцены такого рода были бы вполне уместны в патриархальной среде той примитивной семейно-родовой общины, которая, судя по всему, оставалась господствующей

---

[6] *Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 179 f.; *Bowra C. M.* Homer. P. 47 f.; *Lesky A.* Homeros. Sp. 740 f.

[7] *Finley M. I.* The world of Odysseus. London, 1962. P. 52; *Carpenter R.* Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley—Los Angeles, 1956. P. 26 f.

формой социальной и политической организации на протяжении всего так называемого «темного века» греческой истории (XI—IX вв. до н. э.). Очевидно, микенская цивилизация как целое была чужда и непонятна эпическому поэту, как давно забытое прошлое. Чисто автоматически воспроизводя в своем повествовании отдельные и, можно сказать с уверенностью, случайные приметы этой эпохи, он обнаруживает явную неспособность постичь ее специфику, ее историческое своеобразие[8].

В свете всех этих фактов концепция «микенского Гомера», время от времени всплывающая на страницах как зарубежной, так и отечественной литературы, должна быть отнесена к разряду научных курьезов со всеми вытекающими отсюда последствиями[9]. Абсолютное большинство специалистов по «гомеровскому вопросу» склоняется в настоящее время к тому мнению, что известные нам «Илиада» и «Одиссея» не могли сложиться ранее VIII в. до н. э. или, говоря археологическим языком, до начала периода зрелого геометрического стиля (эпоха дипилонских ваз), что не исключает, впрочем, и отдельных вкраплений, относящихся к еще более позднему ориентализирующему периоду[10]. Признавая все это за очевидную истину, мы не можем, однако, игнорировать и наличие в тексте поэм ряда ранних элементов, восходящих частью к «темному веку», частью к еще более ранней микенской эпохе, и должны так или иначе объяснить их происхождение. В своем понимании природы гомеровского эпоса и характера его генезиса почти все современные филологи независимо от их «партийной» принадлежности как представители лагеря «разделителей», так и

---

[8] Как справедливо замечает Финли (*Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 166), возражая против попыток отождествления микенского и гомеровского обществ, «различие между ними заключалось в самой их структуре, а не только в масштабе и размерах»; см. также: *Папавоглу Ф.* К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 30.

[9] *Stella L. A.* Il Poema d'Ulisse. Firenze, 1955; *Kahl-Fürtmann G.* Wann lebte Homer? Eine verschollene Menscheit tritt ans Licht. Meisenheim am Glan, 1967.

[10] Обстоятельный разбор вопросов, связанных с датировкой поэм, сделан в уже упоминавшейся работе Кёрка (*Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 282 f.).

последовательные «унитарии» исходят из одной общей посылки, которую можно определить как «концепцию устного-поэтического творчества» (oral poetry)[11]. Согласно этой концепции Гомер[12] является замыкающим звеном в длинной цепи поэтов-сказителей (аэдов), с незапамятных времен воспевавших подвиги героев Троянской войны, не прибегая к письменному тексту. Есть основания считать, что устная поэтическая традиция, образующая фундамент гомеровских поэм, ту питательную среду, в которой они обе возникли и сформировались, уходит своими корнями в глубь веков, достигая того времени, когда, согласно подсчетам археологов, должна была погибнуть реальная Троя (примерно, середина XIII в.), а возможно, и еще более отдаленного прошлого[13]. Подобно мощному насосу, героическая поэзия в своем развитии извлекала из глубин греческой истории и выносила на поверхность отложившиеся в тексте поэм и образующие его древнейшие исторические пласты формулы, образы, мотивы.

Определенный процент в этом «осадке» должны, по-видимому, составлять формулы и мотивы микенского происхождения[14]. Однако несмотря на то, что теоретически вероятность сохранения в эпосе исторической информации, восходящей к микенской эпохе, несомненно, существует, на практике всегда бывает достаточно трудно выявить ее в тексте поэм и отделить от материала, при-

---

[11] Одно из лучших изложений этой концепции см.: *Bowra C. M.* Homer and his forerunners. P. 10 f.

[12] Говоря о Гомере как о едином авторе обеих поэм, мы лишь следуем общепринятой условности, имея в виду, что вопрос о том, была ли каждая из поэм создана одним и тем же поэтом или двумя разными, пока еще далек от своего окончательного решения (*Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 288 f.).

[13] *Bowra C. M.* Homer and his forerunners. P. 46 f.; *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 91 f.; *Page. D. L.* History and the Homeric Iliad. P. 259 f.; *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада. М.—Л., 1935. С. LV сл.

[14] Чрезвычайно высоко оценивают роль микенского наследия в эпосе: *Severyns A.* Homère. T. I. Le cadre historique. Bruxelles, 1945; *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer; *Page D. L.* History and the Homeric Iliad, и др. авторы. — Против этой тенденции выступают: *Carpenter R.* Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. P. 23 f.; *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 30 f.; *Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 106 f.

внесенного в другое, более позднее, время. Ясно выраженные микенские реминисценции, вроде уже упоминавшегося шлема из клыков вепря, встречаются у Гомера крайне редко как своеобразные поэтические окаменелости, чудом уцелевшие в чуждой им культурной среде. Как правило, эксперименты по расчленению гомеровского текста на разновременные культурно-исторические слои наталкиваются на упорное сопротивление самого языка поэм, в котором старые (ахейско-эолийские) и новые (ионийские) формы слов тесно связаны между собой, образуя, по определению английского филолога Кёрка, своего рода лингвистическую амальгаму[15]. Но амальгама лингвистическая предполагает как свое естественное дополнение сплав разновременных культурных слоев — cultural amalgam, по выражению того же Кёрка[16]. Действительно, внимательный анализ показывает, что элементы материальной и духовной культуры, религиозные верования и политические воззрения, принадлежащие к различным историческим эпохам, постоянно переплетаются в эпосе, порождая сложные, а подчас причудливые и парадоксальные комбинации. При этом более ранние напластования трансформируются под воздействием более поздних, до известной степени уподобляясь им.

Эпическая картина мира заключает в себе немало анахронизмов. Иногда один и тот же предмет соединяет в себе, казалось бы, несоединимые черты и признаки, заимствованные у совершенно различных и в разное время существовавших предметов[17]. Так, микенский «башнеподобный» щит (body-shield) в некоторых случаях сливается с более поздним круглым щитом (например, щит Гектора в Il., VI, 117 sq.). Одиночное копье для ближнего боя в одних и тех же сценах варьируется с парой метательных (так, в Il., XXII, 273 sqq.). Явной печатью анахронизма отмечено описание дворца Одиссея во второй гомеровской поэме. С типичной для

---

[15] *Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 192 f.; см. также: *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973. С. 121 слл.

[16] *Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 179 f.; также: *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 158.

[17] Наиболее полную подборку гомеровских анахронизмов можно найти в уже упоминавшейся книге Лоример (*Lorimer H. L.* Homer and monuments). См.: *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 101 f.; *Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 179 f.; *Bowra C. M.* Homer. P. 47 f.

микенских дворцов Пелопоннеса (прежде всего Пилоса и Тиринфа) планировкой в нем мирно уживаются такие, безусловно, поздние детали, как земляной пол и деревянные стены[18]. Догадываясь о расположении комнат в царском жилище, Гомер явно неспособен представить себе его внешний облик. Поэтому он нигде не упоминает о настенной живописи и мозаичных полах, о домашних святилищах и водопроводе. Ему неизвестно, что дворец микенского царя не мог стоять прямо на городской улице, как дом Одиссея, а был отделен от внешнего мира мощным кольцом циклопических стен. Такое соединение точного знания о прошлом с абсолютным невежеством способно поставить в тупик человека, незнакомого с формульной техникой народной эпической поэзии.

Именно формула, т. е. стандартная, неизменно повторяющаяся в сходных условиях группа слов (иногда даже целый кусок текста), является основным структурным элементом эпического повествования и вместе с тем выполняет функцию конденсатора и передатчика исторической информации, поступающей таким образом из «нижних этажей» устной поэтической традиции в самые верхние[19]. При этом, однако, эпическая формула, как это было отмечено в ряде недавно опубликованных специальных работ по вопросам поэтической техники Гомера, вовсе не является чем-то абсолютно застывшим и однозначным. Во многих случаях она обнаруживает удивительную пластичность, легко приспосабливаясь к совершенно чуждому для нее контексту и меняя тем самым свой первоначальный смысл[20]. Конечно, точная подгонка формулы к месту не всегда оказывается возможной. Отсюда многочисленные

---

[18] *Lorimer H. L.* Homer and monuments. P. 406 f.; *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 225.

[19] О роли формул в поэтической технике Гомера см.: *Parry M.* The making of Homeric verse. Oxford, 1971; *Lord A. B.* The singer of tales. Cambridge (Mass.), 1960; *Bowra C. M.* 1) Heroic poetry. London, 1952; 2) Homer. P. 10 f.; *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. С. 139 слл.

[20] *Hainsworth J. B.* The flexibility of the Homeric formula. Oxford, 1968; *Hoekstra A.* Homeric modifications of formulaic prototypes. Studies in the development of Greek epic diction. Amsterdam, 1965; *Bowra C. M.* Homer. P. 43 f.; *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. С. 148.

логические неувязки и противоречия в тексте поэм, в том числе и анахронистического характера. Переходы с одного временного уровня на другой постоянно происходят в эпосе по ходу развития сюжета, и сам поэт, по-видимому, далеко не всегда отчетливо сознает это. Тем не менее, несмотря на свою внутреннюю гетерогенность картина жизни «Героического века» в поэмах оставляет впечатление чего-то цельного, монолитного. Разнородность используемого поэтом фольклорного материала, как правило, ускользает от внимания читателя, что находит свое объяснение прежде всего в искусной компоновке и строгом отборе этого материала, а также и в известной его переработке. Во всем этом проявляется авторское вмешательство самого Гомера в стихийный и, казалось бы, неуправляемый процесс эпического стихосложения, его организующая творческая воля[21].

Отбор традиционного материала в поэмах идет по двум основным направлениям, которые условно можно определить как «архаизирующее» и «модернизирующее». Для того чтобы создать у слушателя или читателя ощущение исторической дистанции, отделяющей его от описываемых событий, Гомер отчасти по собственному усмотрению, отчасти следуя, вероятно, унаследованной от предшественников системе поэтических запретов, упорно избегает всего, что могло нарушить совершенно обязательную в рассказе о героическом прошлом иллюзию отстраненности. Так можно объяснить почти полное исключение из обихода героев поэм железного оружия, рыбной и молочной пищи, верховой езды и т. д. Среди племен и народов, фигурирующих в эпосе, дорийцы и ионийцы упоминаются лишь эпизодически, как новопришельцы, не имеющие прямого отношения к поколению героев. Почти совершенно игнорируются в поэмах такие очевидные (для VIII в.

---

[21] Конечно, роль Гомера как индивидуального творца эпоса не ограничивалась лишь распределением уже готовых формул, либо их подгонкой к месту. Исследования последних лет показывают, что значительную часть текста поэм составляют единичные, нигде более не повторяющиеся фразы, очевидно, принадлежащие самому поэту; см.: *Hainsworth J. B.* Structure and content in epic formulae // CQ. Vol. 58. 1964. P. 155; *Тронский И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. С. 144 сл.

до н. э.) новшества, как Олимпийские игры, рост влияния Дельфийского оракула, изобретение нового алфавитного письма, основание новых колоний на Западе и т. п.[22]

Однако эта нарочитая архаизация уравновешивается и даже перевешивается в гомеровской эпопее тенденцией противоположного характера, выражающейся в бессознательном «осовременивании» прошлого, в постоянном переосмыслении и наполнении новым содержанием традиционных тем и образов древней героической поэзии[23]. Несмотря на встречающиеся в эпосе элементы исторической рефлексии мышление Гомера в целом антиисторично. Прошлое в сознании поэта никогда не бывает резко отделено от настоящего. Вместе они образуют некий временной континуум, в котором весь мир, за исключением самих героев, отличающихся во многом от своих отцов и дедов, пребывает в более или менее статичном состоянии. Иначе говоря, история воспринимается Гомером только как смена человеческих поколений, но не как процесс социального и культурного развития[24]. Собственно исторические факты, находящиеся за рамками повседневного опыта современников поэта и, следовательно, не «вписывающиеся» в созданную им картину неизменного мира, либо просто устраняются из эпического рассказа, либо получают в нем совершенно иное освещение, приближенное к понятиям современной аудитории. Поэтому на карте гомеровского мира мы не находим, например, давно исчезнувшего Хеттского царства, хотя в микенских сагах о Троянской войне оно, вероятно, упоминалось неоднократно[25]. Зато Египет, который продолжал оставаться для греков неотъемлемой частью окружающей их ойкумены, является местом действия нескольких любопытных эпизодов «Одиссеи». Вероятно, по этой же причи-

---

[22] *Lesky A.* Homeros. Sp. 741; *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса. С. XXXVIII сл. Гораздо полнее мир, окружающий поэта, представлен в сравнениях, на которые действующая в эпосе система запретов и умолчаний, очевидно, не распространяется; см.: *Bowra C. M.* Homer. P. 62 f.; *Severyns A.* Homère. T. III. L'artiste. Bruxelles, 1948. P. 131 s.

[23] *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса. С. XXXIX.

[24] Аналогичные наблюдения на материале исландских саг см.: *Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972. С. 35.

[25] *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. P. 66; ср.: *Severyns A.* Homère. T. I. Le cadre historique. P. 70 s.; *Bowra C. M.* Homer. P. 38.

не в эпосе отсутствуют развернутые описания сражений на колесницах (герой обычно только подъезжает на колеснице к месту боя, сражается же, сойдя на землю), хотя в микенской поэзии сцены колесничных схваток были, по-видимому, одним из широко распространенных общих мест[26]. Да и вся эпоха Троянской войны предстает перед нами в «Илиаде» и «Одиссее» не в сложных до вычурности формах реальной микенской цивилизации, о которой поэт, судя по всему, почти ничего не знает, а как спроецированная в «Героический век» модель современного ему ионийского полиса[27]. По существу прошлое для Гомера — это то же настоящее, но улучшенное, облагороженное, приподнятое над житейской прозой современности. Серьезных качественных различий между тем и другим он не замечает или не хочет замечать. В этом отношении историческое мышление Гомера находится примерно на том же уровне развития, на котором стоят, например, создатели таких шедевров средневекового европейского эпоса, как «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», «Беовульф» и т. д. Во всех этих случаях к событиям далекого прошлого «привязывается» обобщенная и идеализированная, но все же достаточно определенная в своих основных очертаниях картина современной поэту исторической действительности[28].

В своей последней посмертно опубликованной книге «Вопросы языкового развития в античном обществе» замечательный советский филолог и лингвист И. М. Тронский писал: «Гомеровской "эпохи" как некоей синхронной реальности, изображаемой в эпосе, не существует; в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития. Это справедливо и по отношению к содержанию поэм, и в плане их языка»[29]. Глубоко

---

[26] Отголоски микенской колесничной тактики встречаются в «Илиаде» лишь в подчеркнуто архаизированном контексте. Так в рассказе Нестора о битве пилосцев с эпейцами (Il., XI, 742 sqq.; ср.: IV, 300 sq.). — *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 103 f.

[27] *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса. С. XXXVIII.

[28] *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. М., 1960. С. 139 слл., 359.

[29] *Тронский И. М.* 1) Вопросы языкового развития в античном обществе. С. 150 сл.; 2) Проблемы гомеровского эпоса. С. XXI. Ср.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 55.

верная в своей основе, эта мысль нуждается, однако, в некоторых коррективах. Вполне естественно было бы ожидать, что стоящий в самом конце «огромной перспективы исторического развития» поэт будет всего яснее и лучше различать в этой перспективе хронологически наиболее близкие к нему явления, лишь смутно догадываясь о более удаленных. Сопоставление материала поэм с данными археологии и микенской письменности вполне подтверждает это предположение. Как было уже замечено, древнейшие микенские элементы в их чистом виде составляют не очень значительную долю в общем культурно-историческом контексте «Илиады» и «Одиссеи». Доминирующее положение в этом контексте занимают, безусловно, сравнительно поздние элементы, либо современные самому поэту, либо относящиеся к тому недавнему прошлому, которым были для него последние столетия «темного века»[30]. Таким образом, хронологическими рамками гомеровского периода, если признать, что за этим понятием все же скрывается некая объективная историческая реальность, а не просто вневременная поэтическая фикция, могут считаться, с одной стороны, конец эпохи миграций (конец XI — начало X в.), с другой — ранняя стадия так называемой «архаической революции» (вторая половина VIII в.), начало которой, по-видимому, еще застал Гомер[31]. С некоторыми из наиболее существенных аспектов социальной и политической жизни Греции на этом отрезке ее истории читатель сможет познакомиться в следующих далее главах настоящей монографии.

---

[30] В соответствии с этим в языке поэм при всей его сложности преобладают все же поздние ионийские формы (*Kirk G. S.* The songs of Homer. P. 192 f.).

[31] Ср.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 55 f.

Глава I

ОТ МИКЕНСКОЙ ЦИТАДЕЛИ К ГОРОДУ-ГОСУДАРСТВУ (археологическая картина периода)

В конце XIII в. до н. э. на богатые и процветающие микенские государства Средней Греции и Пелопоннеса обрушилось страшное бедствие[1]. Их важнейшие жизненные центры: дворцы и цитадели, а также многие мелкие поселения сельского типа подверглись нападению, были сожжены и разрушены. Зона разрушения покрывает широкую полосу, включающую Беотию, Западную Аттику, Истм, Западную Арголиду, Северную Лаконию и Мессению. Многие из разрушенных поселений были навсегда покинуты своими обитателями[2]. В этот печальный список входят Пилос, Нихория, Менелайон, Зигуриес, цитадель Гла в Беотии, Криса и др. Кое-где ахейскому населению удалось удержаться в разрушенных цитаделях (или, может быть, оно вернулось на прежние места спустя некоторое время). Такая ситуация наблюдается, например, в Микенах и Тиринфе — двух крупнейших культурных центрах Арголиды. О масштабах и последствиях катастрофы можно судить по таким цифрам. Общее число мест, где обнаружены следы микенской культуры ПЭ III В периода на территории Арголиды (с Коринфом), составляет 44 наименования. В следующий за катастрофой период — ПЭ III С — их число сокращается более чем вдвое — до 19 наименований. Для Мессении ана-

---

[1] В нижеследующем изложении событий переходного периода мы опираемся главным образом на следующие работы: *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964; *Alin P.* Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962; *Hope Simpson R. A.* Gazeteer and atlas of Mycenaean cities // BICS. Suppl. 16. 1965; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. Praha, 1969.

[2] Некоторые поселения были покинуты без видимых следов предшествующего разрушения, очевидно, в страхе перед надвигающейся опасностью (*Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 221).

логичное соотношение составляет 41 к 8, для Лаконии 30 к 7, для Беотии 28 к 5[3]. Контраст, как видим, разительный! Некоторые области Средней и Южной Греции, как следует из этих данных, лишились большей части своего населения и почти совершенно обезлюдели. С другой стороны, в это же самое время наблюдается приток населения, очевидно, за счет беженцев из опустошенных районов в места, не затронутые катастрофой. Такими «зонами убежища» (refugee areas) становятся, например, восточная Аттика, Элида, Ахайя, острова Ионического моря.

Первое, что приходит в голову, когда пытаешься осмыслить все эти драматические события и спрашиваешь себя о вызвавших их причинах, это, конечно, вторжение. Последнее столетие микенской истории (XIII в. до н. э.) было временем крайне тревожным и неспокойным. Обитатели дворцов и цитаделей жили в атмосфере страха и ожидания какого-то бедствия. Об этом совершенно недвусмысленно говорят такие факты, как реставрация старых и возведение новых укреплений в Микенах, Тиринфе, Афинах и других местах, постройка массивной циклопической стены на Истме, явно рассчитанной на то, чтобы оградить Пелопоннес от нападения с севера, документы пилосского архива, свидетельствующие о военных приготовлениях, наконец, сравнительно недавно опубликованные фрески из того же дворца в Пилосе, изображающие кровавую схватку между ахейскими воинами и какими-то варварами, одетыми в звериные шкуры[4]. Можно предположить, что катастрофа, которой с такой тревогой ожидало население ахейской Греции и к которой оно давно уже начало готовиться, действительно, разразилась в конце XIII в., когда на страну обрушились дикие орды северных пришельцев, опустошая все на своем

---

[3] Цифры заимствованы из таблицы, приведенной в книге Боузека (*Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 51).

[4] Укрепление цитаделей: *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 221; *Broneer O.* A Mycenaean fountain on the Athenian Acropolis // Hesperia. Vol. 8. 4. 1939. P. 425; стена на Истме: *Broneer O.* The cyclopean wall on the Isthmus // Hesperia. Vol. 35. 4. 1966; военные документы пилосского архива: *Ventris M. G. F., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1959. P. 188 f.; пилосские фрески: *Lang M. L.* The palace of Nestor at Pylos in western Messenia. Vol. II. The frescoes. Princeton, 1969. Pl. 124.

пути[5]. Однако если принять это, пока еще гипотетическое, нашествие за подлинный исторический факт, возникает ряд трудностей, главная из которых состоит в том, что варвары, разрушившие микенские твердыни, не оставили нам своих «визитных карточек», т. е. каких-либо предметов или памятников, по которым мы могли бы судить о их культуре. В сущности мы ничего не знаем ни о их происхождении, ни о маршруте, по которому они пришли в Грецию, ни о том, наконец, куда они исчезли, после того как разграбили и опустошили страну. «Нет ни одного наконечника стрелы, — пишет американская исследовательница Э. Вермьюл, — ни одного ножа или детали вооружения среди вещей, найденных в развалинах, которые не были бы предметами сугубо микенского происхождения»[6]. К ней присоединяется Десборо: «Нет ни одного предмета или обычая, которые можно было бы связать с завоевателями в каком-либо из̀ пройденных ими районов»[7]. Очевидно, этот загадочный народ, если он, действительно, был виновником катастрофы, по какой-то причине не захотел остаться в опустошенной им Греции и спустя короткое время ушел в неизвестном направлении, оставив после себя только руины и пожарища[8].

Дальнейший ход событий во многом неясен. Не подлежит сомнению, однако, что непосредственным результатом страшного по-

---

[5] Другие гипотезы: внутриполитические конфликты и смуты: *Mylonas G. E.* Mycenae and the Mycenaean age. Princeton, 1966. P. 226, 229; классовая борьба: *Andronikos M.* The «Dorian invasion» and the archaeological evidence // VII Congr. Intern. Sci. Prehist. Prague, 1971; стихийные бедствия: *Carpenter R.* Discontinuity of Greek civilisation. Cambridge, 1966; ср.: *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 85 f. — Они, как нам кажется, не дают убедительного объяснения причин катастрофы и вызывают многочисленные возражения.

[6] *Vermeule E.* Greece in the Bronze age. Chicago—London, 1964. P. 279.

[7] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 224.

[8] Отсюда следует, что это не могли быть дорийцы, которым долгое время приписывались все эти разрушения. Из других кандидатур (иллирийцы, «народы моря», племена из зоны «полей погребений») пока еще ни одна не получила общего признания в науке — *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 252 f.; *Buck R. J.* The Mycenaean time of troubles // Historia. Bd. 18. 3. 1969. P. 276 f.; *Kimmig W.* Seevölkerbewegungen und Urnenfelderkultur // Studien aus Alteuropa. Bd. I. Köln—Graz, 1964.

трясения, пережитого греческим миром в конце XIII в., был общий упадок микенской культуры на всей его территории. Об этом свидетельствует исчезновение таких важных ее элементов, как монументальная архитектура и тесно связанная с ней монументальная фресковая живопись. По-видимому, единственный из микенских дворцов, не затронутых катастрофой, — дворец в Иолке — (совр. Воло) был разрушен в конце XII в.[9] Примерно этим же временем датируются и последние следы обитания на акрополях Микен, Тиринфа, Афин[10]. Агония крупнейших микенских цитаделей, таким образом, продолжалась еще около ста лет. Ни в это время, ни поздней ни одной новой постройки этого типа мы во всей Греции уже не находим. Одновременно совершенно сходит на нет высокое искусство микенских ювелиров, резчиков по кости и мастеров глиптики. В позднемикенских погребениях их изделия почти совсем не встречаются. Керамическое койне, существовавшее до катастрофы конца XIII в. и охватывавшее практически весь микенский мир, теперь распадается. На смену почти стандартному единообразию орнаментальных форм, отличающих микенскую керамику ПЭ III В периода, приходит множество локальных школ вазовой росписи, что, несомненно, указывает на разрыв экономических и культурных связей между отдельными районами Греции. В это же время почти полностью прекращается приток импортных изделий из стран Востока. Начинается длительная культурная изоляция Эгейского бассейна[11]. Вместе с дворцами исчезают и дворцовые архивы. Выходит из употребления и забывается линейное слоговое письмо. Все эти факты говорят о резком снижении жизненного уровня и культуры ахейского населения, уцелевшего в период катастрофы, о крайнем упадке ремесла и торговли, наконец, о распаде микенских дворцовых государств с их сложным бюрократическим аппаратом[12].

---

[9] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 128.

[10] Ibid. P. 74 f., 79, 113, 230 f.; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 50; *Broneer O.* A Mycenaean fountain on the Athenian Acropolis. P. 427 f.

[11] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 225 f.; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 21 f.

[12] *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. New York, 1961. P. 93 f.; *Папазоглу Ф.* К вопросу о преемственности об-

Окончательное изживание, или, может быть, лучше было бы сказать, перерождение микенской культуры приходится на конец XII—XI вв. до н. э. или, согласно принятой в настоящее время археологической периодизации, на субмикенский период. В это время продолжается и, по-видимому, еще более возрастает отток населения из материковой и островной Греции. Общее число мест, где были сделаны находки керамики и других предметов, позволяющие предполагать наличие поселений, сокращается до минимума. В Арголиде, например, зафиксировано всего семь таких пунктов, в Мессении шесть, в Аттике четыре, в Беотии два и в Лаконии только один[13]. Характерно, что теперь массовая эмиграция начинается также и в тех районах, которые, по всей вероятности, не были затронуты катастрофой конца XIII в. и в течение некоторого времени служили приютом для беженцев из зоны разрушений. Сюда относятся, как мы уже говорили, Восточная Аттика, Ахайя, острова Ионического и южной части Эгейского морей. Многие из расположенных в этих местах поселений были покинуты своими обитателями без всяких видимых к тому причин (никаких следов разрушений в этих районах не находят)[14].

Вместе с тем именно в эту глухую пору в развитии материальной культуры Балканской Греции и островов Эгеиды наметились определенные сдвиги, свидетельствующие, как думают многие, о появлении первых, пока еще очень слабых ростков цивилизации нового (эллинского) типа. Так, заметно меняется характер погребений, а вместе с ним, очевидно, и форма заупокойного культа. На смену микенским камерным гробницам, в которых людей хоронили обычно целыми семьями, приходят теперь так называемые «ящичные» могилы (cist tombs), рассчитанные, как правило, только на одного человека[15]. Ближе к концу СМ периода старый обычай трупоположения во многих местах начинает вытеснять кремация, а вместе с ней появляется и еще один новый способ погребения —

щественного строя в Микенской и Гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 40; *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 193 слл.

[13] *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 51.

[14] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 230 f.

[15] Ibid. P. 37 f., 231 f.; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 97.

в урнах[16]. В это же самое время широко распространяются некоторые новые виды бронзовых изделий, например фибулы в форме лука, появляются первые образцы железного оружия (в основном, мечи и ножи)[17]. В конце этого периода (около 1025 г. до н. э., а по другой датировке — еще раньше, около 1050 г.) субмикенский стиль вазовой росписи — последний слабый отголосок микенских художественных традиций — уступает свое место новому протогеометрическому стилю[18], который в дальнейшем (примерно 150 лет спустя) перерастает в зрелый геометрический стиль, в основных своих проявлениях совершенно чуждый микенскому искусству.

Если не все, то, по крайней мере, некоторые из этих новшеств могут быть связаны с проникновением в Грецию каких-то новых этнических элементов. Вполне возможно, что это были дорийцы и другие родственные им «северо-западные» народности[19]. Очень трудно точно датировать это событие, имевшее столь важные последствия для дальнейшей истории греческого народа. В отличие от предшествующего периода в Греции в это время не наблюдается каких-либо катастроф крупного масштаба. Разрушения, хотя и встречаются, носят, скорей, эпизодический местный характер и могут проистекать из каких-то случайных причин. Так, примерно в середине XII столетия была разрушена так называемая «житница» в Микенах[20]. Это событие, после которого микенский акрополь был, судя по всему, окончательно заброшен, трудно связать с каким-нибудь значительным передвижением племен. Первые «ящичные» могилы, в которых некоторые археологи видят глав-

---

[16] *Styrenius C. G.* Submycenaean studies. Lund, 1967. P. 36 f.

[17] *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 92 f.

[18] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 258 f.; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 105.

[19] Железо и протогеометрическая керамика в настоящее время уже не считаются элементами «дорийской культуры». — *Pleiner K. R.* Iron working in Ancient Greece. Praha, 1969. P. 10; *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 258 f. Более вероятной кажется связь с этой культурой лукообразных фибул, «ящичных могил», некоторых типов грубой лепной керамики. — *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 103.

[20] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 75.

ный симптом присутствия дорийцев, появляются в окрестностях Микен и вообще на территории Арголиды спустя приблизительно пятьдесят лет после гибели «житницы»[21]. Очевидно, расселение новой волны северных племен по Пелопоннесу и Средней Греции носило характер постепенного просачивания в эти районы небольших разрозненных групп пришельцев и шло сравнительно мирным путем[22]. Результатом этого расселения была ассимиляция остатков местного (микенского) населения вторгшимися племенами, хотя в других местах (например, в Аттике) они сами могли быть поглощены более многочисленными автохтонами. В любом случае процесс этот был, несомненно, медленным и постепенным, на что указывает длительное сосуществование привнесенных извне культурных новшеств («ящичные» могилы, новые типы фибул и пр.) с пережитками культурных традиций микенской эпохи (субмикенская керамика).

Таковы основные факты, на которых в настоящее время базируются наши представления о заключительной стадии в истории микенской цивилизации и началах новой античной культуры. Именно в это время, на стыке бронзового и железного веков, по мере того как шла на убыль бурная череда племенных миграций и социальных катастроф, в Греции начал формироваться новый тип общества и государства, позднее вошедший в историю человечества под именем города-государства, или полиса. Для выяснения начальных этапов в процессе становления полиса принципиальное значение имеет вопрос о формах и типах поселения, существовавших на территории Эгеиды на протяжении так называемого «темного периода» греческой истории (с XI по IX вв. до н. э.). К сожалению, приходится признать, что материал, добытый археологами до последнего времени, слишком скуден и не дает возможности раскрыть стоящую перед нами проблему во всей ее полноте. Тем не менее уже имеющиеся данные позволяют сделать ряд интересных наблюдений, которыми нам хотелось бы поделиться с читателем.

---

[21] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. Ср.: *Styrenius C. G.* Submycenaean studies. P. 161 f.

[22] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 231.

В своем капитальном труде «Греческий полис как историко-географическая проблема Средиземноморья» немецкий историк Кирстен решительно утверждает, что полис как особый тип поселения сложился уже в микенскую эпоху. Его древнейшей формой была цитадель — ахейский Herrenburg. Дорийцы при своем вторжении в южную Грецию просто переняли у своих предшественников этот способ поселения и приспособили его к своим нуждам. Они вытеснили ахейскую знать из ее укрепленных гнезд и сами в них обосновались. Вследствие этого «зона распространения полиса в I тыс. до Р. Х. совпадает с зоной микенского типа поселения; там, где была жива микенская традиция, развился полис также в ... политическом смысле слова»[23]. К сожалению, Кирстен не приводит в своей книге ни одного засвидетельствованного археологически случая такой преемственности. В действительности археология говорит как раз об обратном. В течение XII—XI вв. до н. э. практически все как большие, так и малые микенские цитадели были заброшены. Расположенные на их территории дворцы и другие постройки были разрушены и лежали в развалинах. Судя по всему, в них никто уже больше не жил. Несомненно, прав Ленцман, писавший по этому поводу: «В этом плане особенно важен не столько факт разрушения дворцов Микен и Пилоса, сколько захирение сохранившегося Тиринфского дворца, и, возможно, существовавшего дворца микенского времени на афинском акрополе. Следовательно, дело было не в самом акте разрушения, а в коренном несоответствии дворцового уклада новым условиям жизни»[24]. Следы вторичного заселения покинутых микенских цитаделей (отдельные дома и погребения) встречаются лишь эпизодически и, по-видимому, не могут считаться характерным признаком сложившейся в это время ситуации. Не исключено, конечно, что в отдельных случаях, например в Афинах, Фивах, может быть,

---

[23] *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 45; *Schuchhardt C.* Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen // Neue Jahrb. kl. Alt. Bd. 21. 1908. S. 309 f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 153; *Glotz G.* La cité grecque. Paris, 1928. P. 12 s.; ср.: *Tritsch Fr.* Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis // Klio. Bd. 22. 1—2. 1928; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. Paris, 1956. P. 76.

[24] *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 197.

также в Тиринфе, заброшенная цитадель использовалась пришельцами или вернувшимся на свои пепелища местным населением как убежище (refugium) или как священный участок (темен), хотя прямых подтверждений этой догадки археология пока не дает. В то же время она совершенно ясно показывает, что новые поселения, возникшие в послемиграционный период, располагаются, как правило, или у подножия микенского городища (Афины), или даже на значительном от него удалении (Спарта, Аргос)[25].

В огромном большинстве случаев между поселениями микенского времени и сменяющими их поселениями геометрического периода наблюдается значительный хронологический разрыв, составляющий в некоторых случаях до двухсот лет и больше. Первые признаки обитания на месте таких дорийских городов, как Спарта, Аргос, Коринф и др., относятся уже к X в.[26] Вообще же следы поселений, которые можно было бы датировать субмикенским или протогеометрическим периодом (1100—900 гг. до н. э.), на территории Балканской Греции, равно как и большей части островов Эгейского моря, чрезвычайно редки. Лишь кое-где археологам удается обнаружить остатки стен или фундаменты домов. Единичные находки такого рода можно пересчитать буквально по пальцам. На всем Пелопоннесе от этого времени сохранилось лишь несколько домов на акрополе Азины да один «квартал» в Мальти-Дорионе, во всей Аттике один-два дома в Элевсине, во всей Фессалии один длинный дом в Иолке[27]. Правда, в ряде случаев на близость поселения указывают большие скопления керамики или крупный некро-

---

[25] Афины: как показали американские раскопки на агоре, древнейшее поселение в этом месте возникло около 1100 г. до н. э., т. е. как раз тогда, когда прекратило свое существование микенское поселение на Акрополе. — *Thompson H. A.* Buildings on the west side of the Agora // Hesperia. Vol. 6. 1. 1937. P. 1; *Broneer O.* A Mycenaean fountain on the Athenian Acropolis. P. 427 f. Спарта: *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 88; *Alin P.* Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. P. 92. Аргос: *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 80 f.

[26] См. литературу, указанную в прим. 25, а также: *Dunbabin T. J.* The early history of Corinth // JHS. Vol. 68. 1948. P. 59 f.

[27] *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. O. Göttingen, 1969. S. 65, 79.

поль, — например субмикенский и протогеометрический некрополь афинского Керамика[28]. Но чаще всего отсутствуют даже и такие ориентиры. Нам не кажется поэтому слишком смелой догадка, высказанная Старром, который полагает, что после крушения микенской цивилизации население многих областей Греции на какое-то время вернулось к полукочевому образу жизни, чем и объясняется, в его понимании, отсутствие следов постоянных поселений[29].

На этом фоне всеобщего обезлюдения и упадка выделяются как своеобразные культурные оазисы два острова: Крит и Делос. По сравнению с остальной Грецией этого времени оба они производят впечатление очагов довольно интенсивной строительной деятельности. Микенский храмовый город на Делосе, существовавший с XV в. до н. э., пережил смутную пору катастроф и миграций и продолжал существовать также и в протогеометрический период без сколько-нибудь заметного перерыва в его культурном развитии[30]. Город, судя по всему, сохранил свое старое микенское население. На это указывает продолжающееся использование микенских святилищ и домов, а также постройка новых домов на микенском фундаменте. К сожалению, ни размеры, ни планировка этого поселения не поддаются точному определению ввиду недостаточности археологической документации. Лучше изучены поселения переходного периода на Крите. В отличие от материковой Греции здесь в целом ряде случаев наблюдается вторичное заселение старых минойско-микенских центров после небольшого перерыва или вообще без него[31].

Наиболее интересный в этом отношении материал дали раскопки в Фесте. Работавшей здесь итальянской экспедиции под руководством Д. Леви удалось установить, что строительство новых зданий и перестройка старых не прекращались на этом месте на протяжении по крайней мере пяти столетий, начиная с субминой-

---

[28] *Kraiker W., Kübler K.* Kerameikos. Bd. I. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jh. Berlin, 1939.

[29] *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. P. 80.

[30] *Gallet de Santerre H.* Délos primitive et archaïque. Paris, 1958. P. 215 s.

[31] *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950. С. 330; *Renard L.* Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète // L'Antiquité Classique. T. 36. 2. 1967. P. 581; *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 36 f., 96.

ского периода и кончая позднегеометрическим[32]. Открытая часть поселения состояла из нескольких кварталов или блоков прямоугольных домов, примыкающих вплотную друг к другу, а иногда просто имеющих общую стену, вследствие чего не всегда можно с уверенностью отличить целую постройку от ее части. Эта так называемая «конгломератная» или «нанизывающая» застройка составляет отличительную черту как городов минойского Крита, вроде Гурнии или Палекастро, так и многих микенских поселений материковой Греции (Кораку, Зигуриес, Бербати и др.)[33]. Раскопки Феста позволяют, таким образом, говорить о выживании на Крите некоторых важнейших элементов минойско-микенской градостроительной традиции. Это тем более показательно, что в Фесте, судя по всему, произошла смена населения (постройки субминойского и протогеометрического периодов, как правило, игнорируют фундаменты более раннего времени)[34]. Чрезвычайный интерес представляет открытая итальянскими археологами оборонительная стена толщиной в 2,8 м. Это первый известный образец сооружения такого рода в Греции послемикенского времени. Хотя полная протяженность стены пока еще не установлена, по сохранившейся ее части можно предполагать, что она опоясывала не все поселение, а лишь его центр, расположенный на возвышенности, на том месте, где когда-то стоял Фестский дворец[35]. Судя по большим количествам протогеометрической керамики, аналогичные поселения должны были существовать и в других местах равнинной части Крита, например в Кноссе, Маллии, Агиа-Триаде, на акрополе Гортины[36]. Однако во всех этих пунктах пока не удалось обнаружить ничего, кроме единичных построек.

---

[32] *Renard L.* Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète. P. 581 s.; *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 41 f.; *Levi D.* The recent excavations at Phaistos. Lund, 1964.

[33] *Heinrich E.* Inselarchitektur der Mittelmeergebietes und ihre Beziehung zur Antike // AA. 1959. S. 89 f.

[34] *Renard L.* Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète. P. 582 s.

[35] Ibid. P. 584.

[36] *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 33 f.; *Renard L.* Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète. P. 570 s.

С приходом на Крит дорийцев часть коренного населения острова (очевидно, это были в основном минойцы, хотя и с некоторыми ахейскими «примесями») перебралась в глухие труднодоступные места в горах и там еще долгое время продолжала отстаивать свою самобытность. Археологи открыли несколько таких горных убежищ, или «разбойничьих гнезд», как их называет Пендлбери[37], относящихся к субминойскому и протогеометрическому периодам и расположенных преимущественно в восточной части острова. Наиболее известны среди них Карфи, Кавуси, Врокастро. Все эти поселения имеют типично минойскую «нанизывающую» застройку. Кварталы, отделенные друг от друга узкими улицами-тропинками, лепятся по горным склонам, занимая расположенные друг над другом террасы. Как правило, поселение не имеет ясно выраженного геометрического центра, хотя некоторые дома выделяются среди всех прочих своими размерами и конструкцией (например «дом правителя» в Карфи)[38]. В отдельных случаях, например в Карфи, удалось обнаружить остатки примитивных укреплений — какое-то подобие палисада, перегораживающего свободное пространство между двумя скалами[39]. При некотором усилии воображения в Карфи и других подобных поселениях восточного Крита можно увидеть сильно деградировавший «город» минойской эпохи типа Палекастро или Гурнии, с характерной для него «конгломератной» планировкой и «дворцом правителя» в центре[40].

Итак, переходный период (XI—X вв. до н. э.) в целом отмечен весьма существенным разрывом микенской градостроительной традиции. На это указывает почти полное исчезновение сколько-нибудь значительных поселений на территории как материковой, так и островной Греции. Можно предполагать, что основная часть населения страны в это время или постоянно кочевала с места на

---

[37] *Пендлбери Дж.* Археология Крита. С. 318; *Renard L.* Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète. P. 585; *Dreгup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 41 f.

[38] *Pendlebury H. W. and J. D. S., Money-Coutts M.* Excavations in the Plain of Lasithi. III. Karphi // BSA. № 38. 1937—1938. P. 77.

[39] Ibid. P. 92, 96, 135.

[40] Ср.: *Tritsch Fr.* Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis. S. 63 f.

место, или ютилась по незначительным «хуторам» и деревушкам, от которых не осталось никаких следов. Однако разрыв этот не был абсолютным. В отдельных пунктах на территории Эгеиды продолжали существовать разрозненные очаги урбанистической или, скорее, квазиурбанистической культуры бронзового века[41]. К ним можно причислить острова Крит, Делос, возможно, также Аттику, по крайней мере район Афин. Не исключено, что в будущем раскопки вскроют и некоторые другие центры того же рода, пока что ускользающие от внимания археологов. Эти своеобразные «резервации» могли сыграть немаловажную роль в последующем возрождении и распространении на греческой почве «городского» уклада жизни.

Первые шаги в этом направлении были сделаны, судя по ряду признаков, уже в течение геометрического периода, т. е. в IX—VIII вв. до н. э. Относящийся к этому времени археологический материал и прежде всего, конечно, находки керамики позволяют говорить о довольно быстром росте населения как в Европейской, так и в Азиатской Греции. Особенно заметным этот процесс становится начиная с VIII в., что находит свое выражение как во

---

[41] Вопрос о существовании городов в Греции II тыс. до н. э. остается пока открытым. Во всяком случае, мы не знаем ни одного поселения этой эпохи, которое можно было признать настоящим городом, используя принятые для этого в науке критерии. Совершенно очевидно, что городами не были ни минойские дворцы, ни микенские цитадели вместе с окружающими их постройками, ни тем более небольшие общинные поселки типа Мальти-Дориона в Мессении. См. полемику по этому вопросу между Ленцманом и Блаватской (*Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 132 слл.; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. М., 1966. С. 115). Вместе с тем нельзя не заметить, что многие из поселений крито-микенской эпохи как на Крите, так и в материковой Греции (среди них уже названные Палекастро и Гурния, Кораку, Зигуриес, Бербати, Филакопи, Мальти и др.) имеют признаки, сближающие их с широко распространенным в странах Средиземноморья типом «города-деревни» (Stadt-Dorf). Важнейшие из этих признаков — компактная (ульевидная) застройка и наличие определенного административного центра. — *Ennen E.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953. S. 21 f.; ср.: *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B. C. London, 1972. P. 402.

внешней, так и во внутренней колонизации[42], а также в постепенном разрастании уже существующих поселений. Несмотря на то, что общее число уже открытых поселений геометрического периода невелико (оно пока еще не превышает десятка), мы уже сейчас, опираясь на добытый раскопками материал, можем говорить о многообразии форм и типов новой полисной культуры и неравномерности ее развития в различных районах.

Наиболее интересным памятником греческого градостроения геометрического периода, бесспорно, является Смирна, открытая в 1949—1952 гг. англо-турецкой экспедицией, возглавляемой Куком и Акургалом[43]. Само расположение Смирны на полуострове у входа в удобную, защищенную от ветра бухту позволяет считать ее первым образцом нового типа поселения, характерного для колонизационной зоны Малой Азии. Греческая колония возникла здесь еще в X в. до н. э. В следующем IX столетии она была обнесена стеной из кирпича-сырца на каменном цоколе (площадь расположенного в черте стен поселения в это время составляла 3,2 га). Стены Смирны в дальнейшем неоднократно перестраивались: второе оборонительное кольцо было возведено во второй половине VIII в., третье — самое мощное из всех — незадолго до разрушения города лидийцами во второй половине VII в. Открытие городской стены Смирны, восходящей к столь раннему времени, для многих было полнейшей неожиданностью, так как опровергало прочно утвердившееся в науке представление, согласно которому, первые укрепления такого типа появились в Греции лишь в конце VI в., до этого же единственной формой фортификационных сооружений были стены акрополей[44]. Дома Смирны II и III

---

[42] По данным Боузека (*Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 163), только в Аттике и Арголиде общее число поселений возросло по сравнению с протогеометрическим периодом в два-три раза.

[43] *Cook J. M.* Old Smyrna, 1948—1951 // BSA. № 53—54. 1958—1959; *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961. S. 9 f.

[44] *Gerkan A. von.* Griechische Städteanlagen. Berlin—Leipzig, 1924. S. 17 f.; *Tritsch Fr.* Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis. S. 70. Эта теория не изжита по-настоящему и до сего времени. — *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 52; *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—

(т. е. IX—VIII вв. до н. э., согласно периодизации Акургала) представляют собой в высшей степени примитивные постройки из кирпича-сырца с соломенной или тростниковой крышей прямоугольной или овальной формы и очень небольшие по размерам (как правило, однокомнатные)[45]. Судя по сохранившимся фундаментам и остаткам стен, расположение этих домов до кардинальной перестройки города во второй половине VII в. не было подчинено никакому определенному плану и этим близко напоминает беспорядочную застройку Карфи и других критских поселений более раннего времени. Так же как и там, дома Смирны лепятся вплотную друг к другу, образуя подобие пчелиных сот или колонии кораллов. Здесь нет места ни для приусадебного участка, ни даже для порядочного двора. Улицы представляют собой узкие проходы между блоками домов, рассчитанные от силы на одного человека[46]. В целом городская застройка древней Смирны отличается поразительным однообразием и свидетельствует о довольно низком жизненном уровне массы граждан (по удачному выражению Ганфмана, она вполне «демократична»)[47]. Никаких сооружений общественного характера, ничего похожего на царский дворец или пританей среди построек этого времени не обнаружено[48]. Возможно, это объясняется тем, что раскопки не были доведены до конца: вся юго-западная часть поселения осталась необследованной. По этой же причине мы не можем сказать в настоящее время ни-

---

650 B. C. P. 252, 340; *Блаватский В. Д.* Античный город // Античный город. М., 1963. С. 10. О стенах Смирны см.: *Nicholls R. V.* Old Smyrna: The Iron age fortifications // BSA. № 53—54. 1958—1959. P. 35 f.; ср.: *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 192.

[45] *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. S. 9 f.

[46] См. план раскопа, приложенный к статьям Кука и Никкольза, в BSA; ср.: *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 97.

[47] *Hanfmann G. M. A.* Ionia, leader or follower? // HSCPh. Vol. 61. 1953. P. 6. Ср.: *Akurgal E.* 1) Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. S. 11; 2) Early period and Golden age of Ionia // AJA. Vol. 66. 4. 1962. P. 340.

[48] Ср.: *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. S. 13. — Древнейший храм был построен в Смирне лишь в VII в. после землетрясения, разрушившего город. *Cook J. M., Nicholls R. V.* Old Smyrna // BSA. № 53—54. 1958—1959. P. 15, 124.

чего определенного о местонахождении смирнинской агоры. Уже сейчас ясно, однако, что в городе не было акрополя в обычном понимании этого слова. Храмы и другие общественные здания, если они были в Смирне геометрического периода, должны были стоять прямо среди домов горожан.

В какой-то мере пробелы, имеющиеся в наших представлениях об этом типе раннегреческого поселения, позволяет восполнить открытое сравнительно недавно (1960) городище Загора на о. Андрос, относящееся примерно к тому же времени, что и Смирна (IX—VIII вв. до н. э.)[49]. Здесь на небольшом (площадью приблизительно в 6, 2 га) плато, защищенном с трех сторон крутыми обрывами, а с четвертой (восточной) — стеной, было найдено 33 прямоугольных помещения различной величины. В южной части раскопа, где, по предположениям археологов, должен был находиться центр поселения, обнаружен фундамент небольшого храма, стоявшего особняком в некотором отдалении от других построек. Расположенный напротив жилой комплекс, напоминающий в плане букву Н, возможно, был когда-то царским «дворцом». Такого мнения придерживается, например, Дреруп, который проводит довольно убедительные сопоставления отдельных частей этой постройки с основными элементами дворца Одиссея в его описании у Гомера[50]. Особый интерес представляет центральное квадратное в плане помещение этого комплекса. Вдоль его стен были устроены каменные скамьи, на которых, очевидно, восседали царские сотрапезники во время пиршеств, столь обычных в гомеровской поэзии. Если эта догадка в какой-то мере оправданна, то можно считать, что Загора дает нам первый и пока единственный образец постройки дворцового типа за весь гомеровский период[51]. Основная часть поселка, расположенная к северу от дворца, представляет конгломерат жилых домов, построенных без вся-

---

[49] *Καμπίτογλου* А., *Coulton J. J.* Ἀνασκαφαὶ Ζαγορᾶς Ἄνδρου // Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς. 1970. Р. 154; *Ewin M.* New letters from Greece // AJA. Vol. 72. 4. 1968. P. 381; *Dreruр H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 130.

[50] *Dreruр H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 130.

[51] Ср.: *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 222 сл.

кой видимой системы, вплотную друг к другу, вследствие чего практически невозможно определить, где кончается один и начинается другой. В сущности это тот же самый ульевидный тип застройки, что и в Смирне, рассчитанный на размещение возможно большего числа годных для жилья помещений на крайне ограниченной площади. Различие между Загорой и Смирной вытекает лишь из разницы в местоположении этих двух поселений: если первое занимало надежно укрепленную самой природой возвышенность, и для того, чтобы обеспечить его обитателям полную безопасность, потребовалось лишь минимальное вмешательство человеческих рук (постройка стены на восточном краю поселка), то второе, находясь на открытом со всех сторон пологом мысу, нуждалось в более основательной системе оборонительных сооружений, каковой и стала опоясывающая весь город кирпичная стена с башнями и воротами.

Совершенно иной тип поселения, пока что не находящий себе прямых аналогий среди уже известных памятников гомеровской эпохи, представляет открытое в 50-х годах и датируемое временем господства зрелого геометрического стиля (VIII в. до н. э.) городище Эмпорио на Хиосе[52]. Работавшая здесь английская экспедиция под руководством Бордмэна раскрыла фундаменты примерно 50 домов, разбросанных по склонам довольно высокого (230 м над уровнем моря) холма. Вершина холма была обнесена низкой стеной. Здесь были найдены две каменные постройки, своими размерами значительно превосходящие почти все прочие дома городка. В одной из них Бордмэн видит храм Афины, в другой, которую он условно назвал «Megaron Hall», дворец правителя[53]. Эта последняя идентификация представляется нам недостаточно обоснованной. Судя по описанию в статье Бордмэна и приложенным к ней планам, Megaron Hall мог быть чем угодно: пританеем, мужским домом, еще одним храмом. Никаких специальных признаков, которые позволили бы считать ее «царским дворцом», эта постройка, по-видимому, не имела. К тому же среди домов «нижнего города» был обнаружен еще

[52] *Boardman J.* Excavations in Chios, 1952—1955. Greek Emporio // BSA. Suppl. VI. 1967.

[53] Ibid. P. 250.

один мегарон, своими размерами едва ли не превосходящий первый[54]. С наибольшей долей вероятности мегарон на акрополе можно трактовать как святилище[55]. Окруженная стеной площадка, на которой находились оба храма (площадь около 2500 м^2), могла использоваться и как священный участок (темен), и как агора, и, конечно, не в последнюю очередь, как убежище для жителей поселка, занимающего склоны холма. По предположению Бордмэна, еще одна агора, выполнявшая чисто коммерческие функции, должна была находиться у подножия акрополя на берегу неподалеку от бухты, служившей в древности местом причала кораблей[56]. Находки английских археологов в Эмпорио представляют тем большую ценность и интерес, что пока еще это — едва ли не единственный для столь раннего времени образец той, по-видимому, достаточно широко распространенной категории поселений, которую Фукидид (I, 5, 2) определяет в своей «Археологии» как πόλεις ἀτειχίσται καὶ κατὰ κώμας οἰκουμέναι («города неукрепленные и заселенные по деревням»). До открытия городской стены в Смирне было принято считать, что именно этот тип поселения, представляющий собой комбинацию укрепленной цитадели-акрополя с неукрепленным «нижним городом», безраздельно господствовал на протяжении всего древнейшего периода греческой истории (вплоть до начала греко-персидских войн) как в зоне ионийской колонизации, так и в балканской метрополии[57]. Лишь после раскопок Кука и Акургала стало ясно, что эта гипотеза нуждается в существенных поправках. Эмпорио интересно также и тем, что в отличие от синхронных с ним археологических комплексов в Загоре и Смирне, политический и религиозный центр поселения, которым можно считать свободную площадку с двумя храмами на вершине акрополя, здесь четко обособлен от его жилых «кварталов». Правда, данные раскопок не позволяют говорить с полной уверенностью о функциональном назначении этого пространства. Достаточно определенно здесь выражены лишь оборонительная и религиозная функции. О функции политичес-

[54] *Boardman J.* Excavations in Chios, 1952—1955. P. 40 f.

[55] *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 10 f.

[56] *Boardman J.* Excavations in Chios, 1952—1955. P. 253.

[57] См. литературу, указанную в прим. 44.

кой, т. е. о том, что это место служило для народных собраний жителей поселка, можно лишь догадываться, используя более известные исторические аналогии[58].

В связи с этим следует заметить, что среди идентифицированных построек геометрического периода единственным видом общественных зданий являются храмы. Нам известно пока лишь одно, но весьма знаменательное исключение из этого правила. Для того чтобы поближе с ним познакомиться, нам придется опять вернуться на Крит — этот давний очаг и рассадник идей урбанизма в Эгейском бассейне. Здесь, в Дреросе (Восточный Крит) был открыт в 1935—1936 гг. древнейший на территории Греции памятник гражданской архитектуры, свидетельствующий о зарождении полиса как города и как государства в одно и то же время[59]. Речь идет о своеобразном архитектурном комплексе, основную часть которого образует большая терраса (40×25 м^2), занимающая седловину двойного акрополя. В юго-восточном углу террасы было обнаружено семь хорошо сохранившихся широких каменных ступеней, расположенных в виде буквы П и, очевидно, служивших местами для сидения. Несколько выше этой площадки на склоне восточной вершины акрополя был расположен храм, от которого сохранился фундамент и часть стены. Весь комплекс датируется VIII в. до н. э. Первооткрыватели этого памятника Демарнь и Ван Эффентер вполне резонно заключили, что перед ними дреросская агора. И у нас нет никаких оснований для того, чтобы отвергнуть эту догадку. О том, что именно здесь находился политико-административный центр города, свидетельствуют вырезанные на стене храма декреты VII в. до н. э., в одном из которых впервые в греческой эпиграфике появляется слово «полис»[60]. Позднее, хотя не установлено, когда именно, к первоначальному ансамблю, включавшему

---

[58] Ср.: *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951. P. 124 s.

[59] *Effenterre H. van., Demargne P.* Recherches à Dréros // BCH. T. 61. 1937. P. 10 s.; *Renard L.* Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète. P. 580; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 226.

[60] *Effenterre H. van.* Inscriptions archaïques cretoises // BCH. T. 70. 1946. P. 590.

храм и террасу, было добавлено еще несколько сооружений явно общественного характера. Среди них — здание совета и пританей с общинным очагом. Дальнейшее развитие конструктивной идеи, взятой за основу создателями дреросской агоры, можно наблюдать в несколько более позднем по времени (VII в. до н. э.), но вместе с тем гораздо более монументальном сооружении того же типа, сохранившемся в Лато (Восточный Крит, к югу от Дреpоса)[61]. Агора со скамьями-ступенями и двумя массивными башнями по сторонам, открытое святилище в центре площади и возвышающееся над ней здание пританея — все это в совокупности образует внушительный ансамбль, символизирующий силу и незыблемость молодого города-государства. До открытия дреросской агоры Лато заслуженно пользовался славой «первого (по времени) греческого полиса»[62]. Не исключено, что в будущем археологи сумеют обнаружить аналогичные памятники, восходящие к столь же раннему времени, и за пределами Крита, например на побережье Малой Азии, в одной из древних ионийских колоний[63]. Но пока их нет.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении, еще раз подчеркиваем, весьма ограниченный археологический материал позволяет говорить о сосуществовании в Греции геометрического периода двух основных типов поселения. Обозначим их условно для большего удобства в дальнейшем изложении как интравертный и экстравертный. Отличительной чертой первого из них является компактная «ульевидная» застройка территории, с чрезвычайно слабо выраженным внутренним членением всего комплекса, в котором лишь с трудом можно отличить постройки общественного характера, например святилища, от просто жилых домов. Второй тип отличает, напротив, четкое разделение всей площади, занятой поселением, на две основные части: незасе-

---

[61] *McDonald W. A.* The political meeting places of the Greeks. Baltimore, 1943. P. 32 f.; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 227 s.

[62] *Tritsch Fr.* Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis. S. 64. — Трич, а вслед за ним Мартэн и некоторые другие исследователи объясняют столь раннее появление на Крите памятников такого типа влиянием минойской градостроительной традиции.

[63] *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 57.

ленный акрополь, зарезервированный для всякого рода общественных надобностей, и расположенный у его подножия собственно жилой массив, состоящий из свободно, иногда на большом удалении друг от друга, разбросанных домов. В каждом из этих двух случаев форма застройки обусловлена в первую очередь соображениями стратегического характера и зависит от выбора того или иного принципа защиты населения в момент вражеского нападения. Так, крайняя скученность домов в поселениях интравертного типа была вне всякого сомнения продиктована стремлением обеспечить безопасность как самих обитателей поселка, так и их жилищ и всего находящегося в них имущества. Конечно, к этому мотиву можно присоединить и некоторые другие, вытекающие из таких общеизвестных особенностей греческого ландшафта, как ограниченность земельных площадей, пригодных для обработки, что делало нецелесообразным их использование под жилые постройки, крайняя изрезанность рельефа, при которой трудно найти сколько-нибудь ровную площадку для возведения жилья и хозяйственных построек, наконец, сравнительная редкость источников питьевой воды, а в прибрежных районах удобных бухт, пригодных для стоянки судов.

Но на первом месте среди всех этих факторов все же следует поставить потребности обороны. Именно они вынуждали обитателей таких поселений протогеометрического и геометрического периодов, как Карфи или Фест на Крите, Загора на Андросе, тесниться на небольших плато и крутых склонах гор, ставя свои дома вплотную друг к другу, так что внутри городища не оставалось места не только для приусадебного участка, но даже и для простого двора, а улицы имели вид узких тропинок или лестниц, петляющих между глухими стенами домов[64]. В тех случаях, когда поблизости не было возвышенности, пригодной для размещения поселения, или сами поселенцы не хотели слишком удаляться от моря, за которым лежала покинутая ими родина,

[64] Поселения этой группы состоят, по сути дела, из одного акрополя. На широкое распространение этого типа поселения в архаической Греции указывает Мартэн, относящий к категории городов-акрополей также Дрерос, Лато, Феру и др. ранние полисы. — *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 36, 82 s.

строительной площадкой становился небольшой полуостров, который легко можно было оградить от враждебного материка поперечной стеной[65], а если опасность ожидалась и с суши и с моря одновременно, единственным выходом из затруднения была постройка концентрической оборонительной стены, опоясывавшей все поселение. Именно такую ситуацию мы наблюдаем в Смирне и некоторых более поздних поселениях, например, во Врулии на Родосе (VII в. до н. э.)[66]. Здесь так же, как и в горных поселках-акрополях типа Карфи или Загоры, максимальная концентрация жилых домов на небольшом пространстве, стиснутом стеной и морем, остается наиболее рациональной формой застройки.

Прямо противоположным способом решают по сути дела ту же самую задачу создания оптимальной системы защиты на случай вражеского нападения основатели Эмпорио на Хиосе (к сожалению, пока лишь единственный пример поселения экстравертного типа за весь геометрический период). Основная часть поселения его, если можно так выразиться, — «жилые кварталы» — выносятся здесь за пределы укрепленной площадки на вершине холма, благодаря чему каждый домохозяин мог ставить свое жилище, где ему заблагорассудится, не считаясь ни с линией стен, ни с другими стесняющими его свободу факторами, но все же не слишком удалясь от акрополя, где в случае опасности он легко мог укрыться вместе со своим скарбом и скотом, оставив дом на открытом склоне холма на произвол неприятеля. При первом знакомстве такая организация обитаемого пространства производит достаточно странное впечатление. В том же Эмпорио почти 40 процентов всей площади поселения (около 2,5 га) занимает площадка акрополя, на которой, за исключением двух небольших храмов, не было никаких построек и, видимо, никто не жил. Объяснение этого феномена можно искать, с одной стороны, в обычной для религиозной практики греков табуации священного участка — темена, — а акрополь Эмпорио, вероятно, выполнял эту функцию так же, как в более позднее время выполняли ее афинский акрополь и акрополи многих других

---

[65] *Cook J. M.* Greek settlement in the eastern Aegean and Asia Minor // CAH. 2-nd. ed. Vol. II. Ch. 38. Cambridge, 1961. P. 24.

[66] *Dreгup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 51 f.

греческих городов[67]. С другой стороны, весьма возможно, что религиозный запрет служил здесь, как это нередко бывает, лишь «благовидным» прикрытием и оправданием для мотивов вполне «светского», а, точнее говоря, политического свойства. Укрепленный общими силами всего племени акрополь считался коллективным достоянием всех составляющих его общин, независимо от того, где обитала каждая из них — непосредственно у подножия цитадели или на некотором удалении от нее[68]. Захват и монопольное использование акрополя одной из этих общин поставил бы все другие в крайне невыгодное положение. Иначе говоря, табу, ограждавшее цитадель от ее использования под жилую застройку, являлось важнейшей гарантией внутриплеменного единства. Можно, таким образом, предположить, что в каждом отдельном случае выбор типа поселения — интравертный или экстравертный — зависел или от условий местности, или, что еще более вероятно, от размеров социальной группы, обосновавшейся на жительство в данном месте. Такие поселения интравертного типа, как горные деревни Крита вроде Карфи или Кавуси, Загора и даже древнейшая (I—II) Смирна, включающие каждое по нескольку десятков убогих глинобитных домов, в которых едва ли могло разместиться население, превышающее три-четыре сотни человек, конечно, не могли быть ничем иным, кроме обиталища небольшой семейно-родовой общины, т. е. объединения нескольких семей, связанных, а может быть, и не связанных общностью происхождения и группирующихся вокруг главенствующей семьи патриарха-ойкиста, основателя нового полиса[69]. С другой стороны, Эмпорио и другие

---

[67] *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd. I. München, 1967. S. 68 f.

[68] Размеры укрепленной площадки акрополя Эмпорио явно превышают пространство, необходимое для размещения обитателей маленького поселка, разбросанного по его склонам. Скорее всего, это сооружение возникло в результате кооперированных усилий населения нескольких таких поселков. В еще большей степени это предположение относится к таким малоазийским refugia, датируемым примерно тем же временем, что и Эмпорио, как Мелия (вблизи Паниония) и Ясос (Кария). — *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 56 f.

[69] *Cook J. M.* The Greeks in Ionia and the East. New York—Washington, 1965. P. 25.

подобные ему поселения экстравертного типа явно рассчитаны на то, чтобы служить опорной базой для какого-то сообщества более значительного масштаба, скорее всего, племени.

Генетическая связь геометрических поселений интравертного типа с «городскими» культурами бронзового века представляется нам весьма вероятной. Отдаленным прототипом Смирны или Загоры вполне могло послужить, например, среднеэлладское городище Мальти-Дорион в Мессении, продолжавшее существовать вплоть до конца микенской эпохи[70]. Подобно Загоре, Мальти было расположено на плоской вершине холма (высота 280 м над уровнем моря). Все городище окружала стена с пятью воротами толщиной от 1,60 до 3,55 м (длина по периметру 420 м). На внутренней площадке городища было открыто в общей сложности 320 различных помещений. Поселение в плане четко делится на три основные части: 1. Центральная терраса, отделенная довольно тонкой, но тщательно построенной стеной от остальной части городища. Здесь находился так называемый «дворец правителя» — комплекс из пяти помещений общей площадью 130 м^2 с монументальным очагом-алтарем в самой большой из комнат. Вплотную к «дворцу» примыкали помещения нескольких ремесленных мастерских. 2. Дома и склады, тянущиеся в один-два ряда вдоль оборонительной стены вплотную к ее внутренней стороне. Все постройки этой группы — очень скромны, чтобы не сказать убоги и потому чрезвычайно похожи друг на друга. Здесь по всей видимости жила бóльшая часть обитателей поселка. 3. Три большие открытые площадки, которые могли использоваться как загоны для скота, а также для размещения окрестного населения во время войны. Общий характер городища в свое время удачно определил Б. Л. Богаевский, назвав его «наиболее ярким примером родового поселения на этапе домашней общины»[71]. Действительно, сама планировка Мальти, ясно выраженное функциональное назначение отдельных помещений, красноречиво свидетельствует об экономической общности, объединявшей всех жителей поселка в единый родовой коллектив. Так называемый «дворец»,

[70] *Valmin M. N.* The Swedish Messenia expedition. Lund, 1938.

[71] История древнего мира. Т. II. М., 1936. С. 94; ср.: *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. С. 116.

отличающийся от хижин рядовых обитателей Мальти только своими размерами, по всей видимости, представлял собой жилище родового вождя, который как настоящий гомеровский ποιμὴν λαῶν жил в окружении своего народа и своих стад.

Многообразные модификации этого типа поселения встречаются в Греции II тыс. до н. э. почти повсеместно. Практически к этой категории можно отнести почти все малые поселения критомикенской эпохи, включая сюда и укрепленные поселки-акрополи вроде Мальти или Мурiатады в Трифилии, Азины и Дендры-Мидеи в Арголиде, Идалиона на Кипре и открытые, расположенные на равнине или на пологом холме аграрные городки типа Палекастро и Гурнии на Крите, Кораку и Зигуриес в Северном Пелопоннесе[72]. Общей чертой всех этих поселений является их типично интравертная структура, т. е. компактная застройка всей площади, занятой поселением. По ним мы можем судить о том, как выглядел греческий полис, или, точнее, протополис, на заре своей истории. Исторически городок-акрополь типа Мальти, несомненно, предшествует классической микенской цитадели типа Микен или Тиринфа и, более того, может расцениваться как исходная форма, с которой началось ее развитие[73]. Однако если цитадели и тесно связанные с ними дворцы сошли со сцены в смутное время крушения микенского общества, предшествующая им первичная форма родового поселка вполне могла пережить эту тревожную пору вместе с такими фундаментальными элементами микенской цивилизации, как гончарный круг, дом типа мегарона, тигель для выплавки бронзы и т. д.

---

[72] *Vermeule E.* Greece in the Bronze age. P. 182; *Mylonas G. E.* Mycenae and the Mycenaean age. P. 44; *Tritsch Fr.* Die Stadtbildungen des Altertums und die griechische Polis. S. 23 f.; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 35 ff.; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. С. 105 слл.

[73] Хронологически Мальти служит как бы связующим звеном между раннеэлладскими укрепленными центрами типа Лерны в Арголиде или Полиохни на Лемносе и позднейшими микенскими цитаделями. Поселения аналогичного типа могли предшествовать замкнутым дворцовым комплексам в Микенах, Тиринфе, Пилосе и др. местах. — *Vermeule E.* Greece in the Bronze age. P. 31 f., 116; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. С. 63 сл., 123.

Как мы уже видели, столь характерный для поселений минойско-микенского времени конгломератный тип застройки продолжал существовать в некоторых уголках Эгейского мира на протяжении всего переходного периода. Едва ли случайно, что основной зоной его выживания стали районы, судя по всему, наименее пострадавшие от катастрофических вторжений на рубеже XIII—XII вв. до н. э. и, значит, с наиболее сильными и устойчивыми минойско-микенскими традициями, а именно Крит и острова центральной Эгеиды[74]. В дальнейшем к ним присоединяется также район эолийско-ионийской колонизации, т. е. западное побережье Малой Азии, куда микенские градостроительные идеи могли проникнуть вместе с волной переселенцев из разрушенных культурных центров Балканской Греции. Впрочем, наличие определенной культурной преемственности, связывающей поселения интравертного типа, датируемые геометрическим или протогеометрическим периодом, с аналогичными поселениями более раннего времени, не исключает, как нам кажется, и возможности их спонтанного зарождения и развития в новых условиях и на новых местах. Это тем более вероятно, что сам тип «города-деревни» (Stadt-Dorf), как именует его Кирстен, т. е. поселения с компактной ульевидной застройкой, пользовался широкой популярностью в странах Средиземноморского региона на протяжении чуть ли не всей его истории, являясь, по-видимому, оптимальным вариантом планировки в специфических природных условиях этой зоны[75].

Труднее решить вопрос о происхождении второй экстравертной разновидности раннегреческого полиса, основанной на соединении укрепленного акрополя-убежища с неукрепленным «нижним городом» (Hangsiedlung) на его склонах. Несомненно, существует определенное сходство между уже упоминавшимся Эмпорио на Хиосе и некоторыми локальными вариантами микенской цитадели. В этой связи приходит на память одно из уникаль-

---

[74] Кроме Делоса и Андроса образцы конгломератной застройки (отдельные блоки зданий) обнаружены также на Наксосе, Тиносе, Сифносе. — *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. S. 50 f., 96 f.

[75] *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 92 f.; *Ennen E.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. S. 21 f.

ных сооружений микенской эпохи — знаменитая цитадель Гла (Арне) на Копаидском оз. в Беотии[76]. Занятая ею территория (около 20 га) почти в семь раз превосходит общую площадь Микенской цитадели и в десять раз Тиринфской. Дворец и другие помещения, обнаруженные внутри стен цитадели, занимают лишь незначительную часть этой территории, оставляя совершенно свободным большое пространство. В отличие от Микен и Тиринфа, Гла служила, по всей видимости, не только и не столько местом обитания царской семьи, сколько убежищем на случай военной опасности для жителей соседних селений, совместными усилиями которых она, вероятно, была воздвигнута. Те же принципы планировки, хотя и не в столь грандиозных масштабах, повторяются и в некоторых других цитаделях того же района, например, в Евтресисе (Беотия) и в Крисе (Фокида)[77]. По сути дела, вокруг аналогичного племенного убежища (refugium) вырос и геометрический городок в Эмпорио, что позволяет говорить о преемственной связи поселений также и этого типа с микенской эпохой. Но для того чтобы убедиться в справедливости этих предположений, нам недостает целого ряда промежуточных звеньев, ибо, если оставить в стороне спорный вопрос о судьбе заброшенных микенских цитаделей, мы не знаем пока ни одного поселения с экстравертной планировкой, которое можно было бы с уверенностью отнести к субмикенскому или протогеометрическому периоду.

В целом путь становления греческого полиса как особого типа поселения трудно уложить в ту или иную стандартную типовую схему. В зависимости от конкретных историко-географических условий процесс этот мог идти одновременно по нескольким, иногда параллельным, иногда пересекающимся направлениям (выше мы наметили две возможные линии развития, условно закодированные как поселения интравертного и экстравертного типа, но в действительности их могло быть гораздо больше). В любом случае совершенно очевидна беспочвенность теории Кирстена о непосредственном развитии полиса из микенской цитадели. Древнейший полис отнюдь не был местом обитания аристократической элиты, и первичным зерном, из которого он развился и вырос,

---

[76] *Mylonas G.* Mycenae and the Mycenaean age. P. 84.

[77] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 30.

была не цитадель в обычном понимании этого слова, т. е. обнесенный стеной дворцовый комплекс, господствующий над лежащей у его подножия сельской округой, а рядовое земледельческое поселение или в некоторых случаях целое «гнездо» таких поселений, группирующихся вокруг укрепленного самой природой или человеческими руками холма-акрополя. Заметим, что даже там, где структурным ядром нарождающегося полиса, действительно, могла стать старая микенская цитадель, как это, вероятно, было в Афинах, Фивах, а возможно, и в некоторых других местах, она становилась этим ядром уже не в прежней своей функции царской резиденции, а в качестве племенного убежища, обеспечивавшего безопасность всего окрестного населения. Археология свидетельствует, таким образом, не столько о неизменности отношений господства и подчинения в течение переходного периода, разделяющего микенскую и гомеровскую эпохи, что хотелось бы доказать Кирстену, сколько о стабильности элементарных общинных структур на протяжении всего этого времени.

В момент своего появления на исторической сцене греческий полис мало чем отличался от таких разновидностей первобытного поселения, как германский Burg в его древнейшей форме, кельтский oppidum, славяно-русское городище (град). Подобно всем им, он представлял собой в это время частично или полностью укрепленный общинный поселок, родовое селище, обнесенное по периметру валом и частоколом или прижатое к подножию акрополя. В гомеровский период так же, как и за тысячу лет до этого, такие поселки играли роль опорных пунктов в ожесточенной внутри- и межплеменной борьбе за землю, воду, скот и другие виды богатства. С городом в собственном смысле слова первичный полис сближают лишь два признака: наличие внутренних или внешних укреплений и компактная, впрочем, как мы уже видели, не везде и не всегда, застройка территории поселения. Во всем остальном это — качественно совершенно иное явление. Хозяйственная жизнь полиса носила по преимуществу аграрный характер. Ремесло и торговля играли в ней, судя по всему, ничтожную роль. Раскопки не выявили пока ни одной мастерской или ремесленного помещения, которое можно было бы датировать временем более ранним, чем VII в. до н. э. (к этому столетию относится древнейший комплекс гончарных мастерских в коринфском Ке-

рамике)[78]. Ни в одном из поселений гомеровского периода не удалось обнаружить что-либо похожее на рыночную площадь. Впрочем, в жителях таких городков, как Смирна или Эмпорио, близость моря должна была рано пробудить дух наживы и предпринимательства. В политическом отношении ни один из известных нам по раскопкам полисов IX—VIII вв. до н. э., за исключением, может быть, Смирны III и Дрероса, не выходит за рамки весьма еще примитивной семейно-родовой общины. Об этом свидетельствуют и мизерные их размеры, и отсутствие в них сколько-нибудь значительных сооружений общественного характера. Правда, некоторые из этих городков, например Эмпорио, могли входить в состав более широких племенных сообществ, образуя, по выражению Страбона (VIII, p. 337), συστήματα τῶν δήμων[79]. Такого рода объединения первичных полисов возникали обычно там, где над целой местностью господствовала созданная самой природой и обладающая исключительными стратегическими достоинствами цитадель с расположенными на ее вершине общеплеменными святилищами (наиболее известные примеры дают здесь афинский Акрополь, Акрокоринф, фиванская Кадмея). В дальнейшем при благоприятных условиях такое сообщество могло консолидироваться уже в настоящий полис, т. е. в город-государство в обычном значении этого термина[80]. Первые шаги в этом направлении были сделаны, насколько можно судить по данным поздних нарративных источников, уже в конце гомеровского периода, т. е. в VIII в. до н. э. Отдельные очаги новой

---

[78] Corinth. The results of excavations. Vol. 15. P. 1; *Stillwell A. N.* The Potters quarter. Cambridge (Mass.), 1948. P. 11 f.

[79] Вероятно, нечто подобное имел в виду и Фукидид, говоря о древнейших «полисах, лишенных стен и заселенных по комам» (I, 5, 2). Конкретными примерами такого рода союзов или «гнезд» родовых общин могут служить марафонский Тетраполис и другие сходные с ним объединения аттических демов, существовавшие еще до Тесеева синойкизма. — *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha, 1893. S. 81.

[80] Чаще всего эта консолидация имела форму так называемого «синойкизма». — *Kuhn E.* Die Entstehung der Städte der Alten. Leipzig, 1878; *Francotte H.* La polis grecque. Paderborn, 1907; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 156 f.

городской культуры возникают в это время в таких районах греческого мира, как Аттика, Северный Пелопоннес, Эвбея, Крит, некоторые пункты на ионийском побережье Малой Азии и прилегающих к нему островах. Город начинает формироваться как экономический, политический и культурный центр, противостоящий окружающей его сельской местности — хоре. Только теперь квазиурбанизация переходит в подлинную урбанизацию. Археологический материал, свидетельствующий об этих важных переменах, в массе своей находится по ту сторону хронологической грани, отделяющей гомеровский период от следующей за ним архаики (рубеж VIII—VII вв.). Лишь стены Смирны да ступенчатая агора Дрероса возвышаются по сю сторону от этой черты как предвестие начала новой исторической эпохи.

Глава II

ГОМЕРОВСКИЙ ПОЛИС

Уже давно было замечено, что Гомер знает только одну форму человеческого общежития, которую он сам называет «полисом»[1]. Встречающиеся в поэмах термины ἄστυ и πτολίεθρον при ближайшем рассмотрении оказываются просто синонимами πόλις. Среди народов и племен, фигурирующих в эпосе, полис имеет поистине универсальное распространение. Даже дикари вроде киммерийцев и лестригонов живут полисами (Od., X, 105 sqq.; XI, 14). Единственное исключение составляют циклопы, каждый из которых живет сам по себе (Od., IX, 114 sq.), но для поэта это — свидетельство их ужасающей дикости. В полисах живут не только люди, но и боги, например Эол со своими сыновьями (Od., X, 13). Обычный вопрос, с которым в «Одиссее» обращаются к чужеземцу: «Кто ты? Откуда родом? Где находится твой город (πόθι τοι πόλις) и твои родители?» (I, 170; X, 325; XIV, 187 и т. д.). Едва ли случайно также, что в «Илиаде» поэт выбирает для изображения на щите Ахилла два города-полиса, а не две деревни (XVIII, 490 sqq.). Деревня как таковая в поэмах ни разу не упоминается. Отсюда не следует, конечно, что поселения этого типа вообще были неизвестны Гомеру. Умолчание о них в эпосе может быть такой же поэтической условностью, как и сознательное избегание всяких упоминаний о железном оружии или же об употреблении в пищу рыбы. Однако уже и тот факт, что поэт видит в полисе единственно достойную упоминания форму поселения, его, так сказать, идеальный тип, говорит о многом. Очевидно, полис

[1] *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 335; *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 28; *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer // Festschrift B. Snell. München, 1956. S. 153 ff.

был уже не только широко распространен в Греции и поэтому хорошо известен Гомеру, но и являлся политически господствующим типом поселения, подчинившим себе все остальные.

Описания городов, встречающиеся в поэмах, в той или иной степени подчинены определенному стандарту, вследствие чего при чтении «Илиады» и «Одиссеи» в нашем сознании постепенно из множества рассеянных в тексте деталей, отдельных фраз, сравнений и т. д. складывается обобщенный образ идеального полиса. Вот некоторые из его наиболее характерных признаков. Типичный гомеровский полис невелик. На это указывает примечательная деталь: источник, из которого жители полиса (πολῖται) берут воду, находится обычно за городской стеной (Il., XII, 147 sqq.; Od., VI, 292; X, 105 sqq.; XVII, 205 sqq.; ср.: VII, 131). Идеальный полис располагается, как правило, на возвышенности. Об этом свидетельствуют выражения типа Δίου τ' αἰπὺ πτολίεθρον (Il., II, 538); (αἰπεινὴ Γονοέσσα) (Il., II, 573); Ἴλιος αἰπεινή (Il., XVII, 328); πολλάων πολίων ... κάρηνα (Il., II, 117). Дома в городе стоят очень тесно, почти вплотную друг к другу. В известном сравнении боя с пожаром (Il., XVII, 737 sqq.) огонь, вспыхнув в одном месте, стремительно пожирает весь город, очевидно, очень плотно застроенный. Компактное расположение жилых домов диктовалось необходимостью экономии места, в свою очередь вытекающей из того, что весь полис был обнесен кольцом стен. Среди городов, фигурирующих в эпосе, стены имеют Троя, город феаков в «Одиссее», полис, изображенный Гефестом на щите Ахилла (Il., XVIII, 514), Калидон в рассказе Феникса о гневе Мелеагра (Il., IX, 383 sq.), πτολίεθρον τηλέπυλον, в котором обитают лестригоны (Od., X, 82), Фивы Египетские (IX, 383) и Фивы Беотийские (Od., XI, 263 sq.), наконец Тиринф и Гортина (оба города названы в «Каталоге кораблей» — Il., II, 559, 649 — τειχιόεσσα; ср.: εὐτείχεος πόλις о Трое — Il., I, 129; XVI, 57). В сценах на Итаке, в Спарте и в Пилосе стены не упоминаются ни разу, так как здесь этого не требует ни логика сюжета, ни художественная необходимость, хотя в представлении поэта эти три города едва ли существенно отличаются от всех других. Вообще же стены у Гомера являются неотъемлемой принадлежностью всякого полиса. Об этом говорит хотя бы последовательность действий основателя города феаков Навситоя (Od., VI, 4 sqq.):

сначала он возвел вокруг города стены, затем построил дома, соорудил святилища богов и, наконец, разделил землю на наделы. Аналогично изображается основание Фив Зетом и Амфионом (Od., XI, 263): «Они впервые заложили основание семивратных Фив и окружили их стеной (πύργωσαν), так как не могли жить в просторных Фивах, не укрепив их (ἀπύργωτον), хоть и были могучи».

В этой связи интересно обратить внимание на некоторые оттенки в употреблении терминов ἄστυ и πόλις, которые практически, как было уже сказано, являются синонимами и, постоянно чередуясь в тексте, могут обозначать один и тот же город, например Трою (ср.: Il., XXII, 198, 251, 464). Характерно, однако, что ἄστυ чаще всего встречается там, где идет речь о событиях, происходящих внутри города, на его улицах и площадях (так, Il., VI, 287: о торжественном шествии троянских женщин к храму Афины; XVIII, 493: о свадебной процессии; Od., VII, 40: об Одиссее, идущем по улицам города феаков). Ἄστυ — это место, где распространяются слухи о доблести героя (Il., XXII, 432 sq.) и вообще любая весть. Не случайно вестник назван ἀστυβοώτης (Il., XXIV, 701). С другой стороны, πόλις — это тот же самый город, но видимый как бы извне глазами врага или просто постороннего наблюдателя со всеми его укреплениями: стенами, башнями и воротами. Показательно, что такие эпитеты, как εὐτείχεος («с хорошими стенами»), ὑψίπυλος («с высокими воротами»), πύργοις ἀραρυῖα («укрепленный башнями»), употребляются Гомером только в связи с πόλις и никогда в связи с ἄστυ[2].

Оба этих аспекта гомеровского полиса наглядно представлены в известном изображении двух городов на щите Ахилла (Il., XVIII, 490 sqq.). В сущности, это один и тот же город, но воспринимаемый под двумя разными углами зрения: изнутри в сце-

[2] Отсюда не следует, однако, что первый из этих двух терминов означает укрепленную цитадель — царский бург, второй же — лишенный стен «нижний город», являющийся местожительством демоса. Ср.: *Schuchhardt C.* Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen // Neue Jahrb. kl. Alt. Bd. 21. 1908. S. 309 ff.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 318; *Glotz G.* La cité grecque. Paris, 1928. P. 12; *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer. S. 153.

нах мирной жизни (не случайно здесь снова употреблен термин ἄστυ) и извне в сцене осады. Важно подчеркнуть, что как в том, так и в другом случае речь идет именно о городе, а не о цитадели или временном убежище[3]. Люди (λαοί), участвующие в массовых сценах первой части этой картины (сцены свадебного шествия и суда на агоре), — это, несомненно, жители самого полиса, а не собравшиеся по случаю обитатели сельской округи. Их же мы видим затем выступающими из ворот с оружием в руках на защиту города, в то время как женщины, дети и старцы, собравшись на стенах, готовятся отразить натиск врага. Эта картина живо перекликается с целым рядом аналогичных сцен в других частях «Илиады» (см., например: VIII, 519: Гектор призывает троянских юношей и старцев нести караул на башнях вокруг города, в то время как мужчины сражаются в поле). Город, изображенный на щите Ахилла, — это как бы моментальная фотография Трои, величественный образ которой лишь постепенно возникает перед нами при чтении поэмы.

Наиболее характерная определяющая черта во внешнем облике гомеровской Трои — это опоясывающее ее со всех сторон кольцо стен с воротами и башнями. Эта черта прочно зафиксирована в ряде центральных эпизодов «Илиады», принадлежащих, по всей вероятности, к ее первоначальному сюжетному ядру (таких, как сцена «тейхоскопии» в III песни, приступ Патрокла в XVI песни (702 sqq.), преследование Гектора Ахиллом), и во многих второстепенных, а также в эпитете εὐτείχεος (Il., I, 129; II, 113; XVI, 57 и т. д.). Пространство, обнесенное стеной, здесь, как и в других гомеровских полисах, не могло быть очень большим. Гомеровская формула πόλις Πριάμοιο ἄνακτος (Il., II, 373; IV, 18, 290; XII, 11) имеет, конечно, весьма относительное значение. Тем более нельзя принимать всерьез расчеты позднейших критиков текста, по которым выходит, что число троянцев вместе с их союзни-

[3] Такая трактовка гомеровского полиса нередко встречается в литературе: *Guiraud P.* La propriété foncière en Grèce. Paris, 1893. P. 69; *Kuhn E.* Die Entstehung der Städte der Alten. Leipzig, 1878. S. 10 f.; *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. H. Göttingen, 1968. S. 3 f.; ср.: *Thomas Ch. G.* Homer and the polis // La Parola del Passato. Fasc. 106. 1966. P. 6 f.

ками должно было составлять около 50 000 человек[4]. Довольно трудно, опираясь на гомеровский текст, представить себе внутреннюю планировку Трои. Попытки разделить ее на верхний и нижний город, поместив в первом из них дома Приама и его сыновей, а также храмы богов, упоминаемые в «Илиаде», во втором же весь остальной троянский демос, кажутся нам малоубедительными[5]. Четкое противопоставление верхнего города (ἄκρη πόλις) нижнему (ἄστυ) имеет место всего лишь в одном случае. Это известный эпизод в VI песни поэмы (286 sqq.), где изображается шествие «стариц троянских» во главе с Гекубой на акрополь для того, чтобы принести там дары Афине и молить ее о спасении полиса. Однако сам троянский акрополь представлен здесь как священное место, где находятся только жилища богов и нет жилищ человеческих (по контексту ясно, что Гекуба и сопровождающие ее женщины живут где-то внизу, в городе — ἄστυ) — ситуация, как мы знаем, типичная для многих греческих полисов послегомеровской эпохи. По-видимому, эта никем не заселенная цитадель и есть тот «священный Пергам», откуда наблюдает обычно за ходом сражения Аполлон и где находится его храм (IV, 508; V, 460; VII, 21; V, 446).

Впрочем, в той же самой VI песни мы сталкиваемся с прямо противоположной концепцией полиса, начисто исключающей первую. Буквально через несколько строк после эпизода с Гекубой (313 sqq.) Гектор подходит к дому Париса, о котором сказано, что он находился вблизи от жилищ Приама и самого Гектора опять-таки ἐν πόλει ἄκρῃ. Отсюда можно заключить, что Приам и его сыновья живут в каком-то особом царском замке, отделенном от домов рядовых граждан стеной (точка зрения Шуххардта). Но это вовсе не обязательно. Ни о какой стене, перегораживающей город изнутри, поэт нигде не упоминает, а само выражение ἐν πόλει ἄκρῃ, если представить всю Трою как один большой холм, опоясанный у подножия крепостной стеной, может вполне соответствовать нашему «в центре города». В некоторых случаях та же самая

[4] *Seymour Th. D.* Life in the Homeric age. New York—London, 1907. P. 555.

[5] *Schuchhardt C.* Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen. S. 309; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951. P. 25, 36.

формула πόλις ἄκρη совершенно определенно обозначает всю Трою, а не какую-то отдельную ее часть. Так (Il., XXII, 383 sq.), Ахилл говорит, что ему хочется узнать, оставят ли троянцы πόλις ἄκρη, т. е. Трою, после смерти Гектора или же будут продолжать сражаться. Аналогичный смысл имеет выражение: Ἴλιος αἰπεινή (Il., XVII, 328). В «Одиссее» в сходном значении употребляется слово ἀκρόπολις (единственный случай во всей гомеровской поэзии). В песни Демодока о гибели Трои (Od., VIII, 494, 504) троянцы втаскивают деревянного коня в ἀκρόπολις и оставляют на агоре. По справедливому замечанию А. фон Геркана[6], этот термин обозначает в данном случае обнесенный стенами город, хотя и очень небольшой, состоящий в сущности из одного акрополя. Иначе говоря, ἀκρόπολις и собственно πόλις здесь практически совпадают.

Взятый как целое гомеровский образ Трои достаточно сложен. Очевидно, в нем сплавлены воедино характерные черты и признаки многих поселений, существовавших в разных местах и в разное время. Некоторые из этих признаков все же можно считать доминирующими над всеми остальными. Пытаясь представить Трою как нечто конкретное, мы видим перед собой небольшой, но хорошо укрепленный город на возвышенности (поэтому поэт называет его πόλις ἄκρη или Ἴλιος αἰπεινή, вершину которой занимает царский дворец или, по другому варианту, храмы главных богов. За городской стеной в Трое, так же, как и в городе, изображенном на щите Ахилла, живет все свободное население общины, весь троянский демос, и хотя в древнейшей, догомеровской версии эпической традиции этот демос, возможно, включал в себя лишь одну большую семью Приама (см. ниже, с. 108, прим. 42), это не дает нам права считать «священный Илион» просто цитаделью или, более того, временным убежищем (refugium)[7]. В понимании как самого Гомера, так, вероятно, и его более отдаленных предшественников Троя была именно городом, т. е. укрепленным поселением целой общины, во главе с родовым вождем-патриархом.

Говоря о реальных исторических прототипах гомеровского Илиона, мы должны обратиться в первую очередь к поселениям

---

[6] *Gerkan A. von.* Griechische Städteanlagen. Berlin—Leipzig, 1924. S. 11.

[7] Ср.: *Thomas Ch. G.* Homer and the polis. P. 7 f.

эпохи бронзы, в которую, судя по всему, уходит своими корнями поэтическая традиция, предшествующая нашей «Илиаде». Трудно согласиться с чересчур категоричным мнением Р. Керпентера, который пишет по этому поводу: «Гомер, который знал так мало о реальностях микенской культуры, был знаком с классическим полисом, т. е. с городом, в котором все горожане живут вместе, и ничего не знал о доклассическом, феодальном разграничении между вождем и простыми общинниками, отражением которого была сильно укрепленная цитадель, окруженная незащищенным поселением, в Микенах и Тиринфе. Гиссарлык был элладским Herrenburg, или замком вождя, в котором было достаточно места только для одной правящей династии, в то время как в представлении Гомера (и, следовательно, в «Илиаде») Троя была греческим городом, располагающим достаточным пространством для размещения всего его населения в черте стен»[8]. Против этого можно возразить, что Гомер, действительно, ничего не знал о «реальностях микенской культуры», но определенный запас информации об этой уже весьма отдаленной от него эпохе он мог почерпнуть из имевшегося в его распоряжении материала традиционной эпической поэзии. Даже если оставить в стороне слишком смелую догадку Блегена о том, что гомеровский «портрет» Трои был прямо и непосредственно скопирован с Трои VIIa, открытой в недрах холма Гиссарлык[9], все же остается вполне реальная возможность отыскать прообраз города Приама среди микенских центров Пелопоннеса или Средней Греции, откуда берет, по всей вероятности, свое начало эпическая традиция о Троянской войне. Керпентер не видит этой возможности, так как меряет все микенские поселения одной и той же меркой. Между тем многие из них явно не укладываются в «феодальную схему» — «царский бург в сочетании с неукрепленным предместьем — обиталищем простого народа», из которой исходит американский историк. Выше мы уже говорили о укрепленных родовых поселках II тыс. до н. э., типичным

---

[8] *Carpenter R.* Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley—Los Angeles, 1956. P. 52.

[9] *Blegen C. W.* Troy and the Trojans. New York—Washington, 1964. P. 13 f.; см. также: *Bowra C. M.* Homeric epithets for Troy // JHS. Vol. 80. 1960.

образчиком которых можно считать городище Мальти-Дорион в Мессении. Поселения этого типа состоят практически из одного только акрополя без признаков «посада» у его подножия. Все они и по своей планировке, и по характеру застройки резко отличаются от таких дворцовых комплексов, как Микены, Тиринф, Пилос, Орхомен, Фивы. Отчетливо выступающие в гомеровском описании Трои черты архаического городища родовой общины (отнюдь не классического греческого полиса) позволяют считать ее обобщенным образом всей этой группы микенских поселений.

Это не означает, однако, что изображение Трои является в общем ионийском контексте «Илиады» каким-то анахронизмом, введенным в него просто как дань традиции, наподобие знаменитого шлема из кабаньих клыков, с которым мы сталкиваемся в X песни поэмы. У своих предшественников Гомер мог заимствовать лишь общую схему, зерно образа — город на холме, обнесенный стеной. Это зерно было им развито и обогащено за счет тех впечатлений, которые давала окружавшая поэта действительность, сама во многом еще пронизанная микенскими традициями. Мы не должны забывать, что укрепленный общинный поселок-полис, во многих отношениях весьма еще сходный со среднеэлладским Мальти, продолжал оставаться типичной деталью греческого ландшафта также и в VIII в. до н. э., т. е. в то время, когда создавалась «Илиада». Очевидно, именно реальное сходство исторических прототипов гомеровской Трои сделало возможным их безболезненное взаимопроникновение и слияние в единый поэтический образ, но оно же и крайне затрудняет точную датировку этого образа.

С иным и, судя по всему, более прогрессивным типом гомеровского полиса знакомит нас «Одиссея». В VI песни поэмы (262 sqq.) царевна Навсикайя рассказывает Одиссею о городе феаков: «Затем мы придем в город, который окружает высокая стена (πύργος). С двух сторон город омывает прекрасная гавань с узким проходом, (через который) качающиеся на волнах корабли отыскивают себе дорогу (в гавань). Ведь для каждого из них поставлен на берегу навес (ἐπίστιον). Там у них и агора вокруг прекрасного святилища Посейдона, устроенная из огромных врытых в землю камней. Там же держат они и снасти своих черных

кораблей: канаты и паруса — и обтачивают свои весла». В другом месте (Od., VII, 43 sqq.) та же самая картина очерчена более скупыми и беглыми штрихами: «Дивился Одиссей, видя гавани и корабли, агору героев и большие, высокие стены (τείχεα), дивные взору». Как мы видим, панорама города в обоих случаях складывается из трех основных элементов: стен, гавани и агоры. Различие только в их последовательности. Ансамбль гавани и непосредственно с ней связанной агоры занимает во всей этой картине центральное место. Феакийская агора представляет собой довольно сложный архитектурный комплекс. В центре ее расположено святилище Посейдона (Ποσιδήϊον). Имеет оно вид храма или же просто огороженного алтаря, остается неясным. Можно поэтому сказать, что агора здесь образует часть священного участка — темена — или даже прямо совпадает с ним[10]. На агоре или рядом с ней размещены также портовые сооружения, в которых стоят корабли феаков и хранятся корабельные снасти. Из контекста трудно понять, каково было назначение находившихся здесь же больших камней. Была это просто вымостка на площади, или ограда вокруг святилища Посейдона, или же, наконец, сидения, на которых располагались граждане во время народного собрания?[11] Последнее предположение кажется довольно правдоподобным, так как помимо археологических параллелей (о которых ниже, с. 79 сл.) оно находит подтверждение и в тексте самого Гомера. Так, в начале VIII песни (6) снова упоминаются «гладко отесанные камни» на агоре, служащие сидениями для Одиссея и Алкиноя. В «Илиаде» (XVIII, 503 sq.) на таких же «гладко отесанных камнях», поставленных внутри «священного круга» (ἱερῷ ἐνὶ κύκλῳ), восседают старцы, творящие суд в одной из сцен, представленных на щите Ахилла. Народ, окружающий здесь старцев, по-видимому, стоит. Однако у феаков сидят все участники собрания (см.: Od., VIII, 16: «Быстро наполнилась собравшимися людьми площадь и сидения — ἀγοραί τε καὶ ἕδραι; ср.: Il., II, 211;

---

[10] *McDonald W. A.* The political meeting places of the Greeks. Baltimore, 1943. P. 25, n. 41; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 39.

[11] Так понимает это место Р. Мартэн (*Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 38); ср.: *McDonald W. A.* The political meeting places of the Greeks. P. 25.

Od., III, 7 sq.). Агора у феаков служит не только местом для народных сходок и богослужений, но также стадионом и орхестрой для игр и плясок молодежи, как это видно из песни VIII, 109 sqq., выполняя, таким образом, по выражению Мартэна, «агональную» функцию наряду с политической и религиозной. В то же время в феакийских песнях «Одиссеи», да и вообще нигде у Гомера нет никаких намеков на то, что агора использовалась так же, как торговая площадь[12]. В этом отношении гомеровская агора вполне соответствует тому, что поздние греческие авторы называли «свободной агорой»[13]. Еще одна характерная особенность феакийской агоры состоит в том, что она никак не связана с царским дворцом, дворец Алкиноя расположен где-то в стороне от нее, среди домов других горожан (см.: VI, 298 sqq.; VII, 29, 46). Этим она отличается от троянской агоры, находившейся прямо перед дверьми дворца Приама (см.: Il., II, 788; VII, 346).

В описании острова феаков, несомненно, есть традиционные сказочные элементы. Важнейший из них — чудесный дворец Алкиноя, столь впечатляюще изображенный поэтом в VII песни «Одиссеи»[14]. Однако прилегающий ко дворцу оживленный приморский город, эскизно очерченный перед этим, вызывает совсем иные, уже не сказочные, а вполне реальные ассоциации. Его ближайший прототип следует искать, по всей видимости, в зоне ионийской колонизации среди таких городов, как Милет, Колофон, Эфес, Смирна и др. Едва ли случайно, что сами феаки представлены в поэме как мореходы-колонисты, покинувшие свою первоначальную родину — «широкую Гиперею», где они жили в соседстве с дикими циклопами — в поисках лучших мест для поселения (VI, 4 sq.). Уже Э. Роде назвал город феаков «идеальным образом ионийской колонии»[15]. Эту догадку немецкого ученого подтверждает поразительное сходство панорамы гомеровской Схерии с недавно открытой архаической Смирной

---

[12] *McDonald W. A.* The political meeting places of the Greeks. P. 22; ср.: *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 62.

[13] Ibid. P. 281; ср.: P. 165.

[14] *Eitrem S.* Phaiaken // RE. Hbd. 38. 1938. Sp. 1522; *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 157.

[15] *Rohde E.* Psyche. Bd. I. Freiburg, 1903. S. 83.

(см._о ней, с. 52 слл.)[16]. В обоих случаях мы видим перед собой небольшой прибрежный город, опоясанный стеной с башнями и воротами и расположенный на мысу у входа в удобную «двойную» бухту. Правда, для полного тождества здесь не хватает одной существенной детали, а именно городской площади, расположенной прямо на морском берегу рядом с корабельной стоянкой (местонахождение смирнинской агоры, как было уже сказано, пока еще не удалось определить с достаточной точностью). Единственной реальной аналогией феакийской агоры остается пока что своеобразный археологический комплекс, открытый в Дреросе (см. выше, с. 57 сл.)[17]. Его конструкция помогает понять некоторые неясные детали в гомеровском тексте и, в частности, объясняет назначение больших камней, из которых была сложена, по словам поэта, агора феаков.

Гомеровская коллекция полисов, разумеется, не дает исчерпывающего представления о многообразии форм и типов поселений, существовавших в Греции на протяжении XI— VIII вв. до н. э. и известных нам даже по пока еще весьма скудным археологическим данным. Некоторые из этих форм вообще не имеют ни одной ясно выраженной эпической параллели. О существовании других можно догадаться лишь по разбросанным в тексте поэм неясным намекам[18]. Тем не менее два типа поселения, соответствующие двум основным стадиям в развитии раннегреческого полиса, очерчены в эпосе достаточно ярко и выпукло. Это — «протополис», или поселение первичной семейно-родовой общины (наиболее характерным его образцом можно считать Трою), и раннеархаический полис, являющийся по существу уже начальной формой города-государства (город феаков). Основное различие

---

[16] *Cook J. M.* Old Smyrna, 1948—1951 // BSA. № 53—54. 1958—1959. P. 16.

[17] *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 59 s.; ср.: P. 56.

[18] Так, полис экстравертного типа, т. е. комбинация укрепленного акрополя с неукрепленным «нижним городом», в своем чистом виде не встречается в эпосе ни разу, хотя в некоторых местах поэт дает понять, что этот тип поселения был ему также известен. — Il., VI, 286 sqq.; ср.: Od., II, 154; ср.: *Schuchhardt C.* Hof, Burg und Stadt bei Germanen und Griechen. S. 308 f.

между этими двумя типами гомеровского полиса заключается в организации их архитектурного центра. В Трое таким центром является, несомненно, дворец Приама, занимающий вершину городского холма. Дважды упомянутая троянская агора составляет как бы придаток ко дворцу, занимая площадку перед его дверями. В городе феаков мы видим иную картину. Агора с расположенным на ней святилищем Посейдона и каким-то подобием амфитеатра, в котором размещаются участники народного собрания, образует самостоятельный архитектурный ансамбль, никак не связанный с дворцом и в то же время определяющий собой весь силуэт города таким, каким его видит перед собой только что прибывший чужеземец. Наличие в городе постоянного, четко оформленного центра политической и религиозной жизни, равно как и его независимость от царского жилища, — факт сам по себе весьма знаменательный, ибо он свидетельствует о зарождении новой гражданской общины из разрозненных ячеек старого родового общества[19].

При всей своей ограниченности и условности материал поэм все же позволяет существенно расширить и дополнить информацию, содержащуюся в археологических источниках. Так, в частности, он проливает некоторый свет на весьма темный и неясный вопрос о взаимоотношениях города и деревни в древнейший период греческой истории. Как было уже замечено, деревня в собственном значении этого слова не входит в число эпических реалий. За чертой городских стен, в «поле», поэт не видит никаких человеческих поселений, которые заслуживали бы специального упоминания. Трою, Итаку, Схерию, да и все другие гомеровские города, окружают безлюдные поля и горы. Лишь кое-где мы замечаем разбросанные на большом удалении друг от друга загоны для скота (μέσσαυλα) и пастушьи хижины при них, да одиночные усадьбы (δώματα).

«Поле» противостоит городу не только как чисто территориальное понятие, но и как социальное. Гомер проводит четкую грань между жителями города (πολῖται или в одном случае ἀστοί) и постоянным населением «поля» (ἀγροιῶται). Последний из этих терминов несет на себе ясно выраженную печать социальной не-

[19] *Thomas C. G.* Homer and the polis. P. 7 f.

полноценности. В двух случаях из пяти он обозначает пастухов, пасущих чужой скот; в одном случае совершенно определенно имеются в виду рабы. В «Илиаде» (XI, 676) Нестор вспоминает, как погиб от его руки элейский герой Итимоней, сражаясь, как подобает благородному, в первых рядах (ἐν πρώτοισιν), после чего λαοὶ ἀγροιῶταις, стоявшие, очевидно, в тылу, немедленно разбежались. Презрительное отношение поэта к «поселянам» как к людям второго сорта здесь не вызывает сомнений. Презрением исполнены и слова предводителя женихов Антиноя, обращенные к Евмею и Филойтию (Od., XXI, 85): νήπιοι ἀγροιῶται ἐφημέρια φρονέοντες («дурачье, деревенщина, только о пустяках думающие»).

Образ жизни свинопаса Евмея в его хижине «на краю поля», очевидно, можно считать типичным для всех ἀγροιῶται. Его главная отличительная черта — почти полная оторванность от внешнего мира, почти полная свобода от всех общественных связей, за исключением одной-единственной — личной зависимости от своего господина. Таким образом, для Гомера «поле» вместе с его обитателями — это синоним почти первобытной дикости, крайней социальной разобщенности. Правильная цивилизованная жизнь, в его понимании, возможна только в полисе. Уже Гесиод, которого отделяет от автора «Одиссеи» самое большее каких-нибудь пятьдесят лет, изображает сельскую жизнь совсем по-иному. Его крестьяне, кстати, тоже именуемые ἀγροιῶται (см.: Theogon., 26) — свободные люди и живут не вразброс по хуторам, как гомеровские пастухи, а компактными массами по комам (этот термин впервые появляется именно у Гесиода; см.: Opera, 639; также: Scutum, 18), находясь все время в тесном общении с себе подобными (общеизвестно, какое значение Гесиод придает добрым отношениям с соседями, соблюдению разного рода общинных обычаев и т. д.).

Подавляющее большинство гомеровских героев живет в городе и принадлежит, следовательно, к категории πολῖται. Горожанином, безусловно, считает себя Антиной, презрительно третирующий рабов Одиссея не за то, что они — рабы, а за то, что они — мужики, поселяне. Также о Телемахе Евмей говорит с оттенком некоторого упрека, что он почти все время проводит в городе, среди народа, лишь изредка навещая отцовские стада и состоящих при

них пастухов (Od., XVI, 27 sqq.). И другие знатные итакийцы время от времени покидают город, отлучась по каким-нибудь хозяйственным надобностям (см., например: Od., II, 22, 127), но при этом полис остается их главным местожительством, а сами они считаются горожанами par excellence. За городской стеной постоянно живет Приам вместе со всем своим родом и с прочей троянской знатью. Его сыновья пасут за городом отцовский скот (мотив, несомненно, весьма архаичный, восходящий к древнейшей мифологической традиции и вместе с тем хорошо вписывающийся в общую картину гомеровского быта) и выполняют различные другие хозяйственные поручения (Il., XI, 105; XX, 188; XXI, 36 sqq.; ср.: V, 313; VI, 25, 423; XXIV, 29; Od., XIII, 222 sq.; XV, 386). Но эти отлучки едва ли могли быть очень продолжительными. Ни о каких загородных постройках, пригодных для жилья, за исключением загонов для скота (см., например: Il., XXIV, 29), поэт в «Илиаде» не упоминает. В «Одиссее» уже появляется какое-то подобие сельской усадьбы. Примерами могут служить дома (δώματα) Эгисфа и Лаэрта (Od., IV, 517 sq.; XXIV, 208 sqq.). Поэт, однако, ясно дает понять, что считает отшельническую жизнь вдали от города, вдали от таких привычных для гомеровского аристократа занятий, как дружеские попойки или словопрения на агоре, недостойной благородного человека[20]. Лишь сила обстоятельств может вынудить «превосходного мужа» засесть в своем деревенском уединении и забыть дорогу в город. Красноречивое тому свидетельство — горестная судьба старого отца Одиссея Лаэрта. Буйства женихов заставили его покинуть город и перебраться в «поле». Здесь он ведет жалкое существова-

[20] Некоторые авторы, в том числе П. Гиро и Эд. Мейер (*Guiraud P.* La propriété foncière en Grèce. P. 69; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 339) склонны считать, что гомеровская знать не жила постоянно в городе, а лишь наведывалась туда время от времени для участия в народном собрании. Обычным же ее местожительством служили сельские усадьбы. Эту точку зрения резонно оспаривал уже Пёльман, полагавший, что главной резиденцией аристократии в те времена был именно полис. — *Pöhlmann R. von.* Aus Altertum und Gegenwart. München, 1911. S. 145 f.; см. также: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 152, 318; *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. S. 28; *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer. S. 154.

ние: лишен даже самых элементарных удобств и в холодное время года спит прямо на полу («в золе»), около огня вместе со своими рабами (Od., XI, 187 sqq.).

Вообще в гомеровской шкале социальных категорий такие понятия, как «аристократия» и «полис», находятся в близком соседстве друг с другом и, несомненно, тесно взаимосвязаны. Природный аристократ не только постоянно живет в городе, но еще и управляет им и оберегает его от врагов. Эта мысль отчетливо звучит, например, в словах Ахилла о «лучших людях Эллады и Фтии», «оберегающих города» этой страны (Il., IX, 395 sq.: κοῦραι ἀριστήων, οἵ τε πτολίεθρα ῥύονται). И по своему образу жизни, и по своей «урбанистической» психологии гомеровская знать стоит гораздо ближе к городскому патрициату европейского средневековья, нежели к феодалам-помещикам той же эпохи[21]. А так как почти все — как главные, так и второстепенные действующие лица обеих поэм — являются аристократами по рождению, то у читателя невольно складывается впечатление, что все население гомеровского полиса состоит исключительно из знати и, следовательно, знать выступает здесь в роли основного градообразующего элемента. К этому социологическому парадоксу мы еще вернемся впоследствии (см. гл. IV). Пока же заметим, что сами понятия «город» и «городская жизнь» носят в гомеровской поэзии еще достаточно условный характер. Город здесь еще не отделен по-настоящему от деревни. По существу гомеровский полис — это и город, и деревня в одном лице[22]. Правда, как мы уже видели, по

---

[21] Сходство это, конечно, не было абсолютным, так как основной сферой экономической деятельности раннегреческой аристократии было сельское хозяйство. Тем не менее средоточием ее общественной и духовной жизни всегда оставался полис. — *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer. S. 154; ср.: *Straßburger H.* Der Einzelne und die Gemeinschaft im Denken der Griechen // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 104.

[22] Эд. Мейер (*Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 332) совершенно справедливо указывает, что основную массу населения полиса составляли свободные крестьяне, которых он удачно называет «Ackerbürger»; ср.: *Starr Ch.* G. The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. New York, 1961. P. 340; *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter. S. 3 f.

крайней мере некоторые из героев поэм уже имеют загородные дома, в которых они могут жить хотя бы летом, в страдную пору, а то и круглый год. Однако в памяти поэта и его слушателей еще свежо то время, когда таких усадеб не было даже у самых знатных и богатых людей. Поэтому их не удивляет и не шокирует тот факт, что навоз для удобрения заготавливается впрок на дворе городского дома Одиссея (Od., XVII, 298 sq.), а не где-нибудь в поле[23].

Лишь в одном случае полис у Гомера противопоставляется своей сельской округе как средоточие ремесла и торговли, где обитающий в «поле» земледелец может приобрести металл, необходимый ему для работы. В XXIII песни «Илиады» (826 sqq.) Ахилл, обращаясь к участникам устроенных им погребальных игр в честь погибшего Патрокла, предлагает им метнуть глыбу необработанного железа (σόλον αὐτοχόωνον). Она же будет и призом, который получит победитель. Глыба эта так велика, что «даже если у кого и очень много есть далеко (вдали?) разбросанных тучных полей, он (все равно) будет обеспечен им (т. е. железом) на полных пять лет, так что у него ни пастух, ни пахарь не пойдут в город, нуждаясь в железе, но он (сам) их снабдит». Внимательный читатель сразу заметит необычность этого места. Она — не только в единственном во всей гомеровской поэзии косвенном намеке на существование городского рынка, но также и в том, что сам герой-землевладелец, о котором говорит Ахилл, вопреки общему обыкновению гомеровской знати, безвыездно живет в своей деревенской усадьбе, в окружении своих λαοί ἀγροιῶται[24]. Изображенная здесь ситуация отражает, как нам кажется, достаточно поздний этап в развитии греческого общества. На это указывает хотя бы такая характерная деталь, как употребление железа для изготовления сельскохозяйственных орудий, что говорит о широком распространении и относительной дешевизне этого металла. В остальном, если оставить в стороне этот единственный в своем роде пассаж «Илиады», гомеровская концепция полиса вполне

[23] Ср.: *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter. S. 4.

[24] Само собой разумеется, что владелец железной глыбы должен жить там, где находятся его запасы металла — величайшая драгоценность для аристократа гомеровской эпохи; ср. хотя бы описание кладовой Одиссея в Od., II, 337 sq.; XXI, 10.

гармонирует с тем типом укрепленного земледельческого поселения (немецкие историки, на наш взгляд, удачно определяют его терминами «Ackerburg» или «Stadt-Dorf»)[25], о котором дают наглядное представление такие замечательные памятники геометрического периода, как Смирна или Загора. Отличительной чертой этой первичной формы полиса является концентрация основной массы свободного населения общины (демоса) на небольшом участке, обнесенном крепостной стеной или укрепленном самой природой. За чертой городских стен, в «поле», ютятся лишь рабы, зависимые люди и разного рода отщепенцы, стоящие, по сути дела, вне общества и его законов.

С легкой руки Гомера презрительное отношение к «поселянам» как к людям второго сорта укоренилось в греческой поэзии. Его рецидивы можно встретить еще у Саффо, Алкмана, Феогнида Мегарского (Sappho, fr. 61 Diehl; Alcman, fr. 13 Diehl; Theogn., 53–56). А между тем уже при жизни Гомера, если датировать ее VIII в. до н. э., в развитии греческого общества наметились важные количественные и качественные сдвиги, которые едва ли могли ускользнуть от внимания нашего поэта. Как было уже замечено, конец гомеровского периода в ряде районов греческого мира, в том числе и в колыбели эпоса Ионии, ознаменовался первыми серьезными успехами новой городской культуры. Наблюдается быстрый численный рост городского населения за счет как естественного его прибавления, так и искусственного перемещения жителей мелких сельских общин в новые городские центры (так называемый «синойкизм»). Одновременно меняется и качественный его состав: постепенно начинает увеличиваться в общей массе обитателей полиса процент купцов и ремесленников, т. е. людей, не связанных непосредственно с землей или связанных лишь частично. Параллельно с этим процессом и, очевидно, в тесной связи с ним происходит другой не менее важный процесс внутренней и внешней колонизации. Не касаясь последней, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону от нашей основной темы, скажем несколько слов о первой.

---

[25] *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 92; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 140, Anm. 2.

Основным симптомом внутренней колонизации в Греции VIII в. до н. э. следует считать формирование нового типа поселения — комы, т. е. деревни в собственном значении этого слова, являющейся в одно и то же время антагонистом города и жизненно важным его придатком и спутником[26]. Свидетельство Гесиода, на которое мы уже ссылались выше, показывает, что в следующем, VII столетии процесс размежевания между городом и деревней даже в сравнительно отсталой Беотии успел уже зайти достаточно далеко.

Таким образом, у нас есть все основания искать истоки этого процесса в той исторической обстановке, которая сложилась в наиболее передовых областях Греции в конце гомеровской эпохи. Пути становления комы и обособления ее от полиса могли быть самыми различными в зависимости от конкретных местных условий. В одних случаях кома возникает в результате политической деградации первичного полиса и превращения его в один из административных округов вновь образованного города-государства. Можно полагать, что именно по этому пути шло отделение города от деревни в Аттике в период синойкизма[27]. В другом варианте кома появляется как продукт разрастания и спонтанного деления первичного полиса. Обычно комы располагаются на периферии полисной территории («на краю поля», употребляя гомеровское выражение), занимая пустовавшие ранее земли. Ядром, вокруг которого складывалось новое поселение, могла стать усадьба какого-нибудь знатного анахорета, предпочитавшего деревенское уединение городской суете и скученности (к тому же здесь, в деревне, находилась и основная сфера его хозяйственных интересов —

---

[26] В предшествующий период четкое смысловое разграничение между понятиями полиса и комы проводилось, вероятно, только в тех районах, где поселения пришельцев-завоевателей соседствовали с поселениями порабощенного коренного населения, как это было, например, в Спарте, в Фессалии, на Крите, в некоторых местах на Ионийском побережье. Но эту ситуацию едва ли можно считать типичной для всей Греции; ср.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 145 f.; *Swoboda H.* Κώμη // RE. Suppl. IV. 1924. Sp. 951 f.; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 99 f.; *Richter W.* Die Landwirtschaft im homerischen Zeitalter. S. 23.

[27] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 159.

его земля и его стада). Население комы в этом случае состояло частью из зависимых и неполноправных людей (λαοί владельца усадьбы), частью из свободных крестьян, вынужденных по тем или иным причинам покинуть полис[28]. Окруженный кольцом дочерних, политически и экономически зависимых от него поселений преображается и сам полис. Только теперь становится он городом в античном понимании этого слова, т. е. административным, военным и религиозным центром определенного округа или района, столицей карликового государства[29].

Все эти важные перемены в жизни греческого общества остаются как будто вне поля зрения эпического поэта. Как мы уже видели, Гомер практически игнорирует деревню, как если бы он ничего не знал о ее существовании. Эпизодические упоминания о деревенских усадьбах знати не меняют существа изображаемой им ситуации. В то же время сам полис в его представлении еще сохраняет основные признаки того полугорода-полудеревни, каким он оставался на протяжении столетий вплоть до начала «городской революции» VIII—VI вв. до н. э. Столь важные пробелы в эпической картине мира свидетельствуют о том, что сознание Гомера, отягощенное грузом предшествующей поэтической традиции, еще не способно было окончательно оторваться в воспроизведении важнейших жизненных ситуаций от выработанных ею канонов. Один из таких канонов, восходящих, по всей вероятности, еще к микенской эпохе, но сохраняющих свою обязательность и для ионийского поэта, жившего в VIII в. до н. э., требовал, чтобы герой жил непременно в полисе, а сам полис был изображен как некий универсум (единственно возможная форма существования цивилизованного человека), вокруг которого нет ничего, кроме дикой природы. К этому следует добавить, что для самого Гомера эта архаическая концепция полиса, по-видимому, была не просто

---

[28] Так, Эгисф, хотя и живет не в полисе, а в загородной усадьбе «на краю поля», имеет в своем подчинении народ (δῆμος), из которого он выбирает себе помощников для расправы с Агамемноном и его спутниками (Od., IV, 517 sqq.). Его отшельничество, однако, так же, как и в случае с Лаэртом, носит вынужденный характер.

[29] *Heuss A.* Die archaische Zeit Griechenlands // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 59.

анахронизмом, отвлеченной схемой, лишенной реального содержания. «Урбанистическая революция», начало которой он успел еще застать, развивалась неравномерно и не могла сразу создать сплошную зону новой городской цивилизации. По-видимому, даже в наиболее крупных очагах раннегреческого урбанизма, к каковым можно отнести и некоторые участки Ионийского побережья Малой Азии, например район Милета, пережитки прошлого были еще достаточно сильны и бок о бок с нарождающимися городскими центрами продолжали существовать «протогорода», или «города-деревни» предшествующего периода.

И все же приверженность традиционным эпическим нормам не исключает даже и у поэта такого плана, как Гомер, прямых выходов в современность. При общем архаическом колорите, лежащем на гомеровских описаниях городов и городской жизни, в отдельных эпизодах поэм уже угадываются очертания полиса новой формации (наиболее яркий пример — город феаков). Дыхание новой исторической эпохи чувствуется и в тех политических коллизиях, которыми щедро насыщена сюжетная канва «Илиады» и «Одиссеи». Но о них речь пойдет в следующих главах.

Глава III

ПОЛИС И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ

Многолетний опыт конкретного исторического исследования гомеровской поэзии показывает, что зафиксированные в ней формы и типы политических отношений, как правило, не поддаются простому и однозначному определению, требуя от исследователя максимальной гибкости и растяжимости формулировок. Объяснить это можно только тем, что практически любая из тех политических ситуаций, с которыми нам приходится сталкиваться, читая поэмы, представляет собой продукт поэтического синкретизма, искусственную конструкцию, соединяющую в себе несколько, а иногда и много разновременных исторических элементов. При всем том в каждой из таких конструкций можно обнаружить при внимательном анализе один главный доминирующий элемент, а это в свою очередь означает, что создание типологии политических режимов на гомеровском материале — вещь вполне возможная, хотя и требующая от историка большой осторожности[1].

Как известно, система управления «нормального» эпического полиса складывается из трех основных компонентов: царя или царей (обычный, хотя, по-видимому, и не вполне правильный перевод гомеровского термина βασιλεύς или resp. βασιλῆες)[2], совета старцев и народного собрания. Наименее постоянной и по-

---

[1] Интересная, хотя и не во всем убедительная попытка разработки такой типологии была предпринята несколько лет назад австрийским историком Дегер: *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. Wien, 1970.

[2] Об этом термине, так же, как и о других гомеровских терминах власти см.: *Marót K.* Basileus // Acta Antiqua Acad. Sci. Hung. 1962. № 10. S. 175 f.; *Puhvel J.* Helladic kingship and the gods // Minóica. Berlin, 1958. S. 328 f.; *Gschnitzer Fr.* Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen // Festschrift L. C. Franz. Innsbruck, 1965. S. 102 f.; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 44 f.

этому с наибольшим трудом поддающейся точной идентификации величиной в этой троичной формуле является, безусловно, царская власть. Специфика гомеровской басилейи может быть понята лишь в том случае, если мы с самого начала твердо уясним себе, что и сами образы царей в поэмах, и те прерогативы, которыми их наделяет поэт, по существу заведомо анахронистичны. Из своих фольклорных источников Гомер мог, по-видимому, почерпнуть некоторое хотя бы смутное и приблизительное представление о власти и могуществе ахейских владык микенского времени.

Однако творчески перерабатывая древние мифы о ванактах «златообильных Микен», Пилоса, Спарты, переводя их на язык, понятный его аудитории, поэт неизбежно должен был вступить на путь той наивной модернизации прошлого, к которой прибегали в своих картинах средневековые художники-примитивы, изображая библейских царей и римских императоров в одежде и с атрибутами современных им королей и герцогов. С помощью такого приема традиционные для героической поэзии фигуры «рожденных Зевсом царей», облеченных неограниченной, монархической по своей природе властью, переводятся в совсем иную историческую плоскость — в чуждый для них, но привычный для самого поэта и его слушателей микрокосм архаического ионийского полиса. Лишь в редких случаях политические ситуации, свойственные микенской эпохе, предстают перед нами в поэмах, если и не в своем подлинном первоначальном виде, то во всяком случае в достаточно большом приближении к нему, не растворяясь почти без остатка в позднейших напластованиях, как это бывает обычно.

Наиболее насыщен политическими реминисценциями микенского времени, безусловно, сюжет «Илиады», в которой элемент саги (исторического рассказа о подлинных событиях) вообще выражен намного сильнее, чем во второй гомеровской поэме. Конечно, реальная коалиция ахейских государств, принимавших участие в походе на Трою в середине XIII в. до н. э., могла сильно отличаться от той панэллинской «армады», которую изображает Гомер, да и в его рассказе о перипетиях похода должно быть примешано немало поэтического вымысла и произвола. Тем не менее наличие определенного исторического зерна в предании, положен-

ном в основу сюжета «Илиады», отрицать трудно[3]. Некоторые части поэмы производят полное впечатление объективного исторического повествования, лишь внешне облеченного в поэтическую форму. Наиболее известный пример такого рода «поэтической хроники» — знаменитый «Каталог кораблей» во II песни.

Вопрос о датировке и происхождении этого загадочного текста, являющегося важнейшим источником информации о политической географии гомеровской Греции, породил ожесточенную полемику, длящуюся уже свыше полустолетия. В то время как одни авторы склонны видеть в «Каталоге» подлинный документ микенской эпохи, с максимальной точностью передающий не только очертания границ почти всех ахейских государств, но даже и характерные детали их ландшафта[4], другие с презрением отмахиваются от него как от поздней эпигонской компиляции, лишенной какой бы то ни было исторической ценности[5]. Нам кажется, что в оценке «Каталога», как, впрочем, и любой другой части эпоса в равной мере неуместны и безграничная доверчивость, и гиперкритицизм[6]. Разумеется, было бы абсурдом принимать «за чистую монету» любое свидетельство «Каталога», видя в нем подлинный список участников реальной Троянской войны или какого-то другого военного предприятия того же времени. Но вместе с тем было бы трудно отказаться и от той мысли, что дошедший до нас гомеровский текст «Каталога» содержит в себе весьма значительные

---

[3] В целом по вопросу см.: *Carpenter R.* Folk tale, fiction and sage in the Homeric epics. Berkeley—Los Angeles, 1956. P. 45 f.; *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley—Los Angeles, 1959; *Finley M. I., Caskey J. L., Kirk G. S., Page D. L.* The Trojan war // JHS. Vol. 84. 1964; *Lesky A.* Homeros // RE. Suppl. XI. 1968. Sp. 750 f.

[4] *Allen T. W.* The Homeric catalogue of the ships. Oxford, 1921; *Burr V.* Νεῶν καταλόγος. Untersuchungen zum homerischen Schiffskatalog // Klio. Beiheft 49. 1944; *Huxley G. L.* Mycenaean decline and the Homeric catalogue of ships // BICS. Vol. 3. 1956; *Гордезиани Р. В.* «Каталог кораблей» Илиады. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1967; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. М., 1966. С. 14.

[5] *Jachmann G.* Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. Köln, 1958; ср.: *Giovannini A.* Étude historique sur les origines du Catalogue des Vaisseaux. Berne, 1969.

[6] Ср.: *Hope Simpson R. A., Lazenby J. F.* The catalogue of the ships in Homer's Iliad. Oxford, 1970. P. 153 f.

элементы микенской исторической традиции и воспроизводит хотя бы в самых общих чертах и с многочисленными позднейшими дополнениями и поправками основные контуры политической карты Ахейской Греции. Во всяком случае нельзя не заметить, что такие важные центры Микенской цивилизации, как Микены, Тиринф, Пилос, Кноссе, Афины, Орхомен, Иолк, занимают на карте «Каталога» подобающие им места, несмотря на то, что в позднейшее время почти все они, за исключением Афин, утратили свое первоначальное значение, а некоторые, как, например, Пилос, и вообще были стерты с лица земли. Едва ли случайно также и то, что самыми могущественными среди ахейских вождей являются, в оценке автора «Каталога», Агамемнон (100 кораблей + 60, которые он ссудил аркадянам), Нестор (90 кораблей), Диомед (80 кораблей) и Идоменей (80 кораблей), что в общем вполне соответствует относительным размерам и богатству известных по раскопкам дворцов Микен, Тиринфа, Пилоса и Кносса.

Основной структурной ячейкой в географической системе «Каталога» является отдельный полис, составляющий единое целое со своей территорией (δῆμος)[7]. Оба этих понятия тесно увязаны, например, в формуле, характеризующей Афины, единственный из городов Аттики, упоминающийся в «Каталоге» (Il., II, 546 sq.): εὐκτίμενον πτολίεθρον, δῆμον Ἐρεχθῆος μεγαλήτορος... Таким образом, фигурирующие в «Каталоге» «великие и малые державы» «героического века» мыслятся поэтом как конгломераты полисов, группирующиеся в каждом отдельном случае вокруг самого большого и лучше всего укрепленного полиса в данном районе[8]. Структура типичного Микенского государства, состоящего из одного-двух десятков аграрных городков, подвластных центральному дворцу-цитадели, в общем вполне укладывается в эту схему.

---

[7] Характерные «ландшафтные» эпитеты, сопровождающие некоторые названия в перечне «Каталога» (например, πολυστάφυλόν θ' Ἱστίαιαν, ἀμπελόεντ' Ἐπίδαυρον, πολυτρήρωνά τε Μέσσην и т. п.) относятся, конечно, не к самим городам, а к их окрестностям; ср. аналогичные формулы в перечне семи мессенских полисов в Il., IX, 149 sqq. Иного мнения о структуре «Каталога» придерживается Страбон (VIII, p. 337).

[8] Ср.: *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959. P. 65.

Разумеется, даже и при самом богатом воображении создатель «Каталога» едва ли был бы способен представить себе микенскую бюрократическую монархию во всей сложности, даже изощренности ее внутренней организации. И в этом смысле нельзя не согласиться с М. Финли, сказавшем о поэтах гомеровского круга: «Они знали из унаследованных ими формул о существовании великих правителей в Микенах, Пилосе и других "доисторических" центрах, но они реально не представляли себе, чем был этот великий микенский правитель, как он должен был себя вести и на чем основывалась его власть»[9].

Из ряда вон выходящее скопление отголосков микенской исторической традиции в «Каталоге кораблей» объясняется, по-видимому, определенной систематической направленностью этой части «Илиады» и явно «антикварными» интересами ее автора. За пределами «Каталога» упоминания о больших царствах микенского типа встречаются лишь эпизодически и носят, как правило, чисто орнаментальный служебный характер, не играя сколько-нибудь существенной роли в развитии сюжета поэмы. Среди фигурирующих в эпосе ахейских государств поэт, естественно, наибольшее внимание уделяет державе Агамемнона, самого могущественного из эллинских царей, верховного предводителя всей ахейской армии. Представления Гомера об этом государстве, если брать их как нечто целостное, отличаются крайней неопределенностью и противоречивостью. Основная трудность состоит в том, что гомеровский текст не позволяет определить с достаточной ясностью то положение, которое занимает Агамемнон во главе ахейской коалиции, осаждающей Трою, характер его власти и его отношений с другими греческими героями[10].

Сам «пастырь народов» ведет себя на протяжении поэмы в высшей степени непоследовательно, превращаясь из самодержавного деспота, почти тирана, каким мы видим его в I песни, особенно в сцене ссоры с Ахиллом, в мягкого и уступчивого «конституционного монарха» других эпизодов (например: Il., VII; IX, 17 sqq.;

---

[9] *Finley M. I.* Homer and Mycenae: Property and tenure // Historia. Bd. 6. 2. 1956. P. 146.

[10] Основные мнения по этому вопросу приведены у Дегер (*Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 63 f.).

XIV, 103 sqq.). Другие герои, даже прекословя Агамемнону и с непозволительной в подлинно монархическом государстве свободой поучая его, все же признают его первым среди них, «самым царственным» (βασιλεύτατος — Il., IX, 69; ср.: 160). Вообще, «царственность» является такой же специфической, характерной чертой его образа, как хитроумие Одиссея, мудрость и житейский опыт Нестора, храбрость и сила Ахилла. Однако внутреннее содержание и масштабы этого понятия постоянно меняются, приспосабливаясь к конкретным перипетиям эпического рассказа. Если в одних случаях царственность Агамемнона вырастает до колоссальных размеров великой панэллинской державы, то в других она сужается до довольно заурядного «персонального лидерства» полководца, предводителя дружины, наконец, просто магистрата аристократического полиса[11].

Во всем блеске своей славы и могущества, как великий владыка «всего Аргоса и множества островов», Агамемнон предстает перед нами в известном эпизоде со скипетром (Il., II, 100 sqq.). В свое время Эд. Мейер высказал догадку, принятую за истину многими другими учеными: пассаж о скипетре является отголоском былого господства микенской династии над всем Пелопоннесом и ближайшими к нему островами или даже, как полагают некоторые последователи Мейера, над всей Балканской Грецией (выбор одного из этих двух вариантов зависит от того, как понимать название Аргос, которое встречается у Гомера как в том, так и в другом значении)[12]. Дешифровка Вентриса не обнаружила, однако, никаких следов этого гипотетического mykenische Grosskönigtum в документах дворцовых архивов Пилоса и Кносса. Среди

---

[11] Ср.: *Finsler G.* Das homerische Königtum // Neue Jahrb. kl. Alt. Bd. 19. 1907. S. 401 f.; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 67—108.

[12] *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 169, 188; *Leaf W.* Homer and history. London, 1915. P. 191 f.; *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. London, 1933. P. 217 f.; *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964. P. 218 f.; *Лурье С. Я.* Язык и культура Микенской Греции. М.—Л., 1957. С. 215 сл.; ср.: *Bethe E.* Troia, Mykene, Agamemnon und sein Grosskönigtum // Rh. Mus. Bd. 80. 3. 1931. S. 229 f.; *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. P. 127; *Vermeule E.* Greece in the Bronze age. 2-nd. ed. Chicago—London, 1966. P. 265; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. С. 158 сл.

табличек пилосского архива, например, не удалось найти пока ни одной, где говорилось бы о какой-то зависимости ванакта Пилоса от верховной власти «великого царя» Микен (последний вообще ни разу не упоминается в документах архива)[13]. К тому же в «Каталоге кораблей», т. е. в той части эпоса, которая, согласно широко распространенному мнению, наиболее точно воспроизводит политическую карту ахейской Греции, царство Агамемнона занимает сравнительно небольшую территорию в северо-восточном углу Пелопоннеса с главным центром в Микенах (Il., II, 569 sqq.), Бóльшая часть Арголиды с Тиринфом и собственно Аргосом остается за пределами этого домена[14]. Отсюда с неизбежностью следует, что великая панаргосская держава Агамемнона представляет собой всего лишь продукт поэтического вымысла, ein Königtum von Dichter Gnaden, по остроумному определению Г. Яхманна[15]. Возможность микенского происхождения предания о скипетре Агамемнона, тем не менее, остается. Сам Агамемнон в этом отрывке мало похож на рядового гомеровского басилея, все помыслы которого сосредоточены на его темене и кладовой, в которой хранятся его запасы бронзы и железа, а власть не выходит за рамки небольшой городской общины. Власть Агамемнона в пассаже о скипетре простирается на огромную территорию со множеством городов. Она покоится на божественном избранничестве царя, символом которого является «отеческий нетленный скипетр» Агамемнона, полученный его дедом Пелопсом от самого Зевса. Все эти признаки складываются в обобщенный и, конечно, в немалой степени идеализированный образ «харизматического» монарха микенской эпохи[16]. Гомер воспроизводит его в своей эпопее, вероятно, чисто автоматически, следуя какой-то давней и уже не вполне понятной ему традиции.

Со скипетром у Гомера в ряде случаев ассоциируется понятие «священного закона» (θέμις или чаще pl. θέμιστες), который также входит в состав царской харизмы как передающийся по наслед-

---

[13] Ср.: *Stella L. A.* La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965. P. 51; *Лурье С. Я.* Язык и культура Микенской Греции. С. 216.

[14] *Page D. L.* History and the Homeric Iliad. P. 127; ср.: *Hope Simpson R. A., Lazenby J. F.* The catalogue of the ships in Homer's Iliad. P. 71 f.

[15] *Jachmann G.* Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. S. 97.

[16] *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 75 f.

ству дар богов их избраннику[17]. В Il., IX, 96 sqq. Нестор обращается к Агамемнону с такими словами: «Славнейший Атрид, владыка мужей Агамемнон, тобой я закончу речь, но с тебя же и начну, ибо над многими людьми ты властвуешь и тебе Зевс вручил скипетр и законы, дабы им советовать» (...καί τοι Ζεὺς ἐγγυάλιξεν σκῆπτρόν τ' ἠδὲ θέμιστας, ἵνα σφίσι βουλεύῃσθα). Вырисовывающийся в этих строках (ср.: Il., IX, 156 и II, 206) образ боговдохновенного царя-законодателя, являющегося единственным проводником и истолкователем божественной воли, находит немало аналогий в литературе и изобразительном искусстве Древнего Востока. Несомненно, прав Уэбстер, который видит в теме «скипетра и законов» идеологический реликт микенской эпохи, усвоенный Гомером из предшествующей ему поэтической традиции[18]. Угодливый тон речи Нестора выдает в нем опытного царедворца. Превознося Агамемнона как единственного в своем роде царя, par excellence, он сам как бы забывает о своем собственном царском достоинстве. Та же логика, но уже с негативным оттенком и в известной инвективе Ахилла в I песни (231): «Царь, пожирающий народ, потому что властвуешь над ничтожествами...» (δημοβόρος βασιλεύς, ἐπεὶ οὐτιδανοῖσιν ἀνάσσεις). В этих и других аналогичных по смыслу эпизодах «Илиады» раскрывается конкретное политическое содержание таких эпитетов Агамемнона, как ποιμήν λαῶν или ἄναξ ἀνδρῶν. Он, действительно, «пасет народы» Аргоса и «владычествует над мужами» как самодержавный, неограниченный повелитель. Другие ахейские герои противостоят ему как его подданные (бесправный демос) или в лучшем случае как вассалы и придворные. Как настоящий деспот Агамемнон способен открыто пренебречь волей народа и навлечь неисчислимые беды на целую армию ради своей единственной прихоти, как в инциденте с Хрисом в начале поэмы. Опять-таки из чистого каприза он может лишить своего вассала его законной добычи, но он же может и щедро вознаградить его за понесенную потерю.

---

[17] Об этом понятии см.: *Ehrenberg V.* Die Rechtsidee im frühen Griechentum. Leipzig, 1921. S. 3 f.; *Vos H.* Θέμις. Utrecht, 1956; *Frisk H.* Die Stammbildung von θέμις // Eranos. Vol. 48. 1. 1950.

[18] *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 25 f.; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 83.

Примирительное послание Агамемнона Ахиллу в IX песни «Илиады» включает в себя одну из наиболее интересных микенских реминисценций во всем гомеровском эпосе. Чтобы смягчить разгневанного Пелида, Агамемнон предлагает ему в виде компенсации за прежнее бесчестие наряду с другими дарами еще и руку одной из своих дочерей, а вместе с ней как приданое семь приморских городов «на границе с песчаным Пилосом» (149 sqq.). Их жители (ἄνδρες ... πολύρρηνες πολυβοῦται) будут «дарами чтить» своего повелителя, «как бога», и, повинуясь его скипетру, исполнят установленные им «блестящие законы» (καὶ οἱ ὑπὸ σκήπτρῳ λιπαρὰς τελέουσι θέμιστας). Здесь снова Агамемнон предстает перед нами как древний «харизматический» монарх, причем выясняется, что часть своей харизмы, или, как выражается сам Гомер, «чести» (τιμή), — власть над целым краем с населяющими его людьми и со всем их имуществом — он может уступить другому лицу в качестве примирительного дара и вместе с тем приданого к предстоящей свадьбе. По существу эпизод этот логически развивает мысль, достаточно ясно выраженную поэтом уже в пассаже о скипетре. Только как владыка всего Пелопоннеса Агамемнон мог подарить своему будущему зятю семь городов, расположенных довольно далеко от его главной резиденции в Микенах на побережье Мессенского залива (на карте «Каталога кораблей» они должны были занимать место где-то на стыке между царствами Нестора и Менелая)[19]. Сам мотив дарения городов, крайне редко встречающийся у Гомера[20], восходит, вне всякого сомнения, к

---

[19] *Jachmann E.* Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. S. 98; *Лурье С. Я.* Язык и культура Микенской Греции. С. 194 сл.

[20] В параллель с этим отрывком можно поставить еще лишь два места: Il., IX, 483 sq. — Пелей дает приют бездомному скитальцу Фениксу, наделяет его богатством и отдает под его власть племя долопов (πολὺν δέ μοι ὤπασε λαόν) и Od., IV, 174 sqq. — Менелай в беседе с Телемахом высказывает пожелание переселить к себе Одиссея со всем его имуществом, семьей и людьми. Ради этого он готов очистить один из «расположенных вокруг и подвластных мне полисов».

Эти отрывки обычно приводятся как пример феодальных отношений в гомеровском обществе. — *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 236 f.; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. Lille, 1939. P. 109; *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 106; *Will Ed.* Aux origines du régime foncier grec.:

древнейшим (микенским) пластам эпической традиции. Трудно себе представить, чтобы во времена всеобщего оскудения и упадка, полнейшей политической дезинтеграции, царивших в Греции после так называемого «дорийского завоевания», здесь нашелся хотя бы один правитель, который был бы в состоянии без большого ущерба для себя подарить кому бы то ни было целый город. Рядовому гомеровскому басилею такого рода «царственная щедрость» была бы явно не по карману. Его богатство, за счет которого он мог обмениваться дарами с другими басилеями, устраивать пиры для друзей и предпринимать пиратские экспедиции в чужие края, исчислялось в бронзовых котлах и треножниках, штуках носильного платья и в головах крупного и мелкого скота, но никак не в подвластных ему городах. О великих царях, которым прислуживали другие цари и которые были способны награждать своих слуг и друзей, вручая им целые области со всем их населением, и сам поэт и его слушатели знали, вероятно, только понаслышке.

Напротив, в условиях квазифеодальной микенской монархии с ее сложной иерархической структурой и весьма значительной в сравнении с позднейшим греческим полисом территорией такой акт щедрости был бы естественным проявлением могущества и авторитета главы государства. Как было уже замечено, типичное микенское царство представляло собой конгломерат небольших городков (полисов, или вастю), группировавшихся вокруг дворца-цитадели, резиденции ванакта. Правители этих городков (скорее всего, это были басилеи — pa-si-re-u, упоминающиеся в табличках пилосского и кносского архивов)[21] считались, судя по всему, подданными (вассалами) династа-владетеля цитадели. Можно предположить, хотя прямых указаний на это в документах линейного Б-письма мы не находим, что в определенных случаях ванакт

Homère, Hésiode et l'arrière plan mycénien // REA. T. 49. 1957. P. 45; ср.: *Finley M. I.* Homer and Mycenae: Property and tenure. P. 139 f.; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 89, Anm. 379, S. 111.

[21] См. о них: *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 15; *Stella L. A.* La civiltà micenea nei documenti contemporanei. P. 54 sg.; *Wundsam K.* Die politische und soziale Struktur in den mykenischen Residenzen nach den Linear B Texten. Wien, 1968. S. 152; *Maddoli G.* Damos e basilees. Contributo allo studio delle origini della polis // SMEA. Vol. 12. 1970. P. 52 sg.; *Лурье С. Я.* Язык и культура Микенской Греции. С. 222 сл.

имел право передать один или даже несколько подвластных ему городов тому или иному лицу в качестве «кормления», подобно тому как это делали в более позднее время, например, персидские цари, одаривая своих друзей[22].

Нетрудно убедиться в том, что концепция неограниченной «милостью божьей» дарованной царской власти Агамемнона нигде в «Илиаде» не проводится с достаточной последовательностью и полнотой. Отдельные эпизоды вроде пассажей о скипетре или о семи мессенских городах, в которых эта концепция очерчена наиболее рельефно, производят впечатление разрозненных семантических узлов древнего предания, скорее механически без достаточного понимания включенных Гомером в совершенно новый исторический контекст. Сам этот контекст довольно сложен и совмещает в себе два разнородных плана. С одной стороны, ахейская коалиция представляется поэту каким-то подобием дружины Агамемнона, временным объединением его друзей (ἑταῖροι), добровольно последовавших за ним под Трою, причем некоторых пришлось даже упрашивать (Il., XI, 768; Od., XXIV, 116), и связанных с ним только клятвой во взаимной верности. Об этой клятве упоминают в разных местах Одиссей, Нестор, Идоменей (Il., II, 286 sqq., 339 sqq.; IV, 266; ср.: I, 153 sq.). С другой стороны, некоторые характерные детали в изображении ахейского лагеря, например наличие в нем специального места для судебного разбирательства (Il., XI, 807: ἵνα σφ' ἀγορή τε θέμις τε) или совершенно необязательный в военной обстановке совет «старцев» при Агамемноне, в котором единственным настоящим старцем является Нестор (Il., II, 53; IX, 70), позволяют видеть в нем своеобразный полис, возникший на вражеской территории. Управление этим полисом-дружиной носит скорее коллегиальный, чем единоличный характер. Функции верховного органа власти здесь выполняет корпорация басилеев [они же — старцы (γέροντες), советники (βουληφόροι), наконец судьи (δικασπόλοι)], в составе которой Агамемнон как первый среди равных занимает место президента

[22] *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 13. — Он ссылается на восточные параллели; ср.: *Heuss A.* Die archaische Zeit Griechenlands // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 62.

или регента. Терсит определяет его статус вполне республиканским термином ἄρχος (Il., II, 234)[23]. Как тесно сплоченная группа власть имущих, ахейские басилеи противостоят массе рядовых воинов, например в сцене испытания войска («Диапейра») во II песни «Илиады». Оскорбительные выпады Терсита в адрес Агамемнона они принимают и на свой счет. Поэтому Одиссей, выступающий здесь в роли главного поборника аристократического благозакония, требует от демагога, чтобы он прекратил препираться с царями и всуе поминать их имена, разглагольствуя перед народом (Il., II, 250: τῷ οὐκ ἄν βασιλῆας ἀνὰ στόμ' ἔχων ἀγορεύοις).

Интересные метаморфозы претерпевает в этой сцене «нетленный отеческий скипетр» Агамемнона. Почти сразу вслед за открывающим сцену апофеозом «владыки мужей», в котором, как мы уже видели, ему отводится столь важное место, скипетр в наступившей смуте запросто переходит из рук своего законного владельца в руки Одиссея (эта деталь уже должна насторожить внимательного читателя), а последний использует его самым прозаическим образом как простую палку для восстановления порядка в собрании и затем в эпизоде «посрамления Терсита» снова пускает его в ход как последний и решительный аргумент в споре с демагогом (Ibid., 185 sqq., 199, 265 sqq.). Все эти перипетии убеждают нас в том, что Гомер в общем далек от понимания подлинной природы царского скипетра. Он явно смешивает здесь две совершенно различные вещи: «священный скипетр» «священного царя», являющийся в одно и то же время символом и гарантией прочности и наследственности его власти (никогда и ни при каких обстоятельствах он не мог быть передан другому лицу, кроме законного наследника престола), и ораторский жезл, переходивший во время народного собрания от одного выступающего к другому вместе с правом держать речь перед народом[24]. Этот скипетр в отличие от

---

[23] *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 401 f. — Уже античные критики гомеровского текста оценивают политический режим в ахейском лагере как типичный образец аристократического строя; см.: Schol. ad Il., T, 390.

[24] *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 407; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 84; *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882. S. 46 f.

первого принадлежит не одному «избраннику божию», а всей правящей корпорации в целом, и связанная с ним харизма распространяется соответственно на всех ее членов[25].

Если можно говорить об определенной политической тенденции в пределах хотя бы двух первых песен «Илиады», то она, как нам думается, должна заключаться в следующем. Разразившаяся в первой песни вспышка тиранического темперамента Агамемнона ставит ахейскую армию на грань катастрофы. В трагическом ослеплении, пренебрегая открыто выраженной волей народа, не слушая увещаний мудрейшего из своих советников Нестора, «пастырь народов» ведет свое «стадо» прямиком к гибели. Расплата наступает уже во второй песни. Перед лицом смуты, охватившей ахейское войско, и по сути дела спровоцированной самим Агамемноном, обнаруживается полная его несостоятельность в роли единоличного и неограниченного правителя. Из брутального деспота, «пожирателя народа», свирепствовавшего в первой песни, он внезапно преображается в слабого и растерянного человека, явно неспособного сладить с вырвавшейся на свободу стихией массового безумия. В этот критический момент скипетр, чуть было не выпавший из его ослабевших рук, подхватывает один из семи «пэров»[26] ахейского войска — Одиссей. В действие вступают силы

---

[25] Так, скипетр, которым Ахилл скрепляет свою клятву в I, 237 sqq., принадлежит, по его словам, «сынам ахеян — судьям, которые хранят законы, полученные от Зевса» (νῦν αὖτέ μιν υἷες Ἀχαιῶν ἐν παλάμῃς φορέουσι δικασπόλοι οἵ τε θέμιστας πρὸς Διὸς εἰρύαται). Древний семантический комплекс «скипетр и законы» здесь, таким образом, в корне переосмыслен поэтом. Δικασπόλοι, о которых говорит Ахилл, по всей видимости, — все те же ахейские басилеи, к числу которых принадлежат и сам Ахилл, и Агамемнон, и другие герои. Скипетр является здесь символом их общей судебной власти. В сцене суда, изображенной Гефестом на щите Ахилла (Il., XVIII, 497 sqq.), скипетр переходит поочередно от одного старца-судьи к другому. Получив скипетр из рук вестника, каждый из них встает со своего места и изрекает приговор. Интересно, что царь в этом эпизоде вообще не упоминается. Но царями могут быть сами старцы (в «Одиссее» старцы-басилеи окружают Алкиноя так же, как в «Илиаде» — Агамемнона).

[26] Семь «лучших» ахейских героев составляют постоянное окружение Агамемнона и его военный совет (Il., II, 404 sqq.).

аристократической дисциплины и солидарности, к которым апеллирует Одиссей в своих увещаниях, обращенных порознь к царям и к народу (Ibid., 188 sqq.). Им-то и удается остановить панику и унять разбушевавшуюся толпу. В конечном счете сцена «испытания войска», если рассматривать ее в логической связи с предшествующими событиями, воспринимается как свидетельство торжества аристократического начала над чисто монархическим[27]. В последующем повествовании поэт исподволь, без чрезмерной акцентировки, но все же достаточно ясно дает нам понять, что Агамемнон «перевоспитался» под влиянием всех этих бурных событий и теперь уже правит «конституционно» в добром согласии с другими царями, проявляя подчас удивительную уступчивость. «Верноподданические» ноты, звучащие в увещательных речах Одиссея, например знаменитая тирада о вреде «многоначалия» (πολυκοιρανίη) и необходимости единовластия (Il., II, 203 sqq.), не должны скрывать от нас подлинный смысл этой сцены. Морган[28] замечает, что «у Улисса не было повода разбирать или защищать какую-либо форму правления, но у него было достаточно основания призывать к подчинению одному командующему войском перед лицом осажденного города». В общем контексте II песни сентенции такого рода производят впечатление скорее демагогического камуфляжа, чем настоящего политического кредо. Призывая толпу повиноваться «одному предводителю, одному царю, коему это дано сыном хитроумного Крона», не менее хитроумный Улисс сам, конечно, вовсе не собирается отказываться от власти, принадлежащей ему так же, как и всем другим ахейским басилеям, хотя его слова — «οὐ μέν πως πάντες βασιλεύσομεν ἐνθάδ' Ἀχαιοί» и т. д. — можно было бы понять именно таким образом. Дискредитировавший себя как диктатор, Агамемнон все же нужен ахейской элите хотя бы в роли верховного главнокомандующего или, говоря иначе, как фетиш, с помощью которого она надеется удержать в повиновении непокорный демос[29].

---

[27] Ср.: *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Die Ilias und Homer. Berlin, 1920. S. 264 f.

[28] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 106; *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 144.

[29] Возможна, однако, и другая интерпретация этого места, если предположить, что вся сцена «Испытания войска» подверглась позднейшей

Все эти наблюдения убеждают нас в том, что и царство Агамемнона, и другие великие державы «Героического века» были для Гомера скорее абстрактными понятиями, лишенными реального исторического содержания и не находящими никаких аналогий в его собственном политическом и житейском опыте. За исключением стоящего особняком «Каталога кораблей», в котором политические отношения ахейского прошлого приведены в какое-то подобие системы и угадываются хотя бы общие очертания мифических и полумифических государств времен Троянской войны, как в «Илиаде», так и в «Одиссее» можно встретить лишь случайные и отрывочные упоминания о больших царствах микенского типа, по всей видимости, автоматически перенесенные в эпос из предшествующей поэтической традиции. Совершенно очевидно, что само понятие царства, равно как и тесно связанная с ним концепция самодержавной деспотической власти царя «милостью божьей», чуждо сознанию Гомера как наследие давно угасшей культуры. Объяснение этому факту найти нетрудно. Не приходится сомневаться в том, что в мире, окружающем поэта, доминирующей политической реальностью был единичный самодовлеющий полис, во многом уже приближающийся к обычному типу греческого города-государства. В соответствии с этим именно полис, а не какая-нибудь иная форма политической организации занимает центральное место в основных сюжетных коллизиях обеих гомеровских поэм[30]. Едва ли есть надобность напоминать читателю, что борьба за город является ведущей темой «Илиады», тем главным ядром, вокруг которого строится сюжет поэмы. Также и в «Одиссее» почти все центральные события разворачиваются на фоне одиночного, обособленного от внешнего мира полиса (под это определение в равной мере подходит и Итака, и Схерия, и все другие города, фи-

---

«редакторской правке»: *Leaf W.* Introduction to the II song // The Iliad. London, 1902. P. 47 f.; *Von der Mühll P.* Kritisches Hypomnema zur Ilias. Basel, 1952. S. 32. В результате этой правки, возможно, инспирированной кем-то из тиранов архаической эпохи, первоначальная проаристократическая тенденция «Диапейры» могла быть приглушена и на первый план выступили «роялистские» мотивы.

[30] *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer // Festschrift B. Snell. München, 1956. S. 154.

гурирующие в поэме)[31]. Почти каждый из главных героев как той, так и другой поэмы ассоциируется, как правило, с одним определенным полисом. Так, Агамемнон назван «царем златообильных Микен» (Il, VII, 180; XI, 46), Приам — царем Трои, Нестор — Пилоса, Менелай — Спарты, Одиссей — Итаки и т. д.

Типичный гомеровский полис, будь то Троя, Итака, город феаков или, скажем, город, изображенный на щите Ахилла, обычно бывает наделен всеми признаками свободной, самоуправляющейся общины. В нем обязательно имеется в наличии агора, место для судебных тяжб и народных собраний, и царский дворец, в котором пируют и совещаются о «государственных делах» «старцы народные»[32]. Сами понятия общины и города в их эпическом употреблении тесно между собой связаны[33]. На это указывают, например, формулы типа πῆμα (или invers. χᾶρμα) πόληί τε παντί τε δήμῳ (Il., III, 50; XXIV, 706)[34]. Говоря о человеке, проводя-

---

[31] Один полис — у киммерийцев (Od., XI, 14), у лестригонов (X, 81), даже у египтян (XIV, 265).

[32] Ср.: *Calhoun G. M.* Polity and society // A companion to Homer / Ed. A. J. B. Wace and F. H. Stubbings. London, 1963. P. 432.

[33] Трудно согласиться с теми авторами, которые отказывают гомеровскому понятию полиса в каком бы то ни было политическом значении; см.: *Keil B.* // Einleitung in die Altertumswissenschaft / Hrsg. von A. Gercke, Ed. Norden. Bd. III. Leipzig—Berlin, 1912. S. 305; *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. P. 67; *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. New York, 1961. P. 125. Ср.: *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. S. 45; *Thomas Ch. G.* Homer and the polis // La Parola del Passato. Fasc. 106. 1966. P. 7.

[34] Из этой формулы следует, что демос в целом — понятие более широкое, чем полис. Очевидно, в его состав входила и какая-то часть сельских жителей (ἀγροιῶται), обитавших на окраинах полисной территории. Правда, в некоторых случаях понятие демоса простирается на обширные области с многочисленным населением, рассеянным по ряду городов. Таков, например, «плодородный» демос беотийцев (Il., V, 710); ликийский демос (Il., XVI, 455, 514); демос кефалленцев (Od., XX, 210) и др. Однако во всех этих случаях термин δῆμος имеет сугубо географическое, территориальное значение — «страна» или «земля». В более узком морально-политическом значении — «община», «масса граждан», противостоящая тому или иному индивиду — этот же термин, как правило, ассоциируется с одним-единственным полисом (Il., III, 50; XI, 704; XVIII, 220;

щем время в городе, Гомер употребляет характерный глагол ἐπιδημεύειν — «находиться среди людей, среди народа — Od., XVI, 29), давая тем самым понять, что именно полис является в его глазах важнейшим жизненным центром общины, ее главной резиденцией. По существу община (демос) кончается там, где начинается «поле» соседнего полиса. Даже города, расположенные в близком соседстве друг от друга и заселенные одним и тем же народом, ведут, как правило, совершенно замкнутое, обособленное существование, почти не вмешиваясь в дела соседей. Лишь в случае общей опасности со стороны внешнего врага они объединяются в какое-то подобие временной симмахии, которая распадается сразу же, как только угроза извне минует. Примером такого аморфного сообщества полисов могут служить города Троады. В Il., IX, 328 sqq. Ахилл насчитывает 23 троянских полиса, взятых им с суши и с моря за десять лет войны. По-видимому, все они имеют своих собственных царей, причем нигде в «Илиаде» не говорится о какой бы то ни было зависимости этих «Stadtfürsten» от Приама, хотя некоторые из них связаны с ним и с его родом через посредство династических браков[35]. Ни о какой иной форме политического единства, кроме достаточно эфемерного военного союза нескольких городских общин, здесь говорить не приходится[36].

XXIV, 706, 776; Od., II, 239; IV, 691; VII, 11, 150; VIII, 157; XI, 353; XIII, 186; XVI, 425; XXII, 55 и др.).

[35] Так, Андромаха, супруга Гектора, происходит из Фив Киликийских (один из городов Троады), принадлежавших, до того как город был разрушен Ахиллом, ее отцу, царю Эетиону (Il., VI, 414 sqq.; ср.: I, 366; II, 691; IX, 188; XXIII, 286). Лаотоя, одна из жен Приама, мать Ликаона, названа дочерью Альтеса, царя Педаса (Il., XXI, 85 sqq.). Своих царей имеют также Лирнесс (Il., II, 690 sqq.; ср.: XIX, 296), Скирос (IX, 668), вероятно, также Зелея, Адрестея, Перкот и другие города Троады, перечисленные в «Троянском каталоге» (Il., II, 824 sqq.); ср.: Il., I, 163 sq.

[36] Аналогичную коалицию могли составлять города Эллады и Фтии, упомянутые в Il, IX, 334. Их правители (ἀριστῆες), вероятно, равны Ахиллу по положению. В противном случае брак с дочерью одного из них мог бы унизить героя. — *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 333; *Finsler H.* Homer. Bd. I. Leipzig—Berlin, 1914. S. 102; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 111. Намек на сходную форму территориально-этнического сообщества полисов, возможно, заключен также в Il., XI,

Среди городов, о внутренней жизни которых поэт информирует нас более или менее обстоятельно, наиболее цельное и определенное впечатление в политическом плане производит, пожалуй, Троя. Приам скорее, чем кто бы то ни было из гомеровских царей, может быть признан единоличным правителем своего полиса, хотя и не обязательно в чисто монархическом смысле. Несмотря на свою старость и немощность, он является признанным главой общины. Не случайно сама Троя названа в «Илиаде» «великим городом владыки Приама»: ἄστυ μέγα Πριάμοιο ἄνακτος (VII, 296; XVII, 160; XXI, 309 и др.) или πόλις Πριάμοιο ἄνακτος (так, II, 373; IV, 18, 290; XII, 11 и др.). Конструкции такого рода (nomen urbis cum genetivo nominis regis) — достаточно редкое явление в языке эпоса[37]. Это обстоятельство, а также явно микенский титул Приама — ἄναξ — говорят о том, что перед нами очень древняя формула, выражающая тесную, можно даже сказать, кровную связь царя с его городом и народом. В том же направлении указывает и знаменитое пророчество о гибели Трои: τιέσκετο Ἴλιος ἱρὴ καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐυμμελίω Πριάμοιο (Il., IV, 46 sq.; VI, 449; VIII, 552; ср.: XXIV, 27 sq.). Как мы уже видели, дворец Приама с его многочисленными апартаментами и с примыкающими к нему домами Гектора и Париса образует архитектурный и одновременно политический центр города, что опять-таки свидетельствует об особой роли принципа личной власти в жизни троянского общества. Кроме Приама царские титулы (βασιλεύς или ἄναξ) носят его сыновья, например Парис и Гелен (Il., IV, 96; XIII, 582). Интересно, что Гектора поэт ни разу не называет «царем»,

---

711 sq. (рассказ Нестора о войне пилосцев с элейцами) и в Od., IX, 40 sqq. (киконский эпизод). Лишь в единичных случаях власть «владыки города» выходит за рамки его собственного полиса, простираясь также на соседние города. Так, в Od., XV, 412 (об отце Евмея, царе острова Сира).

[37] В трех случаях из семи конструкция этого типа относится к другим троянским городам, помимо Трои. Так, Фивы Киликийские — священный «город Эетиона» (Il., I, 366); Лирнесс — «город Минеса» (Il., XIX, 296); Скирос — «город Эниэя» (Il., IX, 668); см. также: Il., II, 677, 730; XIV, 230; Od., III, 4; ср.: X, 81. Показательно, что такие города «Одиссеи», как Итака и Схерия, ни разу не названы по имени своего царя.

хотя именно он является фактическим регентом при уже неспособном к реальному управлению Приаме и, очевидно, законным наследником его власти. Об этом достаточно красноречиво говорит имя или, скорее, прозвище маленького сына Гектора — Ἀστυάναξ, которое, по словам поэта (VI, 403), дали ему благодарные троянцы за то, что его отец один защищал Трою от врагов[38].

Царская власть принадлежит Приаму и его детям как представителям старшей ветви рода Дарданидов, с незапамятных времен правящего Троей (см. его родословную в Il., XX, 215 sqq.). Однако претенденты на престол имеются и в других побочных ветвях этого же рода. Одному из них — Энею — суждено царствовать над троянцами, после того как погибнет ненавистное Зевсу «племя Приама» (об этом говорит Посейдон: Il., XX, 302 sqq.)[39]. Ахилл, по-видимому, тоже что-то знающий об этом пророчестве, пользуется им как поводом для насмешек над Энеем, с которым он встретился на поле брани (Ibid., 180 sqq.): «Или душа побуждает тебя сразиться со мной в надежде стать хозяином чести Приама среди троянцев, укротителей коней? Однако, если даже ты и снимешь с меня доспехи, Приам не передаст тебе свою почесть ради этого. Ведь у него есть сыновья...» Из этих слов следует, что Приам сам волен распоряжаться своей властью (поэт называет ее сначала τιμή затем γέρας), которую он может передать (букв. «вложить в руку») кому угодно[40].

Рядом с Приамом мы видим совет, состоящий из семи «старцев народных» (δημογέροντες). Они названы поименно в сцене «Тейхоскопии» (Il., III, 146 sqq.). Среди них три брата Приама: Лампа, Клитий и Гикетаон (ср.: Il., XX, 237 sq.) и четыре старца (Пантой, Тимоэт, Укалегон и Антенор), возможно, состоящие с ним в каком-то более отдаленном родстве, хотя прямо об этом нигде не говорится (интересно, что Анхиз, отец Энея в эту корпорацию не входит). Функции троянского совета не вполне ясны, хотя

---

[38] Ср. парафразу того же имени в Il., VI, 478.

[39] Ср.: Il., XIII, 460: Приам, вероятно, подозревая Энея в покушении на его власть, не «оказывает ему подобающей чести».

[40] Однако подобающий в таких случаях темен новому царю должны вручить другие троянцы (Ibid., 184 sq.; ср.: IX, 574 sqq.; XII, 313 sq.; VI, 194).

из «Илиады» (XV, 722) видно, что власть его была довольно значительной и при случае старцы могли навязать свою волю даже «верховному главнокомандующему» Гектору.

В целом существующий в Трое политический режим можно охарактеризовать как один из вариантов примитивной монократии[41]. Власть Приама в основе своей есть ничто иное, как patria potestas главы семейной общины в сочетании с верховным авторитетом родового вождя. Сам троянский демос, по-видимому, мыслится поэтом как единый разросшийся род потомков Дардана, в котором Приам вместе с его детьми занимает по праву старшинства главенствующее место[42]. Все другие троянцы находятся как бы под его отеческой опекой и поэтому именуются «народом копьеносца Приама», а сама Троя — «городом владыки Приама». В принципе как та, так и другая формула вполне могли бы определять власть микенского ванакта над его подданными и его цитаделью (микенское происхождение, по крайней мере второй из этих формул кажется весьма вероятным). Но Троя в изображении Гомера, как было уже замечено, гораздо больше напоминает родовое городище среднеэлладской эпохи или более позднего времени, чем классическую микенскую цитадель, сам же Приам схож не столько с божественным деспотом, гордо взирающим из своей твердыни на подвластные ему «города и веси», сколько с библейским патриархом, отечески повелевающим своими «чадами и домочадцами». Можно предположить, что с этим исконным архетипом патриархальной царской власти в описании «троянской конституции» соединены и более поздние впечатления, вынесен-

---

[41] Мы сознательно используем здесь этот пока еще мало употребительный термин, чтобы показать, что, несмотря на известное внешнее сходство с монархией, власть Приама представляет собой явление принципиально иного порядка. Монократия — понятие более широкое, нежели монархия в обычном значении этого слова. В отличие от последней она охватывает и такие формы личной власти, которые могут существовать в бесклассовом обществе, например власть родовых и племенных вождей; см.: La monocratie. Vol. I. Bruxelles, 1970.

[42] В древнейшем варианте предания Приам и его семья, возможно, составляли все население Трои. На это указывает то обстоятельство, что в «Троянском каталоге» Эней и Антенор отнесены к особому, отличному от троянцев, народу дарданцев (Il., II, 819).

ные поэтом из наблюдения над современными ему политическими режимами типа родовых олигархий или династий — таких, например, как режим Бакхиадов в Коринфе или режим Пентилидов в Митилене[43]. Однако эти добавочные штрихи, если они, действительно, имеют место, достаточно органично вписываются в традиционную схему единовластия Приама, не нарушая ее целостности и законченности.

Гораздо более сложной и запутанной выглядит ситуация, сложившаяся на Итаке в связи с длительным отсутствием Одиссея. Изображая ее, поэт в какой-то мере исходил из традиционного представления об Одиссее как единственном и, очевидно, полновластном царе города и острова. Отголоски этой традиции проскальзывают в сетованиях Ментора и Пенелопы на неблагодарность граждан Итаки, забывших своего доброго царя и не заботящихся о его семье (Od., II, 230 sqq.; IV, 687 sqq.). Даже женихи признают Одиссея, хотя и против воли, своим законным государем. Евримах, пытаясь остановить уже начавшееся избиение, молит Одиссея «пощадить свой народ» (XXII, 54 sq.). Принуждая Пенелопу к ненавистному ей браку, женихи рассчитывают, что ее избранник станет царем Итаки вместо Одиссея (XV, 519 sqq.; ср.: XXII, 50 sqq.). Здесь перед нами, несомненно, очень древний мифологический мотив: рука жены или дочери царя служит гарантией власти для его преемника[44]. Для того чтобы расчистить себе дорогу к престолу, женихи замышляют убийство Телемаха, надеясь в его лице погубить весь род Аркесиадов (XIV, 182; ср.: XVI, 372 sqq.; XV, 533 sq.). Возможно, к еще более глубоким пластам мифологической традиции восходит кровавая развязка поэмы, в которой Одиссей доказывает свое право на власть физическим истреблением всех своих соперников[45].

---

[43] Ср.: *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 121 f.

[44] *Finley M. I.* The world of Odysseus. London, 1962. P. 111 f.

[45] *Germain G.* Essai sur les origines de certaines thèmes Odyséens et sur la genèse de l'Odyssée. Paris, 1954. P. 1 s. — Этот же мотив в еще более акцентированной форме повторяется в финальной сцене «Одиссеи» (XXIV, 522 sqq.), где старец Лаэрт, внезапно обретший с помощью Афины юношескую бодрость и силу, убивает своего главного врага, Евпейта, и тем доказывает, что его род, действительно, «самый царственный» на Итаке.

Однако в общем контексте «Одиссеи» мотивы такого рода, как бы ни были они интересны сами по себе, звучат достаточно приглушенно и воспринимаются как обрывки какой-то полузабытой сюжетной линии, восходящей к давней предыстории поэмы. Основной конфликт, вокруг которого строится фабула «нашей» «Одиссеи», — отнюдь не политического свойства. Главное для поэта — это борьба «богатого мужа» с грабителями, захватившими его дом и притесняющими его жену и сына. Не случайно в узловой, с точки зрения развития сюжета, сцене народного собрания во II песни мотив узурпации престола не всплывает ни разу. Телемах, выступая перед народом, жалуется на бесчинства, которые женихи творят в его доме, на их обжорство, ни словом не упоминая о том, что они, по сути дела, лишили власти его, законного наследника Одиссея. Да и сам Одиссей как будто совсем не замечает преступных поползновений женихов. Краткая обвинительная речь, с которой он обращается к ним, прежде чем начать избиение (XXII, 35 sqq.), состоит всего из трех пунктов: 1) женихи разграбили имущество Одиссея; 2) они принуждали к сожительству его рабынь и 3) наконец, пытались принудить к незаконному браку его жену. Итак, в вину женихам ставится лишь их покушение на права собственника и супруга, отнюдь не измена главе государства и претензии на его власть, хотя с этого, казалось бы, следовало начать. Прямо вопрос о власти Одиссея ставится в поэме лишь дважды. В первой песни (368 sqq.) мы становимся свидетелями любопытной беседы Телемаха с предводителями женихов Антиноем и Евримахом. Раздраженный смелыми словами юноши, направленными в их адрес, Антиной грозит, что «Зевс никогда не позволит ему стать царем на волнообъятой Итаке, хотя это право и принадлежит ему по рождению» (386 sq.: μὴ σέ γ' ἐν ἀμφιάλῳ Ἰθάκῃ βασιλῆα Κρονίων ποιήσειεν, ὅ τοι γενεῇ πατρώϊόν ἐστιν). На грубый нажим Антиноя Телемах отвечает в тоне притворного смирения и равнодушия, хотя и не без некоторой иронии: «Я хотел бы получить это (т. е. царскую власть), если бы Зевс дал. Или, может быть, ты скажешь, что это — худшее из того, что может случиться среди людей? Неплохо быть царем. Ведь дом его тотчас становится богатым, а сам он пользуется большим почетом. Но много и других царей ахейских на волнообъятой Итаке, молодых и старых. Кто-нибудь из них, пожалуй, по-

лучит это, раз уж умер божественный Одиссей» (390 sqq.). Концовка этой речи звучит неожиданно твердо (Телемах как бы сбрасывает с себя маску простоватого недоросля): «Я же останусь господином (ἄναξ) нашего дома и рабов, которых добыл для меня (μοι λῃΐσσατο) божественный Одиссей» (397 sq.). Столь стремительный переход от чистой политики (вопрос о власти) к не менее чистой экономике (вопрос о собственности) весьма характерен для сугубо прагматической психологии гомеровских героев. Впрочем, внимательный наблюдатель, вероятно, заметит, что и к проблемам политического свойства участники беседы подходят скорее с хозяйственной меркой. В самой царской власти Телемах, вероятно, так же, как и его противники, видит прежде всего источник доходов и всяческого материального благополучия («дом его тотчас становится богатым»). Быть царем не менее, а может быть, даже и более прибыльное дело, чем война, пиратство, торговля и т. д. Настоящий наследник престола, «принц крови», конечно, не мог бы так рассуждать. Но Телемах и не настаивает на своем исключительном праве на царский сан. Он охотно (или это только так кажется?) допускает, что место, освободившееся после смерти его отца, займет кто-нибудь другой, из уже имеющихся на острове претендентов на власть, но при этом весьма решительно заявляет, что никто не может лишить его отцовского имущества и рабов. При такой расстановке акцентов невольно возникает впечатление, что дом и рабы занимают в душе Телемаха гораздо больше места, чем скипетр и трон, что сама царская «почесть» воспринимается им как какой-то не столь уж важный придаток к его богатствам, без которого в общем вполне можно обойтись. Даже если сделать скидку на искусное притворство юного отпрыска Одиссея, на его игру в незаинтересованность, все же остается совершенно ясным, что ре́чь здесь не может идти о настоящей наследственной царской власти, что обе стороны имеют в виду, скорее всего, какую-то магистратуру, которая может переходить из рук в руки, минуя прямого наследника, и, может быть, даже дается только на время, хотя уже и это хорошо, так как за это время можно сделаться богачом.

Особое внимание привлекают к себе три строчки в речи Телемаха (394 sqq.): ἀλλ᾽ ἦ τοι βασιλῆες Ἀχαιῶν εἰσὶ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐν ἀμφιάλῳ Ἰθάκῃ, νέοι ἠδὲ παλαιοί, τῶν κέν τις τόδ᾽ ἔχῃσιν, ἐπεὶ θάνε δῖος Ὀδυσσεύς. В сопоставлении со всем ос-

тальным текстом этого пассажа они производят впечатление логической ошибки, какой-то незаконной и необоснованной «подмены тезиса». В самом деле, и Антиной, и сам Телемах, и отвечающий ему Евримах (Ibid., 400 sqq.) явно имеют в виду только одно вакантное царское место, которое может занять, а может и не занять Телемах. Но кто же тогда эти «молодые и старые цари ахейцев»? Рассуждая логически, они могут быть только претендентами на власть, просто итакийскими аристократами, но никак не властьимущими[46]. Мы не знаем, однако, ни одного случая ни у Гомера, ни у других авторов, где бы термин βασιλεύς (в единственном или множественном числе, безразлично) обозначал претендента на власть, а не лицо, уже облеченное властью. Ни в одном из известных нам греческих государств этот термин не употреблялся для обозначения всей вообще знати, просто аристократии, ограничиваясь всегда узким кругом должностных лиц с сакральными или судебными полномочиями. К тому же, логически развивая эту мысль, мы придем к явной бессмыслице: человек, уже являющийся басилеем, претендует на то, чтобы стать басилеем.

Не следует, однако, забывать о том, что поэтическая, особенно гомеровская логика отнюдь не тождественна обычному здравому смыслу. Гомеровское мировосприятие дискретно по своему характеру. Каждая отдельная вещь или ситуация существует в эпическом рассказе сама по себе. Связи между отдельными фактами поверхностны и непрочны, имея вторичное значение по сравнению с самими фактами. Во многом такому взгляду на мир способствует, конечно, формальная структура самого гомеровского стиха. Выбор слова в стихе почти всегда диктуется либо размером, либо конкретной сиюминутной художественной задачей, иногда не выходящей за пределы одной строки. Возникающие при этом ло-

---

[46] Так, Стэнфорд переводит βασιλεύς в 386 стрк. «king»; βασιλῆες в 394 стрк. «prince, person of royal rank» (The Odyssey of Homer / Ed. by W. B. Stanford. Vol. I. London, 1965. ad. loc.); см. также: *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. S. 19 f.; *Glotz G.* La cité grecque. Paris, 1928. P. 47; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 59; *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. М., 1913. С. 16 сл.; ср.: *Gschnitzer Fr.* Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen. S. 102, Anm. 18.

гические противоречия и неувязки, естественно, остаются в тексте, так как поэт либо просто не обращает на них внимания, либо только слегка приглушает[47]. Так и в данном случае Гомер явно сталкивает две противоположные логические посылки, почти не заботясь об их согласовании. Согласно одной из них, Одиссей является единственным царем Итаки и после его смерти или исчезновения островом должен править также один человек. Согласно другой (она появляется в тексте чисто случайно: поэту просто хочется сильнее подчеркнуть действительную или наигранную скромность Телемаха), на острове много царей, все они правят сообща, и Телемах может стать одним из них. «Мостик» между этими двумя посылками образуют не очень ясные по смыслу (неясность, очевидно, нарочитая) слова: τῶν κέν τις τόδ' ἔχῃσιν, ἐπεὶ θάνε δῖος Ὀδυσσεύς, из которых обычно и заключают, что «молодые и старые цари» Итаки — это претенденты на престол Одиссея.

Мысль о «многоцарствии» (поликойрании, ср.: Il., II, 204), по-видимому, случайно возникшая в этом месте для всей Одиссеи — явление отнюдь не случайное, а, напротив, тесно связанное с ее сюжетом и системой образов. Не так уж трудно догадаться, кого конкретно имеет в виду Телемах, говоря о «молодых и старых царях ахейцев». Прежде всего, это, конечно, — сами женихи и их родители. Правда, как это уже отмечалось, кое-где они еще признают себя подданными Одиссея. Однако в XVIII песни (64) Телемах прямо называет «царями» предводителей женихов Антиноя и Евримаха (см. также: XXIV, 179). Говоря о могуществе и всевластии женихов на Итаке и соседних с нею островах, поэт несколько раз употребляет глаголы κρατέουσι, κραίνουσι, κοιρανέουσι (I, 247; VIII, 391; XV, 510; XVI, 124; XXI, 346), которые, как правило, ассоциируются у Гомера с царской властью. Да и на практике женихи ведут себя как властьимущие и подлинные хозяева острова. Именно к ним обращается Телемах с просьбой дать ему корабль для розысков отца (II, 212 sqq.; ср.: 306 sqq.). Они пользуются правом производить поборы среди

[47] Об этой особенности гомеровской поэтической техники, выражающейся в принципе «one thing at a time», см.: *Bowra C. M.* Homer. London, 1972. P. 33 f.; *Perry B. E.* The early Greek capacity for seeing things separately // TAPA. Vol. 68. 1937.

народа, опять-таки, как настоящие цари (XXII, 55 sqq.). Известная сцена разгона женихами народного собрания во II песни невольно вызывает в памяти слова приложения к «Ликурговой Ретре»: «Если народ постановит неверно, старейшинам и царям распустить» (Plut. Lyc., 6). Чисто формальный момент во всех этих случаях едва ли всерьез интересует поэта. Во всяком случае, он нигде не говорит, что женихи присвоили себе не принадлежащую им по закону власть[48]. Ясно, что в его представлении они ведут себя так, как подобает вести себя дурным царям, притеснителям народа, но все-таки именно царям.

Еще раз вопрос о судьбе царской «почести» Одиссея возникает в «Некии». Его задает сам герой, обращаясь к тени своей матери Антиклеи, которую он узнал среди сонма мертвых (XI, 174 sqq.). На вопрос Одиссея — «Скажи мне об отце и о сыне, которого я оставил, все ли у них еще моя почесть или кто-нибудь другой из мужей уже владеет ею; обо мне же говорят, что я не вернусь более?» — Антиклея отвечает: «Никто еще не завладел твоею прекрасной почестью, но Телемах спокойно владеет теменом и участвует в равных пирах, которые пристало устраивать мужу-судье (ἅς ἐπέοικε δικασπόλον ἄνδρ' ἀλεγύνειν), ведь все его приглашают». Мысль, заключенная в этих строках, как будто ясна: в отсутствие Одиссея его «почесть» может быть закреплена за его родственниками, но может быть передана и другому лицу, имеющему на это право, очевидно, кому-то из итакийской знати. Право решения этого вопроса принадлежит, по всей вероятности, народу или совету «старцев». Сама «почесть» складывается из двух элементов: темена и права участия в обедах судей, причем одно здесь вытекает из другого: Телемах потому и участвует в обедах судей, что у него есть темен, за счет доходов которого он может покрыть все издержки по устройству пиршества. Из всего этого с очевидностью следует, что Телемах и сам входит в состав коллегии итакийских δικασπόλοι,

[48] Правда, в Od., XXII, 50 sqq. Евримах «открывает глаза» Одиссею, сообщая, что Антиной (в этот момент уже убитый) не только покушался на брак с Пенелопой, но и хотел сам царствовать на Итаке, убив предварительно Телемаха. Но здесь мы, по-видимому, имеем дело с одним из реликтов древней (микенской) концепции единоличной царской власти.

занимая в ней то место, которое прежде принадлежало его отцу[49]. В свою очередь это означает, что Одиссей в глазах поэта в данном случае, как, вероятно, и во многих других, вовсе не является единоличным и полновластным правителем Итаки, а всего лишь одним из многих царей-судей, управляющих островом (термин δικασπόλος здесь, как и в цитированном выше месте из I песни «Илиады» — 237 sqq., — несомненно, синонимичен термину βασιλεύς).

Итак, было бы неправильно расценивать обстановку, сложившуюся на Итаке в отсутствие Одиссея, как обычную анархию. На острове есть законное правительство, и хотя установленный женихами режим живо напоминает олигархию или тиранию, их противники, включая и самого Одиссея, все же не решаются оспаривать принадлежащее им право на власть. Противозаконный характер носят как раз действия Одиссея, истребившего цвет итакийской знати, хотя поэт старается по возможности не заострять внимание слушателей на этом неприятном моменте[50].

В своем идеальном варианте гомеровская поликойрания предстает перед нами в феакийских песнях «Одиссеи». Особый интерес представляют с. 390 sq. VIII песни. Алкиной, предлагая щедро одарить гостя, напоминает присутствующим: «Двенадцать славных царей властвуют (здесь) среди народа, я сам тринадцатый» (δώδεκα γὰρ κατὰ δῆμον ἀριπρεπέες βασιλῆες ἀρχοὶ καίνουσι, τρισκαιδέκατος δ' ἐγὼ αὐτός). Каждый из тринадцати должен преподнести Одиссею хитон и фарос и в дополнение к этому талант золота. Само это замечание носит чисто случайный характер и продиктовано лишь стремлением поэта к точности: слушатель должен знать, сколько именно пар платья и талантов золота получил Одиссей от феаков. Тем более важной и ценной должна

---

[49] Ср. разбор этого места: *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4. С. 46. — Поэт, таким образом, сам себе противоречит, ибо здесь оказывается, что место Одиссея, которое в I песни было признано вакантным, уже занято его сыном.

[50] Заключительная сцена поэмы (обмен клятвами между Одиссеем и итакийцами — Od., XXIV, 546) может быть истолкована в двояком смысле: как примирение убийцы с родственниками убитых и как возобновление «полномочий» свергнутого царя. Это не означает, однако, что Одиссей впредь будет единственным царем Итаки.

казаться заключенная в этих строках информация. Режим «многоцарствия», о котором в других местах нам приходится лишь догадываться по всякого рода косвенным намекам, здесь обрисован хотя и бегло, но зато совершенно определенно, как нечто вполне нормальное, само собой разумеющееся. Двенадцать «славных басилеев» неизменно сопутствуют Алкиною почти во всех основных сценах феакийских песен. Как театральные статисты, они постоянно меняют свое амплуа, выступая то в роли совета и сотрапезников Алкиноя, пьющих свое γερούσιον οἶνον в его палатах (XIII, 7), то изображая толпу на площади, к которой Алкиной обращается с речами (VIII, 41; ср.: VI, 54; VII, 49). Но во всех этих случаях они остаются лицами без речей и почти без телодвижений. Говорит и действует один Алкиной, и лишь один раз в виде исключения (VII, 155 sq.) подает голос старец и герой Эхеней, очевидно, один из двенадцати.

Слова Алкиноя в VIII, 390: «Двенадцать славных басилеев властвуют здесь среди народа», — могут быть поняты лишь в том смысле, что все цари сообща управляют островом. Своим добавлением — «Я сам тринадцатый» — Алкиной скорее присоединяет себя к ним, нежели противопоставляет. В чисто правовом отношении двенадцать басилеев как будто ничем не отличаются от Алкиноя. Как и он, они владеют каждый в отдельности теменом, полученным в дар от народа, с правом передавать его по наследству своим детям (VII, 149 sq.). Так же, как и он, они пользуются правом собирать с народа (κατὰ δῆμον) дары (XIII, 8 sqq.). Так же, как и он, носят скипетр (VIII, 41). Тем не менее Алкиной занимает среди феакийских царей особое положение. Он сам подчеркивает это, гордо заявляя, что ему принадлежит вся сила и власть среди феаков (Od., XI, 352. ср.: 346; VI, 197). По некоторым намекам в тексте поэмы можно понять, что сила, которой наделен Алкиной, — не простая, а магическая. На это указывает, например, необычный эпитет, сопровождающий его имя, «священная сила» (ἱερός μένος — VIII, 4 и пр.). Эта любопытная деталь позволяет отнести Алкиноя к разряду так называемых «священных царей». От его силы непосредственно зависит благополучие и процветание его народа[51]. Очевидно, именно так, а

[51] *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 166 f.

не просто в политическом смысле как претензию на неограниченную царскую власть следует понимать его слова: «Τοῦ γὰρ κράτος ἔστ' ἐνὶ δήμῳ» (Od., XI, 353).

Как «священный», единственный в своем роде царь феаков, каким он и был, вероятно, в первоначальном, догомеровском варианте предания, Алкиной, естественно, должен был обходиться без всяких соправителей. Из этой праосновы мифа в «Одиссею» пришел и сказочный дворец Алкиноя, в котором он весело пирует вместе со своим народом и щедро угощает заброшенных на его остров чужеземцев. Двенадцать «славных басилеев» появились в феакийской сказке лишь тогда, когда поэту пришла в голову мысль углубить и модернизировать фон, на котором развиваются события в этой части поэмы, подчинив его общему ионийскому колориту «Одиссеи». В результате этого усложнения первоначальной сюжетной линии сам Алкиной из единоличного властителя феаков превратился в регента аристократической республики, как характеризует его Финзлер, председателя коллегии басилеев[52].

Для того чтобы осмыслить весь эпический материал, подобранный в настоящей главе, необходимо представлять хотя бы в самых общих чертах, как шло политическое развитие греческого мира в рамках того периода, который мы именуем гомеровским. Традиционная схема «от монархии к аристократической республике», бытующая во многих как общих, так и специальных трудах по истории Греции[53], как нам кажется, не только сильно упрощает, но во многом и искажает реальные очертания этого процесса. Основной ее дефект заключается в неясности исходной посылки. Авторы, придерживающиеся этой схемы, обычно забывают уточнить,

---

[52] *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 320; ср.: *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 165 f.

[53] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 346 f.; *Glotz G.* La cité grecque. P. 71 s.; *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 240 f.; *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Zürich—Stuttgart, 1965. S. 58. Со справедливой критикой этой теории выступает Старр (*Starr Ch. G.* The decline of the early Greek kings // Historia. Bd. 10. 2. 1961. P. 130 f.); ср.: *Gschnitzer Fr.* Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen. S. 108 f.

какая именно форма монархии была той отправной точкой, с которой началось развитие греческой государственности в почти неразличимых сумерках, скрывающих от нас события XI—IX вв. до н. э. Была ли это микенская теократия, известная нам по табличкам линейного Б-письма, или же какая-то пережиточная ее форма, уцелевшая в смутную пору нашествий и передвижений племен, или, наконец, примитивная «племенная» монархия, которую принесли с собой в Грецию завоеватели-дорийцы? Между тем имеющиеся в нашем распоряжении источники: данные исторической традиции, а также археологический материал при всей их скудости и фрагментарности допускают, как нам кажется, совсем иное решение вопроса.

Исторический срок, в течение которого в Греции существовала и развивалась микенская бюрократическая монархия, был непродолжителен. Он едва ли насчитывает более трех столетий. По всем признакам, «эпоха больших царств» завершается где-то вскоре после страшной катастрофы, обрушившейся на Ахейскую Грецию на рубеже XIII—XII вв. до н. э. Выживание монархии микенского типа в каком-нибудь из уголков греческого мира, за исключением, может быть, только Кипра, представляется нам вещью, выходящей за пределы реальных возможностей политического развития в период миграций (XII—X вв. до н. э.)[54]. Что же касается так называемых «племенных государств» (Stammstaat), возникавших, как думают многие историки, в Балканской Греции по мере продвижения и оседания на их

[54] Как замечает Уэбстер (*Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 143 f.), «даже в Афинах, городе, наименее затронутом дорийским вторжением, божественный царь (т. е. микенский ванакт) ненадолго пережил микенское время». Эмигранты, отправлявшиеся через Афины на Восток в малоазийские колонии, «взяли с собой за море уже новый вид царской власти». С этим согласуется и мнение Хайнетта (*Hignett C.* A history of the Athenian constitution to the end of the fifth century B. C. Oxford, 1962. P. 35) о том, что единое микенское государство, охватывавшее всю Аттику, неизбежно должно было распасться в период миграций, вследствие чего «работу по объединению страны пришлось повторить снова в VIII в.»; ср.: *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 340; *Sarkady J.* Attika im 12. bis 10. Jh. // Acta Classica Universitatis Scientiarum Debrecen. II. 1966. S. 12 f.

территории дорийцев, беотийцев, фессалийцев и других пришлых народов[55], то они едва ли существенно отличались и по своей природе, и по внутренней структуре от таких этнических сообществ более позднего времени, как эпироты, акарнаны, этолийцы (до образования симмахии), элидяне, аркадяне и т. п. Подобно всем этим объединениям, «племенное государство» эпохи миграций не могло быть ничем иным, кроме достаточно рыхлого и аморфного конгломерата мелких первичных общин, связанных в какое-то подобие единого целого лишь общностью происхождения, языка и важнейших культов[56]. Столетия, следующие непосредственно за так называемым «Дорийским завоеванием» (XI–IX вв. до н. э.), проходят под знаком полнейшей политической дезинтеграции, абсолютного распада ранее существовавших централизованных государств, низведения всех видов общественных связей на уровень простейшей семейно-родовой

---

[55] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 129; *Gschnitzer Fr.* Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland // Wiener Studien. Bd. 68. 1955. S. 137 f.

[56] *Kuhn E.* Die Entstehung der Städte der Alten. Leipzig, 1878. S. 197 f.; *Swoboda H.* Κώμη // RE. Suppl. IV. 1924. Sp. 951. — Как было уже замечено, «дорийское завоевание» носило характер медленного просачивания небольших групп пришельцев на территорию уже распавшихся к тому времени микенских государств. Археологический материал не содержит в себе никаких указаний на организованные вторжения крупных варварских орд после катастрофы конца XIII в. Данные местной традиции позволяют утверждать, что образование большинства дорийских городов Пелопоннеса, Крита и других островов южной Эгеиды шло путем постепенного отпочковывания новых общин от уже существующих. Так, метрополией почти всех дорийских полисов Северного Пелопоннеса был Аргос. В Лаконии ту же роль сыграла Спарта (основной материал источников собран у Бузольта: *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha, 1893. S. 203 f.). Как и в эпоху Великой колонизации, связи между колониями и метрополиями в этот период ограничивались, по всей видимости, преимущественно сферой культа. Таким образом, расселение дорийцев не могло привести сразу же к образованию «племенных государств». В противном случае нам трудно было бы объяснить ту длительную и упорную борьбу, которую впоследствии пришлось вести Спарте за власть над Лаконией, а Аргосу соответственно за господство над Арголидой.

общины[57]. Эти процессы наложили неизгладимый отпечаток на всю последующую историю Греции, сделав ее на долгие годы страной карликовых государств, разбросанных по островам и горным кантонам. Такой, по-видимому, и застал ее Гомер[58].

Красноречивые свидетельства крайнего измельчания политических структур и торжества центробежных сил над центростремительными в период после дорийского вторжения дает прежде всего археология. За весь промежуток времени с XI по VIII в. в Греции не удалось найти ни одного памятника, который по своим масштабам и монументальности приближался бы к сооружениям микенской эпохи[59]. Между тем настоящая монархия, даже в ее, так сказать, «военнодемократическом варианте», непременно должна была оставить после себя какие-то материальные, физически осязаемые следы своего существования вроде скифских курганов или микенских шахтовых могил. Непосредственным результатом распада ахейских держав, который стал совершившимся фактом, очевидно, уже к концу XII в., было образование множества мелких «уделов», принадлежавших отдельным родам или фратриям, а в некоторых случаях, возможно, просто случайным объединениям больших и малых семей, возникшим в процессе миграций. Опорным пунктом каждой такой общины был укрепленный поселок — полис, — власть над которым по праву основателя (ойкиста) принадлежала родовому вождю — басилею. Сам этот титул, как было уже замечено, достаточно древнего происхождения. Он встречается уже в архивных документах микен-

---

[57] *Папазоглу Ф.* К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 40; ср.: *Starr Ch.* G. The origins of Greek civilization, 1100–650 B. C. P. 125 f.; *Gschnitzer Fr.* Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen. S. 107.

[58] Начало объединительного движения в отдельных районах греческого мира (Аттика, Арголида, Лакония), наметившееся, очевидно, уже в VIII в. до н. э., не меняет существа общей ситуации, сложившейся в этот период.

[59] Единственное царское погребение за весь период с XII по VIII в. до н. э. обнаружено недавно вблизи Саламина Кипрского (*Karageorghis V.* Salamis in Cyprus Homeric, Hellenistic and Roman. London, 1969), но это исключение скорее подтверждает правило.

ского времени, обозначая там каких-то представителей местной власти, противостоящих центральной дворцовой администрации. Функции этих basireu не вполне ясны, так же, как и их политический статус. Тем не менее кажется довольно вероятным, что первоначально басилеи были вождями самостоятельных родовых общин, постепенно вовлекавшимися в орбиту притяжения крупных дворцовых центров и становившимися их данниками и вассалами[60]. Крах бюрократической системы управления, сопровождавшийся физическим истреблением и вынужденной эмиграцией правящей элиты микенских государств снова выдвинул на авансцену политической жизни дотоле весьма скромную фигуру басилея[61]. Этот коренной сдвиг в развитии греческого общества, означавший почти полный разрыв с традициями микенской государственности, нашел свое отражение в политической терминологии гомеровского эпоса, в которой титул басилея занимает гораздо более видное место, чем старый царский титул микенской эпохи «ванакт»[62]. Басилеям принадлежит теперь решающая инициатива во всех жизненно важных делах общины. В их руках находится высший контроль над ее материальными и людскими ресурсами. Единовластие басилея, вероятно, заметно усиливалось во время войны или в случае переселения его народа на новые места. И все же эта форма политического господства еще очень далека от настоящей монархии[63]. Слишком мизерно поле

---

[60] *Maddoli G.* Damos e basilees. Contributo allo studio delle origini della polis. P. 52; ср.: *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 55; *Stella L. A.* La civiltà micenea nei documenti contemporanei. P. 54. № 24.

[61] *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 156; *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100–650 B. C. P. 126; *Thomas Ch. G.* The roots of Homeric kingship // Historia. Bd. 15. 4. 1966. P. 393.

[62] Едва ли случайно, что весь набор эпитетов, с помощью которых поэт характеризует своих царей: θεῖος, θεοείκελος, διοτρεφής, διογενής, σκηπτοῦχός и пр. — комбинируется в эпосе только со словом βασιλεύς и никогда с ἄναξ; см.: *Wackernagel J.* Sprachliche Untersuchungen zu Homer // Glotta. Bd. 7. 1916. S. 209 f.; *Pritzwald-Stegmann.* Zur Geschichte der Herrscherbezeichnung von Homer bis Plato. Jena, s. a. S. 34 f.

[63] *Starr Ch. G.* The decline of the early Greek kings. P. 125: «Чтобы понять его (басилея) природу, нам следовало бы избегать используемого обычно эквивалента "царь", так как это неизбежно вызывает у совре-

административной и судебной деятельности басилея. Слишком велика, добавим, его зависимость от возглавляемой им общины. Не считаться с интересами рода значило погубить его и погибнуть самому. Эта мысль символически воплощена в трагической фигуре старца Приама, представляющего в эпосе весьма типичную для того времени, о котором мы сейчас говорим, категорию «городских царей». Жертвуя благом других троянцев ради прихоти своего беспутного сына, он невольно обрекает на гибель и себя самого, и весь свой народ.

Дальнейшее развитие греческого государства шло, как можно догадаться, по линии интеграции мелких семейно-родовых общин в более крупные образования — полисы (само это слово меняет теперь свое значение, приближаясь к классическому понятию города-государства)[64]. Как было замечено выше, этот важный скачок в новое качество наметился уже в конце гомеровского периода, очевидно, не ранее VIII в. до н. э. Становление полиса могло идти разными путями в зависимости от местных условий и целого ряда привходящих обстоятельств. Состояние источников, к сожалению, таково, что составить сколько-нибудь полную и ясную картину этого процесса практически невозможно. Не подлежит сомнению, однако, что важнейшим из этих путей был так называемый «синойкизм», т. е. совместное поселение жителей нескольких деревень или первичных полисов, что практически одно и то же, в новом городском центре. Внутри полиса вожди влившихся в него общин образовывали правящую аристократическую элиту басилеев. Таково, на наш взгляд, наиболее рациональное объяснение давно уже смущающего историков факта множественности носителей этого титула в гомеровском полисе[65]. Заметим кстати, что свидетельство Гомера

менного читателя мысль о положении, связанном с большим могуществом и обширными владениями»; ср.: *Oliva P.* Πατρική βασιλεία // Γέρας. Studies presented to G. Thomson. Prague, 1963. P. 174 f.

[64] *Glotz G.* La cité grecque. P. 21 s.; ср.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 154 f.; *Gschnitzer Fr.* Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland. S. 135 f.

[65] Сходную мысль высказывал уже Уибли (*Whibley L. M. A.* Greek oligarchies. Their character and organisation. London, 1896. P. 69). — В дальнейшем она была развита, но при этом слишком утрирована Г. Глоцем

подтверждается и другими, внеэпическими источниками. Вспомним хотя бы «царей-дароядцев», алчность которых обличает в «Трудах и днях» (248, 261, 263) Гесиод (аналогичные мотивы не редкость и у Гомера). Коллегии басилеев фигурируют в некоторых достаточно древних эпиграфических памятниках, например, в законе Драконта о непредумышленном убийстве (Ditt. Syll[3]., 111), также в законе Солона об амнистии (Plut. Solon, 19), в древнейших законах Хиоса (SGDI, III, 5653), в одной из элейских ретр (Olympia V Inschr. № 2)[66]. Все эти факты объясняются обычно очень просто. Выдвигается предположение, что в какой-то неизвестный нам момент царский титул был узурпирован знатью и стал доступен практически любому аристократу.

(*Glotz* G. La cité grecque. P. 46), в понимании которого гомеровское общество образует некое подобие феодальной иерархии со своим сюзереном (царем города) и вассалами (царями фил и фратрий). Ближе к правильному пониманию реального положения вещей в раннегреческом полисе стоят, как нам кажется: *Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer // CPh. Vol. 29. 3. 1934. P. 312 f.; *Gschnitzer Fr.* Βασιλεύς. Ein terminologischer Beitrag zur Frühgeschichte des Königtums bei den Griechen. S. 102; *Starr Ch. G.* The decline of the early Greek kings. P. 131. — Все они исходят из той верной посылки, что расширенное употребление термина βασιλεύς для обозначения не одного царя, а целой группы властьимущих было изначальным. Из этого большого числа басилеев с течением времени выделяются один, иногда два или несколько высших магистратов полиса, отмеченных особыми титулами архонта, архагета, притана и т. д. В то же время нам кажется совершенно неприемлемой гипотеза Маддоли (*Maddoli* G. Damos e basilees. Contributo allo studio delle origini della polis. P. 52; см. также: *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 108), согласно которой политическая ситуация на Итаке и в городе феаков почти буквально воспроизводит систему управления, существовавшую в Пилосе и других микенских государствах (центральная власть, представленная ванактом, и местные власти в лице басилеев). В эпосе мы не находим никаких указаний на подобное разделение властей. К тому же политическая и социальная дистанция, отделяющая Алкиноя от других феакийских басилеев, несравнима с тем расстоянием, которое отделяло микенского ванакта от подчиненных ему местных «царьков».

[66] *Busolt* G. Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 351; *Glotz* G. La cité grecque. P. 72 s.

Гомеровские поэмы, согласно этой гипотезе, отражают некую переходную стадию политического развития, на которой еще не изжитая окончательно единоличная царская власть начинает постепенно уступать свое место растущему могуществу аристократии и одному настоящему царю противостоит множество так называемых «царей»[67]. При всей кажущейся ее самоочевидности эта догадка должна быть признана чисто умозрительной конструкцией, не находящей никакого подтверждения в источниках. Ни один античный автор не говорит прямо о присвоении знатью первоначально не принадлежавшего ей царского титула. Свидетельство же Гомера, как мы видели, может быть истолковано прямо противоположным образом.

Не лучше обстоит дело и с другой версией той же теории, согласно которой по мере упадка и ослабления царской власти первоначально единая царская ἀρχή постепенно распылялась: административные, военные, религиозные и всякие другие функции, входившие в ее состав, дробились между многочисленными магистратурами аристократического полиса[68]. Суждения такого рода базируются главным образом на одном единственном фрагменте «Афинской политии» Аристотеля (fr. 3, 1), в котором говорится о замене царской власти в Афинах архонтатом. Предание, сохраненное Аристотелем, отличается грубым схематизмом, выдающим руку какого-то позднего доктринера, и, как нам кажется, не заслуживает того доверия, которым оно пользуется[69]. Вообще теория упадка царской власти в ранней Греции теряет всякий смысл, если вспомнить, что представляла собой сама греческая басилейя в ее древнейшем варианте. Выше мы уже говорили, что власть басилеев послемиграционного периода была слишком слаба и ограничена в своих возможностях. По сути дела,

---

[67] *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. S. 23; *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 320 f.; *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 241; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 151.

[68] *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. S. 343; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil. I. S. 346 f.; *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. S. 79.

[69] *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Aristoteles und Athen. Bd. II. Berlin, 1893. S. 131 f.; *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 395 f.

ей просто неоткуда было падать. Правда, до нас дошли предания о свержении царских родов: Бакхиадов в Коринфе (Nic. Dam., fr. 58; ср.: Paus., II, 4, 4); Басилидов в Эфесе (Suid., s. v. Πυθαγόρας); Нелеидов в Милете (Nic. Dam., fr. 54) и др. Ни в одной из этих легенд нет, однако, и намека на столкновение противоположных политических принципов: монархического и республиканского[70]. Как правило, речь в них идет всего лишь о борьбе за власть внутри правящего рода, которая увенчивается свержением режима олигархии и установлением тирании. В этой связи уместно напомнить, что Фукидид в своем очерке ранней истории Греции помещает «отеческую царскую власть» (πατρική βασιλεία) непосредственно перед тиранией, как бы совершенно игнорируя разделяющий две эти формы государственного устройства — так принято думать в наше время — период олигархии или господства знати. Объяснить это можно только тем, что под πατρική βασιλεία в данном случае как раз и подразумевается какая-то форма господства знати, а вовсе не царская власть в обычном понимании этого слова. Ближайшую аналогию этому режиму представляет, как нам кажется, тот тип олигархии, который поздние греческие авторы, например, Аристотель (Pol., IV, 1292 a), называют δυναστεία, указывая, что при такой форме правления определенные должности обычно закрепляются за определенными семьями и передаются, таким образом, по наследству[71].

---

[70] *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 393 f.; ср.: *Huxley G. L.* The early Ionians. London, 1966. P. 48 f.

[71] О «династии» см.: *Whibley L. M. A.* Greek oligarchies. Their character and organisation. P. 24, 124. — В гомеровский период еще не наблюдается типичная для развитого аристократического полиса дифференциация магистратур в составе правящей коллегии. Круг обычных полномочий гомеровского басилея ограничивался, по всей видимости, судебными и ритуальными функциями. Лишь в экстренных случаях один или несколько басилеев могли оказаться избранными на должность военачальника, иногда даже вопреки своей воле (Od., XIV, 237 sqq.). Конечно, в таком избрании не было необходимости, когда царь отправлялся в пиратский набег во главе набранной им самим дружины; ср.: *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 328; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 326.

Все сказанное не означает, что образы царей в поэмах Гомера были для самого поэта и для его аудитории лишь призраками прошлого, не насыщенными конкретным жизненным содержанием. Феномен личной власти был, несомненно, хорошо известен Гомеру и скорее всего не только по слухам. Он охотно признает право сильной героической личности на первенство в общине. Таков, например, своеобразный принципат Агамемнона среди ахейских вождей или Алкиноя среди феакийских басилеев[72]. Вместе с тем поэт безоговорочно осуждает любые проявления деспотизма, любые попытки разрыва с традиционной формой аристократического коллегиального управления. Так, например, устами Ахилла осуждаются тиранические поползновения Агамемнона (Il., I, 288 sq.). В другом случае Полидамант, ближайший друг Гектора, порицает его за его диктаторские замашки (XII, 211 sqq.). Протестуя против насилия и беззакония, творимого «вскормленными Зевсом царями», Гомер, безусловно, отталкивался, опять-таки, от современной ему действительности. Нормальным состоянием греческого полиса в гомеровскую эпоху была «борьба всех против всех» (мирные обеды феакийских царей в палатах Алкиноя, их трогательное единодушие, когда один говорит, а все делают — всего лишь идиллия, ни в коей мере не отражающая реального положения вещей). Прежде всего это была борьба за власть и влияние между враждующими знатными родами, каждый из которых стремился отнять у других принадлежащие им «почести». Переход привилегий, связанных с царским саном, из одних рук в другие был в политической практике гомеровской эпохи, по-видимому, обыденным явлением. Царь слабый, неспособный отстоять свою «почесть», тотчас ее лишался, иногда вместе с жизнью. Типичной в этом смысле может считаться судьба старика Пелея, о котором с тревогой спрашивает Одиссея тень Ахилла во время их свидания в Аиде (Od., XI, 496 sqq.): «Сохраняет ли он еще свою честь среди многочисленных мирмидон-

[72] Как тот, так и другой по своему положению могут быть приравнены к председателю правящей коллегии должностных лиц вроде архонта-эпонима в Афинах (*Finsler* G. Das homerische Königtum. S. 320 f.), хотя, на наш взгляд, такая формализация «живого» материала эпического рассказа вовсе не обязательна.

цев или же уже не чтят его Эллада и Фтия?» Было бы, конечно, праздным любопытством спрашивать, законно или незаконно такое лишение чести. Время, о котором мы говорим, всегда ставило силу впереди права[73].

Оборотной стороной этой же медали было появление в среде правящей элиты басилеев «сильных людей», одержимых жаждой самоутверждения и претендующих на единовластие. Можно с уверенностью утверждать, что еще задолго до великих тиранов архаической эпохи в греческих городах происходили постоянные взлеты и падения всякого рода мелких узурпаторов. Некоторым из них, вероятно, удавалось на время возвыситься, подчинив себе общину и других «царей». Типичным примером такого гомеровского «тирана» может служить Эгисф, который в отсутствие Агамемнона «запряг в ярмо» народ Микен (Od., III, 304 sq.: δέδμητο δὲ λαὸς ὑπ' αὐτῷ). В целом, однако, эта «предтирания» носила, по всей видимости, достаточно эфемерный характер. Не следует забывать, что материальные ресурсы даже самых богатых и могущественных басилеев того времени были весьма ограниченными, а их власть не выходила за рамки одного, чаще всего очень небольшого города-государства[74]. Этим объясняется, по-видимому, тот факт, что в Греции не привился институт военных дружин, сыгравший столь важную роль в становлении средневековой феодальной монархии.

Из всего изложенного выше следует, что в гомеровский период монархия как сложившийся и нормально функционирующий институт в Греции еще не существовала. Политические отноше-

---

[73] *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 97. Теоретически темен и другие привилегии, которыми пользовались цари, считались пожалованием народа (см.: Il., VI, 193 sqq.; IX, 578; XII, 313 sq.; Od., VII, 150). Вручение басилею его «почести» имело, по-видимому, форму договора, заключаемого между ним и народом. Так можно понять заключительную сцену «Одиссеи» (XXIV, 546 sq. свидетельство Гомера здесь подтверждает известное высказывание Фукидида — 1, 13 — ο ρητὰ γέρατα древних царей). Однако обращение к народу в таких случаях носило скорее формальный характер, так как само народное собрание было лишь ареной, на которой развертывалась борьба соперничающих аристократических кланов.

[74] *Starr Ch. G.* The decline of the early Greek kings. P. 130 f.

ния этой эпохи можно определить в лучшем случае как преддверие монархии, иначе говоря, как ту фазу общественного развития, на которой ростки личной власти только еще начинают пробиваться сквозь толщу древних родо-племенных обычаев. К своему реальному осуществлению монархическая идея в Греции приблизится лишь в VII в. до н. э. с возникновением первых династий тиранов в Коринфе, Сикионе, Милете и других местах[75].

[75] Впрочем, нельзя исключить того, что уже и в VIII в., т. е. в конце гомеровского периода, в отдельных местах предпринимались попытки легализовать существовавшую там «предтиранию» и превратить ее тем самым в настоящую монархию. В этом плане исключительный интерес представляет фигура знаменитого Фидона Аргосского, которого одни авторы называют царем, другие тираном (см.: Hdt., IV, 127; Strab., VIII, p. 358). К сожалению, материал источников о жизни и деятельности этой любопытной личности слишком ограничен и не дает возможности даже точно датировать время его правления; см. о нем: *Lenschau Th.* Pheidon // RE. Bd. XIX. 1938. Sp. 1939 ff.; *Andrewes A.* Ephoros Book 1 and the kings of Argos // CQ. Vol. 45. 1951.

Глава IV

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОМЕРОВСКОГО ПОЛИСА. СЕМЬЯ И ГЕТЕРИЯ

Уяснение основных принципов внутренней структуры гомеровского общества сильно затрудняет царящая в поэмах иллюзия всеобщей социальной гармонии и благополучия, при которых практически не остается места для каких бы то ни было классовых конфликтов[1]. Вообще мысль о биологической и, следовательно, социальной неравноценности людей, о разделении всего человечества на две обособленные породы «добрых» (ἀγαθοί) и «скверных» (κακοί) или «лучших» (ἀριστῆες) и «худших» (χέρηες) отнюдь не чужда Гомеру и, более того, можно сказать с уверенностью, принадлежит к числу фундаментальных идей, определяющих собой мировоззрение эпического поэта[2]. Достаточно

---

[1] *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада. М.—Л., 1935. С. XLII.

[2] На классовый тенденциозный характер гомеровской поэзии справедливо указывают: *Finley M. I.* The world of Odysseus. London, 1962. P. 130; *Bowra C. M.* Homer. London, 1972. P. 166 f.; *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса. С. XLII, а также многие другие авторы. Роль аристократии и наличие проаристократической тенденции в эпосе пытаются оспаривать: *Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer // CPh. Vol. 29. 3. 1934. P. 196 f.; *Starr Ch. G.* The decline of the early Greek kings // Historia. Bd. 10. 2. 1961. P. 133; *Straßburger H.* Der soziologische Aspekt der homerischen Epen // Gymnasium. Bd. 60. 1953. — Последняя работа известна нам только по ссылкам; ср.: *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960. С. 108 слл. — Признание аристократизма гомеровской поэзии еще не означает, что ее создатель был, как нередко думают, «придворным поэтом». Это определение кажется нам столь же мало оправданным, как и обычное в современной литературе сближение гомеровских басилеев с феодальными магнатами. Против этого воззрения на Гомера справедливо возражает: *Kirk G. S.* The songs of Homer. Cambridge, 1962. P. 274 f.; ср.: *Кагаров Е. Г.* Общественный строй греков гомеровской эпохи // СЭ. 1937. № 4. С. 50 сл.

вспомнить хотя бы подчеркнуто резкое противопоставление царей и «превосходных мужей» «мужам из народа» в «Диапейре» II песни «Илиады» (188 sqq.). Тем не менее нельзя не заметить, что столь ясно выраженные социальные симпатии и антипатии поэта не играют сколько-нибудь серьезной роли в развитии сюжета обеих гомеровских поэм. Если оставить в стороне знаменитую сцену «посрамления Терсита» да, может быть, еще столкновение Одиссея с «царем нищих» Иром, то приходится признать, что открытые проявления аристократической демофобии в эпосе почти не встречаются, и, таким образом, идея извечного антагонизма между «лучшими» и «худшими» хотя и сознается поэтом, но в целом остается где-то за пределами житейской практики его героев, воспринимаясь скорее как некий отвлеченный теоретический постулат, не находящий конкретного воплощения в художественной ткани «Илиады» и «Одиссеи».

Как правило, главные действующие лица поэм — цари и герои — вращаются среди себе подобных, таких же царей и героев, как они сами, почти не соприкасаясь с людьми низшего сорта. Так, если подвергнуть просопографическому анализу батальные сцены «Илиады», то окажется, что почти все участвующие в них персонажи берутся поэтом из одного и того же достаточно узкого общественного круга «лучших» (ἐσθλοί, ἄριστοι) или «доблестных», «добрых» (ἀγαθοί) людей. Даже среди так называемых «малых воителей», которым обычно отводится неблагодарная роль «пушечного мяса» для подвигов главных героев, мы не найдем ни одного человека, за исключением, быть может, только Долона, которого с уверенностью можно было бы отнести к категории κακοί, поставив в один ряд с Терситом. Большинство из них составляют цари и царские друзья (ἑταῖροι), несколько меньшую часть — сыновья жрецов и прорицателей, наконец — просто дети богатых и знатных родителей. Персонажи, принадлежащие к этой последней категории, обычно вводятся в действие формулой ἀφνειός τ' ἀγαθός (Il., XIII, 664; XVII, 576; ср.: V, 9 sq.), которая, по-видимому, является в глазах Гомера исчерпывающей характеристикой человека «порядочного», т. е. аристократа, так как в ней оба основных элемента, из которых в эпосе складывается понятие знатности — богатство и воинская доблесть, — связаны во-

едино[3]. Логика, которой руководствуется поэт при таком отборе, понятна: эпическая «табель о рангах» требует, чтобы каждый герой имел дело только с достойным его противником[4].

Для того чтобы еще более утвердить в сознании слушателя эту иллюзию, Гомер даже слуг и рабов превращает в аристократов по рождению (примерами могут служить Патрокл, Евмей и другие персонажи)[5]. Мир, находящийся за пределами аристократического ойкоса, оказывается практически и вне поля зрения поэта, лишь время от времени напоминая о себе бегло очерченными фигурами «маленьких людей»: пастухов, пахарей, лесорубов, ткачих и пр., встречающихся в сравнениях или в незначительных проходных эпизодах[6]. Абстрагируясь от всей этой «житейской прозы», Гомер уходит мыслью в воображаемый мир героического прошлого, который рисуется ему как правильно устроенная аристократическая община, еще не знающая классовых антагонизмов, борьбы между знатью и «худородными» и т. п. «презренных материй»[7]. И лишь появление на сцене во II песни «Илиады» гротескной фигуры Терсита вносит чуждую ноту в этот хорошо налаженный ансамбль. Выступление Терсита настолько неожиданно, настолько контрас-

---

[3] Гомеровские эпитеты типа ἀγαθός, ἄριστος, ἐσθλός и пр., конечно, нельзя приравнивать к социальным терминам в обычном значении слова, поскольку они используются обычно для характеристики идеальных героев, среди добродетелей которых на первом плане стоит военная доблесть. Мы не можем, однако, согласиться с Кэльхауном (*Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer. P. 195 f.), считающим, что все эти эпитеты вообще лишены какой бы то ни было социальной окраски. Это, конечно, неверно, ибо в представлении поэта и воинская доблесть, и другие связанные с ней качества являются привилегией лишь одного общественного класса, а именно аристократии; ср.: *Hoffmann M.* Die ethische Terminologie bei Homer, Hesiod und den alten Elegikern und Jambographern. Tübingen, 1914. S. 73; Lexicon des frühgriechischen Epos / Ed. B. Snell. Lf. 1. Göttingen, 1955. s. v. ἀγαθός.

[4] Ср.: *Kirk G. S.* War and the warrior in the Homeric poems // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / Ed. E. P. Vernant. Paris, 1968. P. 112.

[5] *Bowra C. M.* Homer. P. 166.

[6] О социальном содержании гомеровских сравнений см.: *Severyns A.* Homère. T. III. L'artiste. Bruxelles, 1948. P. 161 s.

[7] Ср.: *Straßburger H.* Homer und die Geschichtsschreibung. Heidelberg, 1972. S. 35.

тирует с царящим в поэмах духом благочиния и высокой патетики, что воспринимается как какой-то внезапный прорыв в ту историческую реальность гомеровской эпохи, о которой в других местах мы можем лишь догадываться по отрывочным и неясным намекам[8].

В сущности каждая отдельно взятая гомеровская община представляет собой конгломерат из нескольких патриархальных семей (ойкосов), в социальном и экономическом положении которых трудно уловить какие бы то ни было различия. Так, почти все известные нам по именам троянцы (около семидесяти пяти персонажей) так или иначе связаны всего с девятью такими ойкосами, в число которых входят огромная семья Приама, семьи его братьев: Клития, Гикетаона, Лампа и Тимоэта — и семьи четырех других троянских старцев: Пантоя, Антенора, Укалегона и Анхиза[9]. Из этого круга лиц поэт, смотря по обстоятельствам, выбирает актеров для участия в политической игре, которая разыгрывается на троянской агоре и под стенами города вперемежку со сценами сражений. Так, Приам и его сыновья выступают обычно в роли царей, иногда добрых и справедливых, иногда несправедливых. Другие знатные троянцы изображают противостоящий им демос. Один из них Полидамант, сын Пантоя, говорит, обращаясь к Гектору (Il., XII, 211 sqq.): «Гектор, ты всегда поносишь меня на собраниях, хотя я и говорю самое лучшее, ибо совсем не пристало человеку из народа (δῆμον ἐόντα) говорить неправду, увеличивая (тем самым) все время твое могущество». В этих словах нет ни капли самоуничижения. Полидамант — вполне респектабельный троянский офицер, мудрый птицегадатель, наконец, сын одного из семи троянских δημογέροντες, составляющих ближайшее окружение Приама (Il, III, 149 sqq.). В чисто социальном плане он мало чем уступает Гектору и в общем принадлежит к тому же самому общественному кругу. Поэт подчеркивает это, называя его

---

[8] *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса. С. XLII.

[9] Троянцы, не имеющие прямого отношения к этим центральным персонажам, упоминаются лишь эпизодически. Примерами могут служить жрецы: Дарес, Долопион, Онетор и их дети (Il., V, 9 sq.; 77 sq.; XVI, 604 sq.). Все они, вероятно, также относятся к троянской знати, хотя, возможно, несколько более низкого ранга, чем Приам и окружающие его старцы. Исключение составляет, пожалуй, только один Долон, которого сближает с Терситом его уродство (Il., X, 314 sq.).

товарищем и сверстником Гектора: они даже родились оба в одну и ту же ночь (Il., XVIII, 251). Если же он, говоря о себе, называется «человеком из народа» или даже, еще точнее, «народным человеком», то вовсе не потому, что считает себя простолюдином и сознает свое ничтожество перед лицом природного аристократа. Напротив, в его словах совершенно отчетливо звучит гордость человека, вполне сознающего свою социальную ценность и почитающего своим гражданским долгом противодействовать Гектору в его военных авантюрах и притязаниях на единовластие. Полидамант называет себя δῆμος только потому, что в данной ситуации он выступает в роли рядового «солдата» и говорит с «генералом» Гектором от лица rank and file троянского войска, хотя во всем остальном они вполне равноценные индивиды (Полидамант в одном случае — Il., XV, 453 — носит даже царский титул ἄναξ). Таким образом, δῆμος здесь отнюдь не то же самое, что δήμου ἀνήρ в Il., II, 198[10]. Там слово δῆμος означает простой народ, плебс в противовес аристократии (единственный случай такого рода во всей гомеровской поэзии!), тогда как здесь имеется в виду вся троянская община, состоящая преимущественно из знати и противостоящая одному человеку, облеченному властью — Гектору[11].

Как социально однородная группа аристократических семей демос предстает перед нами также и в «Одиссее», в сценах на Итаке и на острове феаков. Особенно показательна в этом плане сцена народного собрания итакийцев в заключительной песни по-

---

[10] Переводы типа «one of vulgar» (The Iliad / Ed. by W. Leaf. Vol. I. London, 1900. ad. loc.) или «being a commoner» (*Liddell H. G., Scott R. A.* Greek-English lexicon. Oxford, 1925), как нам представляется, не передают смысл этого словосочетания. Ближе к истине стоит Н. И. Гнедич (Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. М.—Л., 1935), который переводит слова Полидаманта «быв гражданин».

[11] Прямо противоположного мнения придерживается Жанмэр, полагая, что именно первое из этих двух значений термина δῆμος безраздельно доминирует в эпосе. Демос в его понимании — это бесправная масса трудового населения, над которой господствует замкнутая военно-аристократическая каста — λαός (*Jeanmaire H.* Couroi et courètes. Lille, 1939. P. 44 s.). В действительности, оба эти понятия нигде в эпосе не противопоставляются друг другу. Напротив, термины δῆμος и λαός (λαοί) нередко, употребляясь попеременно, обозначают одних и тех же людей. Так, например, в сцене народного собрания во II песни «Одиссеи».

эмы (Od., XXIV, 413 sqq.). Возбужденный вестью о гибели женихов народ собирается на площади, чтобы обсудить создавшееся положение. Первым к собранию обращается Евпейт, отец Антиноя, с призывом отомстить за убитых «сыновей и братьев» (434 sq.: εἰ δὴ μὴ παίδων τε κασιγνήτων τε φονῆας τισόμεθ'). Из этих слов следует, что среди участников собрания немало родственников женихов, которые так же, как и они сами, принадлежат к итакийской знати (женихи неоднократно именуются в поэме «лучшими юношами» Итаки и близлежащих островов, они не только претендуют на царскую почесть Одиссея, но и сами уже являются царями). Выступающий в защиту Одиссея Галитерс, со своей стороны, упрекает граждан в том, что они вовремя не удержали сыновей от безрассудных поступков и тем самым ускорили их гибель (456 sq.). Вслед за этой речью собрание распадается на две части (463 sq.). «Бóльшая из половин», очевидно, родственники женихов, со страшным воплем вскакивает со своих мест и бросается вслед за Евпейтом. Прочие во главе с Ментором и Галитерсом остаются на месте. Поэт, конечно, ни на минуту не допускает мысли, что среди этих «благонамеренных» граждан, которым он всецело сочувствует, есть хоть один человек, принадлежащий к черни (κακός). «Лучшие» — и на той, и на другой стороне. «Лучшие» восстают против «лучших». Бесспорно, картина эта алогична и парадоксальна в своей основе. Если в общине есть «лучшие» люди, то, очевидно, должны быть и «худшие», но о них Гомер как будто ничего не хочет знать[12].

Итак, основной социологический парадокс гомеровской поэзии состоит в том, что аристократия в ней практически подменяет собой общину и, если можно так выразиться, уподобляет ее себе. Поэтому как в «Илиаде», так и в «Одиссее» масса рядовых воинов или граждан (в сценах мирной жизни) оказывается состоящей из людей, которых поэт называет ἄριστοι, ἐσθλοί ἥρωες[13]. По

[12] Ср.: *Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer. P. 308.

[13] Термин ἥρως в его гомеровском варианте довольно близок по своему значению к ἀγαθός и так же, как и это слово, может обозначать человека, не только наделенного большой воинской доблестью, но и занимающего высокое общественное положение благодаря своей знатности и богатству; см., например: Od., IV, 267; VIII, 241 sq.; XIV, 97. — В неко-

этой же причине аристократы выступают обычно от лица народа как выразители его чаяний и настроений (единственное исключение из этого правила — опять-таки Терсит), а свойственные аристократии формы социальной организации: патриархальная большая семья, мужской союз (гетерия) и являющаяся его коррелятом в военное время дружина — безраздельно доминируют в эпосе, оттесняя на задний план все другие виды общественных связей.

Как было уже показано на примере Трои, патриархальная семья — ойкос — является основной структурной ячейкой гомеровского общества и своеобразным центром того микрокосма, в котором протекает повседневная жизнь героев поэм[14]. Достаточно трудно на основании рассеянных в тексте «Илиады» и «Одиссеи» отрывочных замечаний о семьях отдельных героев составить ясное представление о размерах и составе типичного эпического ойкоса. Известное описание дома Приама (Il., VI, 242 sqq.) слишком явно тяготеет к сказке и едва ли может быть признано показательным для семейных отношений во времена самого Гомера, хотя в более ранний период подобного рода гипертрофированные, основанные на полигамии семейные коллективы, охватывающие не только взрослых, уже женатых сыновей домовладыки, но и замужних его дочерей с их мужьями, вероятно, были нормой повсеместно в Греции[15]. С другой стороны, нельзя считать типичным и «род Аркесия», в котором каждое очередное поколение представляет один-единственный отпрыск мужского пола (Od., XVI, 117). Сам поэт подчеркивает необычность этой ситуации, давая понять, что нормальной в его представлении является моногамная семья, включающая в себя несколько взрослых предста-

---

торых случаях, однако, этот эпитет прилагается к личностям отнюдь не героического склада, очевидно, в силу поэтической инерции. Так, в Od., VIII, 483; XVIII, 432; ср.: *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882. S. 18 f.

[14] О гомеровской семье см.: *Glotz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. Paris, 1904. P. 31 s.; *Seymour Th. D.* Life in the Homeric age. New York—London, 1907. P. 117; *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 66 f.; *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1958. С. 415 слл.

[15] *Кагаров Е. Г.* Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. Ч. I. М.—Л., 1937. С. 17 сл.

вителей ее мужской линии, по крайней мере в одном поколении (Ibid., 97, 115). Ее образцом на той же Итаке может служить семейство старца Египтия, в котором два, очевидно, уже взрослых сына живут вместе с отцом и сообща ведут хозяйство, в то время как третий и, вероятно, младший по возрасту Еврином «шатается с женихами» (Od., II, 21 sq.). Аналогичный характер имеют, судя по всему, ойкосы Нестора и Алкиноя в «Одиссее», ойкосы Пантоя, Антенора и пр. в «Илиаде»[16].

Кроме свободных членов семьи, связанных родством или брачными узами с ее главой, ойкос включал в себя еще две важные социальные категории: рабов и слуг. О гомеровском рабстве написано уже достаточно много[17], и мы можем не касаться здесь этой темы. О слугах же речь пойдет ниже (с. 145 слл.).

Доминирующее положение, которое занимает в жизни гомеровского общества самодовлеющий патриархальный ойкос, в значительной мере обусловлено тем, что за его пределами поэт не показывает нам никаких других родственных объединений высшего порядка, которые могли бы не только конкурировать с ойкосом, но и подчинить его себе. Как в «Илиаде», так и в «Одиссее» Гомер упорно избегает каких бы то ни было упоминаний о роде. Нигде в эпосе мы не найдем указаний на то, что поэту была известна родовая собственность на землю или какие-нибудь другие виды имущества, нигде не говорится об общих собраниях членов рода и обсуждении ими каких-то важных для них вопросов. Вообще род ни

---

[16] Семьи, которые насчитывали бы свыше одного поколения взрослых потомков одного pater familias, в эпосе не встречаются. Даже у Приама нет ни одного взрослого внука, а только сыновья и зятья. Возможно, это объясняется тем, что общим правилом в гомеровский период был раздел семейного имущества между сыновьями сразу после смерти отца (Od., XIV, 208 sq.). Таким образом, настоящая большая семья типа южнославянской задруги Гомеру не была известна.

[17] Кроме уже упоминавшейся книги Ленцмана из новейшей литературы по гомеровскому рабству можно указать следующие работы: *Micknat G.* Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte. Teil I. Homer. Wiesbaden, 1954; *Beringer W.* Der Standort des οἰκεύς in der Gesellschaft des homerischen Epos // Historia. Bd. 13. 1. 1964. S. 19 ff.; *Gschnitzer Fr.* Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. Bd. I. Mainz, 1964.

разу не выступает у Гомера в виде четко оформленного социального организма, имеющего определенную внутреннюю организацию, свои законы и обычаи, короче говоря, все те черты и признаки, которые приписывает ему Морган[18]. В тех случаях, когда, как это бывает, например при кровной мести, в подлинно родовом обществе предполагается вмешательство рода как союза сородичей, на эпической сцене появляется достаточно аморфная и неопределенная по своим очертаниям группа близких и дальних родственников (κασίγνητοι, ἀνεψιοί), к которым присоединяются также свойственники (ἕται)[19], друзья (ἑταῖροι) и в некоторых случаях соседи (γείτονες)."Εται и ἑταῖροι встречают героя, когда он с победой возвращается с поля битвы в свой лагерь (Il., VII, 295). Κασίγνητοι и ἕται предают земле его останки, если он погибнет в бою (Il., XVI, 456; ср.: XXIV, 793, где последний долг погибше-

---

[18] *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 128 слл.

[19] Довольно трудно определить точное значение этого термина в его гомеровском употреблении. Перевод «свойственники», «родственники по браку» представляется нам наиболее подходящим. На него указывает глосса в словаре Гезихия: ἕτας· τοὺς κατ' ἐπιγαμίαν οἰκείους. Но особенно веский аргумент в пользу такого толкования дает сопоставление гомеровской формулы κασίγνητοι τε ἕται с текстом закона Драконта о непредумышленном убийстве (Ditt. Syll³., 111). В строках 22 сл. этой надписи (восстановлены на основании Dem. C. Macart. 1069 sq.) определяется круг лиц, принимающих участие в судебном преследовании совершившего убийство. Первыми названы двоюродные братья убитого и их дети (ἀνεψιοὺς καὶ ἀνεψιῶν παῖδας), за ними следуют зятья и тести (γαμβροὺς καὶ πενθεροὺς) и на третьем месте поставлены фратеры. Если оставить в стороне последнюю из этих трех категорий «мстителей» (у Гомера члены фратрии не принимают никакого участия в делах, связанных с кровной местью), то смысл словосочетания κασίγνητοι τε ἕται становится совершенно ясным. Κασίγνητοι — это все родственники убитого, вплоть до двоюродных братьев и их детей (в эпосе этот термин, действительно, охватывает кузенов первой степени — Il., XV, 545), ἕται — это родственники его жены, а, возможно, также и жен его братьев и сыновей и мужья сестер и дочерей. «Бесцветным синонимом» πηός («свояк») считает термин ἕτης также Латте (*Latte K.* Beiträge zum griechischen Strafrecht. I // Hermes. Bd. 66. 1931. S. 34); ср.: *Glotz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P. 86 s.; *Miller M.* Greek kinship terminology // JHS. Vol. 73. 1953. P. 47; *Andrewes A.* Phratries in Homer // Hermes. Bd. 89. 2. 1961. P. 135.

му Гектору воздают его κασίγνητοί θ' ἕταιροί τε). Γείτονες и ἕται собираются в доме, когда его хозяин устраивает свадебный пир (Od., IV, 3, 16). Ἕται и ἀνεψιοί вмешиваются в ссору отца с сыном и пытаются их помирить (Il., IX, 464 sqq.). Но особую важность приобретает наличие широкого круга родственников в таких критических ситуациях, как кровная месть или гражданская распря (Od., XV, 272 sq.; XXIV, 434 sq.). Человек, лишенный родственников, практически беззащитен перед произволом и насилием (Od., XVI, 115; ср.: Il., IX, 648), и, напротив, тот, у кого их достаточно много, способен решиться на любое беззаконие и спокойно пренебрегает волей общины (Od., XVIII, 139 sqq.; ср.: Il., V, 474).

Необходимо еще раз подчеркнуть, что во всех этих случаях речь идет не о роде в собственном значении этого слова, а лишь о группе семей (ойкосов), связанных между собой как узами крови, так и брачными или просто дружескими союзами. Соответствующая этим отношениям форма социальной организации должна представлять собой некую промежуточную стадию на пути от большесемейной общины к соседской, но никак не род, поскольку в этом последнем не может быть никаких родственников по браку, а узы кровного родства, связывающие всех его членов в единый коллектив, не поддаются точному определению. По существу, само понятие рода употребляется в поэмах лишь в чисто генеалогическом смысле, в тех случаях, когда нужно определить происхождение кого-нибудь из героев (Il., XX, 213 sqq.)[20]. Род как социаль-

[20] Показательно, что такие термины, как γένος, γενεά, πάτρα и т. п., никогда не встречаются в контексте, связанном с кровной местью и подобными конфликтными ситуациями. Их обычное значение у Гомера — «происхождение» или иногда «потомство», но не род как гентильный коллектив. Кэльхаун (*Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer. P. 197) обращает внимание на отсутствие в эпическом лексиконе целого ряда терминов, связанных с ростом аристократических родов, например, εὐγενής, γενναῖος, γεννήτης, εὐπατρίδης и др. Очевидно, в гомеровский период гентильные объединения типа коринфских Бакхиадов или афинских Алкмеонидов и Этеобутадов еще только начали выделяться из первичного «демократического» рода и не успели прочно укорениться в окружающей поэта социальной среде. Тем не менее тенденция к генеалогическому самоопределению и обособлению знати достаточно ясно выражена во многих местах как «Илиады», так и «Одиссеи» (Il., XIV, 126 sq., 427 sqq.; Od.,

ная группа, определенная единица общественного деления Гомеру практически неизвестен[21], и это едва ли случайно. Можно предположить, что утратив еще в эпоху миграций свою экономическую целостность и уступив место основной хозяйственной ячейки общества моногамной патриархальной семье, род в дальнейшем оказался не в состоянии выполнять и свою основную социальную функцию — функцию контроля и организации взаимопомощи. Греческий γένος гомеровского периода был, по-видимому, организацией, в основном, культового характера и по этой причине остался вне поля зрения создателя героического военного эпоса, отнюдь не склонного к пустому благочестию[22].

Что касается других «звеньев органического ряда», как Морган называет филы и фратрии, то и о них мы можем почерпнуть в поэмах лишь самую скудную информацию. Сам Морган и другие сторонники теории «родового быта» гомеровских греков обычно охотно ссылаются на известные строки II песни «Илиады» (362 sqq.), в которых Нестор советует Агамемнону построить воинов по филам и фратриям с тем, чтобы они, «сражаясь сами по себе» (κατὰ σφέας γὰρ μαχέονται), могли проявить себя с лучшей или с худшей стороны[23]. Лишь немногие из них обращают, однако, внимание на то, что этот совет Нестора, так же, как и

IV, 62 sq.); см.: *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. London, 1958. P. 156 f.; ср.: *Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer. P. 204, 304; *Chadwick H. M.* The heroic age. Cambridge, 1912. P. 354 f.

[21] Ср.: *Glotz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P. 11 s.

[22] В связи с этим можно заметить, что уже в древнейших памятниках греческого уголовного права род практически не учитывается. Так, в уже упоминавшемся законе Драконта о непредумышленном убийстве геннеты не включены в круг лиц, на которых лежит обязанность вчинения иска и преследования убийцы. От ближайших родственников и свойственников убитого автор закона непосредственно переходит к фратерам. — *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 86, 308; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 250; *Hignett C.* A History of the Athenian constitution to the end of the fifth century B. C. Oxford, 1962. P. 61 f.; ср.: *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. С. 129 сл.

[23] *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 133; *Ковалевский И. М.* Первобытное право. Вып. 1. М., 1886. С. 55.

другие подобные его наставления, остается без всяких последствий. Осыпав мудрого старца пышными комплиментами, Агамемнон, тем не менее, ни во II, ни в последующих песнях ничего не предпринимает для того, чтобы на практике осуществить этот важный стратегический замысел. Никаких упоминаний о филах и фратриях мы больше во всей «Илиаде» не встречаем. Вместо них в качестве главной и единственной боевой единицы как в ахейском, так и в троянском войске постоянно выступает дружина (ἑταῖροι), явно не имеющая прямого отношения к гентильным объединениям какого бы то ни было толка. Слова Нестора, таким образом, должны быть по всем признакам отнесены к категории ἅπαξ λεγόμενα и нуждаются в специальном объяснении. Сам замысел Нестора едва ли может быть понят как какое-то тактическое новшество[24]. Царь Пилоса — старейший из ахейских героев, проживший три обычные человеческие жизни. В его житейской мудрости преломляется забытый опыт минувших поколений. В аналогичном эпизоде IV песни (297 sqq.) мы видим его ратующим за возвращение к древней микенской тактике сражения на колесницах. Фратрия, как показывает ее название, образованное от исконно индоевропейского, не сохранившегося в греческом языке слова «phrater», принадлежит к числу древнейших социальных институтов, по крайней мере, среди ионийской ветви греческой народности[25]. Очевидно, то же самое можно сказать и о филах[26]. Однако упоминание о филах и фратриях (Il., II, 362) нельзя понять и как отголосок давно забытого прошлого, древний боевой порядок, который Нестор противопоставляет здесь не оправдавшей себя в течение десяти бесплодных лет Троянской войны тактике дружин[27]. Построение гражданского ополчения по гентильному принципу практиковалось во многих греческих государствах, в том числе в Афи-

---

[24] Ср.: *Andrewes A.* Phratries in Homer. P. 130 f.

[25] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 133 f.; *Guarducci M.* L'istituzione della fratria nella Grecia antica e nella colonie d'Italia // Memorie della Accademia nazionale dei Lincei. 6 ser. T. 6. 1. 1937; T. 8. 2. 1938.

[26] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 139 f.; *Szanto E.* Die griechische Phylen. Ausgewählte Abhandlungen. Tübingen, 1906. S. 216 f.

[27] Ср.: *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 133; *Колобова К. М.* К вопросу о структуре греческого рода в период образования афинского государства // ПИДО. 1935. № 7–8. С. 103.

нах и Спарте, вплоть до конца архаической эпохи[28]. Надо полагать, что и во времена Гомера этот тип военной организации был достаточно широко распространен в Греции и, напоминая Агамемнону о будто бы забытых им филах и фратриях, Нестор, как это нередко с ним бывает, лишь изрекает очередную банальность[29]. И если, несмотря на это, фратрии и филы больше ни разу не появляются на страницах «Илиады», то объяснение этого парадокса следует искать прежде всего в особенностях поэтической техники Гомера, в основных идейных и художественных установках его творчества. Очевидно, традиционной героической поэзии, в лоне которой вырос гомеровский эпос, была известна лишь одна форма боевого сообщества — дружина[30]. Исходя из этого древнего стереотипа, Гомер и строит бóльшую часть батальных эпизодов «Илиады». В пронизывающей поэму стихии «рыцарских» авантюр, набегов и поединков филы и фратрии — эти фундаментальные институты родового общества с их громоздкой и сложной внутренней организацией, далеко не однородным социальным со-

---

[28] *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 54, 91.

[29] Фратрия была хорошо известна Гомеру и его слушателям не только как тактическая единица, но и как весьма важный социальный институт, одна из основных ячеек в структуре полиса. На это указывает другое высказывание того же Нестора (Il., IX, 63 sq.), где он называет человека, возбуждающего междоусобную распрю, ἀφρήτωρ, ἀθέμιστος, ἀνέστιος, что можно понять как общее определение лица, поставленного вне закона. Фратрия стоит здесь в одном ряду с двумя «краеугольными камнями» эпического миропорядка: священным очагом — символом самодовлеющего домохозяйства и божественным законом, от которого зависят мир и гармония внутри общины.

[30] В действительности дружины и фратрии, по-видимому, существовали в одной хронологической плоскости как два разных типа военной организации. Дружина, набиравшаяся «частным образом» преимущественно из молодых и горячих воинов (κοῦροι — обычное ее обозначение у Гомера наряду с ἑταῖροι), использовалась главным образом для грабительских набегов в земли соседей и для далеких заморских экспедиций. Набор войска по фратриям и филам, распространявшийся на всех взрослых мужчин, способных держать в руках оружие, производился только в тех случаях, когда враг приближался к границам полиса. Аналогичная система военных союзов существовала, например, у древних германцев; см.: Tac. Germ., VII; XIII—XIV.

ставом и не столько военными, сколько гражданскими (преимущественно сакральными) функциями — должны были восприниматься как неуместное и чужеродное явление. Их трудно было «вписать» в общую картину того эгалитарно-аристократического микрокосма, в котором живут и действуют гомеровские герои, и поэт предпочел вообще о них не упоминать, отступив от этого правила лишь в одном-единственном эпизоде II песни[31].

Современный историк может поставить в упрек Гомеру существенное упрощение реальных пропорций позднеродового греческого общества. Как замечает Финли, само понятие кровного родства сведено в эпосе к достаточно узкому кругу лиц, не выходящему за пределы одного большого ойкоса[32]. Поэтому более массивные и сложные социальные структуры, вроде тех же фратрий и фил, остаются практически «за бортом» эпического повествования, хотя в реальной жизни гомеровской эпохи их роль еще могла быть весьма значительной. Тем не менее нельзя не заметить, что и в этом уже достаточно сильно индивидуализированном и далеком от примитива обществе родственные узы все еще продолжают сохранять свое первостепенное значение как важнейший организационный принцип, действующий в социальной и политической жизни общины[33].

Конечно, наряду с родственными отношениями социальное поведение гомеровских героев могут определять различные другие факторы. Важнейшим среди них является чувство дружеской привязанности, соединяющее людей независимо от их родовой и даже этнической принадлежности. Иногда это чувство властно выдвигается на первый план эпического рассказа, оттесняя в сторону все прочие эмоции и побуждения и выливаясь в катастрофический взрыв страстей, влекущий за собой колоссальные по своей значи-

---

[31] По мнению Ф. Якоби (*Jacoby F.* Die Einschaltung des Schiffskatalog in die Ilias. Berlin, 1932. S. 595 f.), совет Нестора предваряет следующий далее в той же песни «Каталог кораблей», и, таким образом, фратрии и филы в этом месте должны соответствовать ἔθνεα, упомянутым в Il., II, 464; ср.: *Jachmann G.* Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. Köln, 1958. S. 205 f.

[32] Цит. по: *Andrewes A.* Phratries in Homer. P. 137, n 2.

[33] Ср.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 122; *Andrewes A.* Phratries in Homer. P. 137.

мости последствия. Только скорбь о погибшем друге Патрокле и жажда мести за него вынуждают Ахилла отречься от гнева и снова выйти на поле битвы против троянцев. Грандиозная, почти сверхчеловеческая страсть, руководящая поступками Ахилла, в гипертрофированной форме воспроизводит, по-видимому, достаточно хорошо известный поэту и его слушателям тип человеческих взаимоотношений. В самой «Илиаде» мотив мести Ахилла многократно повторен и усилен в целой серии малых «вендетт», занимающих немало места в батальных сценах поэмы. Месть за родственника или свойственника перемежается в них с местью за гибель «милого друга», из чего следует, что дружба и чувство семейной привязанности стоят в гомеровской шкале этических ценностей практически рядом[34].

Читая поэмы, мы сталкиваемся в них с многообразными модификациями и вариантами дружеских союзов[35]. Наряду с дружбой сверстников-соседей, живущих в одном и том же полисе, Гомеру известна и дружба, связывающая иноплеменников, сблизившихся по воле случая во время странствований в чужих краях. Отношения этого рода, скрепленные взаимными клятвами верности и обменом дарами, могут передаваться по наследству от родителей к их детям. Так, Диомед, встретив на поле сражения Главка, узнает в нем «давнего отеческого гостя» (ξεῖνος πατρώιός ... παλαιός), так как дед Диомеда Иней некогда принимал в своем доме деда Главка Беллерофонта и заключил с ним союз дружбы (Il., VI, 215 sqq.)[36]. Узы дружеской привязанности могут соединять и социально вполне равноценных индивидов, и людей, стоящих на разных ступенях общественной лестницы. Так, принятый в дом слуга-чужеземец может стать ближайшим другом

---

[34] Так, например, в Od., VIII, 585 sq. — В связи с этим следует обратить внимание на этимологическую и смысловую близость терминов ἕτης и ἑταῖρος — *Solmsen F.* Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Straßburg, 1901. S. 203 f.; *Chantraine P.* Grammaire homérique. Paris, 1942. P. 150, 157, 184; ср.: *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954. s. v. ἕτης.

[35] См. о них: *Glotz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. P. 135 s.

[36] Об этом guest-friendship см.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 115 f.

своего хозяина. Типичным примером могут служить опять-таки отношения, связывающие Ахилла с Патроклом.

Особый интерес для исследователя социальных институтов представляют те нередкие в эпосе случаи, когда узы дружбы выходят за рамки интимного союза двух героев, простираясь на более широкий круг лиц. В поэмах фигурируют два основных типа такого сообщества, судя по всему, близко родственных между собой и иногда незаметно переходящих друг в друга — это дружина и мужской союз[37]. Оба они обозначаются одним и тем же термином ἑταῖροι. Встречающиеся в эпосе объединения ἑταῖροι довольно заметно различаются между собой по своей внешней форме и организационной структуре. В одном только ахейском лагере под Троей мы находим по крайней мере две разновидности такого объединения. С одной стороны, какое-то подобие дружеского союза, типа позднейшей гетерии, составляют главные ахейские герои — предводители отдельных ополчений[38]. Поэтому Аякс, сетуя на непреклонность Ахилла (Il., IX, 630 sq.), говорит, что он ни во что не ставит дружбу своих товарищей (ἑταῖροι), имея в виду себя и других ахейцев (Ibid., IV, 266; XI, 461; XIII, 477; XVII, 273, 507, 532, 640; XIX, 305; XXIII, 556). Основой этого союза является, по всей видимости, клятва верности, которую перед началом похода принесли Агамемнону как главному предводителю в этом предприятии другие ахейские вожди (Il, II, 286 sqq., 341). Сражаясь плечом к плечу на поле брани, члены союза собираются после боевого дня в палатке одного из них и устраивают общую трапезу либо в складчину (Il., X, 214 sqq.), либо за счет «хозяина дома» (Ibid., IX, 70 sqq., 225 sqq.). В роли председателя на этих пиршествах выступает обычно глава гетерии Агамемнон: обеды чаще всего устраиваются именно в его шатре, так как он намного богаче всех других ахейских царей (Il., IX, 70 sqq.). Он распределяет почетные доли вина и мяса между особо отличившимися воителями и сам получает причитающуюся ему «председательскую» порцию

---

[37] См. о них: *Finsler G.* 1) Das homerische Königtum // Neue Jahrb. kl. Alt. Bd. 19. 1907. S. 314 f.; 2) Homer. Bd. I. Leipzig—Berlin, 1914. S. 191 f.; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 85 s.; *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в поэмах Гомера // ВДИ. 1964. № 4.

[38] *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 316 f.

(Il., IV, 257 sqq.)[39]. Другие герои, очевидно, признают первенство Агамемнона и даже в определенной мере свою зависимость от него. Однако эта зависимость едва ли может быть отождествлена со средневековым вассалитетом, так как носит лишь временный характер (ахейская коалиция создана только на время похода) и основана на добровольном подчинении всех участвующих в походе царей одному «самому царственному» из всех[40].

В то же время почти все главные греческие герои имеют свои собственные дружины (в тексте поэмы они могут обозначаться терминами ἑταῖροι, κοῦροι, λαός или λαοί). В каждой такой дружине есть люди, связанные с героем-предводителем узами личной зависимости, как его θεράποντες (слуги), а иногда и самой нежной дружбой[41]. Практически оба понятия: «слуга» и «друг» — здесь совпадают, хотя социальная дистанция, отделяющая друга-слугу от друга-хозяина вполне сознается как теми, так и другими. Не случайно Менэтий, отец Патрокла, напутствуя сына перед троянским походом, дипломатично напоминает ему, что он должен знать свое место как слуга, а не только как друг Ахилла, который, во-первых, знатнее его родом (γενεῇ μὲν ὑπέρτερός ἐστιν), а во-вторых, гораздо сильнее физически (Il., XI, 786 sq.). Определяя социальный статус θεράποντες, Финли пишет: «Эти люди не были ни рабами, ни крепостными. Они были слугами (retainers — θεράποντες), получавшими в обмен за свою службу подобающее место в основной социальной единице — домохозяйстве. Их членство (в ойкосе) было, несомненно, второсортным, но оно давало

---

[39] Гетерия в данном случае совпадает с правящей коллегией ахейских басилеев или старцев. Поэтому их обеды, которые являются в то же время и заседаниями совета (βουλή), могут устраиваться и за счет общины, на народные средства (δήμια — Il., XVII, 248 sqq.; ср.: IV, 343 sq.; VIII, 161 sqq.). Аналогичный характер носят, по-видимому, обеды феакийских царей и итакийских судей в «Одиссее»; ср.: *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. S. 72 f.; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 85 s.; *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. London, 1933. P. 230 f.

[40] Ср.: *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 229 f.

[41] Сторонники феодальной концепции гомеровского общества придают этому тождеству понятий особое значение, усматривая в нем типичное для развитого феодализма соединение эгалитарного принципа с иерархическим.— *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 232.

им как материальную обеспеченность, так и связанные с принадлежностью к семье психологические ценности и удовлетворение»[42]. Типичный эпический слуга — это изгой, человек без роду-племени. Патрокл бежит из Опунта, где он убил во время игры в бабки одного из своих сверстников, во Фтию. Пелей принимает его в свой дом и делает слугой и товарищем Ахилла (Il., XXIII, 85 sqq.). Точно так же Ликофрон, слуга Аякса Теламонида, — в прошлом убийца, бежавший с Киферы, спасаясь от кровной мести (Il., XV, 430 sqq.). Феникс, оруженосец (ὀπάων) Пелея, приходит к нему, покинув родину после ссоры с отцом (Il., IX, 480 sqq.; XXIII, 360). Во всех этих случаях беглец, очевидно, принимается в дом на правах младшего члена семьи. На него распространяются основные принципы, действующие в кругу лиц, связанных кровным родством. За его смерть надлежит мстить как за смерть родственника. Его тело нельзя оставить врагам или бросить без погребения. Отношения между Ахиллом и Патроклом достаточно ярко характеризуют эти нормы гомеровской этики. Слуга может жить под одним кровом со своим покровителем, питаться за его столом и в то же время оказывать ему необходимые повседневные услуги: готовить пищу, накрывать на стол, разливать вино и т. д. (Il., XXIV, 621 sqq.; Od., I, 109; IV, 22 sq.; 38, 217). Возможен, однако, и другой вариант: слуга получает от патрона участок земли, дом и живет сам по себе, своим хозяйством, готовый, однако, по первому зову явиться на помощь к своему благодетелю[43]. По такой схеме строятся в «Илиаде» отношения между Пелеем и Фениксом (Il., IX, 480 sqq.), хотя здесь, по-видимому, хорошо знакомая поэту житейская ситуация переведена в плоскость сказочной гиперболы, благодаря чему бездомный скиталец, ищущий приюта, получает от своего радушного гостеприимца уже не скромный надел, а целую страну с населяющим ее народом[44].

Верность слуги своему патрону и благодетелю испытывалась прежде всего в бою. Во время сражения ἑταῖροι неотступно сле-

---

[42] *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 66.

[43] Такую награду может получить не только принятый в дом чужеземец, но и раб, доказавший свою преданность господину. — Od., XXI, 215 sq.

[44] Ср.: гл. III. С. 103 сл.

дуют за героем, держат наготове его собственных лошадей и угоняют с поля захваченных им вражеских коней, принимают у него щит, когда он устает, и окружают его в случае ранения[45]. Друзья-слуги ни на минуту не покидают героя и после боя по возвращении в лагерь. Они прислуживают ему за трапезой, стелят ему и его гостям постель и сами спят с ним под одним кровом или где-нибудь поблизости. Обязанности такого рода выполняют, например, друзья Ахилла: Патрокл, Автомедон, Алкимедон, Эпигей (Il., IX, 205 sqq., 658 sqq.; XXIV, 621 sqq., 643 sqq.). Показательно что все они считаются ἑταῖροι не только по отношению к своему вождю и покровителю, но и по отношению друг к другу. Так, Автомедон назван «другом» Патрокла (Il., XVII, 459), Патрокл — «другом» Автомедона (Ibid., 472), Алкимедон — «другом» Автомедона (Ibid., 466, 500) и Эпигей — «другом» Патрокла (Il., XVI, 581)[46].

Домочадцы Ахилла вроде Патрокла или Автомедона составляют ядро его мирмидонской дружины, ее элиту. Но кроме них в состав дружины входят и другие, рядовые ратники, которые также считаются друзьями и слугами героя, но не постоянными, а временными[47]. Образ одного из них принимает Гермес, встретивший Приама на его пути в лагерь Ахилла (Il., XXIV, 396 sqq.). Представляясь Приаму, он называет себя слугой Ахилла, сыном богатого мирмидонца — старца Поликтора. У Поликтора было семь сыновей. Одному из них выпал жребий идти вместе с Пелидом под Трою. Этого мирмидонского воина, как видно из его рассказа, не связывают с Ахиллом узы личной дружбы, он не имеет, вероятно, никакого отношения к ойкосу Пелея и идет на войну, повинуясь скорее житейской необходимости, чем чувству долга перед своим патроном. Сын Поликтора — фигура типичная для всего ахейского войска. С подобными ему «жертвами рока» мы сталкиваемся и в дружинах других героев. Так, среди дружинников Агамемнона, сложивших свою голову под стенами Трои, поэт называет коринфянина Евхенора, сына прорицателя Полиида (Il.,

---

[45] *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 98 s.

[46] Ср.: *Stagakis G.* Therapontes and Hetairoi in the Iliad // Historia. Bd. 15. 4. 1966. P. 410 f.

[47] Так, в Il., XVI, 269 Патрокл, обращаясь к мирмидонцам, называет их «слугами Ахилла».

XIII, 663 sqq.). Его отец предсказал ему, что он погибнет, если пойдет на войну, или исчахнет от тяжелой болезни, если останется дома. Евхенор предпочел первое, но не только потому, что не хотел медленно умирать под родительским кровом, а еще и потому, что боялся, что ахейцы подвергнут его, как дезертира, тяжелой пене (τῶ ῥ' ἅμα τ' ἀργαλέην θωὴν ἀλέεινεν Ἀχαιῶν). Оказавшийся в аналогичной ситуации богатый сикионец Эхепол дарит Агамемнону кобылицу Эфу, чтобы избавиться от обязанности участвовать в походе (Il., XXIII, 296 sqq.)[48]. Эпизоды такого рода показывают, что в основной своей части, за исключением численно, по-видимому, небольшого ядра близких друзей и слуг предводителя, дружина не существовала как некое постоянное, всегда готовое к бою целое. Дружинников нужно было собирать перед началом очередного похода и снова распускать после его окончания (выражение ἑταίρους ἀγείρειν дважды встречается в «Илиаде» — III, 47; XIII, 778). В этом отношении ахейская дружина существенно отличается от военных союзов, подобных галльским амбактам или германскому комитатусу. Лишь ее ядро, состоящее из домочадцев предводителя, может расцениваться как зачаточная форма постоянного объединения такого типа[49].

Однако в той же «Илиаде» мы сталкиваемся и с другой, судя по некоторым признакам, более прочной и устойчивой формой то-

---

[48] Согласно «Каталогу кораблей», Коринф и Сикион входили в состав владений Агамемнона (Il., II, 570, 572). Эхепол и Евхенор, следовательно, принадлежат к «тем бесчисленным подданным (λαοί), на которых непосредственно простирается власть Агамемнона. Однако этот вид зависимости, судя по всему, не вполне ясен для самого Гомера и он его переосмысливает на свой лад. Упоминание штрафа (θωή), который налагается на человека, уклонившегося от военной службы, не царем, а народом (ахейцами), переносит нас (в эпизоде с Евхенором) в атмосферу обычного гомеровского полиса с его «демократическими» институтами (ср. ссылку на δήμου φῆμις — Od., XIV, 239). Также и дар Эхепола можно понять не как «отступное», выплаченное «вассалом» своему повелителю за нарушение обета верности, а как обычную взятку военачальнику; ср.: *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 229; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 61 s.

[49] Ср.: *Nilsson M. P.* Homer and Mycenae. P. 229 f.; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 97 s.; *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. Wien, 1970. S. 92, Anm. 406.

варищеского союза. Примером может служить корпорация сотрапезников и вместе с тем боевая дружина, которую составляют троянские герои, группирующиеся вокруг Гектора как его ἑταῖροι[50]. В составе этой корпорации мы видим и родных братьев Гектора: Париса, Деифоба, Гелена (Il., XIII, 780) и «кузена» Энея (Ibid., 489), и лиц, вообще не связанных с ним родством: Полидаманта сына Пантоя (XVIII, 251), Подеса сына Этиона (XVII, 577), Агенора сына Антенора (XIII, 489). Все эти лица считаются «друзьями» не только по отношению к Гектору, но и по отношению друг к другу (Il., XIII, 489, 780). Все члены корпорации принадлежат, по-видимому, к одной возрастной группе (старше класса «юношей» и младше «старцев»), и, таким образом, весь союз покоится на принципе сверстничества. О Полидаманте, например, прямо сказано, что он был товарищем Гектора, потому что они оба родились в одну и ту же ночь (Il., XVIII, 251). Обычное времяпрепровождение членов союза состоит в пирах и попойках. О Подесе, убитом Патроклом, поэт замечает, что Гектор особенно ценил его как «любезного друга-товарища пиров» (Il., XVII, 577: ἐπεί οἱ ἑταῖρος ἔην φίλος εἰλαπιναστής). Особый интерес в этой связи представляет отрывок из «плача Андромахи», в котором она описывает горькую участь лишившегося отца маленького Астианакта (Il., XXII, 490 sqq.): «День сиротства совершенно лишает ребенка сверстников. Всегда с поникшей головой, щеки заплаканы. В нужде приходит мальчик к товарищам отца (ἐς πατρὸς ἑταίρους). Одного тащит за плащ, другого за хитон. Кто-нибудь сжалится и протянет малую чашу — только губы смочить, для нёба же не хватит. А то и прогонит его с обеда счастливец, у которого и отец есть и мать, ударами и бранью осыпав: Убирайся, ведь твой отец не обедает с нами. — Плача, мальчик приходит к матери-вдове. Астианакт, который прежде на коленях своего отца ел только мозг и жир бараний». Эта выразительная сценка заключает в себе ценнейшую историческую информацию. Во-первых, мы узнаем отсюда, что товарищи Гектора, как ни в чем не бывало, продолжают собираться на свои обеды и после его смерти. Таким образом, имеется в виду совершенно самостоятельный мужской союз, объединяющий группу сверстников и существующий безот-

[50] *Finsler* G. 1) Homer. Bd. I. S. 191; 2) Das homerische Königtum. S. 315.

носительно к личности того или иного героя, что резко отличает его от ахейских дружин, основанных, как мы уже видели, на принципе личной зависимости. Далеко не каждый может стать членом такого союза, имеющего все признаки замкнутой аристократической корпорации, а только человек, владеющий достаточной собственностью. Несомненно, прав Финзлер[51], указывающий, что цитированные выше строки логически вытекают из предшествующих слов Андромахи (Ibid., 489): «Ведь чужие отнимут поле» (ἄλλοι γὰρ οἱ ἀπουρίσσουσιν ἀρούρας). Лишившись отцовского надела, Астианакт лишается вместе с тем и возможности принимать участие в дружеской складчине, так как ему не из чего вносить свою долю к общему столу. Любопытна и внешняя сторона этих обедов: маленькие мальчики участвуют в трапезе, сидя на коленях своих отцов, которые сами их кормят. Сходная форма общей трапезы взрослых и детей прослеживается в некоторых районах Греции, например на Крите и в Аркадии и в гораздо более позднее время (Athen., IV, 143e; 149c).

Аналогичные товарищества сотрапезников хорошо известны и автору «Одиссеи». Как и в «Илиаде», эти союзы объединяют в своем составе главным образом сверстников, практически совпадая с возрастными классами юношей, взрослых мужей и старцев. На Итаке последний из этих трех классов представляют цари старшего поколения: Одиссей[52] и его друзья Ментор и Галитерс (этих двоих поэт несколько раз называет «отцовскими товарищами» Телемаха — Od., II, 253 sq.: οἱ ἐξ ἀρχῆς πατρώϊοί εἰσιν ἑταῖροι; также: II, 286; XVII, 68; XXII, 208), к которым, вероятно, присоединяются и родители женихов, например Евпейт, «герой Египтий» и др. Союз старцев продолжает собираться на свои трапезы и в отсутствие Одиссея, причем его место за общим столом принадлежит теперь Телемаху, который, конечно, не по возрасту, но по своему общественному положению как самостоятельный домохозяин и глава семьи может считаться одним из итакийских старейшин-судей[53]. Так можно понять слова Антиклеи, на которые

---

[51] *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 314.

[52] Одиссей назван «старцем» уже в «Илиаде» (XXIII, 790 sq.).

[53] Также и на народном собрании Телемах садится на отцовское место среди старцев (Od., II, 14).

мы уже обращали выше внимание читателя (Od., XI, 185 sqq.): «Никто еще не присвоил твою прекрасную почесть. Телемах спокойно владеет теменом и участвует в равных пирах, которые пристало устраивать мужу-судье (ἅς ἐπέοικε δικασπόλον ἄνδρ' ἀλεγύνειν). Ведь все (его) приглашают». Логика авторской мысли здесь примерно та же самая, что и в цитированном выше отрывке из «Плача Андромахи». Поэт хочет сказать, что Телемах (в отличие от Астианакта) сохранил отцовский надел и именно поэтому может участвовать в коллективных обедах итакийской знати (каждый из δικασπόλοι должен был в свою очередь принимать в своем доме всех остальных членов союза, подобно тому как это делают старейшины ахейского войска в «Илиаде», причем обеды устраивались либо в складчину, либо за счет хозяина дома)[54].

Мудрым и чинным старцам противостоит во второй гомеровской поэме буйная толпа юношей-женихов Пенелопы (κοῦροι — постоянное их обозначение в поэме — II, 96; XVI, 248; XVII, 174; XIX, 141; XXII, 20; XXIII, 122; XXIV, 131). Женихи — отнюдь не случайное сборище претендентов на руку Пенелопы, но союз, имеющий определенную внутреннюю организацию, определенный регламент и т. д.[55] На это указывает перечисление женихов в Od., XVI, 247 sqq. (Телемах подсчитывает врагов, желая показать отцу, насколько трудным будет задуманное им предприятие): «С Дулихия пятьдесят два избранных юноши и с ними шесть слуг (δρηστῆρες). С Самы пришли двадцать четыре человека. С Закинфа — двадцать ахейских юношей. С самой Итаки — двенадцать, и все лучшие. И с ними вестник Медонт, божественный певец, и двое слуг, сведущих в разрезании мяса». На сто восемь женихов приходится, таким образом, только десять слуг, если причислить к ним также глашатая и певца. Такое соотношение наводит на мысль о том, что слуги, о которых говорит Телемах, не являются слугами отдельных женихов, а принадлежат всей компании в целом (или, может быть, отдельным их группам, прибыв-

---

[54] Другие толкования этого места см.: *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. S. 73 f.; *Finsler G.* Das homerische Königtum. S. 314. Глагол ἀλεγύνω показывает, что участники обеда не только вкушают его, но и сами готовят (ср.: Od., IV, 621 sqq.; XVII, 175 sq.).

[55] *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в поэмах Гомера. С. 44 слл.

шим с разных островов)[56]. Иначе говоря, это — слуги союза, специализирующиеся на приготовлении и обслуживании коллективных обедов (Телемах подчеркивает это, говоря о двух δαιτροί итакийских женихов). В качестве аналогии можно сослаться на слуг в критских сисситиях (в каждой гетерии их было от десяти до тринадцати человек — Athen. IV, 143в) или на потомственных поваров в спартанских фидитиях (Hdt., VI, 60).

«Гордыня» (ὕβρις) женихов проявляется прежде всего в их обжорстве, в уничтожении ими чужого имущества (обжорство и насилия над рабынями Одиссей делает первым пунктом своей короткой обвинительной речи в XXII, 36 sq.). Как посягнувшие на священное право собственности, они расплачиваются за это своей кровью. Имущественный вопрос фактически становится центром тяжести в том конфликте, на котором строится сюжет поэмы. Безусловно, правы те исследователи, которые видят в обедах женихов злоупотребление каким-то обычаем, а не просто произвол, творимый шайкой насильников в доме беззащитной вдовицы, которую они таким путем пытаются принудить к ненавистному ей браку[57]. Но что это за обычай? Ключом к правильному пониманию взаимоотношений семейства Одиссея с женихами может служить, по нашему мнению, речь Телемаха в Od., II, 138 sq. (ср.: I, 374 sq.): «Если ваша душа стыдится этого, уйдите из моего дома, устраивайте другие обеды, проедая свое имущество, чередуясь домами (ἀμειβόμεοι κατὰ οἴκους). Если же вам кажется желанней и лучше оставаться и губить безвозмездно имущество одного человека, жрите!» В чем смысл этих слов Телемаха? Он не пытается доказать, что женихи вообще не имеют права обедать в его доме, хотя казалось бы, именно с этого и нужно было бы начать. Он лишь протестует против того, что ему одному приходится нести все бремя расходов в устройстве этих обедов. В такой интерпретации это место созвучно уже упоминавшемуся отрывку из «Некии», в котором говорится об обедах итакийских судей. Женихи, так же, как и их отцы δικασπόλοι ἄνδρες, едят в доме Телемаха по обычаю: будучи членом союза, объединяющего знатную молодежь Итаки и соседних с ней островов, он

[56] Ср.: Od., XVIII, 291; XIX, 135.

[57] *Levy H. L.* Odyssean suitors and the host-guest relationship // TAPA. Vol. 94. 1963. P. 147.

обязан время от времени принимать у себя своих товарищей и устраивать для них угощение. Но женихи злоупотребляют гостеприимством Телемаха, оставаясь в его доме дольше положенного срока. Именно в этом можно видеть причину конфликта.

Острота конфликта, однако, еще более усугубляется, если предположить, что Телемах и женихи находятся далеко не в равном положении по отношению друг к другу. В то время как сын Одиссея, лишившись отца, по необходимости стал главой семейства и полновластным хозяином всех принадлежащих ему богатств (Od; I, 397 sqq.: αὐτὰρ ἐγὼν οἴκοιο ἄναξ ἔσομ' ἡμετέροιο...), женихи все еще остаются на положении несовершеннолетних юношей при своих родителях и старших братьях. Типичен в этом отношении Еврином, сын старца Египтия, который, как и все женихи, проводит время в попойках, в то время как два его старших брата, вероятно, уже женатых, трудятся в отцовском хозяйстве (ἔχον πατρώια ἔργα — Od., II, 115 sq.). Устройство обедов на началах взаимного гостеприимства для женихов в этом случае, очевидно, исключено: у них нет ни имущества, ни домов, куда бы они могли пригласить друг друга. Вместе с тем их союз объединяет в своих рядах цвет итакийского юношества, отборных молодых воинов, из которых можно было бы сформировать первоклассную дружину. Можно допустить, что на Телемахе, так же, как и на всех прочих гражданах Итаки, лежит бремя содержания этой ἕρμα πόληος («опоры города», как называет уже убитых женихов Одиссей в Od., XXIII, 121). Весь ужас положения Телемаха в том, что женихи едят и пьют в его доме безвозмездно (νήποινον). Он ничего не может потребовать ни с них самих, потому что у них нет своего имущества, ни с их родителей, потому что они не отвечают за действия союза. Затруднительная ситуация, в которой оказался сын Одиссея, вынуждает его обратиться к собравшемуся на агоре народу с довольно странным, на первый взгляд, предложением (Od., II, 74 sq.): «Мне было бы выгодней, если бы вы (сами) проели мое имущество, движимое и недвижимое (κειμήλιά τε πρόβασίν τε). Так как, если бы вы проели, я быстро получил бы плату (τίσις). Мы бы до тех пор ходили по городу, выпрашивая имущество, пока все не было бы отдано». Место кажется непонятным, так как скрытый в нем поворот примитивного правового мышления трудно уловим для невооруженного глаза современного чита-

теля. Слова Телемаха — не просто жест отчаяния. В них есть трезвый, хотя, может быть, и несколько наивный расчет. Телемах предпочитает отдать свой дом на поток и разграбление отцам грабителей, с которых он затем как с полноправных собственников взыщет сполна весь ущерб, опираясь, в сущности, на тот же самый обычай поочередного гостеприимства (отдаривания), на котором основываются обеды итакийских δικασπόλοι[58].

Характеризуя женихов как шайку молодых грабителей, опустошающих дом Одиссея и притесняющих его близких, Гомер, безусловно, опирался на очень древнюю мифологическую традицию, уходящую своими корнями в глубины первобытной эпохи. У многих примитивных народов юноши, достигшие половой зрелости и прошедшие или только еще собирающиеся пройти через обряд инициации, освобождаются от работы в хозяйстве своих родителей и на значительный срок совершенно обособляются от общины, образуя замкнутый (иногда строго засекреченный) союз[59]. Нередко молодежные объединения этого типа выполняют определенные общественно полезные функции военного или мирного характера (совершают набеги в земли соседей, угоняя оттуда скот, и в то же время несут охрану племенной территории, пасут скот, прокладывают дороги и т. д.). В свою очередь община добровольно берет на себя издержки по содержанию союза. Время от времени молодые люди, живущие обычно в особом лагере или в мужском доме где-нибудь в лесу, появляются в деревне и один за другим обходят дома. Каждый хозяин в случае такого визита должен накор-

---

[58] Молниеносное проедание запасов «гостеприимца» и столь же быстрое их восстановление — явление, весьма характерное для общества с неокрепшей еще частной собственностью. Типичный пример дает так называемый «потлач» у индейцев западного побережья Северной Америки. См.: *Viljoen St.* The economics of primitive peoples. London, 1936. P. 250 f.; *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. С. 34 сл., 115 слл., 179 слл., 225 слл.

[59] *Schurtz H.* Altersklassen und Männerbünde. Berlin, 1902. S. 319 f.; *Merker M.* Die Masai. Berlin, 1904. S. 60 f.; *Krige E. J.* Social system of the Zulus. New York—London, 1936. P. 36 f.; *Fürer-Haimendorf Chr.* Das Junggesellehaus im westlichen Hinterindien // Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Bd. I. 1930.

мить гостей обедом[60]. Не всегда, однако, эти посещения проходят так мирно. Во многих местах, например в некоторых районах Африки и Меланезии, члены тайных союзов по ночам покидают свои лесные убежища и замаскированные под «живых мертвецов» врываются в деревни, наводя ужас на женщин и детей и хватая все, что попадется под руку[61]. Узаконенное воровство в спартанских агелах, о котором рассказывают Ксенофонт и Плутарх, несомненно, принадлежит к тому же кругу обычаев[62].

Этот краткий экскурс в область сравнительной этнографии позволяет лучше понять ситуацию, сложившуюся на Итаке в отсутствие Одиссея, и дает, как нам кажется, наиболее убедительную мотивировку поведению женихов. Их бесконечные пиры в насильственно захваченном чужом доме, истребление чужого вина и скота есть ничто иное, как злоупотребление обычаем, который ставит их как надежду и опору общины в особое привилегированное положение, разрешая бесчинствовать, грабить, жить за чужой счет, но все это, конечно, только до определенного предела[63]. Женихи переступили через предел дозволенного и несут за это заслуженную кару. Разумеется, в «нашей» «Одиссее» эта архаическая сюжетная коллизия во многом уже переосмыслена и переориентирована на социальную среду совсем иного рода, чем это было в далекой праоснове мифа. Окруженный глубокой тайной и ореолом религиозного могущества союз «лесных братьев» (таково, как нам

---

[60] См., например: *Wilson M.* Good company. London—New York, 1951. P. 20 f. — об обычаях племени ньякиуса (Восточная Африка).

[61] *Frobenius L.* Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898. S. 44 f.; *Westermann D.* Die Kpelle. Göttingen—Leipzig, 1921. S. 246.

[62] Ср. колядование в русских и украинских деревнях: *Чичеров В. И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. М., 1957. С. 126 слл.; *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 46. Мотив угрозы и вымогательства отчетливо звучит в единственной дошедшей до нас древнегреческой «колядке» — родосской «Песне Ласточки» (Bergk. Anthologia Lyrica[4]. CP 44).

[63] На другие «инициационные» мотивы в «Одиссее» указывают: *Лурье С. Я.* Дом в лесу // Язык и литература. Т. VIII. 1932. С. 177; *Пропп В. Я.* Мужской дом в русской сказке // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1939. № 20. Сер. филол. наук. С. 194 сл.; *Germain G.* Essai sur les origines de certaines thèmes Odyséens et sur la genèse de l'Odyssée. Paris, 1954. P. 1 s.

думается, первоначальное, уже забытое самим поэтом значение этого коллективного образа)[64] уступает теперь свое место типичной компании «золотой молодежи», наделенной всеми пороками современной Гомеру ионийской аристократии[65]. Следует, однако, заметить, что этот переход с одного смыслового уровня на другой облегчался тем, что сама традиция мужских союзов, по-видимому, была еще жива в то время, когда создавалась «Одиссея», напоминая о себе постоянными бесчинствами аристократических гетерий, в которых дозволенные обычаем и даже освященные религией проявления удали подрастающего поколения граждан перемежались с кровавыми распрями, угрожающими самим устоям полисного строя.

Любопытные изменения претерпевает во второй гомеровской поэме дружина. Категория ближних гетеров, или друзей-слуг, занимающая столь видное место в сюжетных перипетиях «Илиады», в «Одиссее» практически исчезает со сцены. «Проворные слуги» (ὀτρηροί θεράποντες), фигурирующие в пиршественных сценах этой поэмы (I, 109; IV, 23, 38, 217), — это всего лишь домашняя челядь, годная только для прислуживания за столом, но отнюдь не боевые друзья и соратники главных героев, какими предстают перед нами Патрокл или Автомедон[66]. В индивидуальных

---

[64] Религиозная практика тайных союзов имеет, как правило, ясно выраженную тотемистическую окраску. Их члены одеваются в звериные шкуры, носят звериные имена, воспроизводят в своих плясках повадки диких животных и вообще считаются «оборотнями». Отголоском первобытного оборотничества можно считать сцену безумия женихов (Od., XX, 345 sq.). Афина возбуждает в них неудержимый смех и приводит в смятение их рассудок. Их лица искажаются, и в довершение всего они начинают есть кровавое мясо. Напомним, что в варварской Европе сыроядство широко практиковалось среди членов разного рода тайных обществ, например среди скандинавских берсеркеров. — *Weiser L.* Altgermanische Jünglingsweihen und Männerbünde. Baden, 1927. S. 45 f.; ср.: *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 550 s.

[65] *Whitman C. H.* Homer and the heroic tradition. Cambridge, 1958. P. 306.

[66] Лишь один раз глагол θεραπεύω появляется в «Одиссее» в более «героическом» контексте (XIII, 265 sqq.): Одиссей, выдающий себя за критянина, вспоминает, как он отказался «служить» Идоменею во время троянского похода (οὐχ ... χαριζόμενος θεράπευον δήμῳ ἔνι Τρώων, ἀλλ' ἄλλων ἄρχον ἑταίρων) и из-за этого едва не лишился своей добычи.

образах этих людей, если поэт находит нужным обратить на них внимание слушателей, трудно уловить хоть что-нибудь героическое. Напротив, в них явно преобладают низкие «лакейские» черты. Даже рабы в критических ситуациях проявляют больше мужества и ведут себя с большим достоинством, чем слуги, хотя эти последние как будто считаются свободными людьми. В то время как пастухи Евмей и Филойтий сражаются плечом к плечу с Одиссеем против женихов, вестник Медонт, дрожа от страха, прячется под свежесодранной бычьей шкурой и затем на коленях молит Телемаха о заступничестве перед отцом (Od., XXII, 346 sqq.). Показательно также и то, что, отправляясь на розыски отца, Телемах не берет с собой никого из этой челяди, но набирает дружину из «товарищей-добровольцев» (Od., II, 291 ἑταίρους = ἐθελοντῆρας). Все они, как выясняется далее, являются его сверстниками, связаны с ним дружбой (φιλότητι — Od., III, 363 sq.) принадлежат к лучшим домам Итаки (IV, 652). Вообще говоря, ничто не мешало сыну Одиссея отобрать себе спутников из подвластных ему людей, т. е. рабов и слуг. Такую возможность учитывают и женихи. Когда Ноэмон, давший Телемаху корабль, сообщает женихам о его отплытии, Антиной прежде всего задает вопрос о его спутниках (Od., IV, 642 sqq.): «Кто из юношей отправился с ним — избранные (среди жителей Итаки) или же его собственные феты и рабы (ἦ ἑοί αὐτους θῆτές τε δμῶές)?» И если Ноэмон отвечает на это, что за Телемахом последовали «лучшие юноши, какие только есть у нас среди народа», то выбор поэта диктуется, конечно, соображениями престижа: царскому отпрыску должны сопутствовать в его трудном предприятии люди по-настоящему благородные, а не подонки общества. При возвращении Телемаха на Итаку (Od., XVI, 325 sq.) вводят корабль в гавань и вытаскивают его на берег «товарищи» (ἑταῖροι), т. е. юноши, сопровождавшие его в плавании, а уносят их оружие и корабельное снаряжение «ретивые слуги» (θεράποντες). Здесь явно имеются в виду две совершенно различные социальные категории (ср.: Od., IV, 784, где подобным же образом распределены обязанности между женихами и их слугами).

Итак, мы наблюдаем в «Одиссее» совершенно очевидное снижение социальной ценности всего класса θεράποντες, что находит свое выражение прежде всего в разграничении понятий «товарищ»

и «слуга», столь тесно связанных между собой во многих эпизодах «Илиады». Во всем этом можно было бы видеть отзвук каких-то резких общественных сдвигов, произошедших за время, разделяющее обе гомеровские поэмы[67]. Возможно, однако, и другое объяснение. В литературе неоднократно отмечалось, что общий героический настрой гомеровской поэзии заметно снижается во второй поэме, что те картины жизни и быта, которые развертываются перед нами в «Одиссее», более приземлены, более «реалистичны» и в целом ближе к исторической действительности гомеровского периода, чем соответствующие описания в «Илиаде»[68]. Поэтому здесь дистанция, отделяющая верхушку общества (мир «лучших») от его низов (мира «худших»), выдерживается строже и слуги изображены такими, какими они и были в действительности — бездомными бродягами и бедняками, из милости принятыми в дом и выполняющими самую низкую, не достойную «порядочного человека» работу[69]. Что касается автора «Илиады», то он в своих суждениях о людях и обществе еще во многом ориентируется на традиционные этические нормы, выработанные микенской героической поэзией. Можно полагать, хотя прямые указания на это в источниках отсутствуют, что дружины микенских ванактов (или лавагетов?) набирались преимущественно из представителей военной знати, составлявших постоянное окружение царя как во время войны, так и во время мира (возможно, это было сословие экетов, о которых неоднократно упоминают таблички пилосского архива)[70]. Несмотря на занимаемое ими высокое обще-

---

[67] *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. S. 66 f.; *Finsler G.* Homer. Bd. I. S. 189.

[68] См., например: *Bowra C. M.* Homer. P. 118 f., 171.

[69] Одним из таких δρηστῆρες как человек опытный в приготовлении обеда и прислуживании за столом, рекомендуется Одиссей (Od., XV, 321 sqq.), замечая, что именно такую работу «худшие» обычно делают для «добрых» (οἷά τε τοῖς ἀγαθοῖσι παραδρώωσι χέρηες). В действительности слуги, по-видимому, не только разливали вино и резали мясо, но и использовались для различных хозяйственных надобностей наравне с рабами и батраками (фетами). Само слово θεράπον в языке «Одиссеи», возможно, является лишь эвфемизмом, заменяющим более грубое и привычное θῆς; ср.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 67.

[70] *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 11 f., 98 f.

ственное положение эти люди считались, по всей вероятности, царскими слугами и, подобно придворным средневековых европейских королей, выполняли различные приличествующие этому званию поручения, вплоть до прислуживания за столом и в опочивальне[71]. Изображая слуг в «Илиаде» героями и аристократами почти такими же, как и те, кому они прислуживают, подчеркивая их неизменную верность и преданность своему повелителю, Гомер, по-видимому, отдает дань традиции, в которой отголоски микенской дружинной этики были еще достаточно сильны. Не случайно типичный слуга в «Илиаде» — это прежде всего возница, стоящий рядом с героем на колеснице или поджидающий его с лошадьми на месте сражения. Таковы Автомедон, Сфенел, Мерион. Как известно, колесница была главной боевой силой на полях сражений в микенскую эпоху, но утратила свое значение в собственно гомеровский период[72]. При всем этом между слугами «Илиады» и слугами «Одиссеи» нет, как нам думается, непроходимой исторической грани. Отношения между Ахиллом и Патроклом при всей своей возвышенности все же укладываются в довольно обычную для времени самого поэта житейскую схему: бездомный странник, принятый в дом «богатого мужа», становится, хотя и на положении слуги, своим человеком в семье, ибо к нему «прирастает» сердце хозяина. В конечном счете образы друзей-слуг в «Илиаде» столь же сложны и синкретичны, как и образы царей, которым они прислуживают. Величественная фигура благородного слуги Патрокла может в равной степени представлять в эпосе две совершенно различные социальные категории: давно сошедшую со сцены служилую знать — колесничих микенской эпохи и скромных θεράποντες — клиентов, составлявших наряду с рабами (δμῶες) прислугу в домах современной поэту ионийской знати.

---

[71] Некоторые из них и сами могли быть «царями», хотя, конечно, низшего ранга. Среди героев «Илиады» лишь трое могут быть причислены к этой, по-видимому, давно забытой разновидности «царственных» слуг. Это — Феникс, Мерион и Сфенел. В «Одиссее» титулованного «мажордома» — «господина Этеонея» (IV, 22: κρείων Ἐτεωνεύς) — имеет только один Менелай, который также и во всем прочем превосходит обычных царей, например, Одиссея; ср.: IV, 72 sqq.

[72] *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. P. 103 f.; *Snodgrass A.* Early Greek armour and weapons. Edinburgh, 1964. P. 159 f.

Из всех этих наблюдений вытекает совершенно определенный вывод: если оставить в стороне встречающиеся в поэмах (особенно в «Илиаде») реминисценции военного быта микенского времени, то мы должны признать, что дружина в точном значении этого слова как постоянное объединение профессиональных воинов, связанных клятвой верности со своим предводителем и живущих за его счет в его доме, Гомеру практически не известна[73]. В социально-экономических условиях реального гомеровского периода, а не вымышленного «Героического века», дружина могла быть только временным и в значительной степени, по-видимому, случайным сборищем смельчаков, добровольно последовавших за тем или иным аристократом в каком-нибудь опасном предприятии. Как было уже замечено, материальные ресурсы гомеровских басилеев были крайне ограничены. Содержать при своем «дворе» в течение длительного времени массу вооруженных людей было бы слишком большой роскошью даже для самых богатых и могущественных из них[74]. Поэтому в случае необходимости, если, например, затевалась очередная пиратская экспедиция или готовилась месть за погибшего сородича, в действие обычно приводился сложный механизм родственных, товарищеских[75] и кли-

---

[73] В «Илиаде» (IV, 385 sq.) Тидей приходит из Аргоса в Фивы и находит здесь «многочисленных кадмейцев», пирующих в «доме Этеокловой силы». С каждым из них по очереди он вступает в поединок и всех побеждает. Здесь может иметься в виду та форма дружины, которую немецкие историки определяют термином «Hausgefolgschaft» (*Kuhn H.* Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft // ZRG. Bd. 73. 1956. S. 12). Сам этот эпизод принадлежит, однако, к древнейшим мифологическим пластам эпоса и, конечно, отнюдь не характерен для нравов и обычаев собственно гомеровской эпохи.

[74] Нельзя не согласиться с Чедвиком (*Chadwick H. M.* The heroic age. P. 363), который связывает сравнительно слабое развитие института дружин в гомеровском обществе с уже отмеченным выше фактом плюрализма носителей царской власти.

[75] Определенную роль в формировании этих котерий, вероятно, играли уже существующие мужские союзы и возрастные классы. Однако абсолютное тождество дружины и возрастного класса (обычное явление во многих примитивных обществах) для общественной жизни гомеровского периода уже не характерно. Совпадение обоих понятий в изобра-

ентских[76] связей, что позволяло в короткий срок поднять на ноги достаточное число приверженцев, на которых можно было положиться в предстоящей борьбе. Как только дело было сделано и поставленная цель достигнута, дружина расходилась по домам, чтобы возникнуть снова в другом месте и, может быть, в другом составе, когда в ней появится нужда. Таким образом, гомеровская дружина остановилась на той стадии развития, которую германская Gefolgschaft прошла уже во времена Юлия Цезаря (Bell. Gall., VI, 23), стадии эпизодически возникавших и столь же быстро распадавшихся «военных партий» (Heerhaufen), предназначенных в основном для кратковременных набегов в земли соседей[77]. Более стабильная форма этого института, предполагающая более высокий уровень военного профессионализма, а также более прочную связь дружинников со своим предводителем (см. ее характеристику у Тацита: Germ., XIII–XIV), по-видимому, так и не привилась на греческой почве[78]. В значительной мере это обстоятельство объясняется «недоразвитостью» эллинской монархии послемикенского времени, на которую мы уже указывали выше.

Суммируя все сказанное в настоящей главе, мы должны еще раз подчеркнуть, что раннегреческое общество представлено в гомеровских поэмах в весьма специфичном и одностороннем освещении. Виной этому и условность поэтического языка Гомера, и

жении «гетерии Гектора» (с. 149 сл.), скорее всего, следует отнести к разряду поэтических условностей.

[76] Под «клиентами» мы имеем в виду в данном случае не только домашних слуг предводителя дружины, но и всех вообще зависимых от него людей, среди которых могли быть мелкие арендаторы вроде позднейших афинских гектеморов или обедневшие сородичи и фратеры, добровольно отдавшиеся под покровительство «сильного человека». Неоднородность социального состава была отличительной чертой первичной формы дружины не только в Греции; ср. так называемые «крестьянские дружины» (bäuerliche Gefolgschaft) исландских хавдингов (*Kuhn H.* Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft. S. 4 f.).

[77] *Kuhn H.* Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft. S. 4 f.; *Wenskus R.* Stammesbildung und Verfassung. Köln, 1961. S. 347 f.

[78] Ср.: *Deger S.* Herrschaftsformen bei Homer. S. 92, Anm. 406. — В виде исключения можно указать на македонский корпус гетеров, генетически, по-видимому, связанный с дружинами гомеровского времени.

некоторые особенности свойственного ему мировосприятия, прежде всего та склонность к идеализации и облагораживанию повседневной жизни, благодаря которой мы видим раннегреческий полис все время только с «фасадной» его стороны как совокупость ряда аристократических ойкосов вместе с зависимыми от них людьми. Остальная часть населения общины — практически вся масса простонародья — почти всегда остается в тени этой монументальной постройки, созданной воображением поэта. Избирательность поэтического видения окружающего мира ведет к тому, что многие важные аспекты общественной жизни эпохи, например та все еще весьма значительная роль, которую играли в ней гентильные организации, ускользают от нашего внимания. Впрочем, при всей условности и иллюзорности представленной в эпосе картины общественных отношений ее нельзя расценивать только как поэтическую фикцию, абсолютно оторванную от почвы действительности. Многие действительно имевшие место тенденции общественного развития, бесспорно, нашли в ней свое отражение. Реальной основой гомеровской концепции аристократического полиса является, как нам думается, надежно удостоверенный традицией и известный также и помимо Гомера факт экономического и политического господства родовой аристократии в Греции IX—VIII вв. до н. э. Приоритет знати в делах, связанных с общинным самоуправлением и судопроизводством, концентрация в ее руках львиной доли принадлежащих общине богатств, верховный авторитет, которым пользовалась эта же прослойка в вопросах религии и культа, — все это давало явно проаристократически настроенному поэту достаточное основание для отождествления влиятельной и родовитой верхушки демоса с самим демосом при полном устранении с эпической сцены всей остальной его массы[79].

---

[79] Подобная замена социального целого его частью встречается и в более поздней античной литературе, например в «Германии» Тацита; см.: *Неусыхин А.* Общественный строй древних германцев. М., 1929. С. 163 слл.

Глава V

ЦАРИ И НАРОД. К ВОПРОСУ О «ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

В работах советских историков представленная в эпосе система политических отношений обычно определяется термином «военная демократия». Как известно, этот термин впервые был введен в научный обиход Л. Г. Морганом в 1878 г. Сама концепция «военной демократии» возникла как своевременная и в значительной мере оправданная реакция на господствовавшую в европейской науке на протяжении всего XIX столетия доктрину, согласно которой исходной точкой политического развития Древней Греции была «патриархальная монархия». Полемизируя по этому вопросу с авторитетнейшим английским историком прошлого века Дж. Гротом, Морган писал на страницах своего «Древнего общества»: «Грот утверждает, что "примитивный греческий строй был чисто монархическим, покоясь на личных чувствах и божественном праве"... Истинная характеристика греческого строя, как это представляется американцу, прямо противоположна взгляду Грота. А именно: первоначальный образ правления греков был чисто демократическим, покоясь на родах, фратриях и племенах, организованных в качестве самоуправляющихся единиц, а равно на принципах свободы, равенства и братства»[1]. Брошенные как бы вскользь слова, «как это представляется американцу», придают полемике между Морганом и Гротом, несмотря на ее сугубо специальный антикварный характер, оттенок политической злободневности. Хорошо известно, что антитеза «европейская деспотия — американская демократия» была общим местом в публицистике США, начиная со времени провозглашения независимости. С умыслом или без него концепция Моргана утверждала исторический приоритет молодой американской конституции над монархическими режимами одряхлевшей Европы. Известная доля политического субъекти-

[1] *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 143.

визма, свойственная историческим построениям американского этнографа, очевидно, помешала ему осознать тот простой факт, что на место выдвинутой им альтернативы «монархия или демократия» легко можно подставить другую: «монархия или олигархия (или аристократия)», поскольку демократия отнюдь не является единственно возможным эквивалентом той формы общинного самоуправления, которая существовала у греков гомеровской эпохи[2].

Характеризуя типично варварское общество, изображенное Гомером, как царство всеобщей свободы, равенства и братства, Морган впадает в явную идеализацию. Рассуждая таким образом, он попросту игнорирует совершенно очевидный для каждого современного историка или этнографа факт глубокого социально-экономического расслоения общины, выделение внутри нее влиятельной и могущественной прослойки родовой знати, подчиняющей себе рядовых общинников, и другие черты и признаки, указывающие на достаточно далеко продвинувшийся процесс классообразования[3]. Что касается самого термина «военная демократия», то его, как уже указывалось в нашей научной печати, нельзя признать вполне удачным, а главное — вполне адекватным определением политической надстройки, характерной для эпохи перехода от родового строя к государству[4]. Вместе с тем моргановская концеп-

---

[2] В понимании Моргана аристократический образ правления глубоко чужд политическому сознанию древних греков. Господства знати в его чистом виде ни Афины, ни другие греческие государства никогда не знали. Демократия всегда была магистральной линией их политического развития, начиная с мифических времен и кончая эпохой Перикла (*Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 147, 158).

[3] С этим непосредственно связан другой важный недостаток исторической схемы Моргана: он явно смягчает катастрофический революционный характер процесса становления греческого «политического общества», сводя его к серии реформ, следующих друг за другом в спокойном чередовании (*Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 148 слл.). Эти дефекты моргановской доктрины в значительной степени удалось преодолеть Ф. Энгельсу в его книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 108 слл.).

[4] *Потехин И. И.* Военная демократия Матабеле // Родовое общество / Труды ИЭ, н. с. Т. XIV. 1951. С. 235; *Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии // Труды ИЭ, н. с. Т. LIV. 1960. С. 245. — В по-

ция, безусловно, содержит в себе и определенное рациональное зерно, которое не позволяет отвергнуть ее a limine, без дальнейшего обсуждения. При внимательном изучении в системе управления гомеровского полиса, как, впрочем, и в «конституции» любой другой варварской общины, можно обнаружить элементы своеобразного примитивного демократизма, которые в дальнейшем при благоприятных условиях могут развиться и в настоящую демократию. Укажем на наиболее значительные из них.

Понятия «община» (государство) и «народ» в гомеровском лексиконе практически совпадают и выражаются одним и тем же термином δῆμος[5]. Народное собрание (агора) фигурирует в поэмах как твердо установленный обычаем и освященный религиозной традицией политический институт, без которого поэт не представляет себе нормальную человеческую жизнь. Отсутствие агоры у циклопов есть в его глазах признак величайшей дикости (Od., IX,

---

следней работе указывается также, что «военная демократия» исторически не универсальна и этим отличается от патриархата и матриархата. Эту мысль развивает также А. М. Хазанов (*Хазанов А. М.* Военная демократия и эпоха классообразования // ВИ. 1968. № 12), предлагая расценивать «военную демократию» лишь как частный эпизод в истории человечества, который многие народы просто миновали в своем развитии. Тем не менее этот термин все еще продолжает использоваться в научной литературе, очевидно, как дань традиции или просто по инерции. — *Averkieva P.* 1) On the role of military democracy in the history of society. Доклад на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио. М., 1968. 2) *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки // СЭ. 1970. № 5; *Авдиев В. И.* Военная демократия и классовый характер древнейшего государства // ВИ. 1970. № 1; *Хмелинский В. М.* О понятии «военная демократия» // СЭ. 1973. № 4.

[5] Это положение пытается оспаривать Жанмэр (*Jeanmaire H.* Couroi et courètes. Lille, 1939. P. 44 s.), утверждая, как нам кажется, совершенно бездоказательно, что политически правоспособную часть общины составляла только военная знать — λαός, но никак не δῆμος. Дела, входящие в круг компетенции народного собрания, обозначаются в «Одиссее» (II, 32) термином δήμιον (ср.: Il., XVII, 250; Od., XX, 264), хотя, если встать на позицию Жанмэра, следовало бы ожидать, что поэт употребит в этом случае соответствующее прилагательное, образованное от λαός.

112: τοῖσιν δ' οὔτ' ἀγοραὶ βουληφόροι οὔτε θέμιστες)[6]. Прекращение народных собраний на Итаке в связи с двадцатилетним отсутствием Одиссея также расценивается как отступление от нормы, нарушение издавна заведенного порядка вещей (Od., II, 62 sqq.). В жизни гомеровских героев словопрения на агоре занимают далеко не последнее место. В ряду доблестей, отличающих идеального героя, красноречие стоит сразу вслед за воинской отвагой. Не случайно эпитет κυδιάνειρα («прославляющая мужей») прилагается в равной степени и к битве, и к собранию (Il., I, 490; ср.: IX, 441). Характеризуя этолийского героя Тоанта (Il., XV, 283 sq.), поэт особо отмечает, что «на агоре лишь немногие ахейцы могли бы превзойти его, когда юноши пускаются в словесные препирательства». Вообще спор, свободный обмен мнениями, допускающий критику и возражения в адрес любого из предыдущих ораторов, считается неотъемлемой принадлежностью народного собрания. На это право, как на освященный веками обычай, ссылается, например, Диомед, выступая с гневной отповедью пораженческим настроениям Агамемнона (Il., IX, 32 sq.: Ἀτρεΐδη, σοὶ πρῶτα μαχήσομαι ἀφραδέοντι, ἢ θέμις ἐστίν, ἄναξ, ἀγορῇ)[7]. Несмот-

---

[6] Оба термина ἀγορά («собрание») и θέμις («закон», «судоговорение») объединены также в описании ахейской агоры (Il., XI, 807) и это, по-видимому, не случайно, ибо именно судопроизводство составляет важнейшую функцию гомеровского народного собрания. Воплощающая в себе понятие θέμις богиня Фемида выступает у Гомера в качестве верховной блюстительницы народных собраний, которые она созывает и распускает в положенное время (Od., II, 68 sq.; ср.: Il., XX, 4).

[7] В процедуре собрания многое остается неясным. Нельзя сказать с уверенностью, кто имел право выступать перед народом: только ли лица, облеченные властью (цари и геронты), или же также и рядовые граждане. Как правило, держат речи в собрании представители первой из этих двух категорий, хотя некоторые из них, вероятно, могли в случае необходимости изображать и «людей из народа». Например, Полидамант (Il., XII, 213), Диомед (Il., VII, 406 sq.), возможно, даже Ахилл в I песни. Единственный во всей гомеровской поэзии случай, когда слово в собрании берет подлинный представитель народной массы, — это выступление Терсита (ср.: Il., X, 314 sqq.; Od., XXIV, 442 sqq.). Поэт, однако, вводит этот эпизод в свое повествование лишь для того, чтобы показать бессилие демагога-простолюдина в хорошо устроенном аристократическом обществе. Выступление Терсита может расцениваться как непредусмотренная рег-

ря на то, что оба понятия δῆμος и κράτος, которые впоследствии составят слово «демократия», в эпосе употребляются только порознь, без всякой связи друг с другом, представление о народном суверенитете не чуждо Гомеру[8]. На своих собраниях народ при-

---

ламентом собрания реплика с места, вопиющее нарушение этикета, за которое крикун тут же расплачивается своей спиной. Поэт подчеркивает это, называя речи Терсита ἄκοσμά ... οὐ κατὰ κόσμον (Il., II, 213), а его самого ἀμετροεπής (Ibid., 212). Удел «мужей из народа», как об этом сказано несколькими строками выше (Ibid., 200 sq.), «спокойно сидеть на своих местах и внимать тому, что скажут другие, лучшие, чем они». Еще одна немаловажная деталь: Терсит, вопреки обыкновению гомеровских ораторов, говорит без скипетра, вероятно, не имея права держать его в руках. В то же время скипетр является орудием наказания за его проступок. Глоц и некоторые другие авторы усматривают в этом своеобразную политическую символику (*Glotz G.* La cité grecque. Paris, 1928. P. 61; *Finley M. I.* The world of Odysseus. London, 1962. P. 130). Вместе с тем Терсит охарактеризован Одиссеем, хотя, вероятно, не без оттенка иронии, как завзятый оратор (Ibid., 246: λιγύς ... ἀγορητής). Он уже не в первый раз выступает перед народом с нападками на царей (Ibid., 213 sqq.). Вся сцена «посрамления» может быть истолкована как отклик на политическую «злобу дня». Вероятно, в то время, когда создавалась «Илиада», такие нарушения искони заведенного порядка в собрании стали обычным явлением, в дальнейшем же постепенно перешли в систему, открыв дорогу на ораторскую трибуну выходцам из простонародья наравне с природной знатью. Поэт и его слушатели, однако, еще хорошо помнят то время, когда основная масса демоса либо вообще была лишена права голоса, либо обладала им лишь в ограниченной степени, например, могла отвечать на прямо к ней обращенные вопросы, как об этом говорит Тиртей в своем переложении «Ликурговой ретры» (Tyrt., fr. 3 a: ἔπειτα δέ δημότας ἄνδρας εὐθείην ῥήτρας ἀνταπαμειβομένους). Как остроумно заметил Виламовиц (*Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Die Ilias und Homer. Berlin, 1920. S. 272), говоря о сцене с Терситом, «конституция здесь еще спартанская, но дух уже всецело ионийский»; ср.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 336; *Griffith G. T.* Isegoria in the Assembly at Athens // Ancient society and institutions. Studies presented to V. Ehrenberg. Oxford, 1966. P. 177 f.

[8] *Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. Innsbruck, 1882. S. 87; *Moreau F.* Les assemblées politiques d'après l'Iliade et l'Odyssée // REG. T. 6. 1893. P. 204 s.; *Finsler G.* Homer. Bd. I. Leipzig—Berlin, 1914. S. 203, 206, 215; ср.: *Grote G.* A History of Greece. Vol. II. London, 1869. P. 67 f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 335.

нимает решения, которыми в значительной степени определяется вся внутренняя жизнь общины[9]. В компетенцию народного собрания входят, например, различные вопросы «финансового» характера, в том числе раздел военной добычи, распределение земельных участков, устройство коллективных пиршеств и т. п. Каждая из этих операций включает в себя выделение особой почетной доли (земли, добычи, вина или мяса), предназначенной в награду царям и особо отличившимся героям. Интересно, что сами цари расценивают эти дары именно как пожалование народа за их воинскую доблесть и другие заслуги перед общиной. Характерным образчиком этой «рыцарской» психологии гомеровского аристократа является известное обращение Сарпедона к Главку (Il., XII, 313 sqq.): «Сын Гипполохов! За что перед всеми нас отличают местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах чашей в царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?» и т. д. (пер. Н. И. Гнедича). Также и Ахилл обвиняет Агамемнона в том, что он хочет лишить его «почести» (γέρας), которую даровали ему ахейцы как награду за тяжкие труды (Il., I, 162: ᾧι ἔπι πολλὰ μόγησα, δόσαν δέ μοι υἷες Ἀχαιῶν; ср.: Ibid., 123 sqq., 276). Сам «пастырь народов», напротив, злоупотребляет щедростью ахейцев, которые и без того отдают ему всегда лучшую долю до-

[9] Сама процедура принятия решения нигде не обрисована с достаточной ясностью. Собрание обычно заканчивается криками народа, который таким способом выражает свое одобрение или неодобрение речи очередного оратора (Il, II, 394; VIII, 543; XVIII, 310; Od., XXIV, 463), хотя по определениям крика, которые дает Гомер, не всегда можно понять, что именно чувствует толпа и на чьей она стороне. В некоторых случаях участники собрания расходятся молча, хотя решение все равно считается принятым (Il., VII, 379; Od., VIII, 46). Голосование путем поднятия рук в эпосе не упоминается ни разу (ср.: *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 142). Можно предположить, однако, что Гомеру была уже известна процедура «расстановки» собрания (διάστασις), практиковавшаяся в более позднее время в некоторых греческих государствах. Так может быть истолкована, например, сцена народного собрания в заключительной части «Одиссеи» (XXIV, 463 sqq.; III, 150 sqq.; ср.: VIII, 505 sqq.); ср.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 337; *Glotz G.* La cité grecque. P. 65, 69; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951. P. 34.

бычи (за это его поносит Терсит в Il., II, 225 sqq.; ср.: 255 sq.; см. также: IX, 578; XX, 184; Od., VII, 150)[10].

В отдельных эпизодах поэм народ выступает на сцену как реальная политическая сила, заставляющая считаться с собой наиболее могущественных людей общины. В «Одиссее» (XVI, 424 sq.) рассказывается о том, как Евпейт, отец Антиноя, принял участие в набеге тафийских пиратов на дружественных Итаке феспротов, чем вызвал страшный гнев народа. Толпа порывалась убить предателя и разорить его дом. Спасло Евпейта лишь заступничество Одиссея. Этот эпизод, очевидно, должен показать, что открыто выраженная воля народа есть закон, которым даже самый своевольный индивид не способен пренебречь без риска понести тяжелое наказание. Страх перед гневом народа иногда вводится поэтом в повествование как мотивировка, объясняющая поведение того или иного персонажа в затруднительной ситуации. Он может, например, удержать преступника от выполнения его злодейских замыслов. Так, женихи опасаются, что народ Итаки, узнав о неудавшемся покушении на Телемаха, изгонит их с острова (Od., XVI, 375 sqq.). «Мнение народное» (δήμου φῆμις), как сказано в «Одиссее» (XIV, 237 sqq.), «тяжело ложится» даже на царей. Критские цари, избранные предводителями в походе на Трою, отправляются на войну против своей воли лишь потому, что боятся ослушаться народа[11].

Все эти факты, сколь бы интересны и значительны они ни были сами по себе, все же не складываются у Гомера в целостную и законченную картину первобытного народовластия. В общем балансе политических сил, действующих внутри гомеровской общины, удельный вес элементов демократии не столь уж велик. Главную роль как в «Илиаде», так и в «Одиссее» играет отнюдь не народ-

---

[10] Правда, в Il., IX, 333 sqq. раздел добычи осуществляет сам Агамемнон. Противоречия здесь, однако, нет, так как поэт, вероятно, подразумевает, что он делает это с согласия других ахейцев; ср.: Il., XI, 685 sqq.

[11] Нетрудно заметить, что эпизоды такого рода группируются преимущественно в «Одиссее» — более поздней из двух гомеровских поэм. Возможно, в этом сказывается определенное усиление демократических тенденций в жизни греческого общества в конце гомеровского периода в связи с начавшимся формированием полисного строя. — *Glotz G.* La cité grecque. P. 69; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 32 s.

ная масса, а сильная героическая личность, нередко вступающая в открытый конфликт с общиной и подчиняющая ее себе. Гомеровские цари и герои с их непомерным честолюбием, жаждой богатства и власти, обостренным чувством социальной дистанции, отделяющей их от простых смертных, мало похожи на выборных магистратов, «слуг народа» в обычном понимании этого слова. С другой стороны, и сам демос в тех случаях, когда поэт находит нужным вывести его на сцену, ведет себя совсем не так, как подобает народу-суверену в подлинно демократическом обществе, напоминая скорее безликую и бессловесную толпу театральных статистов, на фоне которой еще более мощно и рельефно вырисовываются фигуры главных действующих лиц. Поражает крайняя пассивность демоса в центральных, наиболее острых и драматически напряженных эпизодах поэм, таких, как сцена «ссоры царей» в I песни «Илиады», сцена «испытания войска» в следующей песни той же поэмы, сцена народного собрания на Итаке во II песни «Одиссеи» и др. В понимании самого Гомера эта пассивность толпы коренится в самой ее природе, низменной и инертной, чуждой всего героического. Ее удел поэтому — слепое повиновение приказам «лучших людей», т. е. царей и героев[12]. Эта мысль с предельной откровенностью выражена в известном обращении Одиссея к «мужу из народа» во II песни «Илиады» (200 sqq.): «Несчастный, сядь спокойно и внимай слову других, которые лучше тебя. Ведь в тебе нет ни отваги, ни воинского духа, и ты ничего не стоишь ни в бою, ни в делах совета». Непосредственно следующая за этой сентенцией сцена «посрамления Терсита» служит как бы наглядной иллюстрацией к ней, демонстрируя полное превосходство героя-аристократа над человеком толпы, демагогом и выскочкой как в умственном, так и в физическом отношении.

[12] Во всем этом проявляется определенная внутренняя противоречивость и непоследовательность гомеровских воззрений на роль народной массы. Подымая демос в социальном плане на уровень аристократии и всячески облагораживая его (с. 134), Гомер в то же время не очень высоко оценивает его политические возможности, третируя его как ни на что не годную массу простонародья. — *Кагаров Е. Г.* Общественный строй греков гомеровской эпохи // СЭ. 1937. № 4. С. 56: «Миссия народа — пассивная и чисто декоративная: он лишь выслушивает решения базилевса и его советников, принимая их к сведению и беспрекословному исполнению».

Правда, как было уже замечено, Терсит не может считаться типичным представителем гомеровского демоса. Как правило, от лица народа в поэмах выступают люди благородного происхождения и с достаточно высоким общественным статусом. Однако существа дела это не меняет. Уже упоминавшийся птицегадатель Полидамант, представляющий в «Илиаде» троянский демос, выступает в поэме в той же самой неблагодарной роли «пророка, непризнанного в своем отечестве», что и Терсит, несмотря на все его несходство с последним. Подобно Терситу, он вступает в спор с военачальником, и ему точно так же инкриминируют пораженческие настроения и зажимают рот, угрожая физической расправой, хотя до самой расправы дело здесь не доходит (Il., XII, 230 sqq.). Наконец, от Полидаманта, как и от Терсита, отворачивается та самая масса, от лица которой он пытается говорить. В XVIII песни (310 sqq.) троянцы, повинуясь Гектору, отказываются последовать совету Полидаманта, который предлагает им отойти за городские стены ввиду появления Ахилла. Поэт видит в этом явный признак безумия, ведущего к гибели целый народ, «ибо они восхваляли Гектора, советовавшего дурное, Полидаманта же никто не похвалил, хоть он и лучший давал совет». В конце концов оба: и Полидамант, и Терсит, при всем различии этих двух персонажей, сходятся в том, что представляют общину-демос в моменты ее бессилия перед произволом «больших людей». Для существа конфликта не столь уж важно, что один из них (Полидамант) воплощает в своем лице «лучшую», аристократическую часть общины, другой же (Терсит) выступает как выразитель интересов и настроений ее плебейских низов, ибо исход в обоих случаях — один и тот же.

Тема бессилия демоса перед своеволием сильной личности, ее необузданной жаждой самоутверждения своеобразным лейтмотивом проходит через весь эпос. Она возникает уже в первых строках I песни «Илиады». Агамемнон, вопреки ясно выраженной воле всего войска, отказывается вернуть Хризу его дочь (I, 22 sq.), и ахейцы ничего не могут сделать для того, чтобы заставить его выполнить их решение[13]. Только вмешательство божества вынуждает

[13] В понимании Фанты (*Fanta A.* Der Staat in der Ilias und Odyssee. S. 87) Агамемнон здесь использует принадлежащее ему в отношении народного собрания право veto. С этим, однако, трудно согласиться. Стро-

«пастыря народов» пойти на уступки. Но и поставленный перед необходимостью отказаться от своей добычи, он снова бросает вызов общественному мнению, требуя, чтобы взамен утраченной наложницы ему дали другую, из добычи Ахилла или какого-нибудь другого героя. Агамемнона нисколько не смущает то, что его претензии фактически аннулируют уже принятое прежде и теоретически, по-видимому, не подлежащее пересмотру решение народа (Il., I, 123 sqq., 276). Сам народ, однако, никак не реагирует на нанесенное ему оскорбление. На протяжении всей сцены «ссоры царей» он упорно молчит, чем вызывает у Ахилла его знаменитую реплику (231 sq.): «Царь-пожиратель народа, покуда царишь над ничтожествами. Ведь иначе, Атрид, это было бы твое последнее оскорбление» (δημοβόρος βασιλεύς, ἐπεὶ οὐτιδανοῖσιν ἀνάσσεις и т. д.).

Если ахейцы неспособны обуздать гордыню Агамемнона, то и их враги-троянцы оказываются в точно таком же положении, столкнувшись со своеволием Париса, этой πῆμα πόλῃ, как называет его Гектор. Его проделки, навлекшие неисчислимые беды на город и всех граждан, остаются безнаказанными. Когда на народном собрании троянцев ставится вопрос о выдаче Елены (Il., VII, 345 sqq.), Парис при молчаливом попустительстве других Приамидов и самого Приама без особого труда затыкает рот единственному представителю оппозиции — старцу Антенору, категорически отказываясь вернуть Менелаю похищенную у него жену. Народ опять-таки безмолвствует и в конце концов расходится, так и не приняв никакого решения. Молчат и граждане Итаки, которых Телемах созвал на площадь для того, чтобы пожаловаться им на разбой и произвол, чинимые в его доме женихами Пенелопы (Od., II, 81 sqq.). В душе народ, как мимоходом замечает поэт, сочувствует Телемаху и жалеет его, но по каким-то причинам не решается встать на его защиту. По первому же требованию одного из женихов, Леокрита, собрание безропотно расходится, так ничего и не предприняв. Показательно, что во всех этих случаях о

го говоря, Агамемнон в этом эпизоде не налагает запрет на решение народа, а просто отказывается его выполнить, поскольку оно касается лично его. Точно так же поступает и Парис, отказываясь выдать Елену (Il., VII, 362 sqq.); ср.: *Moreau F.* Les assemblées politiques d'après l'Iliade et l'Odyssée. P. 232.

способности демоса к решительным действиям против своевольного индивида или индивидов говорится в сослагательном наклонении, как о чем-то весьма гипотетическом. Ахейцы могли бы обуздать Агамемнона, если бы они не были οὐτιδανοί, как их называет Ахилл. В том же духе высказывается и Гектор о своих согражданах (Il., III, 56 sq.): если бы троянцы не были так робки, они бы давно уже побили камнями Париса за его преступления (ἦ τέ κεν ἤδη λάινον ἕσσο χιτῶνα κακῶν ἕνεχ', ὅσσα ἔοργας). Также и граждане Итаки могли бы, как говорит Ментор (Od., II, 239 sqq.), при их явном численном перевесе над женихами без особого труда вышвырнуть их из дома Одиссея, но то ли боятся, то ли просто не хотят сделать это[14].

Впрочем, даже и в те редкие моменты, когда народ пробуждается от своей обычной апатии к политической активности, он напоминает гораздо больше взбунтовавшуюся толпу, чем державного суверена общины. Самое большее, на что способен демос такой, каким его изображает Гомер, — это вспышка дикой стихийной ярости, разрешающаяся судом Линча над человеком, вызвавшим его гнев. Толпа разоряет движимое и недвижимое достояние «врага общества», а у него самого «вырывает из груди милое сердце» — именно это разгневанные итакийцы хотели сделать с Евпейтом, если бы им не помешал Одиссей. В заключительной сцене поэмы герои меняются ролями и мы видим, как неистовый, обезумевший от скорби Евпейт возглавляет толпу итакийцев, направляющихся к дому Лаэрта с твердым намерением расправиться с Одиссеем и искоренить весь род Аркесиадов (Od., XXIV, 463 sqq.). Параллелизм этих двух эпизодов, конечно, не случаен.

Стремительный переход массы от продолжительной пассивности и безучастия к бурной энергии мятежа находит свое естествен-

---

[14] Во всех этих случаях Гомер, безусловно, осуждает «тирана» (или «тиранов») и жалеет народ как жертву «сильных мира сего». Но в то же время он показывает, что обуздать гордыню тиранической личности может лишь равный ей по силе и значению индивид, отнюдь не народ. По существу своим молчанием демос поддерживает «врага общества» и внушает ему уверенность в том, что его деяния останутся безнаказанными. Не случайно Телемах подозревает граждан Итаки в том, что они за что-то ненавидят его отца и поэтому нарочно подстрекают женихов грабить его дом (Od., II, 71 sqq.).

ное объяснение в том, что Евпейт выражает общие чувства, владеющие гражданами Итаки: боль за убитых сородичей и жажду мести. Однако в понимании самого поэта это состояние граничит с безумием и, как всякое безумие, является результатом постороннего внушения: Евпейт, сам уже безумный, заражает своим безумием народ (его имя Εὐπείθης звучит в этом контексте с явным оттенком иронии — «хорошо убеждающий на дурное», к тому же отец «безрассудного» Антиноя). Необходимо отрезвляющее вмешательство богов в финале поэмы, чтобы сознание массы прояснилось и она поняла всю бессмысленность и гибельность своего поведения.

Народ, таким образом, представляется Гомеру загадочным существом, подверженным внезапным приступам стихийного гнева, в остальном же пассивным, безмолвным, ни во что не вмешивающимся[15]. Его поведение почти всегда немотивировано. Его поступки трудно предугадать. Иногда создается впечатление, что у него нет своей воли, своих убеждений, что он не знает даже, что хорошо и что плохо для него самого. Поэтому он с такой легкостью поддается самым разнородным, а подчас и прямо противоположным внушениям. Во II песни «Илиады» все ахейское воинство не рассуждая бросается к кораблям по первому же призыву Агамемнона. Ахейцы, в том числе и самые знатные, не подозревают, что это — всего лишь провокация, задуманная «пастырем народов» для того, чтобы испытать свое войско. Всеми владеет одна лишь мысль о скорейшем возвращении на родину. Но вот ситуация меняется. Одиссей с помощью Афины успокаивает охваченную паникой армию и восстанавливает порядок в собрании. Почти мгновенно проделав все это, он разыгрывает затем эффектную сцену усмирения демагога-одиночки Терсита. Толпа, наблюдающая за этим «подвигом» Одиссея, подбадривает его одобрительными репликами и насмехается над Терситом (Il., II, 270 sqq.). Разумеется, подходя к этой сцене с позиций обычного (не эпического) реализма, мы могли бы упрекнуть Гомера в том, что он чересчур легко и просто снимает все трудности, стоящие на пути его героя, что психологически немыслим столь стремительный переход от всеобщего возмущения к всеобщему же успокоению, что, наконец, едва ли расправа с защитником интересов народа (а Терсит, несомненно, является рупором народ-

[15] Ср.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 107 f.

ного мнения)[16] обошлась бы так дешево для Одиссея, вызвав к тому же общее сочувствие и поддержку всех присутствующих[17]. Признавая упрощенность и некоторую искусственность в поэтическом решении этого эпизода, мы не можем не заметить в то же время — на это обратил внимание уже Виламовиц[18] — того своеобразного проникновения в психологию человеческой массы, которое обнаруживает здесь Гомер. В его понимании, Терсита постигает обычная участь всех демагогов. Вчерашний «громогласный вития» (см.: 246: λιγύς ... ἀγορητής), снискавший себе популярность в народе своими насмешками над царями, теперь сам стал для него посмешищем. Толпа, как всегда, держит сторону того, кто сильнее. Очевидно, именно это хочет сказать нам поэт. Поэтому достаточно примерного наказания одного смутьяна, чтобы целая армия, совсем уже было вышедшая из повиновения, деморализованная и разложившаяся, снова преисполнилась боевого духа и стройными рядами двинулась на врага.

Терсит нужен Гомеру как своеобразная жертва, принесенная на алтарь общественного спасения. Своим унижением он искупает грехи всего ахейского войска, и в следующем эпизоде мы видим его уже очистившимся от скверны мятежа и анархии и во всеоружии готовым вступить в бой. В основе своей избиение Терсита, как это показал Узенер, есть ничто иное, как магическая операция очищения войска[19]. Однако для самого Гомера эта сцена имеет, конечно, и вполне определенный политический смысл. Поэт хочет показать, что предоставленный самому себе народ превращается в слепую нерассуждающую силу, чуждую закону и порядку, которую только другая, высшая сила может принудить к повиновению. Сам народ неспособен управлять собой. Следовательно, он нуждается в вожде — вот вывод, к которому подводит нас Гомер всей логикой своего повествования во II песни «Илиады». Только

---

[16] Это хорошо понимает сам «укротитель» смутьяна Одиссей. — Il., 284 sqq.

[17] *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. М., 1913. С. 11. — «Изобразить все это было во власти поэта, но едва ли было во власти Одиссея все это вызвать в действительности».

[18] *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Die Ilias und Homer. S. 272; ср.: *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960. С. 100.

[19] *Usener H.* Kleine Schriften. Bd. IV. Leipzig—Berlin, 1914. S. 239 f.

так, очевидно, можно понять тираду Одиссея о вреде многовластия и необходимости единоначалия (Il., II, 203 sqq.). Заключенная в этих строках апология личной власти в целом, как было уже указано, не характерна для политических взглядов Гомера. Нормальной, в его представлении, является республиканская форма правления. Однако гомеровский республиканизм — особого рода. Он не исключает, а, наоборот, предполагает строжайшую субординацию в отношениях между народом и «вождями», концентрацию всей власти в руках немногих. Идеальная община в понимании Гомера — это община, управляемая небольшой группой «лучших людей». Народ в ней знает «свое место» и ни во что не вмешивается. Образцовой в этом смысле может считаться морская республика феаков, все граждане которой послушно и беспрекословно выполняют приказы Алкиноя, выражающего общую волю тринадцати «славных басилеев», управляющих островом. Отсюда не следует, что народная масса вообще исключается Гомером из числа участников «общественного договора», на котором зиждется идеальный полис. Напротив, основой самого этого договора является гармония взаимоуравновешивающих интересов народа и «вождей». «Вожди» защищают народ и поддерживают среди него добрые обычаи и справедливость. Народ платит им за это дарами, почестями и повиновением[20]. Идеальный герой, например Гектор или Сарпедон, печется больше о благе народа, чем о своей собственной жизни. Напротив, пренебрежение к интересам народа, проявляемое такими персонажами, как Агамемнон, Парис, Ахилл и др., безоговорочно осуждается поэтом[21].

Правящая элита гомеровского полиса включает в свой состав наиболее влиятельных граждан из аристократического сословия. Это те люди, которых поэт называет «вождями и советниками»

---

[20] «Теоретически» Гомер, по-видимому, признает, что все это народ делает добровольно, из одного лишь пиетета перед царями (на это указывает формула «θεὸς ὣς τίετο δήμῳ» — Il., V, 78; X, 33; XIII, 218). В то же время он прекрасно понимает, что власть невозможна без применения силы, которая в некоторых случаях, как, например, в сцене умиротворения войска в «Илиаде», выливается в прямое насилие над массой; ср.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 96 f.

[21] *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer // Festschrift B. Snell. München, 1956. S. 157 f.; *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 112 f.

(ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες)[22]. В их число входят, судя по всему, цари-басилеи и «старцы народные» (δημογέροντες), хотя четкую грань между теми и другими далеко не всегда удается провести. Ἡγήτορες образуют интегральную и вместе с тем наиболее активную часть народного собрания. Обыкновенно оратор, открывающий собрание, обращается с речью именно к ним, как бы игнорируя всех прочих (Il., IX, 17: Ἀργείων ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες; Od., VIII, 11: Φαιήκων ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες и т. д.). Основная масса демоса лишь присутствует при словопрениях «вождей», составляя, по выражению Бузольта, их Umstand, наподобие толпы зрителей или болельщиков на играх[23]. Такое распределение ролей мы наблюдаем в типичных сценах раздела военной добычи, судебной тяжбы, жертвоприношения и т. п. (Il., XI, 685 sqq.; XVIII, 497 sqq.; Od., III, 5 sqq.). Всюду цари и старцы говорят и действуют перед народом и, очевидно, от его лица, народ же самим своим присутствием как бы санкционирует их действия, хотя сам не принимает в них непосредственного участия[24]. Естественно, что в таких условиях подлинная воля народа легко могла быть фальсифицирована «вождями»[25].

Нередко мы видим, как цари решают важные вопросы в своем кругу, даже не справляясь у народа о его согласии, хотя формально, очевидно, считается, что они и в этих случаях действуют от его имени[26]. Так, решение об отправке посольства к Ахиллу при-

---

[22] Они же — βουληφόροι, ἀγορηταί, δικασπόλοι и т. д.

[23] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil. I. S. 335. В сущности гомеровское народное собрание есть ничто иное, как открытое заседание совета старцев (βουλή), на котором могут присутствовать, а в некоторых, предусмотренных обычаем, случаях также и подавать голос рядовые члены общины. На это указывает довольно обычное у Гомера смешение понятий совета и собрания (Il., II, 202; XII, 211 sqq.; Od., IX, 112); см.: *Glotz G.* La cité grecque. P. 54; *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. С. 18, 25; ср.: *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 142.

[24] Schol. ad Il., IX, 17 (со ссылкой на Аристотеля): «Народ имел право только слушать, предводители же могли и действовать».

[25] *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. Л., 1940. С. 83.

[26] Впрочем, представление о народе как единственном источнике и гаранте всякой общественной власти, обычное в современной теории государства, Гомеру, по всей вероятности, было чуждо. Немецкие историки старой юридической школы (Фанта, Бузольт, Финзлер и др.) неиз-

нимается не в собрании, а на совете, в узком кругу ахейских вождей. Остальные ахейцы вообще ничего не знают об этом. Тем не менее Одиссей и Аякс, ведущие переговоры в ставке Ахилла, представляются ему как посланцы всего войска (Il., IX, 640 sq.: ὑπωρόφιοι δέ τοί εἰμεν πληθύος ἐκ Δαναῶν). Прикрываясь фикцией народного суверенитета, цари и старцы, по сути дела, бесконтрольно распоряжаются общинной собственностью, награждая друг друга наделами, вырезанными из общинной земли, устраивая совместные трапезы на средства, взятые у народа (δημία, δημόθεν), одаривая опять-таки за счет народа знатных чужеземцев. В сцене прощания Одиссея с феаками (Od., XIII, 13 sqq.) Алкиной, обращаясь к другим феакийским басилеям, предлагает им одарить гостя бронзовыми котлами и треножниками, замечая при этом, что их собственное богатство нисколько не пострадает: «Мы тотчас же возместим (все это) сборами с народа (κατὰ δῆμον)». Алкиной ничуть не сомневается в том, что послушный народ даст все, что от него потребуется, ибо он, будучи «добрым царем», берет только то, что установлено обычаем[27]. Нетрудно догадаться, что в иных условиях эти теоретически считающиеся добровольными пожалования царям от народа могли служить удобным прикрытием и оправданием для хищничества и вымогательств δημοβόροι βασιλῆες (ср. обличения алчности Агамемнона в речах Ахилла и Тер-

---

бежно впадают в заблуждение, пытаясь найти в эпосе иерархию властей, в которой одна-единственная власть, единоличная или, наоборот, коллективная рождает из себя все остальные. Гомеровские цари не были магистратами в обычном понимании этого слова, т. е. избранными на определенную должность представителями народа. Их власть не вручена им народом, а дана свыше (народ может даровать царю лишь его темен, так как он является частью общинного имущества). В «теории» царь (или цари) и народ являются двумя равноправными суверенами общины и должны действовать в добром согласии друг с другом. На это указывают встречающиеся в поэмах образцы «официальной» фразеологии. Так, принося клятву перед поединком Менелая с Парисом (Il., III, 276 sqq.), Агамемнон говорит в одно и то же время и от своего лица, и от лица всех ахейцев; ср.: Il., VII, 386; Od., VIII, 157.

[27] Также этолийские старцы обещают Мелеагру в виде награды большой надел лучшей земли, если он отразит от города врагов-куретов, не спрашивая народ о его согласии (Il., IX, 574 sqq.; ср.: XXII, 119 sq.); ср.: *Finley M. I.* The world of Odysseus. P. 110 f.

сита в первых двух песнях «Илиады», также Il., XXIV, 262; инвективы Гесиода в адрес «царей-дароядцев» — Opera, 39, 221). Учитывая все это, едва ли стоит принимать за «чистую монету» встречающиеся в поэмах выражения такого типа, как δήμου φῆμις или δῆμος ἔδωκε. По-видимому, это — всего лишь демократическая фразеология, скрывающая от нас политическую действительность, весьма далекую от подлинной демократии.

Итак, формальное народовластие при фактическом господстве верхушки родовой знати — вот, пожалуй, наиболее точное определение существа той системы политических отношений, которую изображает Гомер в своих поэмах. Но, вынося этот приговор, мы не должны, конечно, забывать об одном немаловажном обстоятельстве. Перед нами не документ, а художественное произведение, в котором подлинная картина политического быта раннегреческого полиса могла подвергнуться сильному искажению либо в угоду политическим взглядам самого автора и его аудитории, либо потому, что этого требовали его эстетические вкусы и поэтические приемы. Политическая тенденциозность гомеровской поэзии не вызывает сомнений[28]. Сам поэт отнюдь не скрывает своих проаристократических симпатий. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть «Илиаду» хотя бы на сцене «посрамления Терсита». Но политическая пристрастность Гомера еще более усугубляется общей для всей эпической поэзии тенденцией к всемерному возвеличению сильной героической личности за счет столь же интенсивного принижения роли коллектива, народной массы[29]. К этому присоединяется также и вполне понятное стремление поэта избежать загромождения эпической сцены лишними действующими лицами,

---

[28] Ср.: *Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии. С. 256. — «Если эпос усиленно подчеркивает господствующее положение знати, то все это отражает не столько действительные общественные отношения, сколько тот социальный заказ, во исполнение которого слагались и исполнялись гомеровские песни».

[29] *Тронский И. М.* Проблемы гомеровского эпоса // Гомер. Илиада. М.—Л., 1935 С. XLVIII: «Хозяйственная мощь индивида начинает превалировать над его значением как носителя мощи рода...»; ср.: *Лосев А. Ф.* Гомер. М., 1960. С. 170 сл. — Об индивидуалистической тенденции в эпосе см.: *Chadwick H. M., Chadwick N. K.* The growth of literature. Vol. I. Cambridge, 1932. P. 80 f.

тем более целыми их группами, что могло бы привести к неоправданному усложнению сюжетной линии поэм. Представим себе на минуту, что граждане Итаки преодолели свой страх перед женихами, вняли уговорам Ментора и Галитерса и заступились за Телемаха. К чему свелась бы тогда вся столь эффектная развязка поэмы: тайное возвращение Одиссея и его расправа над женихами?

Учитывая все это, мы вправе допустить, что подлинные возможности первобытного народовластия попросту не нашли в эпосе вполне адекватного раскрытия и воплощения. Изображая народ бессловесным и пассивным человеческим стадом, неспособным даже к членораздельному выражению своих мыслей и чувств, Гомер, несомненно, слишком сгущает краски, что ведет к известному искажению реальных пропорций политической структуры раннегреческого общества. В конце концов он и сам противоречит себе, показывая хотя бы в отдельных случаях, что при всей своей беспомощности и инертности народ способен внушать страх и уважение, может заставить считаться с собой и людей, весьма влиятельных и могущественных. Пренебрежение к толпе, столь часто выказываемое героями поэм, не мешает им заигрывать с ней, убеждать и склонять на свою сторону пространными речами, построенными по всем правилам ораторского искусства. Тем самым поэт дает нам понять, что вопреки, быть может, и типичному эпизоду расправы с Терситом язык палки отнюдь не был единственным способом общения «больших людей» с народом[30].

Безусловно, перенесение сюжетных коллизий гомеровского эпоса на реальную историческую почву раннегреческого полиса сопряжено с известным риском и требует от исследователя максимальной осторожности и гибкости. Понимая это, мы не можем, однако, просто отбросить в сторону такие эпизоды, как тот же инцидент с Терситом или разгон женихами народного собрания итакийцев во II песни «Одиссеи», признав их всего лишь данью сословным предрассудкам Гомера и его слушателей или же уступ-

[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 105 (со ссылкой на Шёмана): «...когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется содействие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли»; см. также: *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. С. 8.

кой требованиям героической поэтики. Слишком настойчиво поэт возвращается к намеченной уже в первых строках «Илиады» теме конфликта между народом и «неправедным» царем (или царями), конфликта, в котором победа неизменно остается на стороне последнего. Едва ли случайно также, что сам «этот конфликт» неизменно облекается в «конституционную» форму ожесточенных прений в народном собрании. При всей условности приемов, с помощью которых Гомер строит свои сцены на агоре, при всей традиционности участвующих в них персонажей нельзя не видеть в них горький итог наблюдений самого поэта над исторической действительностью его эпохи[31]. Всевластие «царей-мироедов» и беспомощность противостоящего им демоса, столь ярко, хотя, вероятно, и в несколько утрированной форме, обрисованные в поэмах, несомненно, можно отнести к наиболее типичным чертам политической жизни раннегреческого общества. В этом сходятся показания двух столь не похожих друг на друга, хотя, по всей вероятности, хронологически достаточно близких между собой поэтов, как Гомер и Гесиод[32]. Для каждого из них могущество знати и логически дополняющие его приниженность и пассивность народной массы являются непреложным фактом, хотя оценка этому факту дается в их произведениях с прямо противоположных позиций.

Итак, бессилие и политическую апатию демоса, с которыми мы сталкиваемся в центральных эпизодах «Илиады» и «Одиссеи», нельзя считать продуктом поэтического вымысла. Как в том, так и в другом находит свое естественное выражение внутренняя слабость родовой общины, уже вступившей в стадию своего разло-

---

[31] Безусловно, если не во всех, то по крайней мере в некоторых из этих эпизодов современный материал накладывается, как это нередко бывает у Гомера, на традиционную, возможно, еще микенскую, основу. Однако выявить этот поэтический архетип в данном случае нам едва ли удастся, так как мы практически ничего не знаем о политическом статусе и функциях народного собрания в микенских государствах. Анализ термина «damo» в табличках линейного письма Б пока еще, к сожалению, не внес желательной ясности в этот вопрос: *Maddoli G.* Damos e basilees. Contributo allo studio delle origini della polis // SMEA. Vol. 12. 1970 (с указанием более ранней литературы).

[32] *Lesky A.* Homeros // RE. Suppl. XI. 1968. Sp. 693. — С указанием важнейшей литературы по вопросу.

жения. Как было указано выше, греческое общество гомеровской эпохи еще сохраняет свой по преимуществу родовой характер, хотя сам род и другие гентильные организации уже находятся здесь в состоянии внутренней ломки и брожения. Такова исходная посылка Моргана, из которой он делает, однако, неверные выводы. Народовластие «Героического века» понимается им как выражение совокупной воли всех родов, составляющих общину. Но уподобляя позднеродовое гомеровское общество современному федеративному государству с двухпалатным парламентом (совет старцев и народное собрание)[33], Морган недооценивает силу действующих в этом обществе изоляционистских, центробежных тенденций, превращающих каждый гентильный коллектив в самодовлеющий замкнутый мирок, враждебный всему остальному миру. Отнюдь не братская солидарность и мирное сотрудничество являются основными факторами, направляющими внутреннее развитие родоплеменной общины. Всякому, кто изучал родовой строй на поздней, заключительной стадии его развития, будь то общество исландцев эпохи независимости или кавказских горцев, монголов дочингисхановского периода или шотландских кельтов, хорошо знакомы такие явления, как кровная месть, передающаяся из поколения в поколение, опустошительные межродовые войны из-за земли и пастбищ для скота, наконец, бесконечное соперничество и борьба за власть и престиж между родовыми вождями. Общество греков гомеровского периода едва ли составляет в этом смысле какое-то исключение из общего правила и, конечно, не может претендовать ни на особенное миролюбие, ни на из ряда вон выходящее чувство коллективизма и товарищеской спайки.

Узы кровного родства, связывающие гомеровского героя с его семьей и родом, значат для него гораздо больше, чем гражданская солидарность[34]. Даже в душе Гектора, этого стойкого и, казалось бы, бескомпромиссного патриота, жертвующего жизнью ради го-

---

[33] *Морган Л. Г.* Древнее общество. С. 142.

[34] *Straßburger H.* Der Einzelne und die Gemeinschaft im alten Griechenland // Zur griechischen Staatskunde / Hrsg. Fr. Gschnitzer. Darmstadt, 1969. S. 104. — Термин «род» здесь, как и в последующем изложении, употребляется условно для обозначения круга родственников, связанных взаимными обязательствами в случае кровной мести и т. п. ситуациях.

рода и сограждан, голос крови в отдельные моменты все же пересиливает чувство долга перед общиной. Об этом свидетельствует хотя бы его молчание в ключевой сцене собрания на троянской агоре (Il., VII, 345 sqq.). Подобно всем остальным Приамидам, Гектор не оказывает никакой поддержки Антенору, предлагающему выдать Елену ахейцам, и не пытается урезонить совершенно зарвавшегося Париса, хотя одно его слово, вероятно, могло бы решить исход прений. Вообще род в понимании Гомера противостоит общине как враждебная сила, разлагающая ее изнутри, а иногда даже ведущая к гибели. Опираясь на поддержку и сочувствие сородичей, человек может решиться на самое тяжелое преступление. Одиссей говорит, обращаясь к пирующим в его доме женихам (Od., XVIII, 139 сл.): «Некогда и я кичился своим богатством среди людей и много совершил беззаконного, подстрекаемый силой и властью и полагаясь на отца и братьев моих». Эти слова звучат прямым намеком на то, что за спиной женихов стоят их родители и старшие братья, которые своим попустительством, а, может быть, и прямым наущением толкают их на разбойные дела (та же мысль проскальзывает и в некоторых других местах, см.: II, 71 sqq.; XXIV, 455 sqq.). Тайное становится явным в финальной сцене поэмы. Речь Евпейта, призывающего отомстить за погибших женихов, находит бурный отклик в сердцах собравшихся на площади итакийцев. Механизм кровной мести срабатывает безотказно, и собрание в мгновение ока раскалывается на две враждебные партии, стоящие друг против друга с оружием в руках (Od., XXIV, 463 sqq.). Эта сцена наглядно демонстрирует внутреннюю слабость, непрочность гомеровского полиса. Родовое центробежное начало здесь явно преобладает над центростремительным общинным. Достаточно малейшего толчка, какой-нибудь гражданской распри или смуты, чтобы исчезла даже та эфемерная видимость политического единства, которая придает гомеровской общине сходство с «нормальным» полисом[35].

[35] «Рыхлым союзом равноправных и юридически, а также фактически почти независимых от общины магнатов» называет гомеровский полис Эд. Мейер (*Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. II. Stuttgart, 1893. S. 307); ср.: *Петрушевский Д. М.* Общество и государство у Гомера. С. 20 слл.

Нет ничего удивительного в том, что рыхлая раздираемая непрерывными внутренними противоречиями масса демоса сплошь и рядом обнаруживает свою полную беспомощность в столкновении с любой мало-мальски организованной силой, будь то знатный влиятельный род (Приамиды в «Илиаде»), аристократическая гетерия (женихи в «Одиссее») или просто сильный человек, опирающийся на поддержку своих рабов и клиентов (Агамемнон, Одиссей). Вражда, недоверие, страх, разъедающие изнутри родовое общество, парализуют демос, делают его неспособным к сопротивлению. Ведь даже если он и может принять на своей сходке то или иное решение, то у него чаще всего не находится нужных средств для того, чтобы провести это решение в жизнь. Как пишет Г. Глоц, «в ту эпоху, когда не существовало ничего, что соответствовало бы разделению властей в делах, которые мы называем судебными так же, как и во всяких других, народ не имел никакого другого средства действовать, кроме как простое выражение или революционный взрыв коллективного чувства»[36]. Поэтому самостоятельные выступления народа в эпосе носят обычно столь стихийный, импульсивный характер. Вспыхивая внезапно, подобно пожару или землетрясению, они столь же быстро идут на убыль. По этой же причине власть народа не является в понимании поэта настоящей властью. Для этого она — слишком непостоянна, неустойчива, слишком зависит от благоприятного стечения обстоятельств[37].

Настоящей властью (κράτος в собственном значении этого слова), соединяющей в себе как законодательные, так и исполнитель-

---

[36] *Glotz G.* La cité grecque. P. 66.

[37] В системе управления гомеровского полиса агора выполняет главным образом функцию индикатора общественного мнения, к которому должны прислушиваться, но с которым не всегда обязаны считаться цари. Лишь при условии абсолютного единодушия в своей среде народ бывает способен навязать царю или царям свою волю. См.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 336: «Общественное мнение было силой, и считалось неразумным действовать вопреки ясно выраженной воле народа»; см. также: *Glotz G.* La cité grecque. P. 62 s.; *Grote G.* A History of Greece. Vol. II. P. 66 f.; ср.: *Moreau F.* Les assemblées politiques d'après l'Iliade et l'Odyssée. P. 229 s.; *Finsler G.* Das homerische Königtum // Neue Jahrb. kl. Alt. Bd. 19. 1907. S. 321 f.; *Martin R.* Recherches sur l'agora grecque. P. 25 s.

ные прерогативы, обладают только цари[38]. Но они, как мы уже видели, отнюдь не склонны считать себя магистратами, слугами народа и обычно используют свою власть прежде всего в своих собственных интересах или в интересах своего рода. Более того, именно цари являются главными носителями тех центробежных, разлагающих общину тенденций, о которых мы только что говорили. Являясь фактическими правителями полиса, они, судя по всему, не были расположены к мирному сосуществованию и постоянно враждовали между собой. Да это и понятно: в недавнем прошлом совершенно самостоятельные родовые вожди, каждый со своей свитой сородичей и приверженцев, со своей, вероятно, укрепленной загородной усадьбой, они, конечно, и теперь в новых для них условиях городской жизни продолжали упорно бороться за первенство, вовсе не собираясь умеривать свое честолюбие и жажду власти ради высших интересов общины. Скорее можно ожидать, что, оказавшись в столь близком соседстве, стиснутые кольцом городских стен или прижатые к подножию акрополя, эти магнаты должны были еще более рьяно отстаивать свои права, не ограничивая себя в выборе средств. Кровавые распри знатных родов, непрерывное соперничество и борьба за власть между их предводителями создавали в городе накаленную атмосферу, пронизанную духом взаимной вражды и ненависти (нечто подобное мы наблюдаем в итальянских феодальных городах эпохи Средневековья с их бесконечными раздорами между гвельфами и гиббелинами и им подобными)[39].

В конечном счете исход борьбы родовых группировок зависел от того, на чью сторону встанет демос, т. е. основная часть граждан общины, до поры до времени сохраняющая нейтралитет. Как мы уже видели, раскачать эту инертную массу было нелегко, но иногда это все же удавалось: неуклюжий, архаичный механизм варвар-

---

[38] Власть царя, хотя она и далека от того, чтобы быть признанной абсолютной монархией, ограничена не столько контролем со стороны народного собрания, сколько соперничеством других царей; ср.: *Moreau F.* Les assemblées politiques d'après l'Iliade et l'Odyssée. P. 320.

[39] *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 125; *Mazzarino S.* Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947. P. 225 sg.; *Huxley G. L.* The early Ionians. London, 1966. P. 47 f.

ского государства начинал действовать, и демос превращался в ту грозную карающую силу, с которой мы изредка сталкиваемся на страницах гомеровских поэм. Разумеется, не обязательно видеть в такого рода политической активности демоса непосредственную реакцию самой народной массы на обращенный к ней призыв о помощи. В обществах такого типа, как гомеровское, строящихся по строго иерархическому, сословному принципу, рядовые общинники занимают обычно «нижние этажи» гентильных коллективов, возглавляемых родовой знатью, и уже в силу этого редко бывают способны к самостоятельным политическим выступлениям. К этому следует добавить многообразные формы клиентской зависимости, связывавшие простонародье с аристократическими ойкосами[40]. Как клиенты аристократов или как их фратеры и сородичи низшего сорта простые общинники сопровождали своих вождей и покровителей на народные собрания, дабы в случае необходимости поддержать их криком, а коли будет надобность, то и оружием. В этих условиях прямое обращение к народу через головы «лучших людей» едва ли могло бы иметь успех. Именно знать была здесь главной выразительницей того, что мы могли бы назвать «общественным мнением». Поэтому Гомер чаще всего игнорирует простой народ, делая вид, что не замечает его присутствия на агоре и вообще в городе.

Впрочем, описанная здесь ситуация не оставалась неизменной. Начавшееся еще в эпоху миграций (XII—XI вв. до н. э.) расшатывание жестких архаических форм гентильной организации к концу гомеровского периода уже успело зайти достаточно далеко. Род утрачивает свою экономическую целостность и постепенно начинает уступать свое место основной структурной ячейке общества — патриархальной семье. В связи с этим происходит высвобождение определенной части рядовых общинников из-под влияния и опеки родовой знати. Об этом свидетельствует такой эпизод, как выступ-

---

[40] Это не означает, конечно, что основная масса населения полиса находилась на положении «слуг» или фетов в домах знати. Для большинства рядовых общинников их зависимость от царей выражалась лишь в эпизодических подношениях «даров» и участии в их военных и политических авантюрах. Во всем остальном они были вполне свободными и правоспособными людьми. — *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. S. 20 f.

ление Терсита во II песни «Илиады». Под уродливой личиной Терсита уже угадываются черты политического деятеля нового типа — демагога, выдвинутого народной массой из ее собственной среды в противовес ее старым аристократическим лидерам. Очевидно, эта фигура вожака толпы хорошо знакома и поэтому так ненавистна как самому поэту, так и его слушателям. Разумеется, по одному этому эпизоду невозможно судить о размахе подымающегося в недрах гомеровского общества народного движения, о его массовости и результатах. Не подлежит сомнению, что процесс высвобождения массы демоса был достаточно длительным и потребовалось не одно столетие для того, чтобы греческое крестьянство окончательно разорвало узы родовой солидарности, связывавшие его со знатью, и осознало себя как класс со своими особыми интересами[41].

Вспышки классовой вражды, подобные инциденту с Терситом, не могли сразу и всерьез поколебать политическое могущество старинной знати. И в меняющемся обществе она продолжала оставаться ведущей политической силой. Однако для того чтобы сохранить и упрочить свое положение, знати приходилось существенно менять и совершенствовать используемые ею методы управления. Непосредственное руководство массой через каналы родо-племенных институтов, хотя и не было изжито сразу и окончательно, в значительной мере перестало оправдывать себя ввиду того, что для многих свободных общинников узы, связывавшие их с той или иной фратрией или родом, теперь утратили свою обязательность и стали возможны переходы из одной гентильной организации в другую[42]. В ионийских городах-колониях, где процесс

---

[41] Освобождение от родовой опеки не означало, конечно, немедленного улучшения положения крестьянства. Во многих случаях имела место как раз противоположная тенденция, так как не связанный с родовым коллективом и, следовательно, не пользующийся его защитой и покровительством мелкий землевладелец становился легкой добычей для окружавших его хищников и вымогателей, что нередко снова вынуждало его искать патрона среди «сильных людей». — *Starr Ch.* G. The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. New York, 1961. P. 313 f.

[42] На это указывает, с одной стороны, выделение в составе аттических фратрий внеродовых объединений тиасотов и оргеонов, с другой же, обособление от общей массы фратеров замкнутых аристократических γένη — *Busolt* G. Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 252 f.; *Busolt G., Swo-*

разложения родового строя шел в силу понятных причин особенно быстро, такие переходы приобрели, надо думать, массовый характер. Борьба за эту колеблющуюся, ускользающую из рук массу простонародья стала жизненной необходимостью для каждого аристократа, претендующего на высокое положение и престиж в своей общине[43].

Главной ареной борьбы за демос, естественно, должна была стать агора, освященное традицией средоточие всей общественной жизни гомеровского полиса. Именно здесь лицом к лицу сталкивались приверженцы враждебных кланов и в бурных дебатах, а иногда и в кровопролитных схватках разрешались аристократические усобицы, тянущиеся уже не одно поколение. Само собрание превращалось, таким образом, в своеобразный агон знатных родов и фамилий, исход которого должен был выявить сильнейшего — того, кто по праву мог бы считаться «первым человеком» в общине. Каждый из участников этого состязания старался склонить на свою сторону «молчаливое большинство» собрания, не принимающее непосредственного участия в распре. Поддержка народа обеспечивала ощутимые преимущества тому, кто сумел бы ее добиться. Во-первых, перед ним открывалась возможность выдать свои притязания за «волю народа», что давало в его руки мощное средство психологического давления на противников. В случае необходимости та же фикция могла быть использована и как «правовое основание» для физической расправы со сторонниками враждебной группировки (для этого достаточно было объявить их «лицами, стоящими вне закона»). Наконец, если дело доходи-

---

boda H. Griechische Staatskunde. Hauptteil II. München, 1926. S. 959; *Ferguson W. S.* The Athenian Phratries // CPh. Vol. 5. 1910. P. 262 f.; *Andrewes A.* Philochoros on Phratries // JHS. Vol. 81. 1961. P. 2 f.

[43] Эта необходимость усугублялась, с одной стороны, отсутствием постоянных дружин, с другой — массовым вооружением самого демоса. Факт всеобщего вооружения народа, на который обращает особое внимание Энгельс (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 105), подтверждается материалом захоронений раннежелезного века. Преобладающее большинство мужских погребений, открытых на афинском Керамике, содержит железные или (в ранних могилах) бронзовые мечи. — *Kraiker W., Kübler K.* Kerameikos. Bd. I. Die Nekropolen des 12. bis 10. Jh. Berlin, 1939. S. 172.

ло до вооруженного столкновения, демос мог вмешаться в него на стороне той партии, которой удалось завоевать его сочувствие. Конечно, во всех этих конфликтных ситуациях поведение толпы трудно было предугадать заранее, так как оно зависело от множества различных обстоятельств. Если демос не склонен был ввязываться в борьбу, а предварительная психологическая обработка не приводила к желаемому успеху, это могло оказать отрезвляющее действие на враждующие партии и вынудить их к лавированию и поискам мирных средств решения конфликта. Но можно представить и другую ситуацию: путь мирного урегулирования в силу каких-то причин закрыт, напряженность продолжает усиливаться. В этом случае демос, в конце концов, оказывался перед необходимостью или поддержать одну из борющихся сторон, или, если в его рядах не было необходимого единомыслия, самому расколоться на два враждебных лагеря, стоящих друг против друга с оружием в руках, как мы наблюдаем это в заключительной сцене «Одиссеи».

Из всего сказанного следует, что народное собрание выполняло в политическом механизме гомеровской общины двоякую функцию, являясь в одно и то же время основным инструментом управления, находящимся в руках родовой знати, и своеобразным средством урегулирования конфликтов в среде самого правящего сословия. Последнее особенно важно, ибо «борьба всех против всех» была, как мы уже говорили, нормальным состоянием раннегреческого полиса и ὁμόνοια аристократических родов, являвшаяся фундаментом полисной общины, нуждалась в периодическом возобновлении.

Использованный нами материал крайне фрагментарен. Гомер многого недоговаривает, о многом говорит намеками. Некоторые из недостающих в нашей картине деталей мы можем восстановить, прибегнув к сравнительно-историческому методу и используя доступную нам информацию о политической жизни других народов, стоящих примерно на том же уровне развития, что и гомеровские греки[44]. Кое-что здесь могут дать свидетельства Цезаря и Тацита о галлах

[44] На сопоставлениях такого рода основана известная и во многом до сих пор еще не утратившая своего значения книга Чедвика «Героический век» (*Chadwick H. M.* The heroic age. Cambridge, 1912. Ch. XVI–XVII).

и германцах[45]. Но особенно богатый материал, позволяющий представить в огромном множестве вариантов те политические ситуации, которые лишь намечены в «Илиаде» и «Одиссее», мы находим в исландских сагах. В мельчайших подробностях воспроизводят они жизнь этой северной страны в течение первых трех столетий (X—XII вв.), следующих за ее заселением норвежскими викингами. Материал саг представляет для нас тем бóльшую ценность, что, несмотря на большую историческую и географическую дистанцию, отделяющую Исландию от ионийских полисов Малой Азии, между этими двумя районами можно найти немало общего даже при беглом сопоставлении. И там и здесь мы видим примитивное варварское общество, сложившееся в особых историко-географических условиях — на колониальной почве, вдали от метрополии — и поэтому свободное от некоторых традиционных для нее институтов, таких, например, как царская (resp. — королевская) власть. И там и здесь неблагоприятные природные условия и близость моря обусловили исключительную мобильность населения, быстрое расшатывание основ родового строя, особенно его экономической базы — коллективного землевладения. И там и здесь результатом всего этого было возникновение своеобразной политической организации, известной под именем «народовластия» (термин, принятый в исландской научной литературе), или «военной демократии»[46].

---

[45] Политическое господство знати достаточно ясно очерчено как в «Записках о Галльской войне», так и в «Германии». Так Цезарь категорически утверждает, что «народ (plebs) у галлов находится почти в рабском положении, сам по себе ни на что не отваживается и не принимает участия ни в каких совещаниях» (Bell. Gall., VI, 13). Народное собрание, правда, существовало у большинства галльских племен и, как кажется, пользовалось определенным авторитетом. Не случайно честолюбцы, домогающиеся царской власти вроде Оргеторига у гельветов, Думнорига у эдуев, Верцингеторига у арвернов, всеми средствами — лестью, подкупом, уговорами — пытаются привлечь народ на свою сторону. Во всех этих случаях, однако, едва ли имеется в виду прямое обращение к народу через головы его «вождей» из знати.

[46] Об исландском «народовластии» см.: *Ольгейрссон Э.* Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии. М., 1957; ср.: *Sveinsson E. O.* The age of the Sturlungs. New York, 1953. P. 9 f.; *Гуревич А. Я.* Колонизация Исландии // Учен. зап. Калининск. пед. ин-та. Т. 35. 1963. С. 237 слл.

Средоточием исландского «народовластия» был тинг, или альтинг. Подобно гомеровской агоре тинг собирался главным образом для разбора судебных тяжб, хотя попутно здесь же могли приниматься новые законы и всякие другие решения. Как и у Гомера, активное участие во всех этих делах принимали лишь представители родовой знати — хавдинги. Рядовые общинники — бонды — составляли лишь необходимый фон для их словопрений. К тингу готовились заранее, как к сражению или турниру. Каждый участник тяжбы старался собрать как можно больше сторонников, подымая на ноги своих сородичей, друзей, зависимых людей со всей Исландии (так в «саге о Храфнкеле, годи Фрейра», VIII, IX)[47]. На поле тинга эти котерии выстраивались друг против друга с оружием в руках и в боевом порядке. Нередко судебное разбирательство, начавшееся самым заурядным образом, перерастало затем в кровопролитное сражение («Сага о Ньяле», CXLII sqq.). Когда же тинг, вопреки ожиданиям, оканчивался мирно, это отмечалось как нечто необыкновенное («Сага о Ньяле», XLVIII). Главной целью каждого из участников тяжбы было добиться объявления противной стороны поставленной вне закона, ибо по существу это означало, что у него развязаны руки для расправы с врагами. Будучи высшим законодательным и судебным органом всей страны, тинг не располагал какой-либо исполнительной властью, и приведение в исполнение вынесенного им приговора считалось обычно частным делом и зависело от возможностей и желания стороны, выигравшей тяжбу («Сага о Храфнкеле», XIII; также конец «Саги о Херде и островитянах»). Естественно, что в этих условиях реальную победу на тинге мог одержать только тот, кто располагал достаточным числом приверженцев, связанных с ним узами родства или зависимости. «На практике, — пишет А. Я. Гуревич[48], — торжествовало право сильного: кто имел больше сородичей и зависимых людей, был богаче и влиятельнее, тот мог навязать свою волю соседям и участникам тинга. Самоуправство наиболее могущественных и богатых людей, имевших средства заставить считаться с собой всех окружающих, уже тогда не знало границ».

---

[47] Ссылки даются по изд.: Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

[48] *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М., 1966. С. 24.

Сопоставление материала исландских саг с данными гомеровских поэм еще раз убеждает в справедливости наших предположений в отношении подлинного характера так называемой «военной демократии». Приведенные факты показывают, что скрывающийся за этой морганов ской формулой политический режим в действительности весьма далек от подлинного народовластия и в основе своей представляет собой ничто иное, как непрочную, нестабилизированную форму господства знати или примитивную аристократическую республику. Аристократия здесь еще не успела консолидироваться как правящая элита[49]. Ее раздирают бесконечные внутренние распри, возникающие на почве межродовой кровной мести или борьбы за власть. Невольным участником этих столкновений с самого начала становится простой народ, т. е. основная масса рядовых свободных общинников. Находясь в политической, религиозной, а нередко и в экономической зависимости от знати, простонародье пока еще лишено своего политического лица, у него нет своей программы, лозунгов, организации и т. д. Разобщенные и связанные тысячью уз со своими «вождями», рядовые общинники вынуждены были слепо следовать за ними, служа, таким образом, пассивным пьедесталом для той яростной борьбы за первенство между знатными родами, которая составляет отличительную черту политической истории ранней Греции на протяжении всей архаической эпохи. Именно такую ситуацию мы застаем в Афинах как в досолоновский период (Килонова смута), так в значительной мере еще и в последующее время (смуты и борьба партий перед тиранией Писистрата)[50]. Конечно, вовлекая народ в свои усобицы в качестве вспомогательной вооруженной силы, знать, сама того не желая, пробуждала его самосознание и, таким образом, ускоряла его политическое развитие. Очевидно, уже в конце гомеровского периода (рубеж VIII—VII вв. до н. э.) в наиболее передовых полисах ионийского побе-

---

[49] Сам этот режим, очевидно, еще нельзя назвать «олигархическим», хотя олигархия, так же как и тирания, может зародиться в его недрах; ср.: *Calhoun G. M.* Classes and masses in Homer // CPh. Vol. 29. 3. 1934. P. 308.

[50] *Wade-Gery H. T.* Studies in the structure of Attic society. II // CQ. Vol. 27. 1. 1933. P. 22 f.

режья Малой Азии так же, как и в отдельных местах Балканской Греции, возникают первые ростки того широкого демократического движения, которое со временем приведет к коренной перестройке всего греческого общества на совершенно новых началах. Об этом свидетельствуют и антиаристократические выпады Гесиода, и показания таких документальных источников, как «Ликургова ретра», и не в последнюю очередь отдельные эпизоды в самих гомеровских поэмах (прежде всего выступление Терсита). Однако для реального воплощения в жизнь этих зачатков будущей античной демократии нужны были столетия экономического, культурного и политического развития, на самом пороге которого стоят Гомер и его герои.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читателю, вероятно, знакома та сжатая, но вместе с тем очень емкая и выразительная характеристика гомеровского общества, которой заканчивает IV главу своего «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс: «Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи древнюю родовую организацию еще в полной силе, но, вместе с тем, уже и начало разрушения ее: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду; обратное влияние имущественных различий на организацию управления посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство сначала одних только военнопленных, но уже открывающее перспективу порабощения собственных соплеменников и даже членов своего рода; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств»[1].

В то время, когда писались эти строки, контуры догомеровской микенской культуры еще только начинали вырисовываться в сумерках греческой предыстории[2] и Энгельс, естественно, не мог

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 108.

[2] Как указывает Я. А. Ленцман, сам термин «микенская культура» был впервые введен в научный обиход в книге Фуртвенглера и Лёшке в 1886 г. (*Furtwängler Ad., Loeschcke G.* Mykenische Vasen. Vorhellenische Thongefässe aus dem Gebiete des Mittelmeeres. Berlin, 1886), т. е. спустя два года после выхода в свет книги Ф. Энгельса (*Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 97).

знать того, что путь, проделанный греческим миром в хронологическом промежутке, отделяющем Троянскую войну от времени создания «Илиады», был в известной мере лишь повторением пройденного, что государство и классовое общество, некогда уже существовавшие на греческой почве, теперь зарождаются здесь снова, хотя уже в другой форме и в других масштабах, что во многих отношениях греки собственно гомеровского периода стоят ниже своих непосредственных предшественников — создателей минойско-микенской цивилизации эпохи бронзы, что их культура более примитивна, ближе к варварству, чем хронологически более ранняя микенская культура. Разумеется, гомеровский период не был простым возвращением вспять, к тем примитивным общественным структурам среднеэлладской эпохи, из которых в свое время выросла микенская цивилизация. Элементы регресса в греческой культуре этого времени причудливо переплетаются с рядом существенно новых моментов[3]. По сути дела, это было повторение опыта прошлого, но на качественно ином, более высоком уровне общественного развития. За время так называемого «дорийского завоевания» и последующей стабилизации произошло коренное обновление технической базы греческой экономики, выразившееся в широком распространении железа и его постепенном внедрении в производство. Эта техническая революция имела далеко идущие последствия во всех сферах общественной жизни. Металл впервые стал дешев и широко доступен, а это в свою очередь оказало сильное «демократизирующее» воздействие на само греческое общество[4]. Резко возросли производственные возможности его наименьшей хозяйственной ячейки — патриархальной семьи. В экономическом отношении семья обособляется от рода и становится тем автономным ойкосом, с которым впервые в греческой литературе мы сталкиваемся на страницах гомеровских поэм. С появлением железа отпала необходимость в далеких и дорогостоящих заморских экспедициях за металлом, перестало оправдывать себя

---

[3] *Starr Ch.* G. The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. New York, 1961. P. 77 f.; *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 193 слл.

[4] *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949. С. 76 слл.; *Willetts R. F.* Cretan cults and festivals. London, 1962. P. 38.

централизованное хранение и использование его запасов, и, таким образом, была разрушена та основа, на которой покоился весь «государственный сектор» микенской экономики. Организованная хозяйственная инициатива дворцового государства в новых условиях должна была уступить свое место «частному предпринимательству» разрозненных семейных общин[5].

Все эти важные перемены способствовали тому, что дальнейшее развитие греческого общества пошло по совершенно новому руслу: от первичной семейно-родовой общины через промежуточную ступень племенного сообщества к городу-государству в форме демократической (или, в более редких случаях, аристократической) республики. На этот раз грекам удалось избегнуть угрозы торжества бюрократической монархии, каковой в основе своей уже была микенская теократия, имевшая явную тенденцию к превращению в деспотию восточного типа[6]. Вполне очевидным этот факт стал лишь в конце архаической эпохи, когда в Греции сформировался в своих основных чертах новый прогрессивный тип государства и общества — рабовладельческий полис, таивший в себе еще неизвестные дотоле возможности социального и культурного развития[7]. Однако первые шаги в этом направлении были сделаны уже в рамках предшествующего гомеровского периода. Именно в это время в Греции сложился тот широкий слой свободного крестьянства, который в дальнейшем стал основной социальной опорой по-

---

[5] Конечно, распаду социальных и политических структур микенской эпохи в немалой степени способствовали «смуты» конца XIII—XII вв. до н. э. В Египте и других странах Востока распространение железной индустрии происходило в более спокойной обстановке и поэтому не могло оказать столь сильного воздействия на организацию общества; ср.: *Штаерман Е. М.* Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Ч. I. М., 1968. С. 651.

[6] Ср.: *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. P. 74.

[7] По вопросу о датировке возникновения полиса см.: *Ehrenberg V.* When did the polis rise? // JHS. Vol. 57. 1937. P. 147 f. — Автор, на наш взгляд, слишком завышает эту дату, относя установление полисного строя ко времени около 800 г. до н. э.; ср.: *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. P. 337.

лисного строя. Генеалогически обособленная от народа и даже противостоящая ему как правящее сословие гомеровская знать все же была еще не настолько сильна, чтобы совершенно поработить демос и лишить его всех гражданских и человеческих прав. По существу сама аристократия была здесь лишь верхушечной частью демоса — прослойкой наиболее зажиточных крестьян, наделенной известными привилегиями политического и религиозного характера. С экономической точки зрения и аристократический ойкос, и семья рядового общинника — «мужа из народа» — были вполне однотипными образованиями. Различие между ними состояло не в методах хозяйствования и не в источниках обогащения, а лишь в масштабах их применения[8]. В отличие от микенской дворцовой элиты гомеровская знать так и не смогла превратиться в замкнутую касту профессиональных воинов и жрецов. Для столь сложной функциональной стратификации общества необходима была соответствующая материальная база и прежде всего наличие единого общегосударственного хозяйства. Однако возвращение к этой изжившей себя экономической системе в условиях послемиграционного гомеровского периода было уже невозможно.

О радикальной трансформации, пережитой греческим обществом в течение трех или четырех «темных веков», следующих за падением микенской цивилизации, свидетельствует возникший в самом конце этого хронологического отрезка новый тип поселения — раннегреческий полис. От его предшественницы — микенской цитадели — ранний полис отличает прежде всего присущий ему способ архитектурной организации пространства, наглядное представление о котором могут дать хотя бы кривые и узкие улочки архаической Смирны, ее стандартные глинобитные дома, среди которых невозможно отличить жилище аристократа от жилища рядового гражданина. Весь этот человеческий муравейник, теснящийся на небольшой площадке, обнесенной кирпичной стеной, составляет разительный контраст с монументальной архитектурой микенских дворцов, великолепием их внутреннего убранства и, очевидно, воплощает в себе совершенно иной тип социальной организации, гораздо более примитивный и однородный по своей внутренней структуре, нежели ахейское общество II тыс. до н. э.

---

[8] *Finley M. I.* The world of Odysseus. London, 1962. P. 68.

Как мы уже говорили, обычным путем, по которому шло становление раннего полиса, была интеграция мелких первичных общин в более крупные политические образования. Чаще всего этот процесс происходил в форме так называемого «синойкизма», т. е. слияния нескольких или даже многих расположенных по соседству родовых поселков (первичных полисов) в единый жилой массив с общим религиозно-политическим центром в виде священного участка (темена) и места для народных собраний и судопроизводства (агоры)[9]. В исторических условиях гомеровского периода синойкизм был симптомом внутренней консолидации и политического самоопределения той аморфной племенной общности, которая предшествовала новому полису на его территории. Сам полис, его укрепления, храмы, другие общественные здания и сооружения были призваны символизировать единство и сплоченность всех составляющих племя семей и родов. Впрочем, между провозглашением этого принципа и его реальным осуществлением должно было пройти немалое время. Объединение издревле разрозненных семейно-родовых общин в новую городскую общину менее всего можно было бы приписать росту политического сознания среди составляющих эти общины индивидов. В большинстве случаев их вынуждали к этому шагу внешние обстоятельства. Необычно ранняя урбанизация, охватившая в конце гомеровской эпохи ряд районов греческого мира, стимулировалась наряду с некоторыми другими факторами сложившейся здесь в это время крайне напряженной демографической ситуацией, вынуждавшей отдельные общины объединяться и создавать общие опорные пункты для того, чтобы с бóльшим успехом противодействовать натиску соседей на их границы[10] (другим проявлением этой напряженности была начавшаяся примерно в это же время Великая колонизация). Обычные в племенном обществе межродовые распри, разумеется, не могли прекратиться вместе с переходом к городскому образу жизни. Они продолжались и в новых условиях, приобретая нередко катастрофический характер. Многие из вновь

---

[9] *Clotz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. I. Paris, 1925. P. 126.

[10] На роль военного фактора в становлении полиса указывает К. Маркс: См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 465; ср.: *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100–650 B. C. P. 342.

возникших полисов оказывались спустя короткое время после своего образования на грани распада (роль своеобразного клапана, разряжавшего грозовую атмосферу внутри общины и не дававшего катастрофе совершиться, играла в это время опять-таки колонизация).

С точки зрения исторической типологии раннегреческий полис в том его виде, в котором он сложился к концу гомеровского периода, можно определить как позднеродовое варварское общество в его специфическом городском варианте[11]. Такие характерные для этой социальной формации черты и признаки, как сословное деление общества в сочетании с системой гентильных союзов, политическое господство родовой знати, все еще очень сильный родовой партикуляризм, спроецированы здесь на необычный фон «преждевременно» (еще до образования государства) возникшего города. Соответственно и вырастающее в дальнейшем из племенной общины рабовладельческое государство отливается в практически уже готовую форму города-государства.

Было бы ошибкой считать этот путь развития исключительной особенностью одной только Греции. Города-государства, во многом напоминающие раннегреческий полис, в разное время существовали и в других районах Древнего мира, зародившись раньше всего на Востоке: в Шумере, в Ассирии, на сиро-финикийском побережье Средиземного моря. Однако восточные полисы, за исключением, пожалуй, только финикийских городов, не проявили достаточной жизнеспособности и довольно быстро сошли с исторической сцены, уступив свое место обширным территориальным государствам, объединенным под властью обожествленного деспота. Городская община была здесь с самого начала ослаблена противостоящим ей мощным храмовым (или дворцовым) хозяйством, которое само по себе уже было питательной средой для развития деспотии[12]. В Греции начала I тыс. до н. э., как мы уже видели, предпосылки для создания такого рода централизованной

---

[11] Обстоятельную характеристику варварского общества на средневековом европейском материале дает А. Я. Гуревич (*Гуревич А. Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970).

[12] *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 120 слл.

экономической системы отсутствовали. Поэтому развитие автократического тоталитарного государства не вышло здесь из стадии экспериментов. Лишенные необходимой материальной базы, эти попытки рано или поздно терпели неудачу, о чем свидетельствует судьба большинства тиранических и олигархических режимов архаической эпохи. Магистральной линией, по которой шло в это время политическое развитие греческого общества, было постепенное укрепление общины и ее институтов и ослабление заложенных в ее структуре потенций личного и родового могущества[13]. История большинства греческих государств на протяжении VIII—VI вв. до н. э. показывает, как уже выработанные политической практикой варварского общества органы общинного самоуправления постепенно трансформируются в основные элементы административной системы демократического полиса, как мало-помалу затихают межродовые усобицы, долгое время терзавшие изнутри его еще неокрепший организм, как все более меняется соотношение сил между аристократией и демосом в пользу последнего и как, наконец, сам полис из эфемерного союза родовых вождей превращается в республику свободных и равноправных граждан. Таким образом, еще на закате «Героического века», до начала писаной истории, во многом определился тот своеобразный путь исторического развития, вступив на который, Греция смогла раз и навсегда порвать с застойными формами древневосточной экономики и государственности и спустя несколько столетий достигла небывалых еще высот политического и культурного прогресса.

[13] Ср.: *Берзин Э. О.* Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 70.

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

АНТИЧНЫЙ ПОЛИС И ВОСТОЧНЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА*

Проблема общего и особенного в историческом развитии государств Древнего мира все еще остается одной из самых острых и актуальных проблем нашей науки. Не утихают споры вокруг всеобщности таких категорий, как рабство и рабовладельческий способ производства, община и частная собственность и т. д. В недавнее время к этому кругу проблем добавился еще один немаловажный вопрос — о полисе. В некоторых из опубликованных в последние годы работ (заметим, что их авторами являются, как правило, специалисты по истории Древнего Востока) можно встретить выраженное в самой категоричной форме мнение, будто полис, до сих пор считавшийся специфической, присущей только античному миру формой государства, был хорошо известен также и на Востоке и существовал здесь, хотя, конечно, под другими названиями, задолго до завоеваний Александра Македонского и начала эпохи эллинизма[1].

Нам кажется, что такого рода суждения, ведущие к совершенно неправомерному стиранию границ между античной цивилизацией и исторически предшествующими ей цивилизациями Передней Азии, основаны на произвольном смешении двух далеко не однозначных понятий: понятия полиса и понятия города-государства. Разумеется, никто не станет отрицать, что полис в обоих его вариантах: греческом и римско-италийском — представляет собой лишь частный случай, определенную разновидность гораздо более широкой почти универсально распространенной категории

---

* Античный полис. Сб. статей. Л., 1979. С. 8—27.

[1] См., например: *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии // ВДИ. 1968. № 4. С. 31, прим. 126; ср.: *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1977. С. 272.

городов-государств. Однако своеобычность этого частного случая, его обусловленность специфическими историко-географическими условиями, сложившимися именно в данном греко-италийском регионе Древнего мира и нигде больше, ни в коем случае не должны упускаться из виду[2]. В противном случае мы ничего не сможем понять в тех особенностях античной культуры, которые делают ее совершенно уникальным, из ряда вон выходящим явлением на общем фоне культурной истории человечества.

Безусловно, между такими типичными полисами, как Афины, Спарта, Милет, Коринф, Рим, с одной стороны, и городскими общинами древнего Шумера, Ассиро-Вавилонии, Сирии и Финикии, с другой — существует известное типологическое сходство, выражающееся, например, в общей для них тенденции к автономии и автаркии. Однако, это сходство может свидетельствовать лишь о весьма отдаленном родстве второй или даже третьей степени, отнюдь не об идентичности всех этих форм и типов города-государства. Общим прототипом как античной, так и восточной разновидностей города-государства может считаться самоуправляющаяся территориальная или территориально-племенная община, имеющая своим политическим и религиозным центром поселение городского типа[3].

Как показали недавние исследования, система общинного самоуправления, унаследованная городом-государством от эпохи так называемой «военной», или «примитивной демократии», и включавшая в себя, как правило, три основных элемента: народное собрание, совет старейшин и общинных магистратов или вож-

---

[2] Эту мысль последовательно развивал и отстаивал уже академик А. И. Тюменев в своей известной работе: *Тюменев А. И.* Передний Восток и античность // ВИ. 1957. № 6. См. также: *Штаерман Е. М.* Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. I. М., 1968.

[3] Следует проводить различие между территориально-племенной (или в более позднем варианте городской) общиной и первичной сельской. Объединение первичных общин в территориально-племенную общину путем добровольного соглашения (греческий синойкизм) или же путем насильственного подчинения мелких общин более крупными является необходимой предпосылкой существования города-государства (см.: *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1969. С. 81 — далее ОГСДД).

дей, была в равной мере характерна для городов как Запада, так и Востока на наиболее ранних этапах их развития[4]. До определенного момента эволюция этой исходной формы политической организации шла как в том, так и в другом регионе по одному и тому же руслу лишь с некоторыми локальными особенностями.

Как известно, древнейшим в истории человечества очагом урбанизма было южное Двуречье — Шумер. Переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу произошел здесь, по-видимому, уже на рубеже IV—III тыс. до н. э.[5] Конкретным выражением этого всемирно-исторического переворота было зарождение первых городов-государств. В дальнейшем, в течение III—II тыс., эта однажды найденная форма человеческого общежития проникает также в другие районы Передней Азии: в северное Двуречье (государства: Ашшур, Мари, Аррапха), в долину Инда (цивилизация Мохенджо-Даро и Хараппы), в Ханаан, на Сирофиникийское побережье Средиземного моря (государства Угарит, Алалах, Библ и др.). Повсюду в этих районах город экономически и политически подчиняет себе окружающую его сельскохозяйственную зону с более или менее многочисленным населением и тем самым приобретает право именоваться «городом-государством». Однако сам город в обществах этого типа, по сути дела, был всего лишь придатком храма или в более позднее время дворца[6]. И это вполне закономерно.

---

[4] О пережитках «военной демократии» в государствах Переднего Востока см.: *Jacobsen Th.* 1) Primitive democracy in ancient Mesopotamia // Toward the Image of Tammuz and Other Essays in Mesopotamian History and Culture. Harvard, 1970; 2) Early Political Development in Mesopotamia // Ibid.; *Редер Д. Г.* Военная демократия в странах Древнего Востока // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1950. Т. XIV. Вып. 1; *Дьяконов И. М.* ОГСДД. С. 128 слл.

[5] Всемирная история. Т. I. М., 1955. С. 196.

[6] Четкое разграничение между этими двумя понятиями не всегда удается провести. В некоторых местах храм и дворец практически сливаются в единый хозяйственно-культовый комплекс. Так обстояло дело, например, на Крите в период расцвета минойской культуры, в микенской Греции, вероятно, также в древнейших финикийских государствах: Угарите, Алалахе и др. В соответствии с этим живший во дворце-храме правитель выполнял по совместительству функции верховного жреца, а в некоторых случаях и прямо обожествлялся.

Именно храм или тесно связанный с храмом дворец был в эту эпоху главным средоточием всей хозяйственной жизни общины. Хранившиеся в его житницах запасы продовольствия служили гарантией для всего окрестного населения на случай неурожая или какого-нибудь другого бедствия. Через посредство торговых агентов храма (тамкаров) община получала необходимое ей чужеземное сырье: металл, редкие породы дерева, камень и т. п., и естественно, что все эти не без большого труда добытые материальные ценности сосредотачивались опять-таки в храмовых кладовых и сокровищницах под бдительным надзором жрецов. Храмовая администрация распределяла между свободными общинниками и непосредственно ей подчиненным рабочим персоналом самого храма разнообразные натуральные и трудовые повинности и следила за их неукоснительным выполнением, выступая таким образом в роли своеобразных «организаторов производства». В этих условиях само храмовое хозяйство должно было довольно быстро вырасти в мощную, широко разветвленную экономическую систему, охватывавшую практически все отрасли ремесла и сельского хозяйства[7].

Характерная для этой системы концентрация материальных и людских ресурсов общины в одном месте (храме или дворце) под контролем немногочисленной группы специалистов-организаторов (храмовой администрации или на более поздних стадиях развития дворцовой бюрократии, хотя последняя, по-видимому, была генетически связана с первой) была обусловлена рядом обстоятельств. Далеко не последнее место занимали среди них факторы идеологического порядка: огромная власть религиозных верований и предрассудков над сознанием людей той эпохи, чрезвычайно высокий моральный авторитет жречества, позднее, по мере формирования государственного аппарата, перенесенный также на царя и его ближайшее окружение. Однако вместе с тем, в этой системе была, несомненно, и своя экономическая целесообразность. Кон-

[7] Обстоятельную характеристику храмового или дворцово-храмового хозяйства дают на материале Шумера А. И. Тюменев (*Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М., 1956. С. 66 сл.) и И. М. Дьяконов (*Дьяконов И. М.* ОГСДД. С. 83 сл.). В целом по проблеме см.: *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. С. 3 сл.

центрация сил и средств в одном месте и в одних руках диктовалась прежде всего характерным для эпохи бронзы состоянием производительных сил: поскольку основной индустриальный металл был крайне дорог и труднодоступен, а его добыча и последующая обработка сопряжены с большими материальными затратами и требовали координации усилий в масштабе всего общества, передача основных его запасов в распоряжение лиц, облеченных особым доверием общины, казалась наиболее рациональным и естественным решением проблемы. В странах аллювиальной зоны (Двуречье, Египет, долина Инда) на первый план выдвинулся другой фактор, действовавший, однако, в том же направлении, что и предыдущие, — система искусственного орошения, требовавшая для своего нормального функционирования широкой кооперации труда и четкой его организации.

Возникновение централизованного храмового (или дворцового) хозяйства на многие столетия вперед предопределило исторические судьбы восточной общины. Вместе с ним в обществе появилась сила, на длительное время парализовавшая демократические потенции, заложенные в самой природе общины, и направившая ее развитие по совсем иному пути. Даже если предположить, что первоначально храмовое хозяйство принадлежало самой общине и находилось под контролем назначаемых ею магистратов[8], все равно остается совершенно очевидным, что уже в достаточно раннее время община была вытеснена с занимаемых ею в экономике командных позиций, храмовое хозяйство обособилось от нее, превратившись в самодовлеющий государственно-экономический сектор, контроль над которым теперь целиком и полностью сосредоточился в руках жреческой знати. Все это произошло, судя по всему, настолько рано, что в источниках не сохранилось никаких прямых указаний на сам факт перехода от одной системы к другой[9]. Дальнейший ход событий приводит к полному извращению

---

[8] *Струве В. В.* Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока // ИГАИМК. 1934. Вып. 77. С. 39; *Никольский Н. М.* Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье. Минск, 1948. С. 21; *Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. С. 32 сл.

[9] *Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. С. 63 сл.; *Дьяконов И. М.* ОГСДД. С. 93 сл., 100, 110.

первоначально существовавших отношений. Непомерно разросшийся государственный сектор не только подчиняет себе общину экономически и политически, но и начинает эксплуатировать ее в своих интересах[10]. В то же время неизбежная в таких случаях функциональная стратификация общества (выделение в его составе обособленных групп организаторов производства, профессионалов — военных, жрецов и т. д.) еще более ускоряет спонтанный процесс классообразования и внутреннего разложения общины.

Таким образом, создается питательная среда, в которой вызревают и оформляются различные виды олигархических и автократических режимов, включая и самый одиозный из них — восточную деспотию[11]. Совершенно очевидно, что в этих условиях община была обречена, если и не на полное вырождение, то, во всяком случае, на длительную стагнацию и почти абсолютную политическую пассивность. Такие органы общинного самоуправления, как совет старейшин, народное собрание, различные судебные учреждения хотя и не отмирают полностью (во многих местах они продолжали существовать еще в течение долгого времени), однако сохраняют свое значение лишь на местах — в тех административно-податных округах, на которые обычно делилась территория города-государства. Да и здесь они используются отнюдь не демократически — не как средство для выражения воли и настрое-

---

[10] Это почти общепринятое положение энергично оспаривает в некоторых работах И. М. Дьяконов, но, как нам кажется, без достаточных к тому оснований. См., например, его статьи: *Дьяконов И. М.* 1) Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1. С. 33 (и в этом же номере интересная полемика по этой проблеме — С. 179 сл.); 2) Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 3. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии // ВДИ. 1968. № 3. С. 17 сл.

[11] Примерами олигархических республик в этот период могут служить города Шумера до их завоевания Саргоном Аккадским (*Дьяконов И. М.* ОГСДД. С. 145 сл.), Ашшур и его колонии в Малой Азии (*Дьяконов И. М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 4. С. 236 сл.), возможно, также Угарит, Алалах и другие государства Ханаана (об их политическом устройстве см.: *Гельцер М. Л.* Некоторые вопросы политической структуры Алалаха // ВДИ. 1956. № 3; *Янковская Н. Б.* Общинное самоуправление в Угарите. Гарантии и структура // ВДИ. 1963. № 3).

ний гражданской массы, а как рупор для передачи правительственных распоряжений и одновременно организация для раскладки повинностей. Таким образом, все эти элементы первобытной демократии, унаследованные восточным городом-государством от предшествующей ему территориально-племенной общины, постепенно утрачивают свое первоначальное политическое содержание и превращаются в пассивный придаток фискального аппарата дворцовой бюрократии[12].

Своеобразный «анабиоз» восточной общины длился не одно столетие. Сохранение общинной организации в ее искусственно заторможенном, исключающем дальнейшее развитие состоянии было, вне всякого сомнения, выгодно авторитарному государству и сознательно им поощрялось. Отсюда — целый ряд глубоко архаических черт, присущих восточной форме общины и отличающих ее от античной полисной формы, в том числе сравнительно слабая социальная дифференцированность основной массы свободных общинников, сравнительная устойчивость таких архаических форм социальной организации, как большая семья или домовая община, преобладание во внутриполитической жизни общины наиболее консервативного элемента, который был представлен главами домовых общин, объединенными в совете старейшин, сравнительная неразвитость «классического рабства», т. е. эксплуатации привозных рабов, с которой на Востоке долгое время сосуществовали различные формы клиентской зависимости и долговой кабалы[13].

Едва ли существенно отклонялись от этой схемы и те пути, по которым в этот же период (III—II тыс. до н. э.) шло развитие общины в другом районе Древнего мира, включающем Балканскую Грецию и бассейн Эгейского моря. Несмотря на сравнительную удаленность этой части Средиземноморья от главных очагов цивилизации и прогресса этой эпохи, сложившаяся здесь социально-экономическая ситуация в основных своих чертах повторяет то, что

---

[12] *Редер Д. Г.* Военная демократия в странах Древнего Востока. С. 124 сл.; ср.: *Дьяконов И. М.* ОГСДД. С. 131 сл.

[13] В этой характеристике восточной общины мы опираемся главным образом на работы И. М. Дьяконова (*Дьяконов И. М.* 1) Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей; 2) Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 3. Структура общинного сектора экономики в Западной Азии).

мы уже наблюдали на Востоке. Как там, так и здесь острый дефицит основного индустриального металла и в связи с этим постоянная зависимость от внешних рынков, в особенности же от металлодобывающих районов (Кипра, Анатолии и др.), порождали настоятельную потребность в интеграции мелких хозяйственных ячеек (первичных общин) в более сложные и крупные комплексы даже и при отсутствии столь важного стимула к централизации, каким на Востоке во многих местах было ирригационное хозяйство[14].

На фоне богатейшей документации, которой мы располагаем теперь для изучения социально-экономической истории стран Передней Азии, жалкие крохи конкретной информации, извлеченные в недавнее время из табличек микенских архивов, производят удручающее впечатление. И все же даже имеющийся в наличии скудный материал источников позволяет уже сейчас с полной уверенностью говорить о принципиальной однотипности раннеклассовых обществ Востока и Запада в эпоху бронзы. Дворец, или (в микенском варианте) дворец-цитадель, являющийся в одно и то же время экономическим, политическим и религиозным центром государства, развитый бюрократический аппарат, обеспечивающий нормальное функционирование дворцового хозяйства, запутанная бухгалтерия выдач и поступлений дворцовой казны, сложная система учета трудовых и иных повинностей окрестного населения — все эти черты, хорошо знакомые каждому, кто изучал экономику Древнего Востока, показывают, что и здесь — на Крите, в Микенах и в Пилосе — мы имеем дело лишь с одним из периферийных вариантов повсеместно распространенной в этот период дворцово-храмовой цивилизации. Сравнительная отсталость эгейских обществ бронзового века проявляется в том, что здесь мы не находим пока ничего похожего на сложившиеся городские центры Двуречья или Сирофиникийского побережья. Вообще вопрос о существовании городов в Греции крито-микен-

[14] Этот важный момент в свое время, как нам кажется, был недооценен акад. А. И. Тюменевым, настаивавшим на принципиальном различии исторических путей Востока и Греции уже в микенскую эпоху на том лишь основании, что в Греции не получило достаточного развития ирригационное хозяйство (*Тюменев А. И.* Восток и Микены // ВИ. 1959. № 12). Но это хозяйство не имело особого значения также и во многих «типично» восточных обществах, например в Угарите, Алалахе, Аррапхе и др.

ской эпохи остается пока открытым[15]. Однако общая тенденция развития и здесь, несомненно, была той же самой, что и на Востоке, и рано или поздно должна была привести к зарождению на греческой почве городского уклада жизни, если бы процесс этот не был насильственно прерван у самых своих истоков.

К сожалению, документы микенских дворцовых архивов не дают почти никаких сведений об общине, ее структуре, правовом и политическом статусе, отношениях с центральной властью и т. д. Встречающийся в табличках термин «дамо» (демос) пока еще не получил в науке сколько-нибудь ясного и определенного истолкования. Мы не знаем даже, обозначало ли это слово всю территориальную общину, например весь «народ» Пилоса или Кносса, или же только какие-то локальные ее подразделения (первичные общины вроде позднейших афинских демов)[16]. Тем не менее едва ли приходится сомневаться в том, что в условиях той жесткой системы бюрократического контроля, которая достаточно определенно обрисована в документах микенского линейного письма при всей их лакунарности, ни авторитет, ни политическая значимость общины не могли стоять на сколько-нибудь высоком уровне, что и здесь — в Греции — так же, как и на Востоке, ей приходилось довольствоваться в этот период более чем скромной ролью механизма для раскладки и выколачивания повинностей, располагающего лишь тем минимумом внутренней автономии, который был необходим для его исправного функционирования.

На рубеже II—I тыс. до н. э. с переходом от бронзового века к веку железа как в Греции, так и в странах Передней Азии складывается новая историческая ситуация, во многих отношениях существенно отличающаяся от предшествующей. Прокатившаяся через всю эту территорию волна переселения народов имела самые катастрофические последствия. Была стерта с лица земли великая Хеттская держава. После короткой агонии перестали существовать микенские царства Балканского полуострова. Исчезли Уга-

---

[15] См. полемику по этому вопросу между Я. А. Ленцманом и Т. В. Блаватской (*Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 132 сл.; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. М., 1966. С. 115).

[16] *Maddoli G.* Damos e basilees. Contributo allo studio delle origini della polis // SMEA. T. 12. 1970 (с указанием более ранней литературы).

рит и Алалах. В состоянии глубокой депрессии и внутреннего разброда пребывали Египет, Вавилонское царство, Ассирия, Элам. Вместе с тем упадок великих держав бронзового века благоприятно отразился на судьбах общин, доселе малозначительных, существовавших лишь в виде незаметных вкраплений между массивными блоками древних империй. Примерами могут служить переселение дорийцев в Греции, образование Фригийского и Лидийского царств в Малой Азии, возвышение Израильского государства в Палестине, быстрый рост городов Сирии и Финикии, наконец избавившихся от докучной опеки владык Египта.

Показательно, что в целом ряде случаев политическая консолидация племенных общин, как кочевых, так и оседлых, и их переход на стадию государства происходят в этот период в уже апробированной всей предшествующей историей Древнего Востока форме города-государства[17]. С началом I тыс. культура городов выходит далеко за пределы зоны своего первоначального распространения и постепенно охватывает все Средиземноморье[18].

Финикийская колонизация продвинула ее далеко на запад, вплоть до Марокко и Испании. Еще один крупный очаг возникает в южной Аравии (сабейские города Йемена). Другой появляется в Анатолии (фригийский Гордион и лидийские Сарды). Но зоной наиболее интенсивного градообразования стали два полуострова южной Европы — Греция и Италия. Здесь этот процесс хотя и начался с некоторым опозданием (начало «городской революции» в Греции можно датировать примерно серединой VIII в., первые города на территории Апеннинского полуострова — в Этрурии — появились примерно на рубеже VIII—VII вв.), но зато с самого начала шел в гораздо более быстром темпе, чем на Востоке.

Новая волна урбанизации во многих отношениях существенно отличалась от предшествующей, начало которой было положено в Шумере в конце IV тыс. Да иначе и быть не могло. Ведь с наступлением железного века важные качественные изменения

---

[17] Примерами могут служить многие из вновь основанных городов Сирии, Восточной Анатолии и северной Месопотамии, «царские» города Палестины: Иерусалим и Самария, сабейские города южной Аравии и т. д.

[18] Общий обзор этого процесса см.: *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972.

претерпела сама материальная база древних цивилизаций, их техническое оснащение. Металл впервые стал дешев и широко доступен. В связи с этим резко возросли производственные возможности основной хозяйственной ячейки древнего общества — патриархальной семьи. Благодаря железным орудиям труда, более дешевым и более эффективным, чем бронзовые, семья начинает постепенно высвобождаться из-под контроля более крупных общественных организмов: домовой общины, рода, наконец, государства. Вся общественная структура становится при этом более подвижной и более дифференцированной. С появлением железа отпала необходимость в далеких и дорогостоящих заморских экспедициях за металлом, а также в централизованном хранении и учете его основных запасов. В свою очередь это означает, что в значительной мере перестала себя оправдывать та система хозяйственной интеграции, на которой покоился государственный сектор экономики бронзового века. Наряду с крупными хозяйственными комплексами (дворцовыми и храмовыми хозяйствами) теперь все шире распространяется «частнопредпринимательская» деятельность отдельных семей и их объединений (примером последних могут служить торговые дома Нововавилонского царства, купеческие товарищества финикийских городов и т. д.). Показательно, что даже в таких старых экономических центрах, как города Двуречья, где традиции эпохи бронзы были все еще очень сильны и храмовые хозяйства в том или ином виде продолжали существовать на протяжении всего I тыс., наблюдается совершенно определенная тенденция к их децентрализации, что выражалось в переходе к системе ступенчатой аренды храмового имущества, и прежде всего земли, частными лицами от его непосредственной эксплуатации самими храмами[19]. В новых же городах, возникших на Западе (в Греции, Италии, в финикийских колониях африканского побережья), храмовое хозяйство за редкими исключениями так и не

[19] В Вавилонии определенные сдвиги в этом направлении наметились уже в начале II тыс. (время правления I Вавилонской династии). Однако в этот период усиление частного сектора экономики носило, как указывает И. М. Дьяконов, лишь временный характер (*Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. С. 21).

вышло из эмбрионального состояния, так как условия, необходимые для его развития, здесь отсутствовали с самого начала.

Таковы некоторые общие тенденции в развитии городов-государств Запада и Востока, наметившиеся, как было уже указано, в основном с началом железного века. Однако далее начинаются весьма существенные различия, не разобравшись в которых мы не сможем и правильно объяснить, почему конечные результаты этого процесса в этих двух регионах оказались столь несхожими, а в некоторых отношениях даже прямо противоположными.

Несмотря на все потрясения, пережитые странами Переднего Востока в тревожное время племенных миграций и политических катастроф, доминирующей формой государственного устройства здесь и в I тыс. продолжала оставаться деспотическая царская власть с такими неизменными ее атрибутами, как огромные земельные домены, принадлежащие непосредственно царю и его ближайшему окружению; громоздкий чиновничий аппарат, занятый выколачиванием налогов и повинностей из подвластного населения; иерархия сословий, сравнительная социальная ценность которых определялась степенью их близости к престолу, и т. д. и т. п. Заново утвердившись в тех районах, где эта форма правления уже издавна была традиционной (Вавилон, Ассирия, Египет), деспотия начала распространять свое влияние на периферийные области с еще неустановившейся государственностью. Это влияние в значительной мере объясняет стремительное превращение эфемерного племенного сообщества двенадцати «колен израилевых» в государство с достаточно ясно выраженным автократическим режимом. Примерно в том же направлении и опять-таки не без «подсказки» соседних монархий Междуречья шла в этот период политическая эволюция племен Малой Азии и Закавказья, о чем свидетельствует история Фригийского и Лидийского царств, государства Урарту. Неслучайно, возникшие в этих районах новые городские центры, такие, как Иерусалим, Самария, Гордион, Сарды, были по своему происхождению прежде всего царскими городами, зависевшими от расположенного здесь же царского дворца или цитадели. Объединение всего того пестрого скопища царств, княжеств, племенных и городских общин, которое представлял собой в первой половине I тыс. передневосточный мир, под властью мировой державы Ахеменидов явилось закономерным завершением этого процесса и имело своим результатом еще большее укрепление основ деспотического строя.

В этих условиях естественное развитие города-государства (как там, где он существовал с давних времен, так и там, где он только что возник) неизбежно должно было приостановиться, достигнув лишь некоего достаточно низкого уровня, дальше которого оно уже пойти не смогло. Типичной в этом смысле может считаться судьба городов Двуречья, включая и самый значительный из них, Вавилон, городов Финикии, послепленного Иерусалима и многих других. Как это ни парадоксально, но несмотря на весьма напряженный ритм их хозяйственной жизни, несмотря на чрезвычайно высокий для того времени уровень развития ремесла, торговли, банковского дела, экономика этих городов сохраняла в себе немало архаических черт, унаследованных от предшествующей исторической эпохи. Достаточно напомнить хотя бы о том, что ни один из восточных городов-государств не имел своего денежного чекана вплоть до персидского завоевания, что во многих из них долговая кабала мирно уживалась с эксплуатацией привозных рабов, вопреки повторявшимся время от времени попыткам законодательным путем бороться с этим злом[20]. Однако наиболее значительным пережитком бронзового века в экономике передневосточного города I тыс. было, бесспорно, храмовое хозяйство. Хотя и сильно модифицированное, уже не столь всеобъемлющее, как некогда, оно тем не менее продолжало существовать почти повсеместно на Востоке вплоть до прихода македонских завоевателей. В любом восточном городе, какой бы мы ни взяли, храм всегда был крупнейшим земельным собственником, владел сотнями и даже тысячами рабов, активно участвовал в торговле и кредитных операциях[21]. Наряду с фискальным гнетом деспотической монархии храмовое хозяйство было той главной силой, которая тормозила экономическое развитие древневосточного общества.

Печать неизгладимого архаизма лежит не только на экономике переднеазиатского храмового города, но и на всей его обществен-

---

[20] Ограничение рабства-должничества определенным сроком, установленное законами Хаммурапи, в нововавилонское время уже не соблюдалось (*Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. М., 1974. С. 110).

[21] О храмовом хозяйстве Нового Вавилона см.: *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971. С. 108 сл., 222; *Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. С. 36 сл.

ной структуре, а также и на его политической организации. Во многих городах-государствах, например в Вавилоне, храмовая община входила как важнейший структурный элемент в состав самой городской гражданской общины. В других местах, например в Иерусалиме, обе общины практически совпадали друг с другом. В соответствии с этим положение человека в обществе определялось прежде всего тем, какое место занимал он внутри своей храмовой общины. Организация же самой храмовой общины базировалась на весьма древней, восходящей, по всей вероятности, еще ко временам неолита системе родовых профессий[22]. Наиболее важные религиозные магистратуры, входившие в состав храмового персонала, считались наследственными и передавались из поколения в поколение в пределах одного и того же замкнутого круга аристократических фамилий. Входившая в этот круг жреческая аристократия не только держала под своим контролем львиную долю принадлежавшего общине имущества (земли, денежного капитала и т. д.), но и сосредоточивала в своих руках всю реальную политическую власть. Из представителей этого сословия кооптировался городской совет, выполнявший в большинстве городов-государств Востока функции высшего административного и совещательного органа. Из той же среды выбирались на заседаниях совета и все высшие городские магистраты: военные, финансовые, судебные и пр. Что касается народного собрания, то его компетенция носила весьма ограниченный характер и касалась, как правило, лишь сугубо местных вопросов[23].

Законодательная деятельность, судя по всему, никогда не входила в число его прерогатив. Право составлять и провозглашать законы всегда принадлежало на Востоке лицам особого рода, облеченным «божественной благодатью»: царям или замещавшим их судьям (шоффетам). По всей видимости, в своей обычной форме народное собрание составляло нечто вроде Umstand — аудитории, присутствовавшей на открытых заседаниях совета и вни-

---

[22] *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. С. 109.

[23] В таких больших городах, как Вавилон, общие собрания всех граждан почти никогда не созывались. Устраивались лишь сходки на местах, по городским кварталам или отдельным селениям (см.: *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилон исторический. С. 224).

мавшей его решениям, а равно и передававшимся через его посредство царским указам без права протеста или какого бы то ни было вмешательства. В обычае было также созывать народ на происходившие открыто судебные разбирательства, но опять-таки, скорее, в роли пассивного свидетеля происходящего, нежели судьи или хотя бы присяжного заседателя[24]. Разумеется, в определенных ситуациях, например при обсуждении вопроса о раскладке повинностей, должностные лица, стоявшие во главе общины, старались прислушиваться и к «мнению народному». Однако обязательной силы это мнение для них, по-видимому, никогда не имело. По крайней мере, ни один из дошедших до нас законодательных актов или других документов прямо на это не указывает.

Из всего сказанного следует, как нам кажется, совершенно определенный вывод: в огромном большинстве своем восточные города-государства достигли лишь той стадии социального и политического развития, которую греки миновали уже в архаический период своей истории (VII—VI вв.). Это — стадия аристократической республики с четко выраженным сословным делением общества. До настоящего полисного строя, важнейшими основаниями которого являются принцип гражданского равенства и законодательная власть народного собрания, ни один из них так и не поднялся.

Каковы же были те условия, в которых сформировался и вырос подлинный античный полис? На общем фоне истории Древнего мира ситуация, сложившаяся в Греции на рубеже II—I тыс., кажется поистине уникальной. Весь курс политической грамоты и государственного строительства грекам пришлось осваивать практически заново. Микенская бюрократическая монархия исчезла, не оставив после себя никаких следов, кроме неясных воспоминаний, сохранившихся в мифах и эпосе. Гомеровская басилейя или «отеческая царская власть», как называет ее Фукидид (I, 13), была явлением уже принципиально иного порядка. Таким образом, на этот раз грекам удалось избавиться от нависшей над ними угрозы восточной деспотии (не подлежит сомнению, что микенские дворцовые государства эволюционировали именно в этом направлении). Объяснение этого феномена следует искать, по всей видимости, в том состоянии дли-

[24] В Вавилоне судебным процессом руководили обычно храмовые магистраты данной общины (см.: *Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. С. 30).

тельной изоляции и оторванности от всего внешнего мира, в котором район Эгеиды оказался после крушения микенской цивилизации. В течение целого ряда столетий (по крайней мере с XII по IX в.) греки были предоставлены самим себе, не испытывали никаких влияний извне и могли сами без чьей-либо подсказки выбрать тот путь развития, который наиболее соответствовал местным историческим и географическим условиям[25]. Следует отметить, что почти весь этот период прошел в Греции под знаком абсолютной политической дезинтеграции. На смену централизованным государствам микенской эпохи пришли мелкие разрозненные общины в масштабе деревни или родового поселка, которые на длительное время стали единственной формой человеческого общежития на всей территории Балканской Греции и островов Эгейского моря. В некоторых местах эти общины, как правило, группировавшиеся вокруг какого-нибудь почитаемого святилища, образовывали какое-то подобие аморфного племенного сообщества, но существа дела это не меняет. Лишь в первой половине VIII в. из этих первичных ячеек кое-где начали выкристаллизовываться более крупные политические образования, по ряду признаков уже укладывающиеся в общепринятое представление о городе-государстве.

С точки зрения тогдашнего экономического развития греческого общества эта урбанизация носила во многом преждевременный характер. Напомним, что колонизация, вызвавшая настоящий переворот в греческой экономике, в то время только еще начиналась. Торговля и ремесло находились в зачаточном состоянии. Господствующей формой хозяйственной деятельности повсюду было полунатуральное сельское хозяйство. Основным фактором, обусловившим возникновение первых городов в столь раннее время, может считаться, как нам кажется, крайне напряженная демографическая ситуация, сложившаяся в Греции в этот период (другим ее проявлением была Великая колонизация, начавшаяся примерно в это же время). Вызванная перенаселенностью страны ожесточенная борьба за землю и воду вынуждала отдельные общины сплачиваться и создавать опорные пункты, каковыми и стали первые полисы[26].

---

[25] *Starr Ch. G.* The Origins of Greek Civilization, 1100–650 B. C. New York, 1961. P. 116 ff.

[26] На роль военного фактора в становлении полиса указывает К. Маркс (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 465).

Раннегреческий полис в том его виде, в котором он предстает перед нами в произведениях древнейших греческих поэтов — Гомера, Гесиода, Алкея и др., в политическом отношении представлял собой аристократическую республику с достаточно сильными еще пережитками первобытного народовластия.

С социологической же точки зрения это был достаточно рыхлый конгломерат экономически вполне обособленных друг от друга и от всей общины в целом патриархальных семей. Единственное, что сплачивало их в единый гражданский коллектив, было сознание общности своих интересов перед лицом враждебного внешнего мира и необходимости совместной защиты против натиска соседних общин. Внутренняя структура раннего полиса носила иерархический характер. Составлявшая правящее сословие родовая знать была генеалогически обособлена от массы рядовых общинников (демоса) и руководила ею через посредство гентильных организаций (фил и фратрий), в то время еще не утративших своего значения. Однако несмотря на занимаемое ею привилегированное положение греческая аристократия была все же еще не настолько сильна, чтобы полностью подчинить себе общину или тем более сделать ее объектом эксплуатации, как это было на Востоке[27]. По существу сама аристократия была здесь лишь верхушечной частью демоса — прослойкой наиболее зажиточных крестьян, наделенной известными привилегиями политического и религиозного характера. В чисто экономическом плане и аристократический ойкос, и семья рядового общинника («мужа из народа», как называет его Гомер) были вполне однотипными образованиями. Различие между ними состояло не в методах хозяйствования и не в источниках обогащения, а лишь в масштабах их применения. В своем развитии родовая знать архаической эпохи не достигла той стадии, на которой стало бы возможным ее превращение в замкнутую касту профессиональных воинов и жрецов, подобную той, какой была, например, микенская дворцовая элита. Для столь

[27] В истории Греции известны случаи порабощения и последующей эксплуатации целых общин. Примерами могут служить Спарта, города Фессалии и Крита. Но в роли поработителя во всех этих случаях выступает опять-таки целая община, которая сама уже никому не подчиняется, а все ее члены сохраняют полную политическую и гражданскую правоспособность.

сложной функциональной стратиграфии общества необходимы были соответствующая материальная база и прежде всего наличие единого общегосударственного хозяйства. Однако, как было уже замечено, возвращение к этой изжившей себя экономической системе в послемикенской Греции было практически исключено. По этой же причине и становление автократического государства типа восточной деспотии не вышло здесь из стадии эксперимента. Лишенные необходимой материальной опоры попытки создания такого государства рано или поздно терпели неудачу, о чем свидетельствует судьба большинства известных нам тиранических и олигархических режимов архаического периода. Магистральной линией, по которой пошло дальнейшее развитие греческого полиса, было постепенное укрепление демократических институтов общины и изживание заложенных в ее структуре потенций личного и родового могущества.

Два основных фактора обусловили переход греческих городов-государств на путь, ведущий к демократии и к полному разрыву с застойными формами древневосточной государственности. Этими факторами были рабство и частная собственность. Небывалое по своей широте и интенсивности развитие частнособственнических рабовладельческих отношений, составляющее наиболее важную отличительную черту экономической жизни Греции в эпоху Великой колонизации[28], имело своим прямым результатом распад архаической формы общинной организации с характерными для нее иерархией сословий, господством родовой знати в политической и религиозной сфере, чрезвычайно развитым родовым партикуляризмом и т. д. Однако тот же самый процесс, до необычайной степени обострив все виды классовых антагонизмов как внутри общины, так и за ее пределами, породил вместе с тем и настоятельную потребность в консолидации. Экономическая разъединенность рабовладельческих хозяйств, сочетавшаяся с ожесточенной конкуренцией и непрерывным углублением имущественной дифференциации, требова-

[28] Регулярные переделы земли в пределах общины прекратились, по всей вероятности, уже в гомеровский период. Для Гесиода купля-продажа земли — вполне привычная сделка (Opera, 341). Запреты на отчуждение земельной собственности, соблюдавшиеся в Спарте и в некоторых других государствах, — явление скорее вторичного порядка, связанное с уже утвердившимся полисом.

ла в качестве компенсации политической сплоченности самих рабовладельцев. Но на какой бы платформе ни осуществлялось это сплочение, в нем так или иначе должна была принять участие и вся масса свободного крестьянства, составлявшая основное ядро гражданского коллектива города-государства и его главную военную силу на всех этапах его истории. В противном случае рабовладельцы остались бы один на один со своими «говорящими орудиями», а это было явно не в их интересах. Поэтому новый рабовладельческий полис, сложившийся в наиболее передовых районах эллинского мира к концу архаического периода (VI в. до н. э.), сохранил и даже усовершенствовал унаследованную им от предшествующей исторической эпохи традиционную форму военно-политической организации, основным стержнем которой было народное собрание, охватывающее всех свободных членов общины и практически совпадающее с гражданским ополчением. На эту преемственность обратил внимание уже К. Маркс, который писал в «Немецкой идеологии»: «Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации»[29].

Общинная, или государственная, собственность в ее чистом виде, как, например, спартанская πολιτικὴ χώρα или римский ager publicus, далеко не везде была господствующей формой собственности. В классических Афинах, например, ее роль была весьма скромной. Однако, употребленное Марксом выражение «совместная частная собственность» можно понять и в более широком смысле — как право контроля над частной собственностью, право вмешательства государства в хозяйственную деятельность отдельных граждан[30]. Формы и способы этого контроля могут быть самыми

---

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 21. — Преемственная связь полиса с первобытной общиной, разумеется, не означает, что он был простым слепком последней. Переход с одной стадии на другую был невозможен без коренной ломки сложившихся порядков (ср.: *Берзин Э. О.* Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 70).

[30] *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса // Вестн. Ленингр. ун-та. 1973. № 8. С. 50 сл. (См.: с. 252 наст. изд.)

разнообразными. Уже в момент своего зарождения полисное государство заявляет о себе активным вмешательством в экономику с целью исправления всякого рода аномалий и уклонений от той идеальной нормы усредненного крестьянского хозяйства, в которой создатели полиса видели залог его процветания и могущества. Примерами такого вмешательства могут служить солоновская сисахфия в Афинах или приписываемый Ликургу передел земли в Спарте. С течением времени эта своеобразная экономическая политика, направленная к сглаживанию имущественного неравенства и урегулированию возникающих на этой почве конфликтов внутри гражданского коллектива, приобретает все более систематический характер. Разрабатывается и проводится в жизнь целый комплекс мероприятий, основное назначение которых состояло в том, чтобы, с одной стороны, максимально сдерживать и ограничивать рост частной собственности, а с другой — обеспечивать необходимой материальной поддержкой всех малоимущих и нуждающихся граждан, без чего они не могли бы активно участвовать в политической и общественной жизни государства. Мероприятия эти общеизвестны: к их числу можно отнести различные запреты и ограничения на продажу и покупку земли и других видов имущества, различные виды литургий, конфискации и налоги на собственность, законы против роскоши, наделение беднейших граждан землей за счет государства, различные виды раздач, оплаты должностей и т. д. и т. п.[31] Естественным продолжением и развитием всей этой системы мер является внешняя политика города-государства, ориентированная прежде всего на захват чужих территорий и порабощение занимающих их общин, за счет чего правительство полиса могло до поры до времени «безболезненно» решать свои внутренние проблемы[32].

Демократическая направленность как внутренней, так и внешней политики полиса на этом этапе его развития не вызывает сомнений. Составляющие ее мероприятия осуществляются при активном участии и в интересах основной массы граждан (в то время еще по преимуществу крестьянской). В соответствии с этим на первый план

---

[31] Общую характеристику этой системы дает К. М. Колобова в учебнике: История Древней Греции / Под ред. В. М. Авдиева и Н. Н. Пикуса. Гл. 4. М., 1962. С. 151.

[32] *Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры. М., 1975. С. 15.

во внутренней жизни полиса выдвигаются такие органы народного волеизъявления, как народное собрание, суд присяжных, демократический совет и другие учреждения, вытеснившие управленческий аппарат старой аристократической республики. Коллективная воля граждан, выраженная путем открытого голосования в народном собрании, приобретает силу обязательного для всех закона, в чем находит свое выражение один из краеугольных принципов полисной идеологии — принцип подчинения меньшинства большинству, личности коллективу. В результате последовательного претворения в жизнь основных лозунгов греческой демократии — исэгории (т. е. равного участия всех граждан в законодательной деятельности) и исономии (т. е. равенства всех перед законом) — гражданская община практически сливается с государством и уподобляет его себе (еще раз напоминаем, что сама община к тому времени, когда это произошло, уже претерпела коренную внутреннюю перестройку, что привело к ликвидации ее прежней иерархической структуры и связанных с ней пережитков родового строя). Таковы были итоги политического развития наиболее значительных полисов как европейской, так и азиатской Греции. Итоги эти отчетливо определились уже в конце архаического периода, и в этом плане не столь уж велика разница даже между двумя такими, как считается обычно, полярно противоположными типами полиса, как Афины и Спарта. Как там, так и здесь к концу VI в. сложилась, по сути дела, одна и та же форма политической организации, которую мы можем определить как крестьянскую демократию или, по выражению самих древних, как «гоплитскую политию»[33]. Различными были условия,

[33] Наше твердое убеждение состоит в том, что настоящий полис может быть только демократией (хотя бы и умеренной). Полис, с одной стороны, и монархия или олигархия, с другой — есть понятия взаимоисключающие, ибо только в условиях демократического строя могут быть по настоящему реализованы основные социальные и политические принципы полисной организации. Если в городе-государстве устанавливается олигархический или монархический (тиранический) строй, это может свидетельствовать либо о его неразвитости (примером могут служить многие экономически отсталые общины Греции еще в V—IV вв. до н. э.), либо о том, что оно находится в состоянии кризиса и перерождения, при котором полисная система практически перестает действовать (примеры этого рода дают тирании и олигархии периода кризиса полиса, а также эпохи эллинизма). Что касается Спарты, то обычное в нашей литерату-

в которых протекало дальнейшее развитие этих двух разновидностей раннего полиса, что и привело в конце концов к совершенно различным результатам как в социально-экономическом, так и в культурном плане, но исходная точка была в значительной мере общей.

Следует подчеркнуть, что за пределами античного (греко-римского) мира намеченная здесь схема эволюции государства не находит никаких аналогий. В огромном большинстве случаев (в том числе и в странах Востока) развитие идет по линии все большего взаимоотчуждения общины и государства, отнюдь не по линии их взаимопроникновения[34]. Как было уже замечено, на Востоке община в достаточно раннее время становится объектом эксплуатации со стороны консолидированной в государство аристократической элиты и в соответствии с этим утрачивает значительную часть своей былой политической самостоятельности. Начиная с этого момента государство противостоит общине как враждебная, внешняя сила, паразитически присваивающая производимые ею богатства[35]. Выполняемые государством якобы в интересах всей общины религиозные, военные, экономические и др. функции довольно быстро превращаются здесь всего лишь в благовидный предлог, оправдывающий и маскирующий его грабительскую сущность. Примечательно, что среди этих функций мы не находим функции социаль-

---

ре зачисление этого государства в разряд олигархий, причем наиболее крайних, основано, как нам представляется, на недоразумении. В подтверждение этого тезиса обычно приводятся свидетельства авторов IV в., которые застали Спарту в состоянии кризиса и упадка, когда олигархические элементы в ее конституции уже начали одерживать верх над демократическими. Тем не менее ни один античный автор прямо не называет спартанский государственный строй олигархическим. По этому вопросу см.: *Andrewes A.* The Government of Classical Sparta // Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg. Oxford, 1966.

[34] *Штаерман Е. М.* Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. С. 654; *Мелихишвили Г. А.* Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ // ВДИ. 1975. № 2. С. 21.

[35] И. М. Дьяконов признает это только для II тыс. до н. э. (*Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. С. 23), хотя нам кажется, что такое положение вещей могло существовать и в еще более раннее время.

ного контроля и урегулирования, т. е. поддержания гражданского мира внутри общины, или находим ее лишь в зачаточном состоянии[36].

Между тем в политическом механизме античного полиса именно эта функция занимает особо важное, если не самое первостепенное место. Вырастая из первозданного хаоса свободно действующих экономических сил, полис с самого момента своего возникновения пытается подчинить себе эту стихию, направить ее в определенное русло и по возможности парализовать то разрушительное действие, которое она оказывает на его гражданскую общину. Ни одно из известных нам государств Переднего Востока за всю свою историю не только не пыталось решать задачи такого плана, но даже и не ставило их перед собой. Так называемые «социальные реформы», о которых приходится время от времени слышать в работах по социально-экономической истории стран Востока, в большинстве своем касались чисто фискальных проблем и не шли дальше снижения или отмены тех или иных повинностей. Типичным примером могут служить реформы шумерского Солона — знаменитого Урукагины. О спорадических и, как правило, безуспешных попытках обуздания ростовщичества, предпринимавшихся время от времени восточными законодателями, например Хаммурапи, уже говорилось выше[37]. По-видимому, это одно из тех исключений, которые подтверждают общее правило.

В заключение следует заметить, что предлагаемая нами схема эволюции полиса носит весьма приблизительный характер. Реальная картина этого процесса была, разумеется, намного сложней и включала в себя множество различных вариантов, учесть которые мы не имеем возможности. Необходимо также иметь в виду, что

---

[36] На низшем уровне эту функцию могли выполнять на Востоке первичные (сельские) общины. Известны случаи круговой поруки общинников в их отношениях с властями, случаи выкупа из кабалы несостоятельных должников, помощи сиротам и вдовам и т. д. (см., например: *Никольский Н. М.* Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иудеи // Ранович А. Б. Очерк истории древнееврейской религии. М., 1937. С. IV). Однако примеры такого рода лишь подтверждают нашу мысль, ибо те тенденции, которые в античном мире стали самой сутью государства, на Востоке находили себе дорогу лишь на самых низших «этажах» общественного здания.

[37] *Струве В. В.* Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине // Палестинский сборник. Вып. 3 (66). М., 1958.

далеко не все античные государства достигли в своем развитии стадии полиса. Некоторые из них вообще эту стадию миновали, другие вступили на нее лишь с большим опозданием[38]. Многообразие и даже пестрота видов и форм античной государственности создают впечатление известной зыбкости, неустойчивости границ, отделяющих то, что мы называем «античным миром», от противостоящего ему конгломерата передневосточных цивилизаций. Однако впечатление это обманчиво, так как граница между двумя этими культурными зонами все же существовала и была достаточно твердо очерчена.

При всем многообразии политических форм, выработанных античностью, лишь одной суждено было сыграть особую, поистине решающую роль в истории греко-римской цивилизации. И этой ведущей формой политического уклада был, безусловно, полис. С ним связаны наиболее характерные, наиболее впечатляющие черты самой античной культуры, ее самые высокие достижения во всех сферах творческой деятельности. Полис продолжал оставаться своеобразным эталоном государства даже и после утраты им политической независимости в системе эллинистических монархий Востока, а впоследствии и Римской империи. К нему подтягивались и на него равнялись все другие разновидности общин. Его до бесконечности, во множестве репродукций воспроизводили сначала наследники Александра, затем римские цезари. Лишь оказавшись в безвыходном тупике, исчерпав все возможности дальнейшего развития, античный мир отказался от этой с таким трудом обретенной им модели универсального государства.

---

[38] К последней категории мы можем отнести довольно большую группу так называемых «олигархических полисов», например города Беотии и Фессалии до начала IV в., города Этрурии в пору их расцвета в VI–V вв., Рим периода борьбы сословий и др. Употребление термина «полис» в строго научном его значении применительно к государствам этого типа едва ли оправданно. Здесь, как это нередко бывает, современных историков вводит в заблуждение чересчур свободное обращение с этим термином греческих авторов, которые могли называть «полисами» любые города, в том числе и восточные, просто потому, что у них не было другого подходящего синонима. В действительности же эти и другие подобные им государства представляют типологически низшую дополисную ступень развития, в какой-то мере соответствующую той архаической передневосточной форме города-государства, о которой мы уже говорили прежде.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА*

Зарождение греческого полиса исторически совпадает с новой фазой так называемой «городской революции», охватившей в первой половине I тыс. до н. э. практически все Средиземноморье от Сирофиникийского побережья и Палестины на востоке до южной оконечности Иберийского полуострова на западе[1]. Однако на территории Греции этот процесс протекал в весьма специфических условиях, порожденных, во-первых, длительной изоляцией Эгейского бассейна от стран Передней Азии и, во-вторых, резким разрывом греческого общества с экономическими, политическими и культурными традициями эпохи бронзы.

Новые городские центры, возникшие в течение XI—VIII вв. до н. э. в различных районах средиземноморского мира, были в большинстве своем так или иначе связаны с древнейшими очагами передневосточного урбанизма, расположенными в пределах Месопотамии, Ханаана и Восточной Анатолии. В одних случаях эта связь была прямой, как, например, связь финикийских колоний Кипра, Сицилии, Северной Африки и Испании с их метрополиями в самой Финикии. В других случаях она носила более опосредованный характер. Так обстояло дело там, где новые города возникали в зоне влияния более древних городских культур. Примерами могут служить Самария и Иерусалим в Палестине, Гордион и Сарды в Малой Азии[2]. Во всех этих случаях вновь основанные города могли унаследовать от своих предшественников уже сложившуюся и, так сказать, апробированную тысячелетней историей Древнего Востока форму городской общины с характерной для нее социальной структурой и политической организацией.

---

* Город и государство в древних обществах. Сб. статей. Л., 1982. С. 3—17.

[1] *Hammond M.* The City in the Ancient world. Cambridge (Mass.), 1972. P. 349.

[2] Ibid. P. 87, 144.

В сравнении со всеми этими новыми очагами городских культур греческая урбанизация началась практически с нуля[3]. Катастрофы и социальные потрясения, обрушившиеся на Грецию в конце II тыс. (точнее в конце XIII — первой половине XII в. до н. э.), очевидно, в связи с новой волной великого переселения народов, отбросили греческое общество далеко назад, едва ли не к той черте, с которой начиналось когда-то развитие древнейших цивилизаций Эгейского мира. Археологический материал наглядно свидетельствует о страшном экономическом и культурном упадке, охватившем Грецию уже в XII в. и непрерывно продолжавшемся вплоть до конца XI в. до н. э.[4] Характерными приметами периода можно считать резкое снижение жизненного уровня основной массы населения страны и соответствующее сокращение его численности, почти полный разрыв всех внешних и внутренних контактов, отсутствие сколько-нибудь значительных поселений, крайнюю деградацию всех видов искусства и художественного ремесла, исчезновение письменности. Экстраполируя все эти, так сказать, лежащие на поверхности симптомы упадка в сферу социально-экономических отношений, мы неизбежно приходим к выводу, что так называемые «темные века» греческой истории (время с XI по IX вв. до н. э.) ознаменовались длительным перерывом в развитии греческого общества, которое в это крайне трудное для него время было отброшено снова на стадию первобытнообщинного строя, растеряв практически все основные достижения, накопленные им за время существования микенской цивилизации[5].

---

[3] На независимость греческой урбанизации от восточных образцов справедливо указывает Старр (см.: *Starr Ch.* G. The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. New York, 1977. P. 101). Еще два самостоятельных очага урбанизма возникли примерно в это же время в Италии (этрусские города) и в южной Аравии (сабейские города Йемена).

[4] Общую характеристику послемикенского упадка см. в работах: *Starr Ch.* G. The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. New York, 1961; *Desborough V. R. d'A.* The Greek dark ages. London, 1972; *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. Edinburgh, 1971; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. Praha, 1969.

[5] *Папазоглу Ф.* К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции // ВДИ. 1961. № 1. С. 37; *Ленц-*

Учитывая все это, было бы едва ли оправданно искать истоки греческой урбанизации VIII—VI вв. в глубинах микенской эпохи. Возникшие в эту эпоху зачатки городской или, скорее, протогородской культуры[6] едва ли могли сохраниться в условиях катастрофического распада микенской социально-экономической и политической системы. Важнейшие жизненные центры этой системы — дворцы и цитадели (по-видимому, именно они выполняли в микенском обществе функции, во многом аналогичные позднейшим городам-полисам)[7] — были частью разрушены, частью же, видимо, постепенно пришли в упадок и в конце концов были покинуты своими обитателями. Новые политические центры греческих государств, начавшие складываться в VIII—VII вв., даже там, где они возникали в непосредственной близости от заброшенных микенских цитаделей, как это наблюдается, например, в Афинах, Фивах, Аргосе, как правило, не были с ними преемственно связаны. Во всяком случае, археологический материал не дает никаких оснований для предположений такого рода[8]. В каждом из этих случаев вторичное (после длительного перерыва) использование древней цитадели может быть легко объяснено преимуществами ее стратегического положения.

ман Я. А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963. С. 282. Ср.: *Блаватская Т. В.* Греческое общество II тыс до н. э. и его культура. М., 1976. С. 49 слл.

[6] Вопрос о существовании городов в собственном значении этого слова в Эгейском мире II тыс. остается пока открытым. См. полемику по этому вопросу между Я. А. Ленцманом и Т. В. Блаватской: *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. С. 132 слл.; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во II тыс. до н. э. М., 1966. С. 115.

[7] Несмотря на известное функциональное сходство с позднейшим полисом, дворец эпохи бронзы едва ли может быть назван «городом» даже в весьма широком античном значении этого слова. Для этого ему недостает одного важного признака, а именно наличия гражданской общины. Ср.: *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B. C. London, 1972. P. 402; *Hammond M.* The city in the Ancient world. P. 130 ff.

[8] *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. P. 363; *Desborough V. R. d'A.* The Greek dark ages. P. 263. Ср.: *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. 2-ème éd. Paris, 1974. P. 32; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 45, 87.

В обстановке всеобщего разброда и хаоса, охвативших Грецию в период крушения микенской цивилизации, единственными островками хотя бы относительной стабильности продолжали оставаться изолированные сельские общины, в которых в это время концентрировалась подавляющая масса земледельческого населения страны. Многие из них, по-видимому, пережили, оставаясь на своих местах, все смены царских династий, завоевания и социальные катаклизмы, обрушившиеся на Грецию в тревожное время передвижения племен. Другие, исчезая в одних местах, затем спонтанно самовозрождались в других. Именно эти простейшие социальные организмы оставались в резко изменившемся климате «темных веков» единственными носителями культурной традиции эпохи бронзы.

Наряду с некоторыми другими фундаментальными элементами культуры бронзового века (примерами могут служить дом в форме мегарона, гончарный круг, парусное судно и т. п.) греческое общество I тыс. до н. э. унаследовало от своих предшественников и особый тип общинного поселения, обозначенный в одной из наших более ранних работ условным термином «протополис» или «первичный полис»[9]. Его отличительными признаками могут считаться, во-первых, наличие примитивных укреплений, слабость которых могла компенсироваться самим местоположением протополиса на укрепленной самой природой возвышенности (естественный акрополь) или на выдвинутом в море мысу, и, во-вторых, компактная (ульевидная) застройка всей площади поселения стандартными блоками домов.

Теоретически представляется вполне вероятным выживание этого типа поселения в течение всего периода племенных миграций (XII—X вв.), хотя археологически засвидетельствованные примеры такого выживания пока еще крайне немногочисленны[10]. Как бы то ни было, в специфических природных условиях эгейского региона первичный полис, по-видимому, всегда оставался оптимальным вариантом стратегической и чисто архитектурной организации пространства, обеспечивавшим размещение наибольшего числа жилых помещений на крайне ограниченной площади,

---

[9] *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976. С. 28. (См. с. 63 наст. изд.)

[10] Там же. С. 18 слл. (См. с. 47 слл. наст. изд.).

а также и их защиту от нападения врага. Именно поэтому он и не мог надолго исчезнуть из жизни греческого общества. Сам греческий ландшафт с его необычайно изрезанным рельефом и множеством укрепленных самой природой возвышенностей должен был способствовать его непрерывному спонтанному возрождению как в зоне его первоначального распространения, так и в непосредственно примыкающих к ней районах.

Почти все известные нам теперь по данным раскопок поселения послемиграционного, или гомеровского, периода (IX—VIII вв.) типологически весьма далеки от классической микенской цитадели, но в то же время имеют ясно выраженные черты «фамильного» сходства с рядовыми общинными поселениями микенской эпохи и еще более раннего времени (так называемого «среднеэлладского» и «раннеэлладского» периодов), подтверждая тем самым только что высказанную мысль об исключительной жизнеспособности того типа поселения, который мы называем «эгейским протополисом». Как и когда-то в эпоху бронзы, укрепленные поселения послемиграционного периода размещаются либо в прибрежной зоне (обычно на небольших выступах береговой полосы, которые легче было защитить от нападений со стороны суши — примерами здесь могут служить Смирна на западном побережье Малой Азии и более поздняя Врулия на о-ве Родос)[11], либо вдали от моря на плоской вершине какой-нибудь труднодоступной возвышенности (таковы, например, Загора на о-ве Андрос, некоторые поселения восточного и центрального Крита)[12]. Общей особенностью большинства поселений послемиграционного периода может считаться тенденция к максимальной концентрации жилых и хозяйственных помещений в пределах укрепленной площадки (интравертный тип застройки). Жилые кварталы практически составляют здесь единое целое с акропо-

---

[11] *Cook J. M., Nicholls R. V.* Old Smyrna // BSA. № 53—54. 1958—1959; *Akurgal E.* Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961. S. 9 f.; *Kinch K. F.* Vroulia. Berlin, 1914.

[12] *Cambitogly A., Coulton J., Birmingham J. e. a.* Zagora, 1. Sydney, 1971; *Renard L.* Notes d'architecture proto-géométrique et géométrique en Crète // L'Antiquité Classique. T. 36. 2. 1967; *Drerup H.* Griechische Baukunst in geometrischer Zeit // Archaeologia Homerica. Bd. II. Kap. O. Göttingen, 1969. S. 33 ff.; *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. P. 427.

лем, или примитивной цитаделью, хотя в виде отклонения от общей нормы в это же время встречается и иной (экстравертный) тип застройки, для которого характерен прямо противоположный принцип архитектурной организации пространства, основанный на вынесении жилых кварталов поселения за черту стен цитадели на склоны холма[13].

Свидетельства письменных источников, и прежде всего гомеровского эпоса в целом, подтверждают археологическую характеристику первичной формы полиса. Планировка типичного эпического полиса (его примерами могут служить Троя в «Илиаде» и город феаков в «Одиссее»)[14] подчинена тем же принципам интравертности, что и планировка известных нам по данным раскопок поселений IX—VIII вв.: дома граждан полиса вместе с царским дворцом и главным святилищем обычно теснятся на небольшом пространстве, обнесенном стеной. За ее чертой, «в поле» остаются лишь разрозненные сельские усадьбы и загоны для скота. Как давно уже было замечено, Гомер нигде не проводит сколько-нибудь четкого разграничения между понятиями города-полиса и деревни-комы. Последнее из этих двух понятий в эпосе практически не встречается. Отсюда, разумеется, не следует, что Греция гомеровского времени была страной сплошной урбанизации. Скорее напротив: Гомер, по-видимому, застал греческое общество в тот момент его истории, когда размежевание между городом и деревней либо еще вообще не успело произойти, либо только еще начиналось. С городом гомеровский полис сближают лишь наличие стен и относительная плотность застройки. С точки зрения чисто социологической, если учесть, что основную массу его населения составляли крестьяне-земледельцы, отнюдь не торговцы и ремесленники, он не может быть ничем иным, кроме как поселением сельской общины или укрепленной деревней. Отсутствие же на его территории каких-то иных, зависимых от него поселений, т. е. того, что составляло так называемую «хору» или сельскую округу позднейшего греческого

---

[13] Наиболее ясно выраженный пример планировки такого рода дает поселение Эмпорио на о. Хиос. См.: *Boardman J.* Excavations in Chios, 1952—1955. Greek Emporio // BSA. Suppl. VI. 1967.

[14] Подробнее см.: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). С. 32 слл. (См. с. 69 слл. наст. изд.)

полиса, означает, что и в политическом отношении гомеровский полис еще не успел стать ни городом, ни государством в собственном значении этих двух слов[15].

Впервые в греческой литературе представление о двух различающихся между собой типах поселения — полисе и коме — появляется в произведениях Гесиода (Opera, 222—227, 240, 639; Scutum, 18), поэта, который, с известными оговорками, может быть признан младшим современником автора «Одиссеи», жившим на рубеже VIII—VII вв. до н. э.[16] Если эта датировка соответствует действительности, размежевание между городом и деревней, прямым результатом которого было перерастание первичного полиса в собственно полис, т. е. в город-государство, могло начаться за два или за три поколения до Гесиода, т. е. где-то около середины VIII в., а в некоторых районах, возможно, и еще раньше[17] (напомним, что свидетельства Гесиода относятся к Беотии, которая обычно считается одной из сравнительно отсталых областей Греции).

---

[15] Отчасти нерасчлененность города и деревни в эпосе может быть объяснена как результат сознательной архаизации и идеализации современной поэту действительности. В конце концов, Гомер мог просто пренебречь деревней со всем ее крестьянским населением, поскольку сам деревенский уклад жизни казался ему недостойным настоящего героя и аристократа. Лишь в одном из эпизодов «Илиады» (XXIII, 832 sqq.) полис противопоставлен окружающей его сельской местности как средоточие торговли и ремесла. В новейшей литературе можно встретить самые различные, подчас противоречивые оценки гомеровского полиса. См.: *Hoffmann W.* Die Polis bei Homer // Festschrift B. Snell. München, 1956; *Hammond N. G. L.* A History of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959. P. 67; *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. P. 125; *Thomas C. G.* Homer and the polis // La Parola del Passato. Fasc. 106. 1966. P. 7; *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. P. 435; *Luce J. V.* The polis in Homer and Hesiod. Dublin, 1978. P. 8 f.

[16] *Тронский И. М.* История античной литературы. Л., 1946. С. 59.

[17] К VIII в. относят зарождение первых полисов: *Ehrenberg V.* 1) When did the polis rise? // JHS. Vol. 57. 1937; 2) Polis und Imperium. Zürich—Stuttgart, 1965. S. 93; *Leveque F.* L'aventure grecque. Paris, 1964. P. 112; *Thomas C. G.* Homer and the polis. P. 5, 13; *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. P. 415 ff. Ср.: *Starr Ch. G.* 1) The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. P. 337; 2) The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 111.

Факты, которые могли бы служить прямым подтверждением этой догадки, пока еще крайне немногочисленны. Лишь в некоторых поселениях VIII в. археологические раскопки выявили некое подобие архитектурного ансамбля агоры, которая в это время, по-видимому, только еще начинала складываться как постоянный центр политической и религиозной жизни полиса[18]. Другие симптомы становления полиса новой формации — более или менее регулярная застройка площади поселения, продуманная система укреплений, появление первых общественных зданий и храмов — также встречаются в этот период лишь эпизодически[19]. Тем не менее сама историческая ситуация середины VIII в., чреватая великим колонизационным движением, сообщает большую степень вероятности предположению о том, что именно в это время в Греции появились первые города. В сущности и выведение избыточного населения страны в колонии, и концентрация остальной его части в новых укрепленных центрах были лишь двумя диалектически взаимосвязанными сторонами одного и того же демографического процесса.

Скудная информация, содержащаяся в наших источниках, не дает возможности составить сколько-нибудь ясное представление о реальных путях становления раннего полиса. В зависимости от конкретных географических, демографических и социально-экономических условий, сложившихся в разных районах греческого мира, этот процесс мог идти одновременно по разным, иногда параллельным, иногда пересекающимся, направлениям. Одним из таких направлений (возможно, наиболее важным) может быть признан надежно засвидетельствованный в античной исторической традиции синойкизм, т. е. политическая интеграция ряда первичных общин, сопровождавшаяся переселением значительной части их населения в один большой полис. Классическим примером такого акта остается приписываемый Тесею аттический синойкизм, поставивший

---

[18] Примером такого сооружения может служить археологический комплекс, открытый в Дреросе (восточный Крит, см.: *Effenterre H. van, Demargne P.* Recherches à Dréros // BCH. T. 61. 1937).

[19] *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. P. 423 ff.; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 289 ss.

Афины в совершенно исключительное положение среди всех других городов Аттики[20].

Чисто теоретически можно представить себе и прямо противоположный путь развития по линии постепенного разрастания первичного полиса и выделения из него ряда дочерних поселений, располагающихся вокруг своей метрополии, которая только теперь и становится полисом в собственном значении этого слова. Хотя этот второй вариант формирования греческого города-государства не отражен прямо в письменных источниках, его вероятность косвенным образом подтверждается археологическими данными, свидетельствующими об интенсивной внутренней колонизации, происходившей в ряде областей Греции в течение VIII в.[21]

Отвлекаясь от реального многообразия путей становления раннего полиса, мы должны все же подчеркнуть, что единственно возможным общим направлением этого процесса в конкретных исторических условиях Греции послемиграционного периода должен быть признан постепенный или сравнительно быстрый переход от более мелких и относительно простых по своей структуре социальных организмов (сельских или в некоторых случаях территориально-родовых общин) к более крупным образованиям с более сложной внутренней структурой (городским или полисным общинам). Едва ли приемлемо альтернативное решение проблемы, согласно которому полис выкристаллизовался в лоне более широкого племенного сообщества или «племенного государства» (Stammstaat), как иногда выражаются немецкие историки, в результате чего эта исконная для большинства греков форма политической общности распалась на ряд независимых городов-государств[22]. Это слишком очевидное уподобление политического

---

[20] О синойкизме см., например: *Francotte H.* La polis grecque. Paderborn, 1907. P. 105 ss.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. München, 1920. S. 156 f.; *Glotz G.* La cité grecque. Paris, 1928. P. 21, 335 ss.; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 96 f.; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 14–15, 38.

[21] *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 163; *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. P. 337 f.

[22] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 129; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1937. S. 297 f.; *Gschnitzer Fr.*

развития ранней Греции эпохе феодальной раздробленности в истории европейского средневековья представляется нам несостоятельным уже по одному тому, что, в сущности, мы не располагаем никакой достоверной информацией о самих племенных сообществах, предшествовавших полисным государствам.

Расселение дорийцев и других пришедших вместе с ними или вслед за ними северногреческих племен по территории Пелопоннеса, средней и северной Греции едва ли могло повлечь за собой образование особенно значительных политических объединений в масштабе, допустим, всей Лаконии или Арголиды, Беотии или Фессалии. Восходящий к XII—X вв. археологический материал позволяет представить миграционные процессы этого периода в виде постепенного просачивания небольших и чаще всего не связанных между собой групп пришельцев на территорию уже распавшихся к тому времени микенских государств[23]. Дошедшие до нас местные предания об основании подавляющего большинства дорийских полисов Пелопоннеса, Крита, о. Родоса, а также городов ионийского двенадцатиградия в Малой Азии и ряда других районов следуют в общем и целом той же принципиальной схеме, что и позднейшие сообщения о выводе греческих колоний на берега Сицилии и Италии или в Причерноморье. Сюжетным ядром каждого такого предания является известие об основании нового поселения небольшой группой переселенцев во главе с предводителем-ойкистом[24]. Древнейшая история таких крупнейших полисов европейской Греции, как Спарта, Аргос, Афины, показывает, что в каждом из этих случаев становление государства шло по пути постепенного радиального расширения его территории за

---

1) Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland // Wiener Studien. Bd. 68. 1955. S. 137 ff.; 2) Stadt und Stamm bei Homer // Chiron. Bd. 1. 1971. S. 16 ff. Ср.: *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100—650 B. C. P. 126 f.; *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Zürich—Stuttgart, 1965. S. 9.

[23] *Vermeule E.* Greece in the Bronze age. Chicago—London, 1964. P. 279; *Milonas G. E.* Mycenae and the Mycenaean age. Princeton, 1966. P. 232; *Desborough V. R. d'A.* 1) The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964. P. 250 ff.; 2) The Greek dark ages. P. 337, 352.

[24] Наиболее полную подборку данных традиции дает Бузольт: *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha, 1893. S. 203 ff.

счет насильственного подчинения или добровольного присоединения соседних общин[25]. На этом широком историческом фоне известная легенда о разделе Пелопоннеса на три больших «удела» — Лаконию, Мессению и Арголиду — между представителями третьего поколения Гераклидов производит впечатление поздней искусственной конструкции, созданной специально для того, чтобы найти историческое оправдание для ситуации, сложившейся в этой части греческого мира едва ли ранее середины VIII в.[26]

Из всего этого отнюдь не следует, что сообщества племенного или территориально-племенного типа не принимали никакого участия в становлении раннего полиса. Во многих случаях переход со стадии самоуправляющейся первичной общины на стадию города-государства мог быть опосредован рядом промежуточных ступеней. Одной из таких ступеней был, по всей видимости, локальный союз первичных общин, связанных общностью происхождения, языка, важнейших культов и прежде всего, разумеется, потребностью в совместной защите против общих врагов. В каждом отдельном случае центром такого объединения могло стать какое-нибудь особенно почитаемое в данной местности святилище или естественная цитадель наподобие Акрокоринфа или афинского Акрополя, в которой в случае опасности могло укрыться все окрестное население. Внутри себя каждый такой союз конституировался как племенное сообщество (греки в таких случаях обычно употребляли термин ἔθνος) или, по крайней мере, имитировал такое сообщество[27].

По-видимому, нечто подобное этим «гнездам» первичных общин, предшествовавшим позднейшим городам-государствам на их территории, имел в виду Фукидид, когда писал о древнейших греческих «полисах, лишенных стен и заселенных по комам» (I, 5, 2: πόλεσιν ἀτειχίστοις καὶ κατὰ κώμας οἰκουμέναις), вследствие чего они становились легкой добычей для свирепствовавших повсюду пиратов. Еще и в V столетии, при жизни великого историка, такого рода συστήματα τῶν δήμων, как их называет Стра-

---

[25] *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. I. S. 90 ff., 213 ff., 518 f.

[26] *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. Bd. I. Abt. 2. Straßburg, 1913. S. 82; *Toynbee A.* Some problems of Greek history. Oxford, 1969. P. 49; *Desborough V. R. d'A.* The Greek dark ages. P. 324.

[27] Ср.: *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 297 ff.; *Gschnitzer Fr.* Stammes- und Ortsgemeinden im alten Griechenland. S. 287 ff.

бон (VIII, p. 337), существовали во многих районах Пелопоннеса, средней и западной Греции, еще не достигших в своем развитии стадии настоящего полиса[28]. Для самого Фукидида наглядным примером такого, как он выражается, «несинойкизированного полиса» (οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως), заселенного по древнему эллинскому обычаю деревнями, оставалась Спарта (I, 10, 2).

Эта любопытная формулировка ясно показывает, что в традиционной дихотомии «город-государство», заключенной в самом понятии полиса, историк ставит на первое место «государство», или «гражданскую общину», очевидно, полагая, что она может существовать и в условиях негородского или догородского быта. Вместе с тем полис, еще не ставший городом, лишенный стен и расселенный по деревням, несомненно несет на себе, в понимании Фукидида, печать известной неполноценности или политической ущербности: он еще не перешагнул ту черту, которая отделяет варварство от цивилизации.

Решающий шаг из одного состояния в другое связывался в представлении древних (Фукидид здесь лишь выражает это общепринятое мнение) с актом синойкизма. Действительно, в истории если не всех, то, по крайней мере, очень многих греческих государств синойкизм, т. е. совместное поселение жителей ряда первичных общин в общем городском центре, занимает чрезвычайно важное, можно сказать, ключевое положение как завершающий этап в длительном и сложном процессе внутренней консолидации аморфного племенного сообщества, предшествовавшего полису на занимаемой им территории, и вместе с тем как начальный этап в не менее сложном процессе становления города-государства[29]. Спарта, которая сумела обойти в своем политическом развитии этот важный этап и даже в пору своего наивысшего могущества продолжала сохранять, по крайней мере, внешне некоторые черты и признаки древнего союза первичных общин, должна быть признана, как, впрочем, и во многом другом, скорее исключением из общего правила[30].

---

[28] См. об этом: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil. I. S. 146 ff.

[29] Ср.: *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 96 f.; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 13.

[30] *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 105.

Разумеется, мы не должны забывать о том, что критерии, с которыми древние подходили к проблеме разграничения «города» и предшествующего ему «негорода», существенно отличались от наших сегодняшних критериев. Решение этой проблемы античные мыслители искали отнюдь не в экономической или социологической плоскости[31]. Даже Фукидид, ближе других древних авторов подошедший к современной теории экономического детерминизма, изображает так называемый «Тесеев синойкизм» Аттики как чисто волевой акт великого человека, «соединявшего силу с умом»[32]. Основную заслугу Тесея историк видит в том, что он учредил в Афинах один общий для всей страны булевтерий и пританей, упразднив все существовавшие до этого местные органы власти, и, таким образом, «принудил всех (жителей Аттики) пользоваться одним этим городом» (II, 15, 2: ἠνάγκασε μιᾷ πόλει ταύτῃ χρῆσθαι). Для Фукидида, как, по-видимому, и для большинства его современников, настоящий город был прежде всего средоточием политической и культурной или, точнее, религиозной жизни государства, местом, где находились правительственные здания, агора, служившая в первую очередь местом народных собраний и лишь потом рыночной площадью, и, наконец, все главные святилища. Это убеждение продолжало жить в сознании греков еще в эллинистическое и даже в римское время. Еще Павсаний в своем «Описании Эллады» (X, 4, 1) с презрением отзывается о некоем фокидском городке, претендующем на то, чтобы считаться полисом, но не имеющем для этого ровно никаких оснований, так как «в нем нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни агоры, ни водоема, куда собиралась бы вода; жители же его ютятся вдоль горного потока в хижинах, похожих на пещеры».

С точки зрения современной социологии, многие греческие полисы из числа тех, которых Павсаний, да и любой другой антич-

---

[31] *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 30–31; *Finley M. I.* The ancient Economy. Berkeley–Los Angeles, 1973. P. 123 f.

[32] Правда, в «Археологии» Фукидид прямо связывает возникновение городов с накоплением богатства отдельными племенами и общинами. Однако сам этот факт является в его глазах свидетельством не столько экономического прогресса, сколько роста военного могущества. См.: I, 2, 2; I, 7, 1; I, 8, 3.

ный автор, без колебаний включил бы в разряд «настоящих городов», вероятно, были бы признаны недостойными такого названия, невзирая на наличие в них театров, гимнасиев и других подобных сооружений. В лучшем случае им пришлось бы довольствоваться обозначением «стратегические» или «церемониальные центры», в худшем они были бы просто отнесены к категории «больших деревень». Сам феномен античного урбанизма был бы при таком подходе сильно ограничен в своих хронологических и географических пределах и сведен, в сущности, лишь к нескольким разрозненным очагам городской культуры, кое-где вкрапленным в огромные массивы деревенского населения. Рассуждая примерно в таком духе, американский историк Старр[33] приходит к выводу, что «многие греческие полисы вообще никогда не имели городского центра». Еще дальше заходит в разложении привычного тождества понятий «полис» и «город» Эрнст Кирстен[34]. В его понимании полис и город — явления совершенно разного порядка. Типичный полис представляет собой поселение деревенской общины (Dorfmark или Stadtdorf). Настоящие города, возникающие в результате слияния нескольких или даже многих полисов, встречаются в Греции лишь в виде исключения, как, например, Афины. Оценка античного города, так же, впрочем, как и древневосточного или раннесредневекового, посредством критериев, принятых в современной социологии или политэкономии, представляется нам недостаточно оправданной и в научном плане бесперспективной, ибо при таком подходе почти полностью снимается историческая специфика этих ранних форм урбанизма. Хотя абсолютного тождества между понятиями «полис» и «город» в древности, по-видимому, не существовало, город все же должен быть признан наиболее характерной и органичной формой существования полисной гражданской общины на протяжении всей истории антич-

---

[33] *Starr Ch.* G. The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 31, 98. — Сходные мысли можно встретить и у некоторых других авторов. См., например: *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 13 (ср., однако: P. 31, 38); *Кошеленко Г. А.* Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3 слл.

[34] *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 92 ff.

ного мира[35]. Именно как физическое воплощение политического единства полисной общины, как ее основная укрепленная резиденция, наконец, как ее главный сакральный центр греческий город с самого момента своего возникновения противостоял деревне[36], хотя по другим показателям, таким, как социальный состав населения, уровень развития ремесла и торговли и т. п., различия между ними могли быть не столь уж существенными.

Специфичность античной формы города вытекает уже из самого ее генезиса, в котором чисто экономические факторы играли, по-видимому, лишь ограниченную роль, главенствующее же место принадлежало факторам военного и политического характера. Нельзя забывать о том, что в VIII в., т. е. в то время, когда в Греции, согласно наиболее вероятным расчетам современных историков, появились первые города-полисы, греческая экономика еще только начала выходить из состояния длительной депрессии, в котором она пребывала, по крайней мере, в течение трех столетий (с XI по IX в.)[37]. Торговля и ремесло, вызванные к жизни Великой колонизацией, только еще зарождались. Господствующей формой экономической деятельности повсюду оставалось полунатуральное сельское хозяйство. В этих условиях основным градообразующим элементом могло быть только свободное крестьянство, возглавляемое родовой знатью[38] (профессиональные ремесленники и торговцы составляли в общей массе населения страны лишь самый незначительный процент и претендовать на эту роль, естественно, не могли), а сами города представляли собой более или менее крупные аграрные поселения, в жизни которых ни ремесло, ни торговля не занимали сколько-нибудь заметного

---

[35] Ср.: *Кошеленко Г. А.* Полис и город: к постановке проблемы. С. 22 слл.

[36] Ср.: *Vittinghoff P.* Urbanisation als Phänomen der Antike // Reports of the XIV-th International Congress of the Historical Sciences. Vol. II. New York, 1977. P. 778: «В своей ясно выраженной форме греко-римский "город" был, независимо от его морфогенеза... господствующим политическим и религиозно-культовым центром и ... (в то же время) локальным политическим сообществом граждан...»

[37] *Starr Ch. G.* The origins of Greek civilization, 1100–650 B. C. P. 339 f.; *Snodgrass A. M.* The dark age of Greece. P. 335 ff., 402 ff.

[38] *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800–500 B. C. P. 32 ff.

места. В Афинах вплоть до времени Солона район позднейшего Керамика — квартала гончаров, так же, как и район Агоры, были заняты под кладбища[39]. Главное, что отличало город от деревни в конкретных исторических условиях этого периода, — это не столько его особые экономические функции рыночного или ремесленного центра, сколько его особое военно-политическое положение в качестве столицы карликового государства и вместе с тем основного укрепленного пункта на его территории.

Важнейшим стимулом, вызвавшим к жизни раннегреческий город, была потребность в политической консолидации или, точнее, в объединении сил и средств, принадлежавших отдельным общинам, в интересах совместной защиты и совместной же экспансии против враждебного внешнего мира[40]. Скученность и теснота городского общежития были естественным порождением той крайне напряженной демографической ситуации, которая сложилась в Греции в период, предшествующий Великой колонизации[41]. Но они же служили и известной гарантией выживания в той ожесточенной борьбе за существование, за сохранение и расширение «жизненного пространства», которой была заполнена в это время

---

[39] *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 101. — Как считает тот же автор (Ibid., P. 100), экономические факторы не играли никакой роли в планировке греческих городов вплоть до V в. до н. э. По мнению Финли (*Finley M. I.* The ancient Economy. P. 131), многие городские центры античного мира существовали главным образом за счет доходов от сельского хозяйства и, следовательно, сохраняли свой по преимуществу аграрный характер еще и в гораздо более поздние времена. См. также: *Доватур А. И.* Аграрный Милет // ВДИ. 1955. № 1. С. 27 слл.

[40] Ср.: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 100: «Корень города заложен в консолидации полиса, и, по мере того как в течение VII—VI столетий полис приобретал все большее гражданское единство, его физический центр иногда развивал внешние признаки урбанизации». См. также: *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 30—31.

[41] Ср.: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 43 ff. — О скученности как проявлении демократической традиции античного полисного общежития см. интересную статью: *Кнабе Г. С.* Римские кварталы: теснота и история // ВДИ. 1979. № 4. С. 28 слл.

жизнь подавляющего большинства греческих племен. Поэтому там, где город не складывался сам по себе, естественным образом, он насаждался искусственно, посредством добровольной или принудительной синойкизации сельского населения. Впрочем, еще и в гораздо более поздние времена (в классический и даже в эллинистический периоды) такого рода переселения деревенских жителей в города диктовались в первую очередь потребностями совместной обороны[42]. В этой связи уместно напомнить о том, что уже Маркс в своей незаконченной работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», охарактеризовал античный полис как организацию, созданную прежде всего для войны. «...Война, — писал он, — является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственницы. Концентрация жилищ в городе — основа этой военной организации»[43].

Разумеется, не следует забывать о том, что возникновение первых греческих полисов в VIII—VII вв. до н. э. было лишь начальным этапом в весьма длительном и сложном процессе становления города-государства. Естественно, что сама урбанизация на этом ее этапе шла практически кратчайшим из всех возможных путей и носила во многом поверхностный или, если можно так выразиться, «предварительный» характер. Отделение города от деревни чаще всего сводилось в этот период к чисто механическим перемещениям массы населения либо из центра на периферию (внутренняя колонизация), либо в противоположном направлении — с периферии в центр (синойкизм). Вследствие этого переход со стадии сельской общины на стадию города-государства, как правило, не сопровождался сколько-нибудь глубокими органическими изменениями в структуре и характере общества. Даже там, где этот переход принимал форму целенаправленного по-

[42] Примером может служить основание Мегалополя в 370 г. до н. э. (Diod., XV, 72, 4; Paus., VIII, 27, 1).

[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 465.

литического акта, как, например, в Аттике во время так называемого «тесеева синойкизма», внутренняя перестройка преобразующегося в полис племенного сообщества, по-видимому, не шла дальше известного упорядочения системы гентильных союзов и более четкого разграничения уже существующих социальных слоев и разрядов. Основные принципы социальной организации оставались при этом неизменными. Начальный этап урбанизации создал, таким образом, лишь самую грубую предварительную основу для того совершенно уникального исторического феномена, который мы называем «классическим греческим полисом».

Вместе с тем нельзя недооценивать то влияние, которое ранний полис уже самим фактом своего существования, предполагающим концентрацию значительной части населения страны в поселениях городского типа, мог оказать на только еще начинавшийся в то время процесс классообразования. В условиях тесного каждодневного общения больших масс людей, составляющего неотъемлемую черту городской жизни уже на самых ранних этапах ее развития, этот процесс должен был идти гораздо интенсивнее, нежели это было возможно в условиях разрозненных сельских общин[44]. Именно городская полисная община стала той социальной средой, в которой в кратчайший исторический срок могла быть осуществлена коренная перестройка архаических структур варварского общества, чтобы тем самым подготовить почву для скорейшего вызревания основных классов нового рабовладельческого общества. Таким образом, с самого момента своего возникновения полис становится главным структурообразующим элементом греческой цивилизации и сохраняет это свое значение вплоть до самого конца античной эпохи.

[44] Ср.: *Vittinghoff P.* Urbanisation als Phänomen der Antike. P. 779.

СПАРТА КАК ТИП ПОЛИСА*

Спарта, бесспорно, самое необычное и наиболее загадочное из всех греческих государств. Эта репутация прочно закрепилась за ней уже в древности и сохраняется поныне.

На протяжении целого ряда столетий (по крайней мере с VII по III вв. до н. э.) Спарта оставалась важнейшим политическим и военным фактором греческой истории, фактором, от которого во многом зависели судьбы всего остального эллинского мира. Находясь на известном удалении от других греческих государств, к тому же отделенные от них глухой стеной политической изоляции[1], спартанцы тем не менее постоянно напоминали грекам о своем присутствии, бесцеремонно вмешиваясь в их внутренние дела, грозными окриками и карательными экспедициями обуздывали непокорных, упорно отстаивали свое право на первенство в Элладе, сдерживая с помощью военной силы рост могущества наиболее опасных для них соперников.

Огромный военный потенциал Спарты, ее непререкаемый авторитет в международных делах, удивительная стабильность ее государственного строя и в не меньшей степени его исключительное своеобразие уже в достаточно раннее время (вероятно, начиная со второй половины VI в.) должны были сделать это государство объектом самого пристального внимания и изучения. Особенно усилился этот интерес к Спарте в годы Пелопоннесской войны, из которой она вопреки всем расчетам ее противников вышла победительницей, и достиг высшей своей точки в первые десятилетия IV в. в

---

* Античная Греция. Т. I. Становление и развитие полиса. М., 1983. Гл. 4. С. 194–216.

[1] Судя по тому, что мы знаем теперь о Спарте, ее обособленность от внешнего мира была в значительной мере результатом сознательной изоляционистской политики. Уже Фукидид (V, 68, 2) отмечал особую скрытность спартанцев, выражавшуюся в строгой засекреченности всего их государства.

связи с общим политическим разбродом и упадком полисного строя. Как известно, в философской и публицистической литературе этого периода спартанская тема занимает одно из центральных мест.

Не подлежит сомнению, что к этому времени в греческой литературе уже сложился целый цикл исторических преданий, новелл, анекдотов, так или иначе связанных со Спартой и спартанцами. В совокупности все они составили то, что принято теперь называть «легендой» или «мифом» о Спарте[2]. Основным сюжетным стержнем легенды, по-видимому, с самого момента ее возникновения стала биография великого законодателя Ликурга, в котором древние видели основателя спартанского государства, создателя почти всех его важнейших институтов.

Для современного исследователя спартанская легенда представляет чрезвычайный интерес как едва ли не первый в истории человечества образчик политического мифотворчества. Через ее посредство в греческом обществе, в особенности среди его аристократической, враждебной демократии верхушки, укоренился взгляд на Спарту как на идеальное государство, граждане которого сумели наилучшим образом решить все свои внутренние проблемы и благодаря этому навсегда избавились от каких бы то ни было смут и неурядиц. Во власти этой иллюзии оказались многие выдающиеся мыслители V—IV вв. до н. э. Не говоря уже о таких убежденных и последовательных лаконофилах, как Критий или Ксенофонт, сочинения которых, очевидно, в немалой степени способствовали пропаганде и широкому распространению «спартанского миража» (выражение Фр. Ольe), мы обнаруживаем его влияние даже в теоретических построениях таких, казалось бы, весьма далеких от слепого преклонения перед Спартой философов, как Платон и Аристотель. Несмотря на встречающуюся в их трудах подчас весьма суровую критику спартанских порядков, оба мыслителя выказывают в своих утопических проектах удивительную приверженность к совершенно определенному типу государства — примитивному аграрному полису спартанского или, может быть, лучше было бы сказать спартано-критского образца[3].

---

[2] *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I—II. Stockholm, 1965—1974; см. также: *Ollier Fr.* Le mirage spartiate. T. I—II. Paris, 1933—1943.

[3] *Bisinger J.* Der Agrarstaat in Platons Gesetzen. Leipzig, 1925. S. 115 ff.; *Ollier Fr.* Le mirage spartiate. T. I. P. 52 s., 325; *Barker E.* The political

Влияние спартанской легенды выходит далеко за рамки античной эпохи. Оно отчетливо ощущается в европейской общественной мысли Нового времени. Начиная с периода Возрождения представители самых различных, а иногда и прямо противоположных политических и философских течений обращаются к «государству Ликурга» как к важному историческому прецеденту, подтверждающему правильность их программ и теорий[4].

В течение долгого времени политическая актуальность спартанской проблемы препятствовала ее серьезному и объективному изучению. В первую очередь это относится к немецкой историографии, так как именно в ней восхваление Спарты стало чуть ли не общеобязательной нормой, назойливым лейтмотивом, повторяющимся почти в каждом сколько-нибудь значительном труде по истории Греции. Уже в 20-х годах XIX века К. О. Мюллер противопоставил спартанцев и вообще дорийцев как живое воплощение лучших качеств греческой народности и носителей «подлинно эллинского духа» «упадочным, вырождающимся» ионийцам[5]. Своей кульминации это направление достигло позднее в «трудах» фашистских историков, пытавшихся с помощью ссылок на авторитет Спарты оправдать преступность и бесчеловечность нацистской политической системы[6].

Разумеется, далеко не все европейские ученые восторгались спартанским режимом. В западной историографии XIX—XX вв. неоднократно предпринимались попытки более трезво и беспристрастно оценить «Ликургов строй», не впадая в панегирический тон. Примерами более или менее объективного научного подхода к спартанской проблеме могут служить работы Дж. Грота, Н. Д. Фюстель де Куланжа, Эд. Мейера, В. Эренберга, Г. Глоца[7] и др.

Thought of Plato and Aristotle. New York, 1959. P. 202, 389; *Borecký B.* Die sozial-ökonomischen Grundlagen der griechischen Polis und Platons Gesetzestaat // Eirene. Bd. 2. 1964. S. 93 ff.; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 274, 298 f.

[4] *Rawson E.* The Spartan Tradition in European Thought. Oxford, 1969.

[5] *Müller K. O.* Die Dorier. Breslau, 1824. Bd. I. S. XII; Bd. II. S. 5 ff.

[6] См. критику этой «теории» в работах: *Лурье С. Я.* О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты // ВДИ. 1939. № 1; *Will Ed.* Doriens et Ioniens. Paris, 1956; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 10 ff.

[7] *Grote G.* A History of Greece. Vol. II. London, 1869. P. 342 ff.; *Fustel de Coulanges N. D.* Étude sur la propriété à Sparte. Paris, 1880; *Meyer Ed.*

Благодаря усилиям всех этих исследователей в изучении древнейшего прошлого Спарты был достигнут заметный прогресс. Хотя и в самых общих чертах, со многими проблемами и неясностями, была тем не менее раскрыта картина сложного взаимодействия социальных и политических сил, участвовавших в становлении спартанского государства. Выявилась первостепенная роль фактора завоевания в этом процессе. Попутно удалось внести некоторую ясность в весьма запутанный уже в древности вопрос о происхождении и характере таких спартанских институтов, как двойная царская власть, эфорат, совместные трапезы граждан (сисситии), система воспитания и т. п. В немалой степени этому способствовало начавшееся на рубеже XIX—XX вв. внедрение в науку об античности сравнительно-исторического метода. Широкое использование этнографических параллелей в работах Нильссона, Фрэзера, Жанмэра[8] и других авторов сделало возможной вполне убедительную научную интерпретацию специфических особенностей спартанского образа жизни, вскрыв их глубокую связь с примитивными формами социальной организации, бытующими среди наиболее отсталых народов нашей планеты. Таким образом, высказывавшаяся уже и раньше (например, в книге К. О. Мюллера)[9] догадка о том, что так называемые «законы Ликурга» намного древнее самого законодателя, получила теперь достаточно веское подтверждение.

Что же касается самого Ликурга, то внимательный анализ его биографии в ее наиболее пространном плутарховском варианте выявил в ней совершенно определенные признаки литературной фикции — своеобразного «романа», возможно, восходящего к какому-то древнему лаконскому мифу, но, судя по всему, лишенного сколько-нибудь достоверной исторической основы[10]. В на-

---

Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1937. S. 259 ff.; *Ehrenberg V.* 1) Spartiaten und Lakedaimonier // Hermes. Bd. 59. 1. 1924; 2) Neugründer des Staates. München, 1925. S. 22 ff.; *Glotz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. I. Paris, 1925. P. 300 s. Весьма обстоятельную сводку как старой, так и новой литературы по всем основным проблемам спартанской истории дает П. Олива в указанной выше книге.

[8] *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens // Klio. 1912. Bd. 12; *Frazer J. G.* The Golden Bough. Pt. III. London, 1914. P. 58 ff.; *Jeanmaire H.* Couroi et courétes. Lille, 1939. P. 463 s.

[9] *Müller K. O.* Die Dorier. T. II. S. 5 ff.

[10] *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Homerische Untersuchungen. Berlin, 1884. S. 267 ff.; *Meyer Ed.* Forschungen zur alten Geschichte. Bd. I.

стоящее время большинство историков, специально занимавшихся этой проблемой, склоняются к той мысли, что великий спартанский законодатель никогда не существовал как реальная историческая личность[11].

Большая исследовательская работа, проделанная учеными различных стран за последние 100—150 лет, в значительной мере демифологизировала раннюю историю Спарты, освободив ее от привнесенных античной традицией элементов мистицизма и наивного антропоцентризма. Атмосфера таинственности, окутывавшая в древности «государство Ликурга», начинает постепенно рассеиваться. Однако по мере того, как все более и более проясняются черты реальной, а не легендарной Спарты, перед историками возникают новые, еще более сложные проблемы.

Важнейшая из них — типологическая принадлежность спартанского общества, или, говоря иначе, то место, которое оно занимало среди других обществ античного мира. Большинство историков, так или иначе касавшихся этого вопроса, довольствуется тем, что безоговорочно зачисляет Спарту в разряд «отсталых» или (в другой формулировке) «аграрных» греческих государств[12]. Простота и доступность этого определения ни в коей мере не искупают двух его серьезных недостатков: неконструктивности и расплывчатости. Конечно, экономическая отсталость до известной степени сближает Спарту с такими архаичными формами греческого общества, как города дорийского Крита, фессалийские и беотийские полисы, племенные сообщества (этносы) Локриды, Элиды, Этолии и т. д. Но одного этого признака все же недостаточно для того,

---

Halle, 1892. S. 211 ff.; *Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd. I. Abt. 2. Straßburg, 1913. S. 253 ff.

[11] *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1969. S. 115; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 70 f.; *Jones A. H. M.* Sparta. Oxford, 1967. P. 7; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 274 f.; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. P. 63 f.

[12] *Glotz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. I. P. 300; *Wade-Gery H. T.* The Growth of the Dorian States // CAH. Vol. III. 1925. P. 538. Аналогичные формулировки используют и многие советские авторы. См.: *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. Л., 1940. С. 165 слл., *Тюменев А. И.* История античных рабовладельческих обществ. М.—Л., 1935. С. 25; Всемирная история. Т. I. М., 1955. С. 667; *Каллистов Д. П.* Спарта // СИЭ. Т. 13. С. 734.

чтобы говорить о принципиальной исторической однотипности всех этих столь несхожих между собой социальных структур.

Некоторые авторы, не желая затруднять себя поисками точных дефиниций, объявляют Спарту «историческим курьезом», «аномалией», для которой нет и не может быть никаких аналогий в истории не только Греции, но и всего античного мира[13]. При таком подходе стоящая перед нами сложная научная проблема вместо того, чтобы, как ей и подобает, быть тщательно распутанной, разрубается одним ударом, подобно знаменитому гордиеву узлу. Поставленная в совершенно обособленное положение среди всех остальных греческих государств, Спарта неизбежно попадает в разряд абстрактных общеисторических или, скорее, внеисторических категорий, место для которых может найтись в любой стране и в любую эпоху. Едва ли случаен в этой связи тот интерес, который неизменно проявляют к спартанскому феномену апологеты современного циклизма.

Уже Р. Пёльман в своей «Истории социального вопроса и социализма в античном мире» определял спартанскую социально-политическую систему как особый, «военный тип общества» (kriegerische Gesellschaftstypus), «необходимым коррелятом» которого является «государственный социализм»[14]. Эта же мысль в несколько измененных формулировках, но почти всегда с совершенно определенным политическим подтекстом довольно часто повторяется и в сочинениях новейших буржуазных историософов. Как образец «тоталитарного государства» Спарта противопоставляется «свободным демократическим» Афинам, воплощающим якобы идеал пресловутого «открытого общества»[15]. Едва ли есть надобность доказывать, что в суждениях такого рода неправомерно игнорируется классовая рабовладельческая природа спартанского общества, т. е. то главное, что сближает его с другими известными нам обществами античной эпохи, и столь же неправомерно выдвигаются на первый план и абсолютизируются некоторые спе-

---

[13] *Cohen R.* La Grèce et l'hellénisation du monde antique. Paris, 1934. P. 92; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. S. 118; *Hatzfeld J.* La Grèce et son héritage. Paris, 1945. P. 278.

[14] *Pöhlmann R. von.* Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. Bd. I. München, 1912. S. 59 ff.

[15] См., например: *Popper K. R.* The Open Society and its Enemies. Vol. I. London, 1952. P. 173, 182.

цифические его черты, имеющие лишь относительное, второстепенное значение.

Делая акцент на превратно истолкованном своеобразии общественного и государственного устройства Спарты, современные западные историки нередко исключают это государство, в котором древние видели своеобразный эталон полисного строя[16], из числа «настоящих греческих полисов». «Спарта — это государство, которое никогда не имело ничего общего с подлинной сущностью полиса». Это категорическое суждение принадлежит известному немецкому историку Эренбергу, посвятившему Спарте начиная уже с 20-х годов целую серию специальных исследований[17]. В несколько иных формулировках и с иными аргументами та же мысль повторяется и в работах некоторых других авторов[18]. Интересно, однако, что тот же самый Эренберг в другой своей статье[19] провозглашает Спарту едва ли не первым греческим госу-

---

[16] Термин «полис» постоянно употребляется по отношению к Спарте в сочинениях античных авторов. Особый интерес в этой связи представляет одно место в «Археологии» Фукидида (I, 10, 2), где Спарта определяется как «несинойкизированный полис», граждане которого живут «по древнему эллинскому обычаю деревнями». Тем самым историк ясно дает понять, что главным признаком полиса является для него наличие гражданской общины, которая может существовать даже при отсутствии единого городского центра.

[17] *Ehrenberg V.* 1) Neugründer des Staates. S. 22; 2) Der Damos im archaischen Sparta // Hermes. Bd. 68. 3. 1933. S. 301; 3) Der Staat der Griechen. Zürich—Stuttgart, 1965. S. 109. В известной мере цитированное высказывание Эренберга может быть оправданно как реакция на неумеренное восхваление Спарты в немецкой литературе начала XX века. В некоторых работах этого периода именно Спарта провозглашается «подлинным и наиболее ярким воплощением сущности полиса». См.: *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. I. Leipzig—Berlin, 1917. S. 14; *Kahrstedt U.* Griechische Staatsrecht. Bd. I: Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922. S. 380; *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 161.

[18] *Adcock F. E.* The Growth of the Greek City-State // CAH. Vol. III. 1925. P. 691; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 103 f.; *Schachermeyr Fr.* Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960. S. 126 ff.

[19] *Ehrenberg V.* When did the Polis rise? // JHS. Vol. 57. 1937. P. 93; См. также: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 235; *Hammond N. G. L.* The Classical Age of Greece. London, 1975. P. 15 f.

дарством, установившим у себя конституцию полисного типа (имеется в виду так называемая «Большая ретра», которую Эренберг датирует второй половиной VIII в.). Столь противоречивые суждения об одном и том же государстве свидетельствуют прежде всего о крайней произвольности тех критериев, с которыми новейшие западные историки подходят к расшифровке самого понятия полиса.

Советские историки[20] исходят в своем понимании природы полиса из известной формулировки К. Маркса в «Немецкой идеологии»: «Вторая форма собственности — это античная общинная и государственная собственность... Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно выросшую форму ассоциации»[21]. Эти слова ясно показывают, что К. Маркс видел в античной гражданской общине, или полисе, определенную форму организации господствующего класса перед лицом угнетенных и, следовательно, существенный элемент самого рабовладельческого способа производства на одной из стадий его развития. Основой этой организации была — в его понимании — особая форма собственности, которую он очень точно определяет как «совместную частную собственность (gemeinschaftliche Privateigentum) активных граждан государства»[22].

---

[20] См.: *Колобова К. М.* // История древней Греции / Под ред. В. И. Авдиева, Н. Н. Пикуса, А. Г. Бокщанина. Гл. 4. М., 1972; *Кудрявцев О. В.* Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954. С. 6 слл.; *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 7 слл.; *Штаерман Е. М.* Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. I. М., 1968. С. 653 сл.; *Казаманова Л. Н.* Полис // СИЭ. Т. XI. С. 271.

[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.

[22] В своей более поздней работе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» К. Маркс более подробно раскрывает содержание этого понятия, обращая внимание на то, что в античном обществе собственность обычно «выступает в двойной форме — как государ-

Основная особенность полиса, отличающая его от всех других типов и форм организации господствующего класса, состоит в том, что государство, которое здесь, как и в других случаях, действует прежде всего как орудие классового господства, тем не менее сохраняет унаследованную от предшествующей исторической эпохи (эпохи первобытнообщинного строя) форму соседской общины (именно так следует, как нам думается, понимать слова К. Маркса о «гражданах государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно выросшую форму ассоциации»). При этом община не вытесняется и не поглощается государством, как это обычно бывает в других раннеклассовых обществах, например в странах Передней Азии. Напротив, само государство уподобляется здесь общине или, говоря иначе, конституируется как община, что позволяет считать полис особой, если можно так выразиться, сублимированной формой общины[23].

ственная и наряду с ней частная собственность, но так, что последняя обусловлена первою, в силу чего только гражданин государства является и должен быть частным собственником...» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 474). Таким образом, для К. Маркса непосредственно государственная собственность на землю, примером которой может служить римский ager publicus, была, по-видимому, лишь частным случаем в рамках античной формы собственности. Двойственная природа античной собственности проявлялась, однако, не только в том, что настоящим собственником мог считаться лишь полноправный гражданин (см.: *Утченко С. Л.* Кризис и падение Римской республики. С. 8; *Штаерман Е. М.* Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. С. 653; *Казаманова Л. Н.* Полис. С. 271), но также и в том, что государство постоянно напоминало о принадлежащем ему верховном праве контроля над частной собственностью, вводя различные ограничительные меры вроде литургии или законов против роскоши, конечной целью которых было сглаживание имущественного неравенства среди гражданского коллектива полиса. См.: *Толстов С. П.* Военная демократия и проблема генетической революции // ПИДО. 1935. № 7/8. С. 199; *Колобова К. М.* // История древней Греции. Гл. 4. С. 108 слл.; *Штаерман. Е. М.* Кризис античной культуры. М., 1975. С. 15.

[23] Преемственная связь полиса с первобытной общиной, разумеется, не означает, что он был простым слепком последней. Переход с одной стадии на другую был невозможен без коренной ломки традиционных социальных структур. Ср.: *Берзин Э. О.* Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С. 70.

Пример Спарты в этом отношении, быть может, наиболее показателен, поскольку именно здесь выступают с наибольшей отчетливостью основные признаки, унаследованные полисом от его исторической предшественницы, и вместе с тем особенно заметны существующие между ними принципиальные различия. Объяснение столь парадоксального феномена следует искать в самой истории Спарты.

Как известно, основавшие Спарту дорийцы пришли в Лаконию как завоеватели и поработители местного ахейского населения[24]. Постепенно перераставший в классовую вражду межплеменной антагонизм сделал крайне напряженной социально-политическую обстановку, сложившуюся в этой части Пелопоннеса. Ситуация еще более усложнилась около середины VIII в., когда в Спарте, как и во многих других греческих государствах, стал ощущаться острый земельный голод[25]. Возникшая в связи с этим проблема избыточного населения требовала незамедлительного решения, но спартанцы решили ее по-своему. Вместо того чтобы, подобно остальным грекам, искать выход из создавшегося положения в колонизации и освоении новых земель за морем, они нашли его в расширении своей территории за счет ближайших соседей — отделенных от них лишь горным хребтом Тайгета мессенцев[26].

---

[24] Следуя данным античной традиции, сохраненной Павсанием (III, 2), мы должны представить себе завоевание Лаконии как длительный и сложный процесс, завершившийся лишь около середины VIII в. (см.: *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. Manchester, 1949. P. 280; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München—Berlin, 1963. S. 106). Окончательное же утверждение режима илотии на завоеванных Спартой лаконских и мессенских землях следует, по-видимому, отнести к еще более позднему времени, едва ли ранее конца VII в. См.: *Kahrstedt U.* Die spartanische Agrarwirtschaft // Hermes. Bd. 54. 1919. S. 290 f., *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. С. 173.

[25] К эпохе мессенских войн относится любопытное сообщение Аристотеля (со ссылкой на Тиртея) о смутах в Спарте, вызванных требованиями передела земли (Arist. Pol., V, 1, 1306 b; см. также: *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. S. 216 f.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 223).

[26] Некоторые современные авторы справедливо расценивают спартанскую экспансию в Мессении как своеобразный аналог общегреческому колонизационному движению. См.: *Wade-Gery H. T.* The Growth of the Dorian States. P. 358; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 44.

Завоевание Мессении, ставшее совершившимся фактом лишь к концу VII в., после так называемой II Мессенской войны, позволило приостановить надвигавшийся аграрный кризис, но зато во много раз усилило ту внутреннюю напряженность, которая едва ли не с самого момента возникновения спартанского государства стала определяющим фактором его развития.

Основным итогом завоевательной политики Спарты на территории Лаконии и Мессении было возникновение специфической формы рабства, известной под именем илотии. От рабства классического типа илотию отличает прежде всего то, что раб здесь не отчуждается полностью от средств производства и практически ведет самостоятельное хозяйство, используя принадлежащий ему (на правах владения или же полной собственности — это остается неясным)[27] рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и всякие иные виды имущества. После сдачи установленной подати или оброка[28] в его распоряжении остается определенная часть урожая, которую он, по всей видимости, может использовать по своему усмотрению, а при желании даже продать[29].

Судя по имеющимся у нас данным, спартиаты совершенно не вмешивались в хозяйственные дела илотов, довольствуясь тем, что получали от них в соответствии с предписанием закона[30]. Таким

---

[27] Имущество илота едва ли может быть приравнено к обычному рабскому пекулию (*Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. // ВДИ. 1968. № 4. С. 28; ср.: *Lotze D.* Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Berlin, 1959. S. 32). Сам илот, его инвентарь, скот и другие виды имущества составляли единую хозяйственную ячейку, принадлежащую спартанскому государству и уже в силу этого не подлежащую разделению. Аналогичный принцип был положен в основу гортинского законодательства, в котором четко определяются имущественные права войкеев — социальной категории, во многом близкой илотам (Leg. Gort., IV, 32 sq.).

[28] Об этой выплачиваемой илотами апофоре см.: Plut. Lyc., 8; Plut. Mor., 239 d—e; Myro, FHG. IV, 106 F 2.

[29] В 222 г. до н. э. 6 тыс. илотов одновременно выкупились на свободу за пять аттических мин каждый (Plut. Cleom., 23). Таким образом, у них могли быть и деньги.

[30] См.: Myro, FHG. IV, 106 F 2: καὶ παραδόντες αὐτοῖς τὴν χώραν ἔταξαν μοῖραν ἣν αὐτοῖς ἀνοίσουσιν ἀεί; а также: Plut. Mor., 216 f—217 a.

образом, в Спарте сложилась особая форма рабовладельческого хозяйства, при которой непосредственное вмешательство рабовладельца в производственный процесс стало чем-то совершенно необязательным или даже вообще исключалось. Из организатора производства рабовладелец превращается здесь в пассивного получателя ренты, хозяйственная же инициатива сосредоточивается всецело в руках непосредственного производителя, т. е. раба.

С хозяйственной автономией илотов сообразуется и особая структура этого класса, опять-таки отличающая его от рабов обычного (классического) типа. Как известно, среди последних подавляющее большинство составляли разрозненные индивиды, насильственно вырванные из привычной социальной среды и беспорядочно между собой перемешанные. В отличие от них илоты не были оторваны от родных очагов. Скорее, напротив, они, подобно эллинистическим лаой, были навсегда прикреплены к своему месту жительства и к той земле, которую они обрабатывали для своих господ[31]. Можно предположить, что, избежав насильственного перемещения, илоты сумели сохранить, хотя бы частично, те формы социальных связей, которые существовали у них и раньше, когда они были свободны. Несмотря на отсутствие прямых указаний в источниках, можно считать вполне вероятным наличие у них семьи[32]. Не исключено также, что у них сохранялись даже какие-то элементы общинной организации[33].

Особая форма рабовладельческого хозяйства, сложившаяся в Спарте, по всей видимости, не ранее конца VII в., предполагает в качестве своего естественного и необходимого дополнения особый

---

[31] Прикрепление илотов к клерам спартиатов диктовалось в первую очередь потребностями самой спартанской экономики. Кроме того, в мерах такого рода наверняка было заинтересовано спартанское государство, поскольку они облегчали ему контроль над многотысячными массами порабощенного населения.

[32] На Крите браки среди зависимого населения были признаны законом и регламентировались им наравне с браками свободных. См.: *Willetts R. F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. London, 1955. P. 35 f.; *Lotze D.* Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. S. 20 ff.

[33] Ежегодное объявление войны илотам, о котором упоминает Аристотель (fr. 538), заставляет думать, что спартанцы воспринимали своих рабов как некое подобие политического сообщества или же как комплекс таких сообществ.

тип организации класса рабовладельцев, или, другими словами, особый тип полисного строя. Основная отличительная особенность спартанской формы полиса заключается, на наш взгляд, в том, что лежащий в самой природе античной собственности как «совместной частной собственности... граждан государства» принцип коллективизма, общинности получил здесь наиболее яркое и наглядное выражение, воплотившись в самом жизненном укладе спартиатов, насквозь пронизанном идеей равенства.

Теоретически господствующей формой собственности в Спарте была общинно-государственная собственность на землю и рабов. По свидетельству Полибия (VI, 45, 3), вся земля, отведенная под наделы граждан, называлась πολιτικὴ χώρα т. е. «государственная», или «общественная земля»[34]. Точно так же и илоты именуются в наших источниках «государственными рабами», или «рабами общины»[35]. Исторически эта не совсем обычная для греческого государства ситуация находит свое объяснение в самом факте спартанского завоевания Лаконии и Мессении. Поскольку завоевание было осуществлено силами всей общины спартиатов, каждый из них мог в равной мере претендовать на то, чтобы стать владельцем захваченной земли и прикрепленных к ней рабов. С другой стороны, само спартанское государство было заинтересовано в том, чтобы поддерживать определенное равновесие между численностью свободного и порабощенного населения. По-видимому, эту цель и преследовало создание системы землепользования, основанной на неделимых и неотчуждаемых «древних» наделах, каждый из которых должен был содержать одного или, может быть, нескольких воинов-спартиатов вместе с их семьями и юридически считался собственностью государства[36]. Мы не зна-

---

[34] Ср.: *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. P. 34, n. 1.

[35] См.: Strab., VIII, p. 365; τρόπον... τινα δημοσίους δούλους; Paus., III, 21, 6: δοῦλοι τοῦ κοινοῦ. Это определение принято и многими современными историками. См.: *Ehrenberg V.* Sparta // RE. Hbd. 6. Sp. 1374; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. S. 114; ср.: *Lotze D.* Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. S. 40, 77: «Kollektivsklaverei».

[36] Эта система так, как ее изображает Плутарх (Lyc., 8; 16; Agis, 5; 8; см. также: Heracl. Pont., II, 7, FHG. II, 211), могла возникнуть только после окончательного завоевания Мессении, т. е. не ранее конца VII в. до н. э., так как территории одной Лаконии было бы недостаточно для размещения 9 тыс. наделов с доходностью в 82 медимна яч-

ем, насколько широко и свободно спартанское государство пользовалось своим правом верховного собственника. Неизвестно также, имелись ли в его распоряжении сколько-нибудь значительные резервные земельные фонды[37].

Скорее всего, реальная роль «государственного сектора» в спартанской экономике была не так уж велика. Экономический суверенитет государства здесь, как и в большинстве греческих полисов, выражался не столько в непосредственном владении каким-то имуществом, которое могло бы служить основой государственного хозяйства в собственном смысле этого слова, сколько в контроле и разного рода ограничительных мерах по отношению к владельческим правам отдельных граждан[38]. К числу таких мер, практиковавшихся спартанским правительством, следует отнести прежде всего запрещение купли-продажи земли, в том числе и в таких замаскированных ее видах, как дарение и завещание[39]. Далее, запрещение продавать илотов за пределы государства, так же как и отпускать их на свободу (Strab., VIII, p. 365), и, наконец, закон, запрещающий пользоваться другой монетой, кроме знаменитых железных оболов (Plut. Lyc., 9; ср.: Xen. Resp. Lac., VII, 5, 6).

меня каждый. См.: *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 273 ff.; *Kahrstedt U.* Die spartanische Agrarwirtschaft. S. 279 ff.; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 286.

[37] Акт передачи надела новорожденному спартиату, который, согласно Плутарху (Lyc., 16), совершали старейшины филы, выбирая для того один из 9 тыс. участков, имел, по всей вероятности, чисто символическое значение. Ребенок, скорее всего, получал тот надел, который уже принадлежал его отцу (ср.: Agis, 5). Характерно, что ни Ксенофонт (Resp. Lac., V—VII), ни Аристотель (Pol., II, 1263 a 36), приводя различные примеры, свидетельствующие об общности имущества у спартанцев, ни словом не упоминают о земле, принадлежащей непосредственно государству. С другой стороны, наделение землей освобожденных илотов и так называемых «неодамодов» (Thuc., V, 34, 1) могло произойти только в том случае, если не вся государственная земля была поделена между гражданами. См.: *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 286 f.; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. S. 219.

[38] Ср.: *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. С. 32.

[39] Plut. Agis, 5; ср.: Arist. Pol., II, 1270 a 15 sqq.; Heracl. Pont., II, 7; Plut. Mor., 238 d.

По всей вероятности, с самого начала ни одна из перечисленных мер не могла служить достаточной гарантией предотвращения роста частных состояний и неизбежно следовавшего за этим массового разорения граждан[40]. Понимая это, спартанский законодатель (или законодатели) постарался сделать все возможное для того, чтобы, как говорит Феофраст (Plut. Lyc., 10), «богатство перестало быть богатством». Свойственная любому примитивному полису нивелирующая тенденция, обычным проявлением которой в других государствах были законы против роскоши, в Спарте вылилась в целую систему официальных запретов и предписаний, регламентирующих жизнь каждого спартиата с момента рождения и до самой смерти. В этой удивительной системе было предусмотрено все вплоть до покроя одежды, которую дозволялось носить гражданам, и формы бороды и усов (Thuc., I, 6, 4; Athen., IV, 143 a).

Краеугольным камнем спартанского «космоса» были сисситии — совместные трапезы, на которых царил дух грубой уравнительности и строгого взаимоконтроля. Установленная законом твердая норма взносов (Plut. Lyc., 12; Athen., IV, 141 c), как и одинаковая для всех участников сисситии норма потребления (Athen., IV, 141 a—c), должна была служить наглядным выражением принципа равенства как основополагающего принципа всего государственного устройства Спарты[41].

---

[40] Отмечавшееся многими историками сокращение общей численности спартиатов началось, по всей видимости, задолго до принятия так называемой «ретры Эпитадея» (Plut. Agis, 5). Так, в 418 г. до н. э. число полноправных граждан в Спарте составляло, по максимальному расчету, 4 тыс. человек против 8 тыс. в 480 г. (см.: *Ziehen L.* Das spartanische Bevölkerungsproblem // Hermes. 1933. Bd. 68. 2. S. 218, Anm. 1). На отсутствие реального равенства среди спартиатов указывают многие исследователи, в том числе: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 307 ff.; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. S. 210; *Finley M. I.* Sparta // Finley M. I. The Use and Abuse of History. New York, 1975. P. 150 f.; *Mossé Cl.* Sparte archaïque // La Parola del Passato. Fasc. 28. 1973. P. 17.

[41] В сисситиях были нормированы не только порции рядовых участников трапезы, но также и почетные доли, получаемые должностными лицами — царями и геронтами (Hdt., VI, 57; Plut. Lyc., 26). Тем самым была поставлена в определенные рамки одна из важнейших привилегий знати гомеровской эпохи. В то же время с сисситиями были связаны повинности литургического характера, возлагавшиеся на богатых граждан (Xen. Resp. Lac., V, 3; Plut. Lyc., 12; Athen., IV, 139—141).

Непосредственно связанная со спартанской армией (Hdt., I, 65), скоординированная с территориально-административным делением государства на так называемые «комы» или «обы»[42] система сисситий была важнейшим структурным элементом спартанской полисной организации. Вторым таким элементом была тесно переплетавшаяся с первой система гражданского воспитания (ἀγωγή)[43].

Как сисситии полноправных граждан, так и объединявшие юношей и подростков агелы принадлежат к наиболее архаичным спартанским институтам. Их близкое сходство с аналогичными учреждениями дорийских городов Крита, указывающее на несомненную общность происхождения, было подмечено уже в древности (Arist. Pol., II, 1272 a 1 sqq.; Strab., X, p. 482). Выживание этих форм первобытной социальной организации в условиях уже сложившегося классового общества, равно как и их врастание в структуру рабовладельческого государства, было обусловлено прежде всего настоятельной потребностью господствующего класса Спарты в консолидации и внутреннем сплочении перед лицом численно намного превосходящей его массы порабощенного и зависимого населения[44]. Эта сложная задача была решена здесь наиболее простым и эффективным способом — посредством введения принудительной регламентации свободного времени граждан. В целях максимальной сплоченности и поддержания дисциплины всем им была навязана как некая общеобязательная норма поведения традиционная форма коллективного сотрапезничества и групповых атлетических упражнений.

Присущее в той или иной степени любому античному полису корпоративное начало было выражено в социально-политической

---

[42] Предполагая восстановить в Спарте строй времен Ликурга, Агис IV собирался учредить 15 больших фидитиев, «по 400 и по 200 человек в каждом» (Plut. Agis, 8). Таким образом, на каждую из пяти спартанских ком приходилось бы по три фидития.

[43] Обстоятельная характеристика обеих систем дается в работах: *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 463 ss.; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 220 ff.; *Brelich A.* Paides e parthenoi. Vol. I. Roma, 1969. P. 113 sg.

[44] *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. С. 176 сл.; *Сергеев В. С.* История древней Греции. М., 1963. С. 155; *Finley M. I.* Sparta. P. 159; *Mossé Cl.* Sparte archaïque. P. 18 s.

жизни Спарты с особой силой. Отдельные ступени в политической карьере каждого спартиата отмечались, как правило, переходом из одной корпорации в другую, более привилегированную. От его принадлежности к той или иной корпорации зависели его социальный статус, вся сумма имеющихся у него политических прав[45]. В соответствии с этим и сама гражданская община Спарты была построена как система более или менее тесно связанных между собой мужских союзов, каждый из которых может рассматриваться как наглядное воплощение основного принципа полисного строя — принципа гражданского единомыслия, подчинения меньшинства большинству. Заложенные в самой природе корпоративных сообществ сепаратистские, центробежные тенденции были преодолены и нейтрализованы благодаря четко продуманному порядку комплектования союзов, а также абсолютной стандартизации их внутреннего устройства, что позволило превратить всю совокупность агел и сисситий в единый, хорошо отрегулированный и исправно функционирующий политический механизм[46].

---

[45] Заслуживает внимания то обстоятельство, что круг лиц, охваченных системой ἀγωγή, был, судя по всему, намного шире круга граждан в собственном значении этого слова. Вместе с детьми самих спартиатов в агелах воспитывались и выходцы из низших слоев общества — так называемые «мофаки», которых Филарх характеризует как σύντροφοι τῶν Λακεδαιμονίων ... ἐλεύθεροι, οὐ μὴν Λακεδαιμόνιοι (Athen., VI, 271 e—f; см. о них: *Lotze D.* Μόθακες // Historia. Bd. 11. 4. 1962. P. 430 ff.). Однако полноправным гражданином мог считаться лишь тот, кто был допущен в одну из сисситий и регулярно вносил в нее установленную законом норму продуктов (Arist. Pol., II, 1271 a 29 sqq.; *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. Hauptteil II. München, 1926. S. 655 ff.). Впрочем, и среди привилегированного меньшинства спартиатов существовали особые элитарные группы, в которые могли попасть лишь немногие избранные из числа граждан. Примером может служить корпус так называемых «всадников». См.: *Андреев Ю. В.* Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4.

[46] Ясно выраженные элементы централизма и унификации отличают спартанскую систему мужских союзов от во многом сходной с ней критской системы. В организации последней еще в V—IV вв. до н. э. немаловажную роль играли семейные и родовые связи. В частности, известные нам по описанию Эфора (Strab., X, p. 483) критские агелы явно служили средством вербовки приверженцев для враждующих между собой аристократических фамилий. С этим вполне согласуются указания

Основным органом, направлявшим и координировавшим всю деятельность системы гражданских союзов, была, вне всякого сомнения, коллегия эфоров. Именно эфоры выступают в источниках в качестве главных блюстителей спартанского modus vivendi. Члены коллегии следили за неукоснительной строгостью воспитания подрастающего поколения в агелах (Athen., XII, 550 c—d; ср.: Plut. Cleom., 9). Они же в высшей инстанции осуществляли надзор за поведением граждан старших возрастов, посещавших сисситий (Xen. Resp. Lac., IV, 6; Athen., IV, 141 a). В непосредственном подчинении эфоров находились и некоторые особые виды корпораций, входившие в качестве важнейших звеньев в состав административного аппарата спартанского государства и выполнявшие по преимуществу полицейские и разведывательные функции. Примерами могут служить корпус из трехсот так называемых «всадников» и тесно связанная с ним коллегия агатургов (Xen. Resp. Lac., IV, 3; Hell., III, 3, 9; Suid., s. v. Ἀγαθοεργοί)[47]. Обладая широким, практически ничем не ограниченным правом контроля, эфоры активно вторгались абсолютно во все сферы общественной и государственной жизни Спарты, диктуя свою волю как частным лицам, так и магистратам[48].

Концентрация столь значительной власти в руках одной и к тому же сравнительно немногочисленной коллегии должностных лиц ставит эфорат в совершенно исключительное положение среди всех других известных нам полисных магистратур. Недаром античные авторы называли власть эфоров «близкой к тирании»[49]. Объяснение этого феномена следует искать опять-таки в специфике местных спартанских условий, и прежде всего, как нам думается, в том обстоятельстве, что для реального проведения в жизнь всей сложной программы «Ликургова законодательства» необходим был орган именно такого универсального плана, как

Аристотеля (Pol., II, 1272 b 9—15) на крайнюю неустойчивость политического режима в городах Крита. См. также: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 336 f.

[47] *Андреев Ю. В.* Спартанские «всадники». С. 29 слл.

[48] *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. Hauptteil II. S. 683 ff.

[49] Xen. Resp. Lac., VIII, 4; Plato. Legg., IX, 712 d; Arist. Pol., II, 1270 b 13 sqq.

эфорат[50]. Почти тираническое всевластие эфоров было наглядным выражением, можно даже сказать, персонификацией той «деспотии закона», которая, по словам Геродота (VII, 104), безраздельно владычествовала в классической Спарте.

Довольно трудно определить характер этого своеобразного режима, используя привычные политические термины. Заметим, что единодушия в оценке государственного строя Спарты не было уже в древности. По словам Аристотеля (Pol., IV, 1294 b 19 sq.), одни авторы считали лакедемонскую конституцию образцом демократии, другие, наоборот, олигархии. Сам Аристотель склонен был видеть в ней промежуточную, или смешанную форму государственного устройства, соединяющую в себе элементы обоих политических режимов. Конституция Спарты служит для него примером «прекрасного смешения олигархического и демократического строя» (Pol., IV, 1294 b 19 sq.; ср.: II, 1265 b 35; IV, 1293 b 16)[51].

К демократическим элементам спартанского государственного устройства Аристотель относит, во-первых, равенство в образе жизни всех спартиатов без различия их имущественного состояния и происхождения и, во-вторых, участие народа в избрании самых важных должностных лиц: геронтов и эфоров.

В выборах эфоров, как сказано в другом месте того же сочинения (II, 1270 b 8 sqq.), народ принимал не только пассивное, но и активное участие, вследствие чего в состав коллегии нередко попадали люди с весьма скромными средствами. Аристотель видит в этом серьезный дефект спартанской политической системы, замечая, что бедность сделала эфоров весьма падкими на подкуп, а это может иметь самые гибельные последствия для всего государства. Также и знаменитое спартанское равенство было в понимании автора «Политики» скорее демагогическим камуфляжем, прикрывавшим глубокое социальное расслоение, которое разъедало изнутри «общину равных» (Ibid., II, 1271 a 26 sqq.). Таким образом, государство, в котором Аристо-

---

[50] *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 64.

[51] Аналогичные идеи высказывались и другими греческими авторами. См.: Plato. Legg., IX, 712 d sq.; Isocr., XII, 153 (ср.: III, 24); Polyb., VI, 10, 4 sq.; Stobaeus. Anthol., IV, 1, 138 (со ссылкой на Архита Тарентского).

тель готов был видеть идеальный образец слияния противоположных политических начал, в действительности оказывается весьма далеким от этого идеала[52].

Не следует, однако, забывать о том, что Аристотель застал Спарту уже в ту пору, когда она вступила в полосу затяжного социально-политического кризиса и постепенно клонилась к своему упадку. Резкое сокращение числа полноправных граждан — до тысячи человек, по свидетельству того же Аристотеля (Pol., II, 1270 a 30), — несомненно, должно было привести к ослаблению демократического начала, заложенного в ее конституции. Однако Спарта не всегда была такой. Она, безусловно, знала и другие, лучшие времена. Спарта эпохи греко-персидских войн, представлявшая собой, по словам Геродота (VII, 234), πόλις ἀνδρῶν ὀκτακισχιλίων μάλιστα, была совсем иным государством, непохожим на дряхлеющую Спарту конца IV в.

Насчитывавшая не менее 8 тыс. человек и практически совпадающая с гражданским ополчением, апелла была, вне всякого сомнения, весьма внушительной политической силой, способной заставить считаться с собой даже самого своевольного индивида[53]. Магистраты, и прежде всего эфоры, избиравшиеся народом из его собственной среды и на твердо установленный срок, постоянно испытывали на себе мощное психологическое давление с его стороны и уже в силу этого должны были проводить более или менее принципиальную политику в интересах всего государ-

---

[52] Ср.: *Weil R.* Aristote et l'histoire. Paris, 1960. P. 238; *Дватур А. И.* Политика и политии Аристотеля. М.—Л., 1965. С. 251, 372, прим. 36.

[53] В современной литературе господствует мнение о крайней политической пассивности спартанской апеллы. Представления эти имеют своим основным источником все того же Аристотеля (Pol., II, 1272 a 11; 1273 a 9), ориентировавшегося, как мы уже говорили, на современные ему спартанские порядки. Однако уже в древнейшем из дошедших до нас спартанских законодательных актов — так называемой «Большой ретре» — народу гарантируется право не только принимать, но и отвергать предлагаемые на его рассмотрение законопроекты (см.: Plut. Lyc., 6). В классической Спарте V — начала IV в. до н. э. все важнейшие решения, имевшие общегосударственное значение, принимались только в народном собрании. См.: *Andrewes A.* The government of classical Sparta // Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg. Oxford, 1966. P. 2 f.; ср.: *Finley M. I.* Sparta. P. 152 f.

ства, хотя отдельные случаи коррупции, конечно, не исключены и для этого времени[54].

Все это должно нас предостеречь от автоматического перенесения свидетельств таких сравнительно поздних авторов, как Аристотель, на внутриполитическую жизнь Спарты во времена наивысшего подъема ее могущества (в этом и состоит, на наш взгляд, основная ошибка тех, кто видит в Спарте образец чисто олигархического государства)[55]. Даже если допустить, что внешняя форма спартанских государственных учреждений не претерпела сколько-нибудь существенных изменений за те несколько столетий, в течение которых они оставались в поле зрения греческих историков, было бы методологически неверно отрицать возможность их внутреннего перерождения в связи с постепенным перерождением самого спартанского общества. В результате такого перерождения государственный строй Спарты, первоначально, по-видимому, приближавшийся к тому, что древние называли «гоплитской политией», понимая под этим термином одну из разновидностей умеренной демократии (Arist. Pol., IV, 1297 24 sq.), мог превратиться со временем в самую настоящую олигархию[56].

Взятые во всей своей совокупности социальные и политические институты спартанского общества образуют довольно сложную систему, в которой элементы традиционные, восходящие к самому отдаленному общедорийскому прошлому, переплетаются с позднейшими привнесениями. Многие спартанские учреждения, в том числе уже упоминавшиеся сисситии, возрастные классы, двойная царская власть, герусия и т. д., несут на себе печать глубокого архаизма и воспринимаются как случайно уцелевшие реликты каких-то давно исчезнувших социальных структур. В свое время это дало повод немецкому этнографу Г. Шурцу назвать Спарту «настоящим музеем древних, повсеместно исчезнувших из

---

[54] *Andrewes A.* The government of classical Sparta. P. 14.

[55] *Whibley L. M. A.* Greek oligarchies. Their character and organisation. London, 1896. P. 19. Ср.: *Andrewes A.* The government of classical Sparta. P. 7.

[56] *Andrewes A.* The Greek Tyrants. London, 1958. P. 75; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 64; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 229 f.; *Forrest W. G.* A History of Sparta. 950—192 B. C. London, 1968. P. 67 f. Ср.: *Labarbe J.* Les premières démocraties de la Grèce antique // BAcBelg. Ser. 5. T. 58. 1972. P. 231.

культуры обычаев»[57]. Однако при более внимательном рассмотрении этот «музей» поражает каждого непредвзятого наблюдателя своей сугубой нетрадиционностью, т. е. как раз теми чертами и особенностями, которые делают спартанское общество весьма далеким от каких бы то ни было стандартов первобытной социальной организации. Среди так называемых «примитивных обществ» мы не найдем ни одного, в котором с такой железной последовательностью насаждалась бы суровая казарменная дисциплина, где столь же неукоснительно проводилась бы политика сознательной изоляции от внешнего мира, как это было в Спарте.

Перенасыщенность общественного строя Спарты пережитками архаических родо-племенных институтов не должна заслонять от нас тот весьма существенный факт, что все эти реликтовые учреждения выполняли здесь функции, по природе совсем им несвойственные[58]. Так, знаменитые спартанские криптии в первоначальном своем варианте были, по всей вероятности, одной из разновидностей первобытных посвятительных обрядов или инициаций. В классической Спарте они использовались главным образом как орудие слежки и террора, направленное против илотов[59]. Аналогичные метаморфозы претерпели агелы, сисситии[60] и, вероятно, многие другие элементы «Ликургова строя». Приспособление всего этого комплекса первобытных обычаев к потребностям рабовладельческого государства, разумеется, не могло обойтись без коренной ломки и преобразования традиционных устоев спартанской социальной системы. Вопреки широко распространенному представлению о неизменности этой системы чуть ли не с самого момента дорийского завоевания Лаконии[61] «Ликургов строй» не был просто «вторым изданием» древнего

---

[57] *Schurtz H.* Alterklassen und Männerbünde. Berlin, 1902. S. 98.

[58] *Finley M. I.* Sparta. P. 145 f.

[59] *Jeanmaire H.* 1) La cryptie lacédemoniénne // REG. T. 26. 1913; 2) Couroi et courétes. P. 550 s.

[60] *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 320 f.; *Андреев Ю. В.* Спартанские «всадники». С. 34 сл.

[61] Этой точки зрения придерживаются даже некоторые историки, принимающие гипотезу о так называемом «перевороте VI в.» (см. ниже). В их понимании, это была лишь реставрация пришедших в упадок дорийских обычаев. См.: *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy // JHS. Vol. 32. 1912. P. 19; *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. S. 22 ff.; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. S. 249, 256. Ср.: *Finley M. I.* Sparta. P. 144 f.

дорийского космоса, законсервированной племенной общиной завоевателей и, бесспорно, заключал в себе целый ряд принципиально новых моментов. Сама застойность спартанского общества была явлением вторичного порядка, вызванным целенаправленным вмешательством государства в естественный процесс социально-экономической эволюции. Очевидно, сознательно поставленный на пути этого процесса барьер «Ликургова законодательства» несет на себе ясно выраженные признаки рациональной, логически выверенной конструкции[62]. Все это неизбежно наводит на мысль об историческом скачке, резком переходе из одного качества в другое.

В античной историографии вся ранняя история Спарты (до начала мессенских войн) делилась на два основных этапа: период смут и «беззакония» (аномии или каконomии) и период «благозакония» (евномии)[63]. Переход от «беззакония» к «благозаконию» сопровождался, согласно версии Плутарха (Lyc., 5), каким-то подобием государственного переворота, в котором активно участвовал сам законодатель вместе с небольшой группой приверженцев. Европейские историки XIX — начала XX в., поставив под сомнение историческую реальность самого Ликурга, естественно, должны были отвергнуть и идею переворота. В большинстве относящихся к этому времени исследований становление «Ликургова строя» изображается как результат спонтанной эволюции самого спартанского общества, выражавшейся в его постепенном приспособлении к той обстановке хронической военной опасности, в которой оказались дорийские первопоселенцы долины Еврота вскоре после своего прихода в эту страну. Считалось, что этот процесс в основных чертах завершился примерно к середине VIII в., и в следующий период своей истории — эпоху мессенских войн — Спарта вступила уже вполне сложившимся государством со всеми теми особенностями, которые оставались его отличительными признаками и в более поздние времена[64].

---

[62] *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 75 f.

[63] Hdt., I, 65 sq.; Thuc., I, 18, 1; Plut. Lyc., 2 sq.

[64] Типичной в этом отношении может считаться позиция, занятая двумя крупнейшими представителями европейской историографии античности рубежа XIX и XX столетий Ю. Белохом и Эд. Мейером. См.: *Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd. I. Abt. 1. Straßburg, 1912. S. 143; *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 259 ff.

Однако уже в начале XX столетия науке стали известны некоторые новые факты, которые заставили многих усомниться в оправданности этой схемы и в известной мере послужили поводом к реабилитации античного предания о «законодательстве Ликурга», хотя теперь уже без самого Ликурга. Непосредственный импульс к пересмотру сложившегося в науке представления о древнейших этапах истории Спарты дали сенсационные открытия, сделанные в 1906—1910 гг. английской археологической экспедицией под руководством Даукинса во время раскопок в архаическом святилище Артемиды Орфии — одном из самых древних спартанских храмов. В ходе этих раскопок было обнаружено большое количество художественных изделий местного, лаконского производства, датируемых по преимуществу VII—VI вв. до н. э. Среди находок английских археологов были представлены великолепные образцы расписной керамики, лишь немногим уступающие лучшим произведениям коринфских и афинских мастеров того же времени, уникальные, нигде более не встречающиеся терракотовые маски, предметы, изготовленные из таких ценных видов сырья, как золото, янтарь, слоновая кость[65].

Весь этот материал наглядно свидетельствовал о том, что архаическая Спарта по праву может считаться одним из самых значительных центров художественного ремесла в тогдашней Греции. В то же время он совершенно не вязался с обычными представлениями о суровом и аскетичном образе жизни спартиатов, о почти абсолютной изолированности их государства от всего остального мира. Объяснить это противоречие можно было только одним способом, предположив, что в то время, на которое приходится весь этот расцвет спартанского искусства, нивелирующий механизм «Ликургова законодательства» еще не был пущен в ход[66] и Спарта как «нормальное архаическое государство» почти ничем не отли-

---

[65] Все эти находки были опубликованы в изданиях: *Dawkins R. M.* et al. Excavations at Sparta // BSA. № 13—16. 1906—1910; *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. London, 1929. P. 1—51.

[66] В какой-то степени эту догадку подтверждают и свидетельства древнейших спартанских поэтов. Так, изображения пиршеств, встречающиеся в некоторых из стихотворных отрывков Алкмана, резко контрастируют с описаниями сисситий классического периода у Ксенофонта, Плутарха и других авторов. Особого внимания заслуживает известный 49-й фрагмент (ed. Diehl), в котором изысканные кушанья знати проти-

чалась от других греческих полисов. Своей высшей точки развитие лаконской художественной школы достигло в первой половине VI в.[67] Затем около середины того же столетия начинается быстрый и внешне как будто ничем не мотивированный упадок. Заметно снижается качество ремесленных изделий. Совершенно исчезают предметы чужеземного происхождения. Спарта явно замыкается в себе и, очевидно, превращается в то государство-казарму, каким ее знали греческие историки V—IV вв.

В античной исторической традиции не зафиксировано ни одного сколько-нибудь значительного сдвига во внутренней жизни Спарты, который можно было бы с уверенностью отнести к середине VI в. Более того, согласно категорическому утверждению Фукидида (I, 18, 1), за четыре столетия, предшествующие началу Пелопоннесской войны, государственный строй Спарты не претерпел вообще никаких изменений. Показания археологии здесь явно расходятся с показаниями письменных источников. Скорее всего, абсолютное молчание древних историков о событиях VI в. объясняется тем, что, не располагая достаточной информацией о внутреннем положении спартанского государства в столь ранний период, они попросту проглядели какой-то чрезвычайно важный по своим последствиям переворот, до неузнаваемости изменивший не только весь жизненный уклад спартиатов, но также их психологию и образ мыслей.

Впервые мысль о существовании прямой зависимости между упадком спартанского искусства и установлением «Ликургова строя» была высказана английским историком Г. Диккинсом еще в 1912 г.[68] Выдвинутая им гипотеза встретила широкую под-

---

вопоставляются «тому, что ест народ» (τὰ κοινά). Очевидно, в VII столетии, когда жил поэт, «община равных» еще не существовала. См.: *Janni P.* La cultura di Sparta arcaica. Richerche. I. Roma, 1965. P. 85 sg.

[67] Мы следуем датировке лаконской керамики, предложенной Друпом и в дальнейшем исправленной Лейном. См.: *Lane E. A.* Laconian Vase-Painting // BSA. № 34. 1933—1934. P. 150. Ср.: *Boardman J.* Artemis Orthia and Chronology // BSA. № 58. 1963.

[68] *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy. P. 18 f. С внутренним перерождением спартанского государства Диккинс связывал резкий перелом в его внешней политике, наметившийся также около середины VI в. Перелом этот заключался в отказе от широкой военной экспансии и переходе к установлению союзных отношений с большинством пелопоннесских полисов (P. 23 f.).

держку среди ученых различных стран и в настоящее время разделяется большинством специалистов, занимающихся историей Спарты[69]. Суммируя все написанное до сих пор по проблеме переворота VI в., мы можем следующим образом представить развитие событий в этот критический для спартанского государства период его истории.

Почти все авторы, придерживающиеся концепции переворота, признают важнейшим переломным моментом в ранней истории Спарты II Мессенскую войну. После завоевания Мессении в Спарте создалась крайне напряженная обстановка, чреватая угрозой социальной катастрофы. Окруженные со всех сторон численно намного превосходящим их порабощенным и зависимым населением, спартиаты жили в непрерывном страхе, постоянно ожидая новых восстаний илотов. В то же время сама гражданская община Спарты не была единой и страдала от внутренних раздоров. Мощное демократическое движение, охватившее спартанское государство еще в годы мессенских войн, продолжало разрастаться. Основным его лозунгом, как и в других районах архаической Греции, было, по всей видимости, требование всеобщего равенства, под которым понималось уравнение всех граждан в их политических и имущественных правах.

---

[69] *Wilcken U.* Griechische Geschichte. München—Berlin, 1924. S. 76; *Glotz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. I. P. 349 s.; *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. S. 8 ff.; *Ollier Fr.* Le mirage spartiate. T. I. P. 16 s.; *Lenschau* Th. Die Entstehung des spartanischen Staates // Klio. Bd. 30. 1937. S. 288; *Andrewes A.* Eunomia // CQ. Vol. 32. 1938. P. 100 f.; *Michell H.* Sparta. Cambridge, 1952. P. 22 ff.; *Roussel P.* Sparte. Paris, 1960. P. 41 s.; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. S. 247 ff.; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 68 f.; *Finley M. I.* Sparta. P. 144 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 221 ff.; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. P. 132 ff.; *Mossé Cl.* Sparte archaïque. P. 12 s.; *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. С. 176 слл. Лишь некоторые авторы пытаются оспаривать реальность постулируемого Диккинсом скачка. См.: *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 306 f.; *Hammond N. G. L.* The Lycurgean reform at Sparta // JHS. Vol. 70. 1950. P. 62 f.; *Huxley G. L.* Early Sparta. London, 1962. P. 64 f.; *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology // CQ. N. S. Vol. 12. 1. 1962. P. 156 ff. Неосновательность аргументации противников теории переворота VI в. показана в статье: *Holladay A. J.* Spartan Austerity // CQ. N. S. Vol. 27. 1. 1977. P. 111 ff.

Ответом на эти требования была целая серия реформ, проведенных в первой половине VI в. и завершившихся, скорее всего, около середины того же столетия[70]. Центральное место среди этих преобразований заняла аграрная реформа, заключавшаяся в разделе захваченных мессенских земель, к которым, по-видимому, была присоединена также значительная часть пригодной для обработки земли, находившейся в самой Лаконии, в ближайших окрестностях Спарты. Нарезанные из этой земли приблизительно одинаковые по своей доходности наделы вместе с прикрепленными к ним илотами стали в дальнейшем основной материальной базой спартанской «общины равных», от которой зависело само ее существование. Раздача земель в Мессении и Лаконии позволила значительно расширить рамки гражданской общины путем привлечения в ее состав малоимущих и неимущих спартиатов и, что особенно важно, дала возможность каждому из них вести безбедное существование за счет подневольного труда илотов. Тем самым был сделан первый шаг к превращению спартанского демоса в замкнутое сословие профессиональных воинов-гоплитов[71], силой оружия осуществляющих свое господство над многотысячной массой порабощенного населения.

Одновременно с земельной реформой или, может быть, спустя какое-то время после нее была запланирована и проведена в жизнь широкая программа социально-политических преобразований, направленных к оздоровлению и демократизации спартанского общества и вместе с тем, несомненно, имевших своей целью превращение всего государства в военный лагерь, готовый противостоять угрозе илотского мятежа. В число этих преобразований входили учреждение системы сисситий, организация государствен-

---

[70] Более ранние датировки этих реформ предлагают: *Wade-Gery H. T.* The Spartan Rhetra in Plutarch, *Lycurgus, VI* // CQ. Vol. 38. 3/4. 1944. P. 115 ff. (конец VII в.); *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 225 f. (между серединой и концом VII в.); *Forrest W. G.* A History of Sparta. 950—192 B. C. P. 55 ff. (около 676 г. до н. э.). Ср.: *Finley M. I.* Sparta. P. 144.

[71] Многие авторы связывают перестройку спартанской социально-политической системы с внедрением гоплитской фаланги. См.: *Wilcken U.* Griechische Geschichte. S. 78; *Ehrenberg V.* Sparta. Sp. 1380; *Roussel P.* Sparte. P. 41 s.; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta; *Andrewes A.* The Greek Tyrants. P. 73 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 250 ff.

ного воспитания молодежи, установление систематического контроля над личной жизнью и хозяйственной деятельностью спартиатов, введение железной монеты взамен общепринятой серебряной и другие мероприятия, составившие свод так называемых «законов Ликурга»[72]. По всей видимости, непосредственно связано с этими событиями и возвышение коллегии эфоров, которая до середины VI в. не принимала сколько-нибудь активного участия в управлении государством. Первым, кто «впряг эфоров в одну упряжку с царями» и, очевидно, положил начало их позднейшему могуществу и влиянию, был мудрый Хилон[73], который сам занял эту должность в 556/551 г. до н. э. (Diog. Laert., I, 68).

Независимо от того, кто был автором «Ликурговых законов» — аристократ или выходец из народа, их антиаристократическая направленность не вызывает у нас сомнений. Жизненный уклад демоса, его привычки и вкусы приобрели в Спарте силу закона. Аристократия хотя и сохранила, по-видимому, некоторые из своих привилегий, была в то же время до такой степени нивелирована и растворена среди массы граждан, что историки нередко задаются вопросом: «А существовала ли она вообще здесь когда-либо?»[74]. Как было уже замечено, некоторыми своими чертами общественно-политический строй, сложившийся в Спарте в результате переворота VI в., напоминает «гоплитскую политию» или тот вариант крестьянской демократии, который возник в Афинах после реформ Солона и Клисфена[75]. Однако в отличие от Афин

---

[72] Едва ли оправданно включение в этот комплекс так называемой «Большой ретры», принадлежащей, вне всякого сомнения, к гораздо более раннему времени, чем середина VI или даже конец VII в. Ср.: *Wade-Gery H. T.* The Spartan Rhetra in Plutarch, *Lycurgus, VI*. P. 115 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 270.

[73] В свое время В. Эренберг высказал предположение, не встретившее поддержки у других историков, о том, что именно Хилон был единоличным автором «законов Ликурга». См.: *Ehrenberg V.* Der Gesetzgeber von Sparta / Epitymbion H. Swoboda. Reichenberg, 1927. S. 27; ср.: *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. P. 133.

[74] Ср.: *Meyer Ed.* Forschungen zur alten Geschichte. Bd. I. S. 255, Anm. 2; *Ehrenberg V.* Der Damos im archaischen Sparta. S. 299; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 63; ср.: *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 118 f.

[75] *Andrewes A.* Eunomia. P. 102; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 234. Ср.: *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. P. 79.

дальнейшее развитие демократии в Спарте оказалось невозможным, так как с установлением «Ликургова строя» резко затормозилось развитие товарно-денежных отношений и начавшая было складываться торгово-ремесленная прослойка раз и навсегда была исключена из политической жизни государства. Сознательно культивируемое полунатуральное сельское хозяйство быстро превратило Спарту в одно из самых отсталых в экономическом отношении государств Греции. Да и те начатки демократии, которые были заложены реформами VI в., в обстановке хронического милитаризма, суровой военной дисциплины и субординации, столь характерных для известной нам Спарты V—IV вв., так и не смогли раскрыться в полной мере и в конце концов в условиях прогрессирующей экономической деградации господствующего сословия были обречены на постепенное угасание.

Подведем итоги. Среди других греческих государств Спарта бесспорно занимает совершенно особое, только ей одной принадлежащее место. В известном смысле она действительно представляет собой аномалию, исключение из общего правила в истории Греции. Однако это переходящее в ненормальность своеобразие Спарты состоит не в том, что в сфере распространения полисной античной цивилизации она была носителем какого-то иного, совершенно чуждого ей экономического уклада или типа культуры[76], а скорее, наоборот, в том, что некоторые основные особенности полисного строя проявились здесь с особенной силой и полнотой[77]. В отличие от демократических Афин с их системой литургий, раздач и оплачиваемых должностей, рассчитанной на сглаживание социальных противоречий, разлагавших полис изнутри, за счет либо союзнического фороса, либо обложения имущества полисной верхушки (по сути дела это была попытка организовать более или менее равномерное распределение доходов государства между все-

---

[76] Некоторые советские исследователи готовы рассматривать Спарту и города Крита как какой-то островок древневосточного экономического уклада в сфере античной рабовладельческой экономики. Это представляется нам в корне ошибочным.

[77] Отсюда не следует, однако, что именно Спарта должна быть признана классическим образцом греческого полиса (ср.: *Kaerst J.* Geschichte des Hellenismus. Bd. I. S. 14 ff.; *Burckhardt J.* Griechische Kultur. Berlin, 1940. S. 18). С гораздо большим основанием ее можно рассматривать как особую, отклоняющуюся от нормы форму гражданской общины.

ми гражданами), Спарта выбрала иной, на первый взгляд, более простой и легкий[78] путь к утверждению принципа «совместной частной собственности», установив систему непосредственного контроля над повседневной жизнью граждан, и прежде всего над потреблением ими тех продуктов, которые им давал труд порабощенных илотов. При отсталой экономике, перед лицом постоянной угрозы восстания порабощенного населения, численность которого во много раз превосходила численность самих спартиатов, такая система была наиболее простым и рациональным способом консолидации гражданского коллектива, хотя она и привела к окостенению всей общественной жизни Спарты и ее почти полной изоляции от внешнего мира, результатом чего был стремительный культурный упадок и духовное вырождение. В сравнении с Афинами Спарта классического периода представляет довольно примитивный тип полиса. Однако отсталость Спарты не следует преувеличивать[79]. В весьма специфической и односторонней форме полисный строй достиг здесь достаточно высокой степени развития, продемонстрировав свою военную и политическую эффективность как в эпоху греко-персидских войн, так и в годы Пелопоннесской войны, закончившейся установлением спартанской гегемонии над большей частью эллинского мира.

---

[78] Именно эта простота полисной организации Спарты привлекала к ней пристальное внимание теоретиков полиса в эпоху кризиса IV в. до н. э. Принцип уравнительности, царивший в ее внутренней жизни, экономическая система, основанная всецело на земледелии, гарантирующая гражданам устойчивый доход и в то же время избавляющая их от всякого рода «хрематистики», — все это казалось таким мыслителям, как Платон и Аристотель, наиболее радикальным и вместе с тем безболезненным способом устранения внутренних противоречий, раздиравших гражданскую общину полиса. Ср.: *Ollier Fr.* Le mirage spartiate. T. I. P. 45.

[79] Своеобразие спартанского пути развития нельзя понимать в духе «плоского эволюционизма», как это делает, например, Карштедт (*Kahrstedt U.* Griechische Staatsrecht. Bd. I. Sparta und seine Symmachie. S. 380). Спарту вряд ли можно уподобить Афинам начала VI в., застывшим на мертвой точке в ожидании солоновской реформы. Четкое классовое деление общества, государство, основанное на территориальном принципе, система мужских союзов, вытеснившая родовые организации, первоклассная армия — все это уже было в Спарте V в. и почти полностью отсутствовало в Афинах времени Солона.

МУЖСКИЕ СОЮЗЫ В СТРУКТУРЕ ДОРИЙСКОГО ПОЛИСА*

В одной из глав II книги «Политики» Аристотель оспаривает мнение Платона о возможности достижения абсолютного единства в государстве. «Ведь невозможно будет, — пишет он, — устроить государство, не разделяя его либо на сисситии, либо на фратрии и филы». Реальное многообразие структурных форм и типов греческого полиса сведено здесь к жесткой двучленной формуле: полис, разделенный на сисситии, противопоставлен полису, разделенному на фратрии и филы. Сам философ отдает явное предпочтение первому из этих типов — полису, разделенному на сисситии, мотивируя свой выбор тем, что общие трапезы являются эффективным средством воспитания гражданской массы, внедрения в ее сознание «добрых нравов, законов и философии» и вместе с тем способствуют «установлению общности имущества» (Pol., II, 1263 b 37 sqq.). Здесь же названы и те реальные государства, которым удалось если и не вполне осуществить этот идеал, то, по крайней мере, приблизиться к его воплощению. Это — Спарта и Крит.

Столь пристальное внимание и интерес, проявляемые величайшим из античных теоретиков государства к такой специфической форме гражданского общежития, как спартано-критские сисситии, конечно, не случайны. Корпоративное начало, присущее в той или иной степени любому античному полису, с особой силой проявило себя именно в социальной и политической жизни дорийских государств Лаконии и Крита. В Спарте сама гражданская община была построена как система тесно связанных между собой мужских союзов — сисситий или фидитиев. От принадлежности к одной из этих корпораций зависел социальный статус каждого спартиата, так же как и его гражданские права. На это

* Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Сб. статей. Л., 1984. С. 4—20.

прямо указывает все тот же Аристотель (Pol., II, 1271 a 26 sqq.), замечая, что в Спарте малоимущие лица, которые по бедности не могли делать регулярные взносы в свои сисситии, на этом основании лишались гражданских прав, «ибо у них издревле установлен такой предел гражданства» (ὅρος δὲ τῆς πολιτείας οὗτός ἐστιν αὐτοῖς ὁ πάτριος)[1].

Подобным же образом были организованы и гражданские общины городов Крита. И здесь основным критерием гражданских прав считалась принадлежность к одному из официально узаконенных мужских союзов или гетерий. Лица, не имевшие доступа в эти союзы и в силу этого не считавшиеся гражданами, именовались соответственно «апетерами» (ἀπεταῖροι)[2].

Резервуаром, за счет которого как в Спарте, так и в городах Крита пополнялись союзы полноправных граждан, были так называемые агелы, т. е. сформированные по возрастному принципу группы юношей и подростков, еще не достигших гражданского совершеннолетия. В рамках этих объединений подрастающее поколение дорийских полисов проходило курс воспитания (ἀγωγή), что считалось непременным условием получения гражданских прав и кооптации в состав мужских союзов. По существу, агелы представляли собой как бы начальную подготовительную ступень в общегосударственной системе корпораций. Их основное назначение заключалось в подготовке полноценного человеческого материала для пополнения фидитиев и гетерий[3].

Кооптация юношей, прошедших курс воспитания в агелах, в союзы более высокого разряда, как кажется, носила характер ин-

---

[1] Ср.: Xen. Resp. Lac., X, 7.

[2] Leg. Gort., II, 5, 25, 41. О составе класса апетеров см.: *Kirsten E.* Die Insel Kreta im fünften und vierten Jahrhundert. Leipzig, 1936. S. 87; *Willetts R. F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. London, 1955. P. 58; *Иоселиани Л. Г.* Гортинские законы. Тбилиси, 1966. С. 137.

[3] О системе гражданского воспитания в Спарте и городах Крита см.: *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. Lille, 1939. P. 363 ss.; *Marrou H. I.* Les classes d'age de la jeunesse spartiate // REA. T. 48. 1946; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. Manchester, 1949. P. 85 ff.; *Den Boer W.* Laconian Studies. Amtserdam, 1954. P. 248 ff.; *Willetts R. F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. P. 7 ff.; *Toynbee A.* Some problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 320 ff.; *Brelich A.* Paides e parthenoi. Vol. I. Roma, 1969. P. 113 sg.

дивидуального домогательства подобно тому, как это было в афинских фратриях и демах. Во всяком случае, процедура приема в спартанский фидитий, описанная Плутархом в «Биографии Ликурга» (12), отчасти напоминает проверку, которой подвергались вновь принятые граждане в афинских корпорациях официального и полуофициального характера[4].

Несмотря на известные черты сходства, сближающие их с афинскими демами, филами и т. п. территориально-административными округами классического города-государства, фидитии и гетерии едва ли могут быть приравнены к структурным ячейкам такого плана[5]. Их отношение к основным единицам территориального деления дорийского полиса, так называемым обам или комам в Спарте, филам — в городах Крита, остается пока невыясненным. Согласно сообщению Павсания (VII, 1, 8), в Спарте все фидитии были сосредоточены в одном определенном месте неподалеку от могилы древнего героя Тисамена. Само по себе это обстоятельство должно было заключать в себе глубокий политический смысл: концентрация всех помещений для совместных обедов граждан в одном раз и навсегда установленном месте придавало спартанскому государству неоднократно отмечавшееся чужеземцами сходство с военным лагерем и вместе с тем, очевидно, символизировало внутреннее единство полиса, который в течение долгого времени не имел сплошной городской территории[6].

На Крите город-полис был обычным местом пребывания гражданских корпораций. Лишь случайно некоторые из них могли оказаться за его пределами. Именно так можно понять один из разделов так называемой Дрероссской присяги, который предписывает делить штрафы, взысканные с высших должностных лиц, между всеми гетериями, находящимися непосредственно в

---

[4] См.: *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. Hauptteil II. München, 1926. S. 943 f., 960 ff. Аналогичный порядок существовал, по-видимому, также и в критских полисах. Косвенное указание на это дает раздел «Гортинских законов» об усыновлении (Leg. Gort., X, 35 sqq.).

[5] Ср.: *Roussel D.* Tribu et cité. Paris, 1976. P. 124 s.

[6] Ср. известную характеристику Спарты у Фукидида (I, 10, 2) как «несинойкизированного полиса ..., заселенного по древнему эллинскому обычаю по деревням».

городе, а также и теми из них, которые будут в этот момент нести пограничную службу где-то за городской чертой (IC, I, IX, 1, C–D)[7]. Основным конституирующим моментом в организации как фидитиев, так и гетерий, очевидно, были не территориальные, а сугубо личные связи между членами союза. Эти связи поддерживались каждодневным общением всех членов данной корпорации за общим столом в сисситиях и во время чередовавшихся с сисситиями групповых атлетических упражнений или состязаний. В Спарте граждане младшего возраста, в том числе уже женатые, обязывались законом оставаться в фидитиях даже на ночь (Plut. Lyc., 15). Аналогичные порядки, по-видимому, существовали и во многих критских государствах.

Все это дает нам право квалифицировать мужские союзы Спарты и Крита именно как особую форму общежития граждан полиса или же как особую форму их совместного времяпрепровождения, не сводящегося, как это было, например, в афинских демах и фратриях, лишь к совместной политической или религиозной самодеятельности, в основном приуроченной к особо торжественным дням, но охватывающего гораздо более широкие сферы повседневной жизни. Бытовая общность здесь тесно переплетается с общностью политической. Именно это переплетение двух, казалось бы, взаимоисключающих по своей природе начал, по всей видимости, и сделало систему сисситий столь привлекательной для греческих политических мыслителей IV в.[8]

Не вызывает особых сомнений типологическая и, вероятно, также генетическая близость дорийских сисситий к различным видам симпосиальных и гимнастических объединений в других греческих городах, а если подыскивать более отдаленные параллели, то и к римским коллегиям. Однако все эти формы корпораций носили преимущественно частный характер (по крайней мере,

---

[7] Ср.: *Willetts R. F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. P. 23.

[8] О сисситиях и других элементах дорийского космоса в утопических проектах Платона и Аристотеля см.: *Bisinger J.* Der Agrarstaat in Platons Gesetzen. Leipzig, 1925. S. 115 ff.; *Ollier F.* Le mirage spartiate. T. I. Paris, 1933. P. 52 ss., 352; *Barker E.* The political Thought of Plato and Aristotle. New. York, 1959. P. 202, 389; *Morrow G.* Plato's Cretan City. Princeton, 1960. P. 334 f.; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 274, 298 ff.

до начала эпохи эллинизма)[9], уподобляясь отчасти современным клубам, отчасти гильдиям, цехам и всевозможным иным братствам эпохи средневековья. В отличие от них спартанские и критские сисситии были объединены в широко разветвленную систему союзов, практически, как было уже сказано, тождественную самой гражданской общине дорийского полиса. Совершенно очевидно, что создатели обоих вариантов этой системы стремились, прежде всего, к утверждению основного принципа полисного строя — принципа гражданского единомыслия (именно так понимали их замысел уже античные авторы: Ксенофонт, Платон, Аристотель, Плутарх и др.).

Пожалуй, более всего преуспели в реализации этого плана спартанские законодатели, заложившие, вероятно, где-то в VII или VI столетии основы так называемого Ликургова космоса[10]. Заключенные в самой природе корпоративных сообществ сепаратистские, центробежные тенденции были преодолены и нейтрализованы в рамках созданной ими системы посредством жесткой

---

[9] Полуофициальные или же вполне официальные возрастные объединения в городах эллинистического Востока (см. о них: *Свенцицкая И. С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I—II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 43 слл.), вероятно, восходят к той же общегреческой традиции мужских и юношеских союзов, что и дорийские агелы и сисситии. Возрождение этой традиции в специфических условиях эллинистического полиса, а также ее перенос из сферы частных отношений в сферу государственного быта могут быть объяснены известным сходством двух исторических ситуаций: той, в которой оказались греческие колонисты в странах Востока, окруженные со всех сторон численно намного превосходящим их местным населением, и той, которая задолго до этого сложилась на Крите и в Лаконии после их завоевания племенами дорийцев. Ср.: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. Автореф. канд. дис. М., 1971. С. 32.

[10] Различные оценки и датировки Ликургова законодательства можно найти в работах: *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. München, 1925. S. 8 ff.; *Andrewes A.* Eunomia // CQ. Vol. 32. 1938. P. 100 ff.; *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München—Berlin, 1963. S. 247 ff.; *Forrest W. G.* A History of Sparta 950—192 B. C. London, 1968. P. 55 ff.; *Toynbee A.* Some problems of Greek History. P. 225 ff.; *Finley M. I.* Sparta // Finley M. I. The Use and Abuse of History. New York, 1975. P. 161 ff.; *Holladay A. J.* Spartan Austerity // CQ. N. S. Vol. 27. 1. 1977. P. 111 ff.

регламентации каждодневной деятельности отдельных союзов и постоянного контроля над ними, осуществляемого высшими магистратами государства. Царившая в фидитиях и агелах казарменная дисциплина так же, как и последовательная, продуманная до мельчайших деталей унификация их внутренней структуры и численного состава придавали им ясно выраженное сходство с армейскими подразделениями. На это сходство было обращено внимание уже в древности. Многие, например Платон, Дионисий Галикарнасский, Плутарх, были убеждены в том, что как в Спарте, так и на Крите сисситии были вызваны к жизни именно военной необходимостью. Геродот же прямо говорит (I, 65) об учреждении Ликургом сисситий в качестве одного из основных элементов спартанской военной организации (τὰ ἐς πόλεμον ἔχοντα). Правда, у таких компетентных авторов, как Фукидид и Ксенофонт, подробно описывающих спартанскую армию в действии, сисситии ни разу не упоминаются в числе ее боевых единиц. Отсюда можно заключить, что их связь с войсковыми подразделениями носила более сложный и опосредованный характер, нежели это представлял себе Геродот и некоторые более поздние историки, а их функции отнюдь не сводились к решению чисто военных задач[11].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что верховными блюстителями порядка и дисциплины в агелах и фидитиях были, как это следует из показаний ряда источников, эфоры, представлявшие в Спарте гражданскую, отнюдь не военную власть[12]. То, что

---

[11] Конечно, нельзя не считаться с тем, что сама спартанская военная организация не оставалась неизменной, а, судя по всему, постепенно эволюционировала. Армия эпохи греко-персидских войн, на которую ориентировался Геродот, могла существенно отличаться от той армии, которая участвовала в Пелопоннесской войне и войнах последующего времени. Можно поэтому предполагать, что сисситии, первоначально включенные непосредственно в состав боевых подразделений спартанской армии, потом по каким-то причинам обособились от них. Ср.: *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens // Klio. 1912. Bd. 12. S. 316; *Kahrstedt U.* Griechisches Staatsrecht. Bd. I. Sparta und seine Symmachie. Göttingen, 1922. S. 299 ff.

[12] См.: Xen. Resp. Lac., IV, 6; Athen., IV, 141 a; XII, 550 c—d. В этом же смысле может быть понято и одно место в «Политике» Аристотеля (II, 1270 b 11 sq.), где говорится о некоторых случаях коррупции эфоров в андриях (ἐν τοῖς ἀνδρίοις).

во главе всей спартанской системы мужских союзов оказалась именно эта, наделенная чрезвычайными полномочиями, коллегия должностных лиц, едва ли случайно. Огромная и, как говорили древние, близкая к тиранической власть эфоров служила гарантией принципиального и последовательного централизма в руководстве гражданскими корпорациями. В свою очередь, эти корпорации могли служить главной опорой политического могущества эфоров, позволяя им тягаться в борьбе за первенство в государстве даже с самими царями.

Но эфоры не только надзирали за деятельностью мужских союзов. Их коллегия в известном смысле и сама была частью той же системы. Как и все граждане Спарты, они регулярно собирались на обеды в своей особой сисситии (Plut. Cleom., 8). Своя сиссития была также и у царей, причем ее состав в военное и в мирное время был различным (Xen. Resp. Lac., XIII; XV). Так же тесно были связаны с системой сисситий и агел и некоторые другие государственные учреждения Спарты. Ее «филиалами» могут считаться, например, корпус так называемых всадников и спартанский совет старейшин — герусия. Среди общей массы мужских и юношеских союзов эти состоящие из сверстников корпорации занимали особое положение благодаря необычным методам отбора их членов, а также и необычности выполняемых ими политических функций[13].

К сожалению, нам неизвестно, насколько далеко продвинулся тот же процесс сращивания государственного аппарата с системой мужских союзов в городах Крита. Есть основания полагать, что развитие политического централизма и гражданской дисциплины не достигло здесь столь же высокого уровня, как в Спарте. Отчасти это может быть объяснено незначительными размерами самих критских государств и их постоянной междоусобной борьбой. По свидетельству Аристотеля (Pol., II, 1272 b 11 sq.), политический режим на острове отличался крайней нестабильностью: мир и порядок в отдельных городах постоянно нарушались распрями влиятельных аристократических кланов. Вполне возможно, что гетерии использовались в этой борьбе как личные дружины вожаков враждующих группировок, агелы же служили средством вер-

[13] См. нашу статью: *Андреев Ю. В.* Спартанские всадники // ВДИ. 1969. № 4.

бовки их новых приверженцев[14]. С другой стороны, в организации коллективных трапез граждан критских полисов элементы централизма были выражены, пожалуй, сильнее, чем в Спарте. Как сообщает все тот же Аристотель (Pol., II, 1272 a 12 sqq.) — и это его свидетельство поддерживает местный критский историк Досиад (Athen., IV, 143 a—b) — государство здесь брало на себя значительную часть издержек по устройству сисситий, тогда как в спартанских фидитиях безраздельно господствовал древний принцип складчины[15].

Все эти различия между двумя системами союзов, вероятно, возникли в процессе их исторического развития на каких-то сравнительно поздних его этапах. Однако признаков сходства между ними все же больше, чем признаков различия, и поэтому общность их происхождения из какого-то единого первоисточника кажется довольно вероятной[16] (весьма популярная в древности гипотеза, согласно которой спартанский законодатель, побывав на Крите, скопировал там местные обычаи и ввел их в свою конституцию, сейчас едва ли может быть принята)[17]. Конечно, восстановить тот общий прототип, к которому генетически восходят в равной степени и спартанские фидитии, и критские гетерии, было бы весьма нелегкой задачей. Начальная история как критских, так и лаконских дорийцев до их появления на исторической сцене где-то в VIII—VII вв. до н. э. нам практически неизвестна. Мы почти ничего не знаем о древнейших формах их социальной организации, хотя, наверное, нелишним будет заметить, что гетерии упоминаются уже в одной из самых ранних критских надписей — декрете из Дрероса, датируемом VII в.[18], и примерно к этому же времени относится сохранившееся в одном из фрагментов Алкмана первое

---

[14] Интересную характеристику критской формы агел дает Эфор в переложении Страбона (X, p. 483). См. также: *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 220 ff.

[15] О критском институте коллективных трапез см. нашу статью: *Андреев Ю. В.* К вопросу об организации критских сисситий // Античный мир и археология. Вып. 1. Саратов, 1972.

[16] Ср.: *Roussel D.* Tribu et cité. P. 125 ss.

[17] Hdt., I, 65; Arist. Pol., II, 1272 a 2 sqq.; Strab., X, p. 482; Plut. Lyc., 4.

[18] *Effenterre H. van.* Inscriptions archaïques cretoises // BCH. T. 70. 1946. P. 597.

упоминание о «пирах и фиасах» спартанских андриев, т. е. мужских союзов (fr. 22 = Strab., X, p. 482).

Преобразование корпоративных сообществ в государство или же, в несколько ином варианте, их врастание в уже сложившееся или только еще складывающееся государство, хотя и не очень часто, но все же встречается в истории человеческого общества. Если оставить в стороне такие специфические политические образования, как государства, основанные духовно-рыцарскими орденами эпохи средневековья, государство исмаилитов в Иране или государство иезуитов в Парагвае (все эти государства носят, в сущности, вторичный характер, будучи порождением задолго до них сложившихся классовых обществ), то основным регионом, где этот процесс можно было наблюдать еще сравнительно недавно в его относительно чистом и, так сказать, «первозданном» виде, должна быть признана, безусловно, Центральная Африка (в основном западная ее часть), считающаяся среди этнографов «классической страной тайных обществ». Наиболее известны среди этих организаций, еще каких-нибудь сто или даже пятьдесят лет тому назад державших в страхе обширные области в прибрежной полосе Гвинейского залива, такие союзы, как Поро, или Пурра (район Сьерра-Леоне), Эгбо (Камерун), Мумбо-Джумбо (область племени Мандинго), Огбони (государства йорубов) и др. Советские этнографы справедливо оценивают тайные общества этого типа как зачаточную форму государственной власти и в то же время видят в них весьма важный социально-политический фактор, участвующий в процессе классообразования[19].

Организационная и функциональная близость дорийских мужских союзов к первобытным корпоративным сообществам такого типа представляется очевидной[20]. Подобно большинству

---

[19] *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1964. С. 322 слл.; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 307 слл.; *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. М., 1968. С. 151 слл.; *Андреев И. Л.* О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу // СЭ. 1971. № 2. С. 19.

[20] Впрочем, некоторые авторы заходят слишком далеко в сближении этих двух форм корпоративных сообществ. Высказывалось даже предположение, что сама спартанская гражданская община была «институированным тайным союзом» или «инициационным сообществом»

африканских, да и не только африканских тайных обществ фидитии и гетерии служили, в первую очередь, средством социальной (классовой) сегрегации и так же, как и они, представляли собой объединения имущих против неимущих, свободных против рабов, туземцев против чужеземцев и т. д. Как уже было сказано, исключение беднейших граждан из состава союзов предусматривал спартанский закон о взносах в сисситии. Требования имущественного ценза играли определенную роль и в пополнении критских гетерий, хотя здесь они, по-видимому, не были столь же жесткими, как в Спарте. Тем не менее классовая исключительность также и этой формы дорийских мужских союзов была выражена с предельной ясностью. По словам Аристотеля (Pol., II, 1264 a 21), основное различие между свободными и рабами на Крите заключалось в том, что последним было запрещено посещать гимнасии и пользоваться оружием. Свободные граждане, объединенные в гетерии, напротив, значительную часть своего времени посвящали атлетическим упражнениям и состязаниям. Не случайно термин δρομεύς, что можно понять буквально как «бегун», т. е. «человек, участвующий в публичных состязаниях в беге» (δρόμος), в «Гортинских законах» служит обычным обозначением полноправного гражданина[21]. Присущие многим тайным обществам полицейские, карательные функции в Спарте и, вероятно, также в городах Крита были возложены на такие специализированные ответвления системы мужских союзов, как уже упоминавшийся корпус всадников и, как кажется, непосредственно связанные с этим учреждением те группы молодежи, которые участвовали в знаменитых криптиях[22]. Да и сама суровая дисциплина, царившая во внутренней жизни дорийского полиса, во многом сродни той «де-

---

(*Brelich A.* Paides e parthenoi. Vol. I. P. 124; ср.: *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 549, n. 1), но это — явное преувеличение.

[21] *Kohler J., Ziebarth E.* Das Stadtrecht von Gortyn. Göttingen, 1912. S. 57; *Willetts R. F.* Aristocratic Society in Ancient Crete. P. 12. Характерное выражение καὶ δρόμος καὶ τ(ὰ)ς ἑταίρηας συ[νάγεν], указывающее на тесную связь атлетики с кругом мужских союзов в их критском варианте, встречаем в одной поздней (II в. до н. э.) надписи из г. Малла (IC, I, XIX, 3, 39 sqq.).

[22] О криптиях см.: *Jeanmaire H.* 1) La cryptie lacédémonienne // REG. T. 26. 1913; 2) Couroi et courétes. P. 550 ss.

персонализации» членов тайных обществ, на которую уже обращали внимание работающие в этой области этнографы[23]. Четкое разделение всех граждан полиса на начальствующих и подчиненных, подчеркнутое почитание начальства и даже страх перед ним, беспрекословное выполнение любых его приказов — все эти черты, столь характерные, например, для спартанского образа жизни, такого, каким его изображает Ксенофонт в своей «Лакедемонской политии»[24], находят прямые аналогии в обычаях и нравах членов тайных союзов.

В то же время некоторые важные особенности, свойственные африканским корпорациям типа Поро или Мумбо-Джумбо, как будто не находят видимого соответствия в организации и практике дорийских мужских союзов. Практически все известные по этнографической литературе тайные общества не только в Африке, но и в Меланезии, и в Северной Америке были, по своей сути, культовыми объединениями, и вся их деятельность носила ярко выраженную ритуальную окраску. В практике тайных союзов чрезвычайно важное место занимали различные виды магии и колдовства, а также импровизированные ритуальные представления, в программу которых входили, главным образом, выступления замаскированных танцоров, изображавших различных демонов и чудовищ[25]. Сама таинственность, которой была окутана вся деятельность союзов этого типа, была в одно и то же время и непременным условием, и важнейшим составным элементом их обрядовой практики, хотя наряду с этим она, несомненно, имела и определенную социальную направленность, способствуя еще большей изоляции членов союза от всех «непосвященных».

На этом фоне фидитии и гетерии производят впечатление по преимуществу светских организаций. В источниках не сохранилось

---

[23] *Андреев И. Л.* О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу.

[24] См. в особенности VIII главу этого трактата.

[25] *Frobenius L.* Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle, 1898; *Schurtz H.* Alterklassen und Männerbünde. Berlin, 1902. S. 347 ff.; *Webster H.* Primitive Secret Societies. New York, 1932. P. 160 ff.; *Токарев С. А.* Ранние формы религии. С. 322; *Шаревская Б. И.* Старые и новые религии тропической и южной Африки. М., 1964; *Оля Б.* Боги тропической Африки. М., 1976. С. 132 слл.

почти никаких упоминаний о их культовой деятельности[26]. Античные авторы ничего не сообщают также и о какой-либо особенно строгой засекреченности гражданских корпораций Спарты и Крита. Скорее, мы встречаем в описаниях их деятельности лишь некоторые явно пережиточные ее формы. Эти формы отличались особой устойчивостью там, где соблюдение тайны диктовалось самими функциями, выполняемыми данной разновидностью союзов (примером могут служить все те же криптии). В остальном времяпрепровождение в агелах и сисситиях как раз противопоставляется в наших источниках замкнутости домашнего частного быта как более открытый и потому не таящий в себе никаких опасностей для государства образ жизни.

Так, в «Лакедемонской политии» Ксенофонта (V, 2) сказано буквально следующее: «Ликург, увидев, что спартиаты, как и прочие эллины, столуются у себя дома, и понимая, что в таких условиях бывает слишком много всякого нерадении и беспечности, устроил у всех на виду общие трапезы...». Выражение «εἰς τὸ φανερὸν ἐξήγαγε τὰ συσκήνια» ясно показывает, что для Ксенофонта спартанские сисситии были, прежде всего, наглядным воплощением принципа публичности, образцом той жизни на виду, в которой мыслители эпохи кризиса полисного строя видели радикальное средство против таких общественных пороков, как корыстолюбие, чревоугодие, страсть к роскоши, эгоизм и т. п.

С этим непосредственно связано и еще одно важное отличие спартано-критской формы мужских союзов от первобытных корпоративных сообществ типа тайных конгрегаций тропической Африки. Для этих последних характерно наличие многочисленных

---

[26] В Спарте наблюдается даже своеобразное отчуждение религиозных функций мужского союза. На это указывает любопытная глосса в словаре Гезихия: «ἀφέδιτος, — день у лаконян, когда они совершают жертвоприношения». Очевидно, обеды в фидитиях были начисто освобождены от какой-либо религиозной обрядности. См. также: Plut. Lyc., 12. Вместе с тем известно, что в крупнейшем из спартанских религиозных празднеств Карнеях принимали участие какие-то корпорации типа мужских союзов, но не тождественные фидитиям (см.: Athen., IV, 141 e—f). В деятельности критских гетерий религиозный элемент выражен несколько яснее (см.: Athen., IV, 143 e; Hesych., s. v. Ἑταιρεῖος), но и здесь он был, судя по всему, лишь малозначащим придатком к основным политическим функциям гражданских корпораций.

(нередко их число бывает больше десяти) внутренних градаций или «степеней посвящения»[27]. Переход из одной степени посвящения в другую, как правило, бывает сопряжен с большими материальными издержками и уже в силу этого доступен далеко не каждому. Некоторые из этих градаций (обычно, самые высокие в данном обществе) и вообще закрыты для массы рядовых общинников. Поскольку соответствующие этим степеням посвящения тайные культы или маски обычно передаются по наследству из рода в род, они остаются в монопольном распоряжении замкнутого круга профессиональных жрецов и знати, занимающих сообразно с этим господствующее положение внутри союза. Можно, таким образом, утверждать, что сама внутренняя структура тайных обществ с присущей ей иерархичностью отражает стихийный процесс социальной дифференциации первобытной общины, уже вступившей на путь классообразования.

Организация спартано-критской системы мужских союзов была направлена к прямо противоположной цели. Ее создатели явно стремились максимально сгладить и выровнять социальные и имущественные различия, существовавшие внутри гражданской общины полиса, обеспечив тем самым ее политическую сплоченность. На это указывают, прежде всего, четкие нормы взносов и соответствующие им нормы потребления основных продуктов, действовавшие как в спартанских, так и в критских сисситиях.

---

[27] Типичными примерами таких иерархических организаций могут служить крупнейшие тайные общества экваториальной Африки: Поро и Эгбо (См.: *Westermann D.* Die Kpelle. Göttingen—Leipzig, 1921. S. 243 ff.; *Little K.* The Political Function of the Poro // Africa. Vol. 55. 4. 1965. P. 358 f.; *Frobenius L.* Die Masken und Geheimbünde Africas. Halle, 1898. S. 86). Несколько иная децентрализованная форма тайных обществ характерна для островов Меланезии и некоторых районов Северной Америки. От больших союзов типа Поро эти так называемые клубы отличаются своими незначительными размерами и сравнительно простой внутренней структурой. Однако в функциональном отношении и по своей социальной направленности это — организации того же порядка (см.: *Rivers W. H. R.* The History of Melanesian Society. Vol. I. Cambridge, 1914. P. 87 ff.; *Driver H. E.* Indians of North America. Chicago, 1964. P. 409 ff.; *Аверкиева Ю. П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. С. 81 сл.).

В Спарте даже цари получали, обедая за общим столом, лишь по четыре хеника ячменной муки (разумеется, уже в виде готовых продуктов) и по две котилы вина каждый. В случае их отсутствия в сисситии, им причиталась лишь половина этой порции, что во времена Геродота, сообщающего эти сведения (VI, 57), очевидно, было обычной нормой потребления ячменя и вина в спартанских фидитиях[28]. Сообразно с этим застольным равенством была подчинена определенным бытовым стандартам также и вся остальная жизнь граждан дорийского полиса. Дома, построенные лишь с помощью пилы и топора, одежда одинаково строгого покроя и расцветки на любом из граждан, стандартные могилы на кладбище чаще всего даже без упоминания имени умершего, полное отсутствие каких бы то ни было предметов роскоши как в домах, так и в могилах[29] — все эти характерные приметы спартанского быта, о которых сообщают античные писатели, очевидно, должны были внедрить в сознание спартиатов иллюзию всеобщего равенства вопреки его недостижимости в реальной жизни «общины равных».

Уравнительные тенденции в той или иной мере типичны для любого античного полиса. Разнообразные их проявления можно наблюдать главным образом на ранних стадиях развития полисной общины, когда неуклонный рост частнособственнических отношений и тесно связанная с ним ломка традиционных социальных структур воспринимаются особенно болезненно участниками этого процесса и требуют немедленного вмешательства какого-то «противоядия». Таким «противоядием» становятся в этот период так называемые «законы против роскоши». Античная историческая традиция связывает их с именами целого ряда древних законодателей и в том числе некоторых тиранов, которые, как это ни парадоксально звучит, выступают в данном случае в роли пропагандистов новой полисной морали и идеологии[30]. Отнюдь не претендуя на ликвидацию самой частной собственности, меры такого рода лишь сдерживали то, что принято теперь называть

---

[28] См. также: Xen. Resp. Lac., V, 3—4; Plut. Lyc., 12; Athen., IV, 141 a—c; 143 e—f (о порядках в критских сисситиях).

[29] См.: Thuc., I, 6, 4; Xen. Resp. Lac., VII, 3; Plut. Lyc., 9, 13, 27.

[30] *Mühll M.* Die Gesetze des Zeleukos und Charondas // Klio. Bd. 22. Tl. 1. Heft 1/2; Tl. 2. Heft 4. 1929; *Mazzarino S.* Fra Oriente e Occidente. Firenze, 1947. P. 192 sg., 217 sg.

«демонстративным потреблением богатства», что вело к некоторому смягчению социальных конфликтов и противоречий, связанных с имущественной дифференциацией гражданской общины.

Однако, уже и в это время экономическая политика полисного государства носила достаточно противоречивый характер. Одновременно с только что обрисованной уравнительной тенденцией возникает прямо противоположная тенденция, выражающаяся не в ограничении, а, напротив, в поощрении и стимулировании демонстративного потребления богатства в тех случаях, когда это потребление обращено на благо государства и в нем могут принять участие если не все, то, по крайней мере, многие граждане полиса. Речь идет, само собой разумеется, о так называемых литургиях, т. е. почетных повинностях имущих граждан, которые с развитием демократического строя приобрели во многих греческих государствах характер систематических поборов с богачей или, иначе говоря, систематического изъятия и перераспределения прибавочного продукта рабовладельческих хозяйств[31].

Этот, если можно так выразиться, «литургический вариант» экономической политики правительства полиса получил особенно широкое распространение в экономически наиболее развитых районах греческого мира, в государствах с достаточно сложной и мобильной структурой гражданской общины, с ясно выраженным приматом товарно-денежных отношений в ее хозяйственной жизни.

Совершенно очевидно, что ни Спарта, ни города Крита к этой категории греческих государств отнесены быть не могут. Хотя полисная гражданская община сформировалась в этих двух районах достаточно рано, возможно, даже раньше, чем в ионийской малоазийской Греции[32], условия, в которых протекало ее развитие, были здесь таковы, что ее основные социальные и политические структуры могли по-настоящему сложиться лишь на базе очень древних, восходящих к самому отдаленному общедорий-

---

[31] *Zimmern A. E.* The Greek Commonwealth. Oxford, 1911. P. 169 f., 284; *Finley M. I.* The Ancient Economy. Berkeley—Los Angeles, 1973. P. 150 ff.

[32] *Hammond N. G. L.* The Classical Age of Greece. London, 1975. P. 14 ff. Ср.: *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Zürich—Stuttgart, 1965. S. 10 f.; *Bengtson H.* Griechische Geschichte. München, 1969. S. 59 f.

скому прошлому институтов, что придает ее облику печать ясно выраженного архаизма. Разумеется, в данном случае не может быть и речи о простой консервации в Спарте или на Крите целостных фрагментов первобытнообщинного строя или даже всей этой формации. Став структурными элементами полисной общины, архаические дорийские институты несомненно должны были подвергнуться определенной перестройке, а, главное, радикально должна была измениться их функциональная ориентация. Пожалуй, наиболее выразительным примером такой «реиституционализации», согласно определению М. Финли[33], могут служить сисситии и агелы.

Выживание этих специфических форм первобытной социальной организации в условиях фактически уже сложившегося классового общества, равно как и их врастание в структуру рабовладельческого государства, были обусловлены, прежде всего, особой остротой классовых антагонизмов в спартанском и критском обществах и вытекающей отсюда настоятельной потребностью господствующего класса Спарты и городов Крита в консолидации и внутреннем сплочении перед лицом численно намного превосходящей его массы порабощенного и зависимого населения. Эта сложная задача была решена здесь относительно простым и достаточно эффективным способом — посредством принудительной регламентации свободного времени граждан и установления жесткого контроля над их повседневной жизнью. В результате нивелирующая тенденция, как было уже замечено, вообще характерная для ранних форм полиса, в дорийских государствах вылилась в целую систему официальных запретов и предписаний, регламентировавших жизнь каждого свободного гражданина с момента рождения и до гробовой доски. Краеугольным камнем этой системы стал древний обычай коллективного сотрапезничества и групповых атлетических упражнений.

---

[33] *Finley M. I.* Sparta. P. 163. Ср.: *Roussel D.* Tribu et cité. P. 126 s.

РАННИЕ ФОРМЫ УРБАНИЗАЦИИ*

Вопрос о происхождении и природе раннего города как особой формы человеческого общежития по существу может быть сведен к простой дилемме: что привело к рождению города — революция или эволюция, относительно быстрый переход из одного состояния в другое (т. е. от не-города, что бы мы под ним ни понимали, к городу) или же длительный процесс, разделенный на множество промежуточных этапов или стадий? Как известно, уже Г. Чайлд с его завоевавшей широкую популярность теорией «городской революции»[1] не был чужд некоторых сомнений и колебаний именно в этом ключевом пункте. Во всяком случае, он счел необходимым предупредить своих последователей, заметив как-то, что «городскую революцию невозможно представить так же, как и революцию индустриальную, в виде одного-единственного события. Скорее, это был критический пункт в довольно длительном процессе»[2]. По Чайлду, первые города возникли где-то на грани эпохи неолита и ранней бронзы. Зарождение металлургии было, в его понимании, одной из важнейших (если не самой важной) предпосылок ранней урбанизации[3]. Однако спустя короткое время после выхода в свет статьи Чайлда, в которой были сформулированы основные

---

* ВДИ. 1987. № 1. С. 3—18.

[1] Различные оценки этой теории см. в работах: *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966. P. 18; *Daniel G.* The First Civilizations. The Archaeology of Their Origins. London, 1968. P. 26; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. München, 1983. S. 103 f.; *Массон В. М.* Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. Л., 1977. С. 7.

[2] *Childe V. C.* The Prehistory of European Society. Harmondsworth, 1958. P. 53.

[3] Ibid. P. 78 ff.

положения его теории[4], известный американский социолог Л. Мамфорд счел возможным отодвинуть дату рождения первых городов куда-то в глубины эпохи неолита. Напомним, что к тому времени (декабрь 1958 г.), когда Мамфорд выступил с докладом на Чикагском симпозиуме, специально посвященном проблемам ранней урбанизации в странах Передней Азии[5], в печати уже появились сообщения о таких значительных «неолитических городах», как палестинский Иерихон и анатолийский Хаджилар. В своей обычной парадоксальной манере Мамфорд опровергал в этом же докладе чайлдовскую теорию «городской революции»: «Революция означает, что все переворачивается вверх дном и прошлое остается позади. Но город ничего не оставлял позади себя. Напротив, все более и более вещи (уже существующие) собирались и сохранялись здесь. Именно в тесных городских кварталах люди, представлявшие палеолитическую и неолитическую культуры, собрались вместе с тем, чтобы воздействовать и влиять друг на друга»[6]. Если Чайлд тщательно отобрал и рассортировал свои известные десять признаков настоящего города[7], то Мамфорд решил, по крайней мере, для начала ограничиться всего двумя: по его словам, ранний город (правда, он осторожно называет его здесь «proto-city») мог отличаться от деревни лишь своими размерами и числом жителей, хотя при этом он непременно должен был выполнять функции религиозного центра, чем, собственно, и объясняется, по Мамфорду, концентрация населения в поселениях именно этого типа[8].

Таким образом, еще в 50-х годах определились два основных «камня преткновения» в продолжающейся до сих пор дискуссии о происхождении и характере первых городов: проблема «точки отсчета», т. е. вопрос о том, с какого момента следует начинать историю города[9], и тесно связанная с первой проблема критериев, с

---

[4] *Childe V. C.* The Urban Revolution // Town Planning Review. Vol. 21. 1950.

[5] *Mumford L.* Concluding Address // City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East / Ed. by C. H. Kraeling and R. M. Adams. Chicago, 1960.

[6] *Mumford L.* Concluding Address. P. 232.

[7] *Childe V. C.* The Urban Revolution. P. 11 ff.

[8] *Mumford L.* Concluding Address. P. 226, 230, 237.

[9] На реально существующую опасность «беспредельного расширения хронологических и пространственных рамок процессов урбанизации»

помощью которых можно отличить город от предшествующего ему не-города. Дискуссия эта еще и сейчас далека от своего благополучного завершения, о чем свидетельствуют довольно обычные даже в новейшей литературе терминологическая путаница и подмена понятий, благодаря которым возникают всевозможные исторические парадоксы и курьезы вроде уже упоминавшихся «неолитических городов»[10] или «городов», в которых, по признанию самих описывающих их авторов, подавляющую массу населения составляли крестьяне-земледельцы, как это было, например, в крупнейших поселениях древних майя или йорубов[11]. В основе заблуждений такого рода лежит, как нам думается, субъективная неспособность или, может быть, нежелание мысленно охватить всю огромную временную протяженность процесса градообразования или, если выразиться несколько иначе, ту колоссальную историческую дистанцию, которая отделяет город в собственном значении этого слова от всевозможных его предшественников, прототипов, ранних эмбриональных форм, внешне с ним схожих, но по существу еще не имеющих права так называться. Возможно, уже сейчас следовало бы, учитывая их морфологическое и отчасти также функциональное сходство с собственно городом, ввести в употребление некое охватывающее все эти формы обозначение, например «урбаноморфные» или «урбанизированные

в свое время совершенно оправданно указывал В. М. Массон (*Массон В. М.* Первые города (к проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур) // Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975. С. 12).

[10] *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 83 слл.; *Брентьес Б.* От Шанидара до Аккада. М., 1976. С. 60 слл.; *Глазычев В. Л.* И заложил город... // Знание — сила. 1980. № 11. С. 27. Ср.: *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972. P. 18, 98, 151; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 109 f.; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1977. С. 139 слл.

[11] *Гуляев В. И.* Забытые города майя. М., 1984. С. 40; *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. М., 1968. С. 65 слл. Ср.: *Trigger B.* G. Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies // Man, Settlement and Urbanism / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. London, 1972. P. 577.

поселения»[12], разделив сообразно с этим сам процесс урбанизации на два основных этапа (или, может быть, типа). Историческое содержание одного из них можно было бы свести к вызреванию различных архетипов или прототипов города. Во всяком случае, традиционное представление о непосредственном перерастании деревни в город, следствием чего было возникновение извечной противоположности этих двух типов поселений, сейчас воспринимается как сильно устаревшее и грубо упрощающее реальный ход событий[13].

Уже a priori, т. е. до ознакомления с конкретным историческим материалом, представляется маловероятным, чтобы город как особый тип поселения и вместе с тем особого рода социальный организм, не только не исчезающий, но, напротив, достигающий своего наивысшего расцвета в условиях современной индустриальной цивилизации, мог возникнуть и утвердиться в результате одного сравнительно короткого скачка еще в ту пору, когда только зарождались древнейшие из всех известных нам классовых обществ. Логичнее было бы предположить, что, подобно другим универсальным историческим категориям, таким, как государство, классы, частная собственность и т. п., город прошел весьма длительный путь развития, прежде чем стал самим собой не только номинально, но и субстанциально. На этом пути неизбежно должны были возникать многообразные промежуточные или гибридные формы поселений, соединяющие в себе признаки города с признаками его диалектической противоположности — первобытного не-города. В связи с этим уместно напомнить, что даже и в одной более или менее ограниченной исторической плоскости, возьмем ли мы современную индустриальную эру или же предшествующую

---

[12] Попытки разработки такого рода новой терминологии уже предпринимались некоторыми западными историками, хотя в отдельных случаях они ведут к прямому отказу от употребления самого термина «город» и соответствующего ему понятия (см., например: *Andersson H.* Urbanisierte Ortschaften und lateinische Terminologie. Studien zur Geschichte des nordeuropäischen Städtewesens vor 1350 // Acta regiae societatis scientiarum et literarum Gothoburgensis. Humaniora. 6. Gotheborg, 1971. S. 39; *Vittinghoff P.* Urbanisation als Phänomen der Antike // Reports of the XIV-th International Congress of the Historical Sciences. Vol. II. New York, 1977. P. 575.

[13] Ср.: *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 111 f.

ей эпоху средневековья, всегда бывает трудно провести четкую разграничительную линию между городом и противостоящей ему деревней. На разделяющей их «ничейной земле» обычно обнаруживаются некие комбинации этих двух «идеальных типов», не совпадающие в полной мере ни с одним из них[14]. Эта размытость границ, разделяющих понятие города и деревни в их конкретно-исторической (не теоретической) данности, так или иначе отражена во многих языках мира, как современных, так и более древних (ср. русск.: «город — городок — деревня», англ. «city — town — village» и т. п.).

Признание географической реальности категории «города-деревни» (некоторые немецкие авторы пытаются выразить ее посредством сдвоенных терминов: Stadtdorf, Ackerburg и т. п.)[15] неизбежно влечет за собой признание также и исторической ее реальности в качестве не просто одного из звеньев в эволюционной цепи становления городского уклада жизни, но весьма длительного переходного состояния, в сущности, составляющего целую историческую эпоху. Само это состояние мы можем представить себе как процесс постепенного накопления собственно урбанистических качеств и признаков или, что то же самое, как постепенное повышение уровня урбанизации в рамках некоего до поры до времени нерасчлененного единства противоположностей, т. е. в данном случае города и деревни[16]. Само собой разумеется, что рано или поздно этот процесс должен был привести к окончательному размежеванию города и деревни в качестве двух резко различающихся типов поселения. Весь вопрос как раз в том и состоит, когда такое размежевание могло произойти.

Историческая специфика города заключается в том, что он является поселением в полном смысле этого слова полифункциональным[17], что собственно и обеспечивает ему с самого момента его возникновения то доминирующее положение, которое он занима-

---

[14] *Ennen E.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953. S. 22; *Wheatly P.* The Concept of Urbanism // Man, Settlement and Urbanism / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. London, 1972. P. 604; *Grundmann S.* Die Stadt. Berlin, 1984. S. 86.

[15] *Ennen E.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. S. 21.

[16] Ср.: *Mumford L.* Concluding Address. P. 228.

[17] *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies. P. 577, 592.

ет среди всех прочих поселений (деревень или поселков), выполняющих, как правило, не более одной-двух функций одновременно. Разумеется, сам набор функций, отличающих город от не-города, нельзя рассматривать просто как некую механическую сумму признаков, не меняющуюся сколько-нибудь существенно от перемены мест составляющих ее слагаемых[18]. В этом наборе обязательно должен быть выделен какой-то один, можно сказать, сущностный признак, являющийся, по определению Г. А. Кошеленко, «структурообразующим элементом, определяющим главное в характере города»[19]. В противном случае мы можем очень легко оказаться в положении тех не столь уж немногочисленных авторов, которые вообще отрицают возможность выработки единого, одинаково пригодного для всех исторических эпох, стран и народов определения самой категории города[20]. Конечно, можно еще долго спорить о том, что же считать этим наиболее важным или сущностным признаком города (одно перечисление мнений, уже высказанных по этому вопросу, вероятно, заняло бы не один десяток страниц). Тем не менее, ориентируясь на известные высказывания классиков марксизма[21], а также на некоторые, на наш взгляд, достаточо авторитетные суждения их современных интерпретаторов[22], мы можем сейчас определить город в самом широком значении этого слова, прежде всего как устойчивую полифункциональную форму территориальной консолидации гетерогенного населения, непосредственно не занятого в сфере сельскохозяй-

---

[18] В таком механистическом подходе к пониманию природы города справедливо обвиняли Г. Чайлда некоторые из его оппонентов (см., например: *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. P. 11 f.; *Wheatly P.* The Concept of Urbanism. P. 611 f.).

[19] *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 220.

[20] Против тенденций такого рода вполне оправданно выступает О. Г. Большаков (*Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. М., 1984; см. ссылки на работы, в которых эти тенденции проявились наиболее отчетливо).

[21] См. в особенности: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 49 сл.; Т. 21. С. 163.

[22] См.: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики. С. 222 сл. со ссылками на более раннюю литературу.

ственного производства[23]. Необходимо иметь в виду, что этот главный сущностный признак города обычно проявляется в достаточно ясно выраженной форме, предполагающей окончательно определившуюся дихотомию города и деревни как двух антагонистически противоположных типов поселения лишь на сравнительно поздних стадиях развития основных общественных формаций древнего мира, но никак не в момент их зарождения в начале бронзового века[24]. Следовательно, в данный момент наша

---

[23] Мы сознательно выбираем здесь эту достаточно широкую формулировку, принимая во внимание, что «население, непосредственно не занятое в сфере сельскохозяйственного производства», может означать и людей, занимающихся различными видами несельскохозяйственного труда, т. е. ремесленников, рабочих, торговцев и т. п., и людей, вообще не причастных к материальному производству, т. е. представителей господствующих классов, обслуживающий их персонал из рабов и свободных, интеллигенцию, представителей государственной администрации, военных, священнослужителей, наконец, люмпен-пролетариат (*Sjoberg* G. The Origin and Evolution of Cities // Scientific American. Vol. 20. 1978. P. 56). Заметим попутно, что в древности, в особенности в странах античного мира, эта вторая категория городского населения численно нередко лишь немногим уступала первой или даже превосходила ее.

[24] В противном случае мы должны были бы зачислить в разряд «городов», как это, впрочем, обычно и делается, множество относительно крупных поселений, в которых люди, занятые обработкой земли и другими видами сельского труда, составляли подавляющее большинство или, во всяком случае, весьма значительную часть населения (*Hammond M.* The City in the Ancient World. P. 3; *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies. P. 577; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 110 f.; *Grundmann S.* Die Stadt. S. 83 ff.; *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973. С. 17). Многие авторы склонны думать, что ни древний Восток, ни даже античный мир никогда не знали настоящего антагонизма между городом и деревней или же узнали его лишь в сравнительно позднее время. См.: *Оппенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 111; *Humphreys S. C.* Town and Country in Ancient Greece // Man, Settlement and Urbanism / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. London, 1972. P. 766; *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. 1973. № 34. С. 7; *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 275. Ср.: *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилон-

задача заключается в том, чтобы попытаться наметить хотя бы самую общую, во многом, конечно, лишь предварительную, еще нуждающуюся в дальнейшей доработке и уточнениях схему начальных этапов процесса урбанизации, предшествующих возникновению собственно города[25].

Наиболее ранний из этих этапов и соответствующий ему тип поселения может быть обозначен условным термином «квазигород»[26]. Под квазигородом мы подразумеваем земледельческое поселение (или, по сути дела, деревню), обладающее некоторыми чисто внешними признаками, которые сближают его с городом[27]. Такими признаками могут считаться: 1) наличие более или менее массивных оборонительных сооружений; 2) компактная застройка всей площади поселения, при которой почти не остается места для садов и приусадебных участков, как в обычных деревнях, хотя могут существовать специальные загоны для скота; 3) более или менее правильная планировка, нередко с ясно выраженной сеткой кварталов и улиц; 4) наличие элементов коммунального благоустройства, например вымостки улиц, колодцев, дренажных стоков и т. п.; 5) более или менее благоустроенные жилища, отличающиеся от обычных деревенских хижин в чисто архитектурном плане и по уровню бы-

---

ского города II тыс. // Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973. С. 32 сл.; *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики. С. 222, 245.

[25] Ср.: *Redman Ch. L.* The Rise of Civilization. San Francisco, 1978. P. 182 ff., 202, 221.

[26] Ср.: *Sjoberg G.* The Origin and Evolution of Cities. P. 56, 58.

[27] В известном смысле аналогом квазигорода можно считать географически гораздо шире распространенное городище, в котором некоторые авторы видят особую форму первобытного поселения, из которого или на основе которого непосредственно вырастает город (см., например: *Сава-ренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. М., 1984. С. 7). Понятия эти, однако, нельзя расценивать как вполне тождественные друг другу, поскольку они принадлежат к двум разным таксономическим рядам. Городище представляет собой особый род археологических памятников, которым в конкретной исторической действительности могли соответствовать самые разнообразные виды и формы поселений: укрепленные земледельческие поселки, т. е. квазигорода, общинные и племенные убежища, резиденции племенных вождей (примитивные замки), наконец, протогорода и ранние города (ср.: *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd. II. Prague, 1969. S. 969 f.).

тового комфорта; 6) наличие более или менее ясно выраженного ритуального центра в виде открытой церемониальной площадки или закрытого святилища, или, наконец, комбинации того и другого. Из этих шести признаков, выделяющих квазигород среди всех других видов и форм первобытных земледельческих поселений, совершенно обязательными должны быть признаны лишь два: второй и пятый, все остальные в зависимости от конкретных условий, места и времени могут либо появляться, либо исчезать. Как показывает практика, уже несколько десятков двух- и трехэтажных домов, компактно сгруппированных на небольшом пространстве, бывает вполне достаточно для того, чтобы такое поселение могло произвести на непредубежденного путешественника, впервые увидевшего его со стороны, или на производящего раскопки археолога впечатление настоящего, хотя и небольшого города[28].

Исторически квазигород представляет собой весьма устойчивую форму человеческого общежития, без сколько-нибудь существенных изменений переходящую (там, где для этого существуют благоприятные условия) из одной эпохи в другую[29]. В сущности, если вдуматься, не столь уж велика разница между такими его разновидностями, разделенными огромными, исчисляемыми тысячелетиями хронологическими промежутками, как, например, неолитические поселения Анатолии Чатал Гюйюк и Хаджилар, с одной стороны, и многие деревни, существовавшие на той же территории в эпоху римского, византийского и затем османского владычества, с другой. Во многом такая жизнеспособность квазигорода объясняется его идеальной приспособленностью к определенного рода естественной среде, характерной в основном для гористых и засушливых районов Передней и Центральной Азии, Кавказа, Средиземноморья, Северной Африки и Центральной Америки. Во всех этих регионах основными факторами, определявшими выбор места для поселения, его характер и структуру, во все вре-

---

[28] Классическим примером квазигорода могут считаться мексиканские пуэбло. Американский археолог Роув относит их к особой категории «поселений городского типа» (urban settlements), видя их главное отличие от собственно города в том, что основную массу их населения составляли охотники, рыболовы, земледельцы и скотоводы (цит. по: *Wheatly P.* The Concept of Urbanism. P. 613).

[29] Ср.: *Myres J. L.* Mediterranean Culture. Cambridge, 1944; *Ennen E.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. S. 21 f.

мена оставались крайняя изрезанность рельефа, ограниченность пригодных для обработки земельных массивов, большие природные запасы камня и глины при сравнительном дефиците строительного леса и, наконец, сравнительная редкость источников питьевой воды. Все эти обстоятельства, несомненно, способствовали широкому распространению квазигорода в пределах обширной географической зоны, простирающейся от Испании и Марокко на западе до Тибета и Непала на востоке[30]. Повсюду на этой территории мы встречаем практически один и тот же тип поселения (хотя, разумеется, в весьма многообразных его вариантах), характеризующийся чрезвычайно плотной застройкой, тенденцией к развитию жилого массива скорее в вертикальном, чем в горизонтальном, направлении (преобладание так называемых «башенных жилищ»), особой заботой о неприступности поселения[31].

Разумеется, необходимо учитывать не только экологическую, но и социальную, а также экономическую обусловленность важнейших специфических особенностей квазигорода. Одной из главных предпосылок возникновения этой формы поселения следует считать переход от охоты и собирательства к оседлоземледельческому образу жизни, с чем обычно связывается резкое увеличение плотности населения и его концентрация в пунктах, наиболее благоприятных с хозяйственной точки зрения[32]. Уже на ранних стадиях эпохи неолита появляются поселения квазигородского типа, которые и по занимаемой ими площади, и, видимо, по численности населения превосходят даже некоторые из так называемых «городов» более позднего времени[33]. Примером может служить уже упоминавшийся Чатал Гюйюк в Анатолии, площадь которого составляла около 13 га[34]. Судя по всему, квазигород возникает

---

[30] Эта зона дает наиболее впечатляющие и вместе с тем исторически наиболее устойчивые образцы поселений квазигородского типа, хотя отдельные их экземпляры и даже целые «гнезда» можно встретить и далеко за ее пределами. Едва ли не самым северным из поселений этого рода может считаться знаменитая Скара Бра на одном из полуостровов Оркнейского архипелага у берегов Шотландии.

[31] *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Народная башенная архитектура. М., 1976.

[32] *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л., 1981. С. 119 сл.

[33] Ср.: *Redman Ch. L.* The Rise of Civilization. P. 206 ff., 215.

[34] *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. С. 83.

еще в условиях вполне жизнеспособного первобытнообщинного строя, и если в дальнейшем продолжает существовать как особый вид поселения также и в некоторых классовых обществах, то лишь в тех, где традиции первобытной эпохи были особенно сильны и где сохранялся особенно мощный слой свободного или полусвободного крестьянства. По своей социальной природе квазигород может быть квалифицирован как поселение земледельческой общины, внутренне еще очень слабо дифференцированной. Типичная для поселений этого рода стандартность жилой застройки, отсутствие построек, которые могли бы быть отнесены к разделу «особняков», «вилл» или «господских домов», свидетельствуют о принципиальной социальной однородности занимающих их коллективов. Конечно, с течением времени в этой изначально однородной и неподвижной социальной среде должны были происходить определенные изменения, появлялись зачаточные формы имущественной стратификации и хозяйственной специализации. Однако среди основной массы общинников еще очень долго продолжали сохранять свою силу традиции первобытной солидарности и равенства. Для подавляющего их большинства основным способом жизнеобеспечения оставалось примитивное сельское хозяйство. Возникавшие в отдельных семьях зачатки ремесленной специализации, как правило, не поднимались выше уровня подсобных промыслов или же так называемого «общинного ремесла»[35]. Всем этим, собственно говоря, и обеспечивалось длительное выживание квазигорода в качестве особой формы поселения.

Промежуточное положение между квазигородом и собственно городом занимает еще один специфический тип поселения, который мы предложили бы обозначить также в достаточной степени условно термином «протогород». Термин этот давно и теперь уже достаточно широко используется в научной литературе, варьируясь с такими словосочетаниями, как «ранний город», «первый город» и т. п., без сколько-нибудь четкого смыслового разграничения между ними. Обычно под протогородом понимается некая зачаточная форма собственно города, отличающаяся от его более зрелых, окончательно определившихся форм не столько каче-

---

[35] *Массон В. М.* 1) Ремесленное производство в эпоху первобытного строя // ВИ. 1972. № 3. С. 10 слл.; 2) Экономика и социальный строй древних обществ (В свете данных археологии). С. 62 слл.; *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. С. 69.

ственно, сколько количественно, по степени выраженности в общем одних и тех же признаков или в более редких случаях по полноте их «ассортимента»[36]. Нам кажется, однако, что протогород был в значительной мере явлением sui generis со своими специфическими особенностями, отличающими его в равной степени и от предшествующего ему квазигорода, и от сменившего его собственно города. Исторически протогород как особый переходный тип поселения соответствует эпохе классообразования и становления государства (политогенеза), хотя во многих районах древнего мира он продолжает существовать также и на стадии раннеклассовых общественных формаций вплоть до их окончательного изживания. Основными предпосылками его зарождения могут считаться: 1) относительно высокий уровень развития общественного производства, в особенности сельского хозяйства, обеспечивающий появление прибавочного продукта и создающий условия для его концентрации в определенных местах; 2) далеко продвинувшаяся социальная стратификация общества по имущественному и статусному признакам; 3) политическая интеграция первоначально обособленных земледельческих общин и образование хотя бы примитивного государственного аппарата; 4) развитая специализация (профессионализм) в ремесле, военном деле, культовой практике и т. п.

В отличие от квазигорода, являвшегося, по крайней мере, в своей первоначальной форме поселением изолированной общины, протогород уже с самого начала выступает в роли объединяющего (интегрирующего) центра целого района или округа, занимая главенствующее положение внутри в одних случаях сравнительно простой, в других же — весьма сложной иерархии поселений. Уже на ранних стадиях своего развития протогород создает вокруг себя своего рода «силовое поле», распространяя свое влияние на все окружающие его поселения и удерживая их под своим контролем[37]. Так происходит потому, что в отличие от рядовых посе-

---

[36] *Mumford L.* Concluding Address. P. 230 f.; *Hammond M.* The City in the Ancient World. P. 151; *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B. C. London, 1972. P. 402; *Массон В. М.* Алтын-Депе. С. 108, 119.

[37] В их простейшей форме такого рода системы расселения засвидетельствованы, с одной стороны, археологически для Южного Двуречья и Туркмении (*Adams R. M., Nissen H. J.* The Uruk Countryside.

лений сельского или квазигородского типа, выполняющих в рамках такой иерархии, как правило, простейшие чисто производственные функции, протогород даже и в наиболее примитивной (первичной) своей форме способен выполнять уже и иные, иногда довольно сложные задачи экономического, социального, политического, военного и идеологического характера, причем с течением времени число этих задач все более увеличивается[38]. Этому многообразию функций, выполняемых протогородом в пределах возглавляемой им иерархии поселений, обычно соответствует и многообразие (гетерогенность) его населения. Оно намного сложнее, разнороднее по своему социальному, профессиональному и этническому составу, чем население любого, даже самого крупного квазигорода. Естественно, что чем больше сам протогород и чем более важное место занимает он в общей системе поселений того или иного района или государства, тем сложнее выполняемые им общественные функции и тем сложнее и разнообразнее состав его населения.

Как поселение с ярко выраженными признаками экономического, политического и идеологического центра определенного округа, района или даже целого государства протогород, несомненно, стоит в том же типологическом ряду, что и собственно город. Неудивительно, что их постоянно смешивают друг с другом, хотя в действительности они представляют собой две сильно различающиеся исторические категории. Даже в своих наиболее зрелых,

---

The Natural Setting of Urban Societies. Chicago—London, 1972. P. 18; *Adams R. M.* Patterns of Urbanization in Early Southern Mesopotamia // Man, Settlement and Urbanism. / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. London, 1972. P. 742; История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983. С. 107 слл.; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). С. 142 сл.), с другой — этнографически для некоторых районов тропической Африки (Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978. С. 232 слл.).

[38] Ср.: *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies. P. 579 ff.; *Массон В. М.* 1) Типология древних городов и исторический процесс. С. 6; 2) Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 23 сл.

можно сказать, классических формах, обладающих наиболее полным набором урбанистических признаков, протогород все же остается особым, еще достаточно архаичным типом поселения, не тождественным городу в самом точном значении этого слова. Важнейшая специфическая особенность протогорода, отличающая его от собственно города, заключается в том, что, несмотря на отмеченную выше гетерогенность его населения, его основную массу составляли, как правило, крестьяне-земледельцы, сохранявшие при переселении в город свои права членов поземельной общины и, что особенно важно, свою землю и основной род занятий — земледелие и скотоводство[39]. Таким образом, формально став «горожанином», крестьянин переносил в новую среду обитания свой хозяйственный и житейский уклад, подвергшийся лишь незначительным изменениям в результате неизбежного приспособления к этой среде.

Классическим примером таких крупных агломераций земледельческого населения могут служить так называемые «города» древнего Шумера, по крайней мере, в той их форме, в которой они возникли и существовали еще на заре истории Двуречья в IV—III тыс. до н. э. Как признают такие авторитетные исследователи шумерской цивилизации, как Фрэнкфорт, Эдэмс, Оппенхейм[40], подавляющее большинство их обитателей было так или иначе занято в сфере сельскохозяйственного производства[41]. Сейчас довольно трудно понять, что заставляло древних земледельцев Южного Двуречья бросать насиженные места в каких-нибудь хуторах или деревушках и перебираться в огромные человеческие скопища типа Урука или Лагаша, жертвуя привычками и даже

---

[39] Применительно к «ранним городам» эта особенность была отмечена уже Г. Чайлдом (*Childe V. C.* The Urban Revolution. P. 11; *Чайлд Г.* Древний Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 255; см. также: *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 114).

[40] *Frankfort H.* The Birth of Civilization in the Near East. London, 1951. P. 57 f.; *Adams R. M.* Patterns of Urbanization in Early Southern Mesopotamia. P. 739, 743 f.; *Оппенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. С. 113 сл.

[41] К тому же мнению склоняется, судя по всему, и И. М. Дьяконов, который в своем очерке о Двуречье протописьменного периода берет в кавычки сам термин «город» (История древнего Востока. Ч. I. С. 139).

удобствами, связанными с нормальной сельской жизнью. Не исключено, что во многих случаях это переселение крестьян в так называемые «города» осуществлялось принудительно, не столько ради них самих, ради их удобств и житейских потребностей, сколько в интересах государства, стремившегося держать под своим контролем максимум рабочей силы, не давать ей распыляться в пространстве, а главное, не уступать ее (так же как и обрабатываемую ею землю), другим враждебным государствам. Создается впечатление, что только такого рода стимулы могли вызвать к жизни такие, на первый взгляд, противоестественно огромные скопления земледельческого населения, какими были «первые города» Шумера[42]. Вероятно, именно постоянная напряженность, существовавшая между расположенными в близком соседстве номовыми государствами, создавала в этой части Двуречья эффект, подобный действию двух электродов, погруженных в ванну с раствором, и стимулировала рост поселений протогородского типа. Напомним для сравнения, что в Египте, где очень рано сложилось единое централизованное государство в масштабе целого речного бассейна, протогородские центры то ли так и не вышли из полуэмбрионального состояния, то ли, будучи лишенными достаточно четких контуров, заметно сливались с окружающей их сельской местностью[43].

---

[42] Такой крупный авторитет в области археологии Двуречья, как Р. Эдэмс, обращает внимание на «в сущности искусственный характер ранних месопотамских городов, по крайней мере, с социально-экономической точки зрения». По его словам, «это были своего рода сплавы, созданные специально для того, чтобы увеличить экономическое благосостояние, а также наступательную и оборонительную мощь очень небольшого политически сознательного верхнего слоя ... большая часть населения была привязана к городу только в различающихся степенях принуждения, была лишь косвенно затронута многими наиболее характерными городскими институтами и лишь с известным преувеличением может быть охарактеризована как существенно урбанизированная в своих взглядах на жизнь» (*Adams R. M.* Patterns of Urbanization in Early Southern Mesopotamia. P. 743; см. также: История древнего Востока. Ч. I, С. 139).

[43] *Wilson J. A.* Civilization Without Cities // City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East / Ed. by C. H. Kraeling and R. M. Adams. Chicago, 1960. P. 124 ff.; *Hawkes J., Wooley L.* History of Mankind. Cultural and Scientific Development. Vol. I. London, 1964. P. 417; *Hammond M.* The City in the Ancient World.

Едва ли существенно иными были пути, по которым шел процесс градообразования также и в других частях древней ойкумены. Даже в государствах античного мира поселения протогородского типа, т. е. с преимущественно крестьянским населением, в течение достаточно долгого времени занимали доминирующее положение. Именно так можно понять известное высказывание К. Маркса в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»: «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»[44]. Также и Ф. Энгельс называл республиканский Рим «крестьянским городом»[45]. Еще в сравнительно недавние исторические периоды «города» с преимущественно земледельческим населением, т. е. в сущности опять-таки протогорода, были известны в ряде районов Мезоамерики и Центральной Африки («города» майя и ацтеков, «города» йорубов и пр.)[46].

Все эти примеры достаточно ясно показывают, что где бы и в каких конкретных условиях ни возникал протогород, его основным конституирующим (градообразующим) элементом всегда оставалось крестьянство, организованное в поземельные и большесемейные общины[47]. Иначе говоря, тот тип поселения, который мы привыкли называть «ранним городом», в действительности представлял собой специфическую форму территориальной консолидации земледельческого населения. Такая консолидация или то, что греки называли «синойкизмом», могла происходить как спонтанно в силу внутренней потребности первичных сельских общин в политическом сплочении (чаще всего в целях совместной самозащиты), так и искусственно, под нажимом высшей государ-

---

P. 76. Ср.: *Кетр В. Дж.* Temple and Town in Ancient Egypt // Man, Settlement and Urbanism / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. London, 1972; *Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. С. 12 слл.

[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 470.

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 164, 647.

[46] *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies. P. 577; *Гуляев В. И.* Забытые города майя. С. 40 слл.; *Кочакова Н. Б.* Города-государства йорубов. С. 45 слл.; Община в Африке. С. 232 слл.

[47] *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). С. 142 сл.

ственной власти. Чаще всего (особенно на Востоке) основным ядром, вокруг которого формировался протогород, было наиболее почитаемое в данной местности святилище, что дает основание ряду авторов говорить об особой интегрирующей роли религиозных центров на начальных фазах процесса градообразования[48]. Однако, как бы ни протекал и какие бы формы ни принимал сам этот процесс, в то время он еще не мог привести к четкому территориальному размежеванию двух основных групп производящего населения: наиболее многочисленной группы, занятой в сфере сельского хозяйства, и менее многочисленной группы, находящейся вне этой сферы. Следовательно, здесь не могла еще возникнуть сколько-нибудь ясно выраженная противоположность между городом и деревней. Оба этих типа поселения пока еще составляли единое целое, которое мы и называем «протогородом»[49].

---

[48] *Mumford L.* Concluding Address. P. 226, 230, 237; *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. P. 121, 125 ff.; *Hammond M.* The City in the Ancient World. P. 38; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 128 f.; *Оппенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. С. 113 сл.

[49] Небольшие земледельческие поселки, деревни и хутора, составлявшие в совокупности то, что весьма условно может быть названо «сельской периферией» протогорода, едва ли могут считаться его противовесом в социальном и экономическом планах. Скорее они были его, так сказать, продолжением и развитием, его хозяйственными «филиалами» или «аванпостами», вынесенными в зону непосредственной производительной деятельности основной массы его населения, или, иначе говоря, звеньями одного пространственного континуума. Не случайно в некоторых странах древнего мира четкая грань между так называемым «городом» и его сельской округой нередко отсутствовала. Одно здесь незаметно переходило в другое. Подвергнутая археологическому изучению, такая система расселения у одних исследователей вызывает впечатление почти полного отсутствия настоящих городских центров, у других же, напротив, впечатление огромных мегалополисов, протянувшихся на многие километры. Так воспринимаются некоторыми авторами, например, «столичные города» древнего Египта: Мемфис и Фивы (*Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. С. 12, 18), церемониальные центры древних майя (*Гуляев В. И.* Забытые города майя. С. 54 слл.; ср.: *Willey G. R.* // City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East / Ed. by C. H. Kraeling

В связи с этим следует обратить внимание также и еще на одно немаловажное обстоятельство: в раннеклассовых обществах, с которыми обычно связывается весь комплекс представлений о так называемой «городской революции», процесс отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства, в которой основоположники марксистской исторической науки видели первооснову антагонизма города и деревни[50], протекал по большей части чрезвычайно замедленными темпами. Об этом свидетельствует целый ряд характерных фактов. В раннединастическом Шумере, так же как и в некоторых других государствах древней Передней Азии, даже высококвалифицированные ремесленники, занятые в храмовых и дворцовых хозяйствах, получали за свою работу земельные наделы и, следовательно, должны были в той или иной степени заниматься хлебопашеством, садоводством и т. п. видами сельского труда. Как справедливо заметил по этому поводу И. М. Дьяконов, «говоря о разделении труда между ремеслом и земледелием, не следует абсолютизировать понятие этого разделения»[51]. Добавим от себя, что такая абсолютизация тем более опасна, что основную массу ремесленного населения в древнейших классовых обществах, где бы они ни возникали, составляли, по всей видимости, не специалисты высокой квалификации или full-time specialists, как называл их Г. Чайлд, а люди, занимавшиеся всевозможными домашними промыслами в перерывах между работой на полях или выпасом скота, т. е. в сущности полуремеслен-

---

and R. M. Adams. Chicago, 1960. P. 44 f. — выступление в дискуссии по докладу Эдэмса). С другой стороны, некоторые шумерские «города», например Урук, поглощали в процессе своего становления все расположенные в непосредственной близости от них поселения сельского типа, образуя вокруг себя зону «свободной земли», простиравшуюся на 15 км от стен «города» (*Adams R. M.* Patterns of Urbanization in Early Southern Mesopotamia. P. 739, 742 f.; *Adams R. M., Nissen H. J.* The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. P. 17 ff.; *Redman Ch. L.* The Rise of Civilization. P. 266 f.; *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс. С. 32).

[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 49 сл.; Т. 21. С. 163.

[51] *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. // ВДИ. 1968. № 4. С. 9, прим. 39.

ники-полукрестьяне[52]. Вся эта масса производителей была рассеяна по множеству сельских и домашних (большесемейных) общин и уже в силу своей зависимости от этих общин, а также и в силу привязанности к своим земельным наделам не имела возможности свободно передвигаться и скапливаться в тех или иных местах, если только такому перемещению не подвергались сами общины, в состав которых входили ремесленники этой категории.

Что же касается сравнительно немногочисленных мастеров высокой квалификации, живших в основном за счет своей профессии, то они тоже были сильно ограничены в свободе передвижения, поскольку в подавляющем большинстве находились под контролем и в распоряжении дворцовой или храмовой администрации, которая, скорее всего, и определяла места для их поселения. При этом часть специалистов такого рода могла размещаться в самом дворце или храме или же где-то в непосредственной близости от него, другая же, возможно, более многочисленная их часть, расселялась по окрестным городкам или деревням либо вперемежку с обитавшими там земледельцами, либо в особых «рабочих поселках». Такая система существовала, например, в Угарите, где состоявшие на царской службе специалисты, так сказать, высокого класса получали от дворца в условное держание земельные наделы и селились в тех общинах, где находилась выданная им земля. Так, литейщики меди и бронзы проживали в 12 различных селениях, разбросанных по территории Угаритского государства. В хурритской Аррапхе засвидетельствованы специализи-

---

[52] Разграничить так называемое «домашнее» или «общинное ремесло» и ремесло специализированное, профессиональное как в синхроническом, так и в диахроническом планах — задача не менее трудная, чем проведение четкой демаркационной линии между первым городом и предшествующим ему не-городом. На чисто археологические трудности решения этой проблемы в свое время обратил внимание В. М. Массон (*Массон В. М.* Становление ремесла в свете данных археологии // Домашние промыслы и ремесло. Л., 1970. С. 20). Как он указывал в другой своей работе (*Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытного строя С. 117), о настоящей специализации ремесленного производства и отделении его от сельского хозяйства можно говорить только применительно к периодам развитой и поздней бронзы, т. е. не ранее II тыс. до н. э. О длительном сосуществовании домашнего ремесла с ремеслом специализированным см.: *Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. С. 69 сл.

рованные общины (*димту*) ткачей, гончаров, кузнецов, плотников, торговцев и даже писцов. Такие общины имели землю в коллективной собственности и вели на ней свое хозяйство. Число общин было ограничено: каждая специальность была представлена только одной общиной на всю страну[53]. Последнее обстоятельство свидетельствует, во-первых, об активном вмешательстве государства в спонтанный процесс развития ремесленной специализации, во-вторых же, о том, что на определенном этапе развития древневосточных и иных подобных им цивилизаций такая специализация отнюдь не обязательно имела своим следствием скопление ремесленников различных профессий в городских центрах[54].

Итак, мы видим, что в древнейших классовых обществах ремесленники отнюдь не были теми свободно блуждающими индивидами, из скоплений которых в более поздние времена, согласно общепринятым воззрениям, постепенно вырастали средневековые европейские города. Очевидно, должен был пройти немалый исторический срок, прежде чем ремесленная прослойка смогла, наконец, выдвинуться на первый план как более или менее самостоятельный и достаточно весомый благодаря своей численности и социальному престижу градообразующий элемент[55]. На ранних

---

[53] *Янковская Н. Б.* Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии. Дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук (рукопись). Л., 1981. Л. 306 слл., 315, 321.

[54] *Trigger B. G.* Determinants of Urban Growth in Pre-industrial Societies. P. 583.

[55] Вряд ли можно согласиться с Э. В. Сайко (*Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра. С. 17), которая, неодобрительно отзываясь об авторах, «акцентирующих внимание на слабости и низком уровне ремесла и торговли в период становления города», пытается парировать их доводы с помощью такого рассуждения: «Известно, что первые города очень часто мало чем отличались по своему виду, объему от деревни. Хозяйства древнейших городов носили полунатуральный характер. Ремесло не всегда занимало в нем по объему основное положение. Более того, сами ремесленники могли располагаться со своими лавками за пределами городов. Однако не объем развивающегося явления, а тенденция и возможность его развития являются определяющими». Но, рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что «первым городом» могла быть палеолитическая охотничья стоянка, так как уже и там были свои специалисты, скажем, по обработке кремня или кости и, следовательно, существовала тенденция к обособлению ремесла от всяких иных видов

этапах урбанизации, падающих на IV—III тыс. до н. э., такая роль ей была еще явно не под силу. Отдельные ремесленные мастерские, иногда даже целые их комплексы (так называемые «ремесленные кварталы»), открытые в некоторых достаточно древних поселениях Передней и Средней Азии, например, в Ярым-Тепе (Северный Ирак), Алтын-Депе (Южная Туркмения) и др., упоминания о различных ремесленных профессиях в древнейших клинописных текстах вряд ли могут существенно изменить эту картину, ибо даже и в тех местах, где уровень концентрации ремесленного производства был особенно высоким, сами ремесленники составляли лишь незначительное меньшинство в общей массе по преимуществу земледельческого населения «раннего города»[56].

Пожалуй, в еще меньшей степени могут претендовать на роль основного градообразующего элемента на ранних этапах урбанизации представители прослойки профессиональных торговцев. В древнейших государствах Двуречья они были преимущественно торговыми агентами крупнейших храмов или зависели от дворцовой администрации[57], причем упоминания о них встречаются лишь в довольно поздних письменных источниках. Во II тыс. до

хозяйственной деятельности. Если сравнивать относительно вяло протекавший процесс ремесленной специализации по степени его воздействия на урбанизацию на наиболее ранних ее этапах с такими факторами, как развитие светской и духовной власти, развитие военного дела одновременно в его оборонительном и наступательном аспектах, то преимущество, несомненно, окажется на стороне этих последних (ср. статью: Город (б. а.) // СИЭ. Т. 4. 1963. С. 546; *Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. С. 7 сл.; *Гуляев В. И.* Забытые города майя. С. 40).

[56] Как справедливо указывает И. М. Дьяконов (История древнего Востока. Ч. I. С. 129), «город в древности всегда был центром не только и даже не столько ремесла и торговли, сколько сельскохозяйственного производства». Также и В. М. Массон (*Массон В. М.* 1) Первые города (к проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур). С. 12; 2) Типология древних городов и исторический процесс. С. 7; 3) Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций. С. 25) считает, что «генетически наиболее древней» из всех функций «раннего города» была функция «центра земледельческой округи».

[57] *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. С. 9; *Оппенгейм А. Л.*

н. э. во многих городах Передней Азии появляются особые купеческие кварталы — *карум*[58]. Такие кварталы, однако, ни в коем случае не могут считаться структурным ядром древневосточного «города» хотя бы уже по той причине, что, как правило, они возникают намного позже самого «города» в качестве его своеобразных придатков. Нередко они находились вне черты городских стен, вблизи от пристани, где размещались склады товаров. В известном смысле это были самостоятельные социальные организмы, очень слабо связанные с городской общиной. Как указывает Н. Б. Янковская, «возникновение карума (при малоазийских и сирийских городах. — *Ю. А.*) ничего не меняло в структуре местного города-государства»[59].

Хорошо известно, какую большую роль играла в становлении средневекового европейского города рыночная торговля. Именно рынок был в ту пору тем интегрирующим, структурообразующим центром, который стягивал к себе первоначально разрозненных свободных ремесленников и торговцев, организуя их в новое социальное единство — город[60]. Однако формула свободного рыночного хозяйства едва ли способна дать вполне адекватное объяснение той экономической ситуации, которая может считаться более или менее характерной для протогородских поселений Передней Азии и сопредельных с нею районов древней ойкумены. В большинстве случаев, как уже было сказано, основным структурным ядром протогорода с самого момента его возникновения был храм, позже уступивший свое место дворцу или же выступавший в комбинации с ним как единый дворцово-храмовый комплекс[61]. Вместе с примыкавшими к нему домами жреческой знати и высших санов-

---

Торговля на Ближнем Востоке в древности. М., 1970. С. 12; *Дандамаев М. А.* Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973. С. 65.

[58] *Оппенгейм А. Л.* Торговля на Ближнем Востоке в древности. С. 12; *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс. С. 50.

[59] *Янковская Н. Б.* Децентрализованный сектор экономики в Передней Азии. Л. 42.

[60] *Еппеп Е.* Frühgeschichte der europäischen Stadt. S. 67, 300; *Пиренн А.* Средневековые города Бельгии. М., 1957. С. 178.

[61] Хронологическое соотношение храма или дворца с «ранним городом» остается одной из нерешенных урбаноархеологических проблем. Вероятно, в ряде случаев монументальные сооружения такого типа пред-

ников государства храм или дворец образовывал внутри основного жилого массива протогорода какое-то подобие аристократического анклава или сеттльмента, занимающего обособленное положение среди домов рядовых общинников. Нередко эта обособленность еще более подчеркивалась посредством возведения особой внутренней стены, превращавшей дворец или храм вместе с группировавшимися вокруг него постройками в настоящую цитадель или город внутри города[62]. Именно здесь, в пределах этого анклава, по преимуществу концентрировалась правящая элита номового государства. Сюда же в кладовые и житницы дворцов и храмов стекалась основная масса производимого на его территории прибавочного продукта, обычно поступавшая в виде разного рода податей и повинностей, которыми было обложено окрестное земледельческое и ремесленное население. Здесь же значительная часть этого продукта подвергалась перераспределению или же поступала в обменный фонд для приобретения предметов чужеземного импорта[63].

шествовали протогороду в качестве изолированных ритуально-административных центров, которые существовали в окружении беспорядочно разбросанных по окрестностям земледельческих поселений. В некоторых регионах Старого и Нового Света (Египет, возможно, также Хеттское царство, древнее Перу, государства Майя) системы такого рода не были окончательно изжиты еще и в эпоху расцвета сложившихся здесь древнейших цивилизаций (кроме литературы, указанной в прим. 11, см.: *Bray L. B.* Land-use, Settlement Patterns and Politic in Prehispanic Middle America: A Review // Man, Settlement and Urbanism / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. London, 1972. P. 912 ff.; *Березкин Ю. Е.* Городские поселения древнего Перу // Древние города. Л., 1977. С. 17 сл.). Однако чаще дворцово-храмовый комплекс, по-видимому, возникал одновременно с протогородом в качестве его интегральной, жизненно важной части.

[62] *Mumford L.* Concluding Address. P. 233; *Оппенхейм А. Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. С. 133.

[63] Именно дворцово-храмовые комплексы древней Передней Азии и некоторых сопредельных с ней стран (Индия, ахейская Греция, Крит), на наш взгляд, более всего отвечают тому определению города, которое было сравнительно недавно предложено О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном (*Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи» // ВДИ. 1982. № 2. С. 3; *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. С. 10; ср., впрочем: *Childe V. C.* The Urban Revolution.

В качестве так называемых «редистрибутивных центров» дворцы и храмы выполняли в древнейших классовых обществах Востока и Запада функции экономической интеграции, отчасти предвосхищающие рыночные функции позднейших городов[64]. В этом смысле дворцово-храмовый комплекс может считаться воплощением и носителем собственно урбанистического начала в том сложном симбиозе элементов города и деревни, который был основой протогорода в любом из его вариантов. Тем не менее это урбанистическое начало проявлялось здесь в весьма специфических и архаичных формах. Подобно средневековому феодальному поместью или монастырю, дворцово-храмовый комплекс представлял собой в сущности всего лишь одно, хотя достаточно крупное и широко разветвленное хозяйство, паразитировавшее за счет зависимого от него производящего населения. В то время как эконо-

---

P. 11 f.; *Sjoberg* G. The Origin and Evolution of Cities. P. 55; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 110; *Массон В. М.* Алтын-Депе. С. 120). Согласно этому определению, город представляет собой «населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта». Но в поселениях протогородского типа обе эти функции выполнялись в основном храмом или дворцом. Основная масса населения протогорода, не принадлежавшая к этим двум, по выражению Оппенхейма, «великим организациям», была затронута операциями этого рода лишь в минимальной степени. Ее основным уделом был, вне всякого сомнения, тяжелый физический труд на полях и в ремесленных мастерских. В другие исторические эпохи функции концентрации и перераспределения прибавочного продукта могли выполняться и социальными организациями, весьма далекими от города в собственном значении этого слова, например феодальными поместьями, армиями во время завоевательных походов, акционерными обществами и т. д. Таким образом, и как универсальное определение города дефиниция Большакова и Якобсона представляется нам методологически не вполне корректной.

[64] *Polanyi K.* On the Comparative Treatment of Economic Institutions in Antiquity with Illustrations from Athens, Mycenae and Alalach // City Invincible. A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East / Ed. by C. H. Kraeling and R. M. Adams. Chicago, 1960. P. 341 ff.; *Adams R. M.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. P. 121 ff.; *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. The Cyclades and the Aegean in the Third Mill. B. C. P. 296; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 127.

мика собственно городского типа всегда базируется на сложном взаимодействии множества самостоятельных хозяйственных единиц, как правило связанных между собой через посредство рынка, в экономической жизни протогорода рыночная торговля, судя по всему, могла играть лишь второстепенную роль, поскольку ее развитие сдерживалось контролем администрации и прямым вмешательством государства в процесс свободного обращения товаров. Как верно заметил В. М. Массон[65], весьма популярная среди западных исследователей «торговая модель» древневосточной урбанизации «в применении к столь ранним обществам является модернизацией и преувеличением», поскольку «так называемая торговля велась без всеобщего эквивалента и затрагивала лишь ограниченную сферу тогдашних производств, направленных на удовлетворение потребностей зажиточной верхушки общества, а иногда вообще ограничивалась транспортировкой сырья»[66].

То особое, практически близкое к монопольному положение, которое дворцово-храмовое хозяйство занимало в экономике почти всех известных нам древнейших классовых обществ, с течением времени неизбежно должно было привести к усилению изначально заложенных в нем паразитических тенденций в ущерб выполняемым им общественно полезным функциям интегрирующего характера.

---

[65] *Массон В. М.* Алтын-Депе. С. 114.

[66] Можно, вероятно, согласиться с Л. Мамфордом в том, что в древности «рынок был побочным продуктом» концентрации населения в «городах», а не наоборот: «именно притягательная сила города приводит сюда торговца, который отнюдь не может считаться создателем города» (*Mumford L.* Concluding Address. P. 236); см. также: *Hammond M.* The City in the Ancient World. P. 40 f.; *Berger P. A.* Herrschaftsform Stadt. Eine soziologische Rekonstruktion der Stadtgeschichte im Altertum. S. 118, 126; *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. С. 21; *Янковская Н. Б.* Частный кредит в торговле древней Западной Азии III—II тыс. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С. 20. Даже авторы, оспаривающие известный тезис К. Поляни о преобладании «безрыночной торговли» в очагах древнейших цивилизаций Старого Света, признают известную недоразвитость и вторичность рыночного обмена в общей системе сложившихся здесь экономических отношении (*Gledhill and Larsen M.* The Polanyi Paradigm and a Dynamic Analysis of Archaic States // Theory and explanation in archaeology. New York, 1982. P. 204).

Таким образом, дворец или храм постепенно превращался в помеху на пути дальнейшего углубления процесса урбанизации и перерастание протогорода в настоящий город оказывалось возможным лишь там, где удавалось тем или иным способом ограничить всевластие государственного экономического сектора (такая ситуация сложилась в ряде государств Передней Азии во II—I тыс. до н. э.)[67], либо там, где этот сектор с самого начала по тем или иным причинам не смог сформироваться, как это было в странах античного мира.

Настоящее обособление города от деревни, т. е. более или менее четкое территориальное размежевание двух основных демографических категорий: населения, постоянно занятого в сфере сельскохозяйственного производства, и населения, стоящего в силу тех или иных причин вне этой сферы, может быть реализовано лишь в условиях вполне развитого, окончательно порвавшего с традициями родового строя классового общества. В таком обществе свободное или полусвободное крестьянство как особый класс либо вообще исчезает, либо сильно сокращается в численности. Значительная его часть подвергается интенсивной социальной эрозии и деградирует, превращаясь либо в подневольных сельских работников, лишенных собственности, т. е. в рабов или прикрепленных к земле арендаторов, либо в сельский и городской пролетариат. Подневольные сельские работники, как правило, не живут в городе, поскольку все они так или иначе привязаны к земле, которую они обрабатывают. Вероятно, именно по этой причине доля земледельцев в составе городского населения резко сокращается или даже совсем сходит на нет, как это было, по всей видимости, в эллинистических государствах и еще позже в Римской империи. Подавляющее большинство городских жителей теперь составляют люди, не принимающие непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве, несмотря на то, что многие из них вплоть до самого конца античной эпохи владели землей и жили за счет получаемой ими в различных видах земельной ренты. Так в самом общем виде можно представить превращение протогорода в собственно город, хотя конкретные пути и формы этой трансформации, несомненно, должны стать предметом специальных эмпирических исследований историков и археологов.

---

[67] *Дьяконов И. М.* Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. Ч. 4. Структура государственного сектора экономики в Западной Азии. С. 21.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГРЕЧЕСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ*

Как давно уже замечено, древние греки никогда не разделяли полностью понятия города и государства или, точнее, гражданской общины и поэтому, как правило, выражали их одним и тем же словом «полис»[1]. Хотя понятия эти и не были абсолютно тождественны друг другу (каждое из них пользовалось известной автономией и, в принципе, могло существовать само по себе), город все же считался наиболее естественной и органичной формой существования гражданской общины. Едва ли случайно, что термин «полис» и в литературе, и в надписях чаще всего обозначает государства, состоящие из одного-единственного поселения городского типа. Политические общности, включающие в свой состав несколько или даже много таких поселений, обозначаются уже по-другому: «этнос», «койнон», «архэ» и т. п.[2]

Нельзя, конечно, забывать о том, что критерии, с которыми древние подходили к проблеме разграничения «города» и противостоящего ему «негорода», существенно отличались от наших сегодняшних критериев. Решение этой проблемы античные мыслители искали отнюдь не в экономической или социологической плоскости[3]. Даже Фукидид, ближе других древних авторов подошедший к современной теории экономического детерминизма, изоб-

---

* Город и государство в античном мире. Проблемы исторического развития. Сб. статей. Л., 1987. С. 4—34.

[1] О значении и эволюции термина «полис» в греческой литературе см.: *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil. I. München, 1963. S. 153 f.; *Welles C. B.* The Greek city // Studi in onore di A. Calderini e R. Paribeni. Milano, 1956. P. 84 sg.

[2] Ср.: *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. С. 227 сл.

[3] *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. 2-ème éd. Paris, 1974. P. 30—31; *Finley M. I.* The Ancient Economy. Berkeley—Los Angeles, 1973. P. 123 f.

ражает так называемый «Тесеев синойкизм» Аттики как чисто волевой акт великого человека, «соединявшего силу с умом»[4]. Основную заслугу Тесея историк видит в том, что он учредил в Афинах один общий для всей страны булевтерий и пританей, упразднив все существовавшие до этого местные органы власти и, таким образом, «принудил всех (т. е. жителей Аттики. — *Ю. А.*) пользоваться одним этим городом» (Thuc., II, 15, 2: ἠνάγκασε μιᾷ πόλει ταύτῃ χρῆσθαι). Для Фукидида, как, по-видимому, и для большинства его современников, настоящий город был, прежде всего, средоточием политической и культурной или, точнее, религиозной жизни государства, местом, где находились правительственные здания, агора, служившая, в первую очередь, местом народных собраний и лишь после этого рыночной площадью, и, наконец, все главные святилища.

С городом в сознании древних связывалось, кроме того, представление об особом житейском укладе. В отличие от поселян, горожане обладали тем, что греки называли σχολή, т. е. избытком свободного времени, необходимым для посещения театра и гимнасия, участия во всевозможных празднествах и развлечениях, постоянных занятий политикой, философией, атлетикой[5]. Городской образ жизни предполагал также и определенный минимум бытового комфорта. Еще Павсаний в своем «Описании Эллады» (Paus., X, 4, 1) с презрением отзывался о некоем фокидском городке Панопее, претендующем на то, чтобы считаться полисом, но не имеющем для этого ровно никаких оснований, так как «в нем нет ни правительственных зданий, ни гимнасия, ни театра, ни агоры, ни водоема, куда собиралась бы вода; жители же его ютятся вдоль горного потока в хижинах, похожих на пещеры».

С точки зрения современной социологии, многие греческие полисы из числа тех, которые Павсаний, да и любой другой античный автор без колебаний включил бы в разряд «настоящих го-

---

[4] Правда, в «Археологии» тот же автор прямо связывает возникновение городов с накоплением богатств отдельными племенами и общинами. Однако сам этот факт он воспринимает как свидетельство не столько экономического прогресса, сколько роста военного могущества (I, 2, 2; I, 7, 1; I, 8, 3).

[5] О категории досуга в греческой литературе и философии см.: *Welskopf E. Ch.* Probleme der Muße im alten Hellas. Berlin, 1962; *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Л., 1981. С. 5 сл.

родов», вероятно, были бы признаны недостойными такого названия, невзирая на наличие в них театров, гимнасиев и других подобных сооружений. В лучшем случае им пришлось бы довольствоваться обозначением «стратегические» или «церемониальные центры», в худшем они были бы просто отнесены к категории «больших деревень»[6]. Сам феномен античного урбанизма был бы при таком подходе сильно ограничен в своих хронологических и географических пределах и сведен, в сущности, лишь к нескольким разрозненным очагам городской культуры, кое-где вкрапленным в огромные массивы деревенского населения.

В последнее время в научной литературе как отечественной, так и зарубежной, наметилась тенденция к более четкому размежеванию понятий полиса и города. В связи с этим нередко высказываются сомнения в том, что давно уже ставшая привычной формула «город-государство» способна вполне адекватно выразить внутренний смысл первого из этих понятий[7]. Как полагает американский историк Ч. Старр, «перевод «город-государство» вносит серьезную смысловую путаницу» в понимание термина «полис», ибо «на протяжении всей... истории Греции присутствие или отсутствие (в полисе. — *Ю. А.*) городского центра было делом случая»[8]. Еще дальше заходит в разложении привычного тождества понятий «полис» и «город» Э. Кирстен[9]. В его понима-

---

[6] Доводя до крайности эту логическую посылку, Фиттингоф предлагает вообще отказаться от употребления термина «город» применительно к античной эпохе, заменив его весьма туманной дефиницией «Zentralort» (*Vittinghoff F.* Urbanisation als Phänomen der Antike // Reports XIV-th International Congress of the Historical Sciences. Vol. II. New York, 1977. P. 775). Согласно Э. Кирстену, подавляющее большинство греческих полисов не заслуживает иного наименования, кроме Stadtdorf или же Grossdorf (*Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. Bonn, 1956. S. 92).

[7] Эту мысль высказывал уже У. Виламовиц (*Wilamowitz-Möllendorff U. von, Niese B.* Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. Berlin—Leipzig, 1910. S. 42).

[8] *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. New York, 1977. P. 31. Ср.: *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972. P. 176.

[9] *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 92 f.

нии, это — явления совершенно разного порядка. Типичный полис представляет собой поселение деревенской общины (Dorfmark или Stadtdorf). Настоящие города, возникающие в результате слияния нескольких или даже многих полисов, согласно Кирстену, встречаются в Греции лишь в виде исключения, как, например, Афины. Суждения, во многом сходные с этими, можно встретить и в работах некоторых советских авторов, например, у С. Л. Утченко и Г. А. Кошеленко[10].

Со своей стороны, мы готовы признать, что необходим дифференцированный подход к самой категории полиса в любом из ее аспектов: и как к «городу» и как к «государству». Взятое только в первом из этих двух значений, слово «полис» могло вмещать в себя, как это показывает контекстный анализ его использования в греческой литературе, довольно широкий спектр смысловых градаций и оттенков, которым в конкретной исторической действительности, по-видимому, соответствовали иногда очень сильно между собой различающиеся поселения как собственно городского, так и протогородского или даже квазигородского типа. Тем не менее, в представлении греков, все они были, в сущности, лишь разновидностями одной и той же формы человечес-

---

[10] *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима. III—I вв. до н. э. М., 1977. С. 10; *Кошеленко Г. А.* 1) Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 3 сл.; 2) Древнегреческий полис // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 10 сл.; 3) Полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 220 сл. Г. А. Кошеленко развивает в своих работах оригинальную концепцию, согласно которой, историческим категориям полиса и города соответствуют две резко различающиеся между собой социальные структуры. При этом он особо отмечает (*Кошеленко Г. А.* Полис и проблемы развития экономики. С. 238), что «полис был первичной структурой и к тому же юридически оформленной, поэтому развитие городского организма происходило в рамках полисной системы». Нам кажется все же, что лучше было бы говорить не о двух разных структурах, сосуществующих «в рамках единого политического организма», а просто о двух разных фазах в развитии одной и той же структуры, которая была одновременно и городом, и полисом, т. е. гражданской общиной. Такое понимание существа проблемы лучше согласуется как с представлениями самих древних, так и с высказываниями основоположников марксистской исторической науки (см. о них ниже).

кого общежития, генетически и типологически очень тесно между собой связанными. Тем общим, что сближало их между собой и оправдывало их обозначение одним и тем же термином «полис», был, вне всякого сомнения, свойственный всем этим поселениям независимо от их размеров, структуры, внешнего вида и т. д. особый политический статус места обитания самоуправляющейся гражданской общины. В этом смысле различия между ними могли носить лишь количественный, но никак не качественный характер. Уже упоминавшийся фокидский городок Панопей, хотя и был лишен, по словам Павсания, всех внешних признаков настоящего полиса, все же оставался таковым, пока и поскольку обладал «государственной» границей, отделявшей его от соседних общин, и посылал своих представителей в общефокидский синедрион.

Как оптимальная форма существования полисной общины греческий и вообще античный город был, несомненно, явлением sui generis, резко отличным от современного индустриального города[11]. Оценка античного, так же, впрочем, как и древневосточного или раннесредневекового города, посредством критериев, принятых в современной социологии или политэкономии, в чисто теоретическом плане едва ли оправданна, ибо при таком подходе практически снимается историческая специфика этих ранних форм урбанизма.

В этой связи уместно напомнить, что К. Маркс в своих суждениях о природе античного полиса придавал особое значение именно типичной для этой формы общины концентрации граждан в поселениях городского типа. Уже в «Немецкой идеологии» он писал: «Вторая форма собственности — это античная общинная и государственная собственность, которая возника-

---

[11] О «непереходимом водоразделе (unbridgeable divide) в истории городов, созданном индустриальной революцией», говорит М. Финли (*Finley M. I.* The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond // Comparative Studies in Society and History. 1977. Vol. 19. № 3. P. 308. См. также: *Wheatley P.* The Concept of urbanism // Man, Settlement and Urbanism / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham and G. W. Dimbleby. London, 1972. P. 601; *Vittinghoff F.* Urbanisation als Phänomen der Antike. P. 775; *Sjoberg G.* The Preindustrial City, past and present. Glencoe (Ill.), 1960, passim.

ет благодаря объединению — путем договора или завоевания — нескольких племен в один город и при которой сохраняется рабство»[12]. К этой своей идее Маркс возвращается снова много лет спустя в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» (раздел «Формы, предшествующие капиталистическому производству»). Мысль о тесной взаимосвязи и взаимообусловленности античной формы общины и города неоднократно повторяется и варьируется на страницах этого незавершенного сочинения. Но, пожалуй, особую значимость имеет следующее высказывание: «У античных народов (римляне как самый классический пример, ибо у них это проявляется в самой чистой, самой выпуклой форме) имеет место форма собственности, заключающая в себе противоположность государственной земельной собственности и частной земельной собственности, так что последняя опосредуется первой или сама государственная собственность существует в этой двойной форме. Вот почему частный земельный собственник является в то же время городским жителем. То, что индивид является гражданином государства, находит свое экономическое выражение в той простой форме, что крестьянин является жителем города»[13].

Высказывание это довольно часто цитируется в нашей теоретической литературе, но, к сожалению, как правило, не полностью. Обычно приводится лишь первая его половина, содержащая определение античной формы собственности. Вторая же часть, начиная со слов «вот почему», опускается, видимо, как менее существенная.

Такой метод цитирования классического текста проистекает, как нам думается, из недостаточно ясного понимания основной идеи Маркса, который явно стремился в этом месте, как, впрочем, и во многих других, подчеркнуть неразрывную связь и прямую взаимообусловленность трех исторических категорий: города, государства и особого рода собственности, являющейся одновременно и частной, и государственной. Именно в этом триединстве, а не в одной только античной форме собственности, как обычно считают, и заключается, по Марксу, историческая специфика античной общины, причем на первое место сам он ставит, несомненно,

---

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 21.

[13] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 471, см. также: С. 469—470.

город как главный структурообразующий элемент всего этого сложного комплекса[14].

Говоря об античном городе, Маркс постоянно подчеркивает его глубокое историческое своеобразие. От «нормального» капиталистического или даже средневекового города его отличало, прежде всего, то, что он был, в сущности, сугубо аграрным поселением, «центром сельской жизни», «местом поселения земледельцев»[15], отнюдь не средоточием ремесла и торговли. С предельной ясностью эта мысль Маркса выражена в известной фразе: «История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»[16]. Вообще экономическая жизнь античного города в течение долгого времени сохраняла крайне примитивный характер. «Мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления, промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (прядение и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства...»[17] — такова, в представлении Маркса, крайне ограниченная и вместе с тем наиболее типичная шкала хозяйственной деятельности народов античного мира. Выход за эти узкие рамки на путях развития ремесла и торговли, товарно-денежных отношений, широкого использования рабского труда и т. п. грозил, как указывает Маркс, подрывом и разложением самому способу производства, лежащему в основе античной гражданской общины[18].

---

[14] Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 470 (о германской общине): «Община существует поэтому на деле не как государство, не как государственность, как это было у античных народов, потому что она существует не как город. Чтобы община обрела действительное существование, свободные собственники земли должны сходиться на собрания, тогда как в Риме, например, община существует помимо этих собраний, в наличии самого города и должностных лиц, поставленных над ними».

[15] Там же. С. 465, 469.

[16] Там же. С. 470. Во многом сходные суждения можно встретить также и в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельса (Там же. Т. 20. С. 164, 647).

[17] Там же. Т. 46. Ч. I. С. 466.

[18] Там же. С. 475. Более подробно о взглядах Маркса на античную экономику см.: *Андреев В. Н.* К. Маркс о цели античного производства и афинская экономика V—IV вв. до н. э. // ВДИ. 1983. № 4.

В сущности, по мысли Маркса, античный город возникает еще в бесклассовом или, может быть, предклассовом обществе, на базе вполне жизнеспособного родо-племенного строя. Именно поэтому «предпосылкой дальнейшего существования» античной общины Маркс считает «сохранение равенства между образующими ее свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности»[19]. Рабство и товарно-денежные отношения здесь явно находятся еще в зачаточном состоянии. Очевидно, сам по себе переход к городскому образу жизни ничего принципиально не меняет ни в характере, ни в структуре общества.

Все это должно предостеречь нас от слишком поспешного перенесения на почву античной, да и не только античной древности классической «рыночной теории» А. Пиренне, согласно которой первые города были по преимуществу торгово-ремесленными центрами. В понимании Маркса, решающим фактором, вызвавшим к жизни античный тип города, была война, в которой он видел один из важнейших видов хозяйственной деятельности древнего человека, на первых порах далеко опережавший по своему экономическому значению и торговлю, и ремесло. «Война, — писал он в той же своей работе, — является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая орга-

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 467. Высказывания такого рода отнюдь не были случайными обмолвками. Совершенно ясно, что они отражают глубоко продуманную и достаточно устойчивую систему взглядов на античное общество, отдельные элементы которой встречаются также и в других работах Маркса. Так, например, в «Капитале» (*К. Маркс., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 346, прим. 24) мы читаем: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство ... образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени».

низация является одним из условий ее существования в качестве собственницы. Концентрация жилищ в городе — основа этой военной организации»[20].

В своих суждениях об исторической специфике античного города Маркс, вне всякого сомнения, ориентировался на широко распространенную в древности доктрину хозяйственной автаркии полиса[21]. Как известно, доктрина эта отдавала решительное предпочтение земледелию и вообще сельскому хозяйству перед всеми другими способами обогащения.

В трудах ряда античных авторов от Гомера до Страбона и Цицерона земледелию отводится роль фундамента, на котором зиждется все здание человеческой цивилизации. Показательно, что в понимании античных мыслителей город и земледелие отнюдь не были, как в наше время, взаимоисключающими категориями. Напротив, для большинства из них они логически дополняют друг друга как два краеугольных камня, на которых должно покоиться любое правильно устроенное государство[22].

Необходимо подчеркнуть, что вопреки распространенным в науке представлениям эта доктрина при всей своей ярко выраженной идеализирующе-утопической окрашенности не была совершенно оторвана от действительности. Более того, можно с довольно большой долей вероятности предполагать, что соотношение элементов идеализации и реальности в такого рода экономических концепциях во многом зависело, так сказать, от географического положения их приверженцев. То, что было предметом ностальгии, тоски по давно утраченному прошлому для жителей таких мегалополисов, как Афины, Коринф, Родос, Сиракузы,

---

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 465. Ср. во многом сходное высказывание Ф. Энгельса в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164): «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации».

[21] См. о ней: *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 10 сл.

[22] *Finley M. I.* The Ancient Economy. P. 123.

Александрия, Антиохия, Рим, оставалось насущной действительностью для обитателей множества средних и малых городов, разбросанных по всей территории античной ойкумены. Основой их благополучия и процветания, можно сказать, гарантией самого их существования всегда оставалось сельское хозяйство, во многих случаях с довольно низким уровнем товарности, иногда приближающимся к натуральному хозяйству[23]. Ремесло и торговля развивались здесь лишь в той мере, в которой это было необходимо для нормальной жизнедеятельности обособленной полисной общины.

Впрочем, даже и там, где возникали ремесленные предприятия, работающие на экспорт, как, например, мастерские по производству терракотовых статуэток в беотийской Танагре, их деятельность чаще всего не вносила никаких принципиальных изменений в хозяйственную жизнь полиса: и по масштабам, и по характеру производства такие предприятия едва ли существенно отличались от кустарных промыслов, процветавших во многих деревнях дореволюционной России. Едва ли случайно (на это обратил внимание М. Финли), что на монетах целого ряда греческих городов эпохи независимости мы видим вычеканенные изображения различных сельскохозяйственных растений или продуктов: хлебный колос, виноградную гроздь, амфору с вином или маслом, но ни разу не встречаем изображений каких-нибудь особенно популярных ремесленных изделий[24]. Всякого, кто изучал планы полностью или частично раскопанных греческих городов, не может не поразить резкая диспропорция между общим размахом городского благоустройства, великолепием общественных сооружений и комфортабельностью частных жилых домов, с одной стороны, и крайней незначительностью расположенных в

[23] *Finley M. I.* The Ancient Economy. P. 131; *Bolkenstein H.* Economic Life in Greece's Golden Age. Leiden, 1958. P. 17; *Vittinghoff F.* Urbanisation als Phänomen der Antike. P. 779; *Гарсиа-и-Бельидо А.* Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье. М., 1970. С. 2; *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. 1973. № 34. С. 3. О низком уровне товарности греческого сельского хозяйства см.: *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 290 сл.

[24] *Finley M. I.* The Ancient Economy. P. 136.

городской черте производственных комплексов, с другой. В таких городах, как Олинф и Приена, считающихся классическими образцами античного урбанизма, археологи не обнаружили ни одного сколько-нибудь крупного ремесленного предприятия. Лишь маленькие лавчонки, пристроенные в виде ниш к наружным стенам домов и в некоторых случаях, вероятно, использовавшиеся также и в качестве мастерских[25], показывают, что ремесло и торговля были не совсем чужды обитателям этих городов. Поскольку основным структурным ядром греческого города был полис, т. е. гражданская и, одновременно, поземельная община, главным градообразующим элементом здесь могли быть лишь полноправные земельные собственники, т. е. более или менее зажиточные крестьяне[26]. Как правило, люди, непосредственно не связанные с сельским хозяйством (ремесленники, торговцы, представители различных свободных профессий), занимали в греческом обществе достаточно низкое положение и уже в силу своей социальной неполноценности не могли выступать в роли основного градообразующего элемента. Исключение составляют, пожалуй, лишь некоторые портовые города, либо вообще не имевшие статуса полиса, как, например, Пирей — главный порт Афинского государства, либо получившие его сравнительно поздно. В своем подавляющем большинстве ремесленники и торговцы в городах греческого мира происходили либо из вольноотпущенников, либо из чужеземцев. Поэтому основная масса их не пользовалась гражданскими правами и, в частности, была лишена важнейшего права — на владение землей на территории полиса. Даже в демократических Афинах, где гражданином можно было

---

[25] См. о них: *Wiegand Th., Schräder H.* Priene. Berlin, 1904. S. 296 f.; *Robinson D. M., Graham W. J.* Excavations at Olynthus. Pt. VIII. Baltimore, 1958. P. 211–212. Обычными находками в жилых домах Олинфа были ручные мельницы, ступы, прессы и давильни (*Robinson D. M., Graham W. J.* Excavations at Olynthus. Pt. VIII. P. 208–209), что указывает на преимущественно сельскохозяйственную ориентацию интересов жителей города.

[26] *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города. С. 3; *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. С. 250. Ср.: *Кошеленко Г. А.* Полис и проблемы развития экономики. С. 237.

стать и не имея земли, в самом конце V в. до н. э. оказалось лишь 5000 граждан, у которых не было вообще никакой земельной собственности, при общей численности гражданского населения в 20—25 тысяч человек[27].

С этим связана другая важная особенность греческого города: если оставить в стороне некоторые специфические виды греческих государств вроде Спарты или дорийских полисов Крита, где прослеживается ясно выраженная тенденция к территориальному размежеванию господствующего сословия и всего зависимого и неполноправного населения, причем первое концентрируется в том месте, которое можно, по-видимому, считать эмбриональной формой города, тогда как второе живет преимущественно в сельской местности, то мы должны будем признать, что остальные «нормальные» полисы эллинского мира в своем подавляющем большинстве, очевидно, не знали сколько-нибудь резких социальных контрастов между городом и деревней, по крайней мере, в классический период своей истории. Даже в таких крупных торгово-ремесленных центрах, как Афины, «различия между городом и деревней оказывались в значительной мере стертыми и никогда... не перерастали в настоящий антагонизм»[28]. В еще большей степени это положение можно отнести к небольшим государствам с относительно слабо развитой экономикой, каковых в Греции было, по-видимому, достаточно много.

В государствах такого типа настоящая противоположность между городом и деревней не могла сложиться хотя бы потому, что в них нередко отсутствовал второй элемент этой дихотомии, т. е. сама деревня как особый противостоящий городу тип поселения, а сами горожане вели, в сущности, полугородской-полудеревенский образ жизни, поскольку многие из них сами обрабатывали свои земельные наделы, другие делали это с помощью рабов и

---

[27] *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. С. 266 сл.

[28] Там же. С. 275. См. также: *Humpreys* C. Town and country in ancient Greece // Man, Settlement and Urbanism. London, 1972. P. 766; *Finley M. I.* The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond. P. 307; *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города. С. 7. Ср.: *Кошеленко Г. А.* Полис и город: к постановке проблемы. С. 7, 26 сл.

поденщиков, но так же, как и первые, были непосредственно связаны с землей и сельским хозяйством. Как указывает Э. Кирстен[29], отличительным признаком всякого «нормального» полиса может считаться отсутствие на его территории каких бы то ни было других поселений, кроме него самого. Основная масса населения такого полиса обычно концентрировалась в поселении, занимающем укрепленную самой природой возвышенность — так называемый «естественный акрополь» или «бург». Отсюда обитатели полиса — в своем подавляющем большинстве свободные крестьяне-земледельцы (Ackerbürger) ежедневно отправлялись на свои расположенные неподалеку от поселения наделы, хотя в страдное время они могли переселяться в хижины (Hütte), устроенные прямо на наделах или где-то неподалеку от них.

Судя по всему, Кирстен несколько упрощает реальную картину взаимоотношений полиса с его сельской округой или хорой, стремясь во что бы то ни стало доказать, что полис не может считаться городом в обычном понимании этого слова. В действительности, даже в очень небольших греческих государствах хора, по-видимому, никогда не была просто топографическим понятием, т. е. пустым пространством с населением, близким к нулю[30]. Как правило, граждане-землевладельцы, в основной своей массе действительно предпочитавшие городской образ жизни сельскому, имели на своих земельных участках хотя бы небольшие усадьбы (отнюдь не просто хижины или навесы для укрытия от непогоды, как думает Кирстен), в которых они могли держать орудия труда, скот и рабов, конечно, если они у них были. В таких же усадьбах, вероятно, жили арендаторы и поденщики. Наконец, какую-то часть года (особенно сезон жатвы) в них могли проводить сами землевладель-

---

[29] *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 90 f. Свои выводы Кирстен строит, основываясь на результатах выборочного картографического изучения ряда районов европейской и азиатской Греции. Таким способом ему удалось показать, что в большинстве своем греческие полисы, например северного Пелопоннеса или района Троады, располагались в замкнутых аллювиальных долинах на очень небольшом удалении друг от друга, что создавало в этих местностях чрезвычайно высокую плотность поселений городского или, скорее, протогородского типа.

[30] Ср.: *Vittinghoff F.* Urbanisation als Phänomen der Antike. P. 776.

цы вместе со своими семьями, что и дает основание говорить об их в целом полугородском-полудеревенском образе жизни[31].

Постройки усадебного типа, по-видимому, уже с древнейших времен составлявшие неотъемлемый элемент греческого сельского ландшафта, открыты теперь во многих местах как на территории самой Греции, так и в некоторых районах колониальной периферии (Великая Греция, Северное Причерноморье)[32]. Напротив, деревня в собственном значении этого слова остается археологически невыявленной даже там, где, согласно данным письменных источников, она, несомненно, должна была существовать, как, например, в Аттике или в окрестностях Коринфа, что может указывать на сравнительно ограниченное распространение поселений этого типа, по крайней мере, в пределах европейской Греции и основной части Эгейского бассейна[33]. Вероятно, этот факт может быть связан с общеизвестной миниатюрностью греческих полисов. В условиях карликового государства общей площадью 200, 100 км^2 и даже менее[34] система поселений-сателлитов, группирующихся во-

---

[31] На такую форму поселения, по всей видимости, ориентировался Платон, когда рекомендовал гражданам своего идеального государства иметь одновременно два дома: «один ближе к середине (видимо, территории полиса, т. е. в самом городе или где-то около него. — *Ю. А.*) другой ближе к окраине» (Legg., 745 e; ср.: Legg., 745 c — о двух наделах, расположенных аналогичным образом).

[32] *Pecirka J.* Homestead Farms in Classical and Hellenistic Hellas // Problemes de la terre en Grèce ancienne. Paris, 1973; *Adamesteanu D.* Le suddivisioni di terra nel Metapontino // Problemes de la terre en Grèce ancienne. Paris, 1973; *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 24 сл.; *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976.

[33] Сосуществование двух типов сельских поселений: деревни и усадьбы археологически засвидетельствовано лишь для некоторых районов колониальной периферии, например для Боспорского царства (*Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. С. 145 сл. Ср.: *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. С. 365; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 102).

[34] Некоторые цифры, позволяющие судить о территориальных размерах «рядовых» греческих полисов, приводит Г. Бузольт (*Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 164). Так, на территории Фокиды (1615 км^2) размещалось 22 самостоятельных полиса, т. е. по 70—75 км^2 на одно государство; о. Крит (общая площадь — 8600 км^2)

круг общего городского центра, была бы экономически, политически и стратегически нецелесообразной. Поэтому в большинстве из них рано или поздно должен был возобладать противоположный принцип — принцип концентрации основной массы гражданского населения в единственном поселении городского типа с вынесением на территорию хоры сельских усадеб в качестве его хозяйственных «аванпостов». Деревни возникали или, наоборот, сохранялись лишь в наиболее крупных полисах, располагавших достаточно большой территорией для того, чтобы на ней могла быть развернута сложная иерархия городских и сельских поселений.

Для того чтобы представить хотя бы приблизительно, каково было количественное соотношение этих двух типов или моделей системы полис-хора в масштабах всего греческого мира, необходимо систематическое историко-географическое и археологическое изучение сельских территорий отдельных греческих государств, которое, по существу, только еще начинается. Пока же приходится полагаться лишь на отрывочные и не всегда понятные указания письменных источников. Особого внимания заслуживает в этой связи известное сообщение Фукидида о вынужденной эвакуации афинян за городские стены в первый год Пелопоннесской войны (Thuc., II, 14—15, 1; 16). По словам историка, это переселение было воспринято афинскими гражданами как настоящее бедствие, так как большинство (из них) всегда имело обыкновение жить на (своих) полях (διὰ τὸ αἰεὶ εἰωθέναι τοὺς πολλοὺς ἐν τοῖς ἀγροῖς διαιτᾶσθαι), причем «у афинян такой образ жизни сложился уже издревле и был присущ им в большей степени, чем прочим» (ξυνεβεβήκει δὲ ἀπὸ τοῦ πάνυ ἀρχαίου ἑτέρων μᾶλλον Ἀθηναίοις τοῦτο). Последняя фраза в этом отрывке представляет для нас особый интерес: очевидно, Фукидид хотел сказать, что образ жизни, который вели афиняне начиная уже с древнейших времен, был в целом не характерен или мало характерен для всех остальных греков и в этом плане Афины и Аттика составляют некое исключение из общего правила.

Чтобы лучше донести до читателя свою мысль, Фукидид вводит в свое повествование пространный экскурс (II, 15), в котором

делили между собой более 50 полисов, занимавших в среднем по 150—155 км^2 каждый. На о. Кеос (площадь — 100 км^2) было четыре независимых государства. Фера (на острове того же названия) занимала площадь 81 км^2, Эгина — 85 км^2, Делос вместе с о-вом Ренея — 22 км^2.

рассказывает о том, как афиняне, изначально жившие «отдельными городами» (κατὰ πόλεις ᾠκεῖτο), были объединены Тесеем, который «принудил их пользоваться одним этим городом», т. е. Афинами. При этом, однако, оговаривается, что сам образ жизни афинян оставался таким же, как и до объединения: «вплоть до этой войны» большинство из них «в силу привычки» продолжало «жить в полях вместе со своими семьями» (II, 16, 1). Любопытно, что этот вроде бы сугубо сельский образ жизни тем не менее тесно связан с расселением массы граждан по древнейшим полисам Аттики. Переселяясь в Афины, каждый из них, как особо отмечает Фукидид (II, 16, 2), «оставлял ни что иное, как свой собственный город (καὶ οὐδὲν ἄλλο ἢ πόλιν τὴν αὑτοῦ ἀπολείπων ἕκαστος). С точки зрения самого историка, здесь явно нет никакого противоречия, из чего можно заключить, что постоянным местом жительства всех этих людей были именно небольшие городки на территории Аттики, официально уже давно считавшиеся демами, или, может быть, комами, для них же все еще остававшиеся полисами. В ближайших окрестностях каждого такого городка находились их земельные участки, которые они могли регулярно посещать, не слишком удаляясь при этом от своих жилищ, хотя у некоторых из них, вероятно, были еще и отдельные усадьбы, расположенные прямо среди полей[35].

В этом контексте становится более или менее понятным и сделанное как бы между прочим замечание Фукидида о различии в образе жизни, существующем между афинянами и другими греками. Вероятно, эти другие греки жили в полисах, кроме которых у них не было никаких других поселений, так что все население гражданской общины было сконцентрировано в каком-то одном определенном месте, тогда как в Афинах, благодаря обширной территории государства, оно было рассредоточено по целому ряду населенных пунктов[36]. Конкретным примером именно такого внутриполисного образа жизни может служить жизнь, которую еще в IV в. до н. э. вели граждане аркадского полиса Мантинея. По свидетельству Ксенофонта (Hell., V, 2, 7), в 385 г. до н. э. спартанцы подвергли Мантинею диойкизму, т. е. срыли городскую

---

[35] Ср.: Thuc., II, 65, 2; Isocr., VII, 52. См. также: *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. С. 264 сл.

[36] Ср.: *Gomme A. W.* A Historical Commentary on Thucydides. Vol. II. Oxford, 1969. P. 48 (ad loc.).

стену и расселили граждан по четырем деревням, вернув их тем самым к их прежнему образу жизни (καθάπερ τὸ ἀρχαῖον ᾤκουν). Первоначально мантинейцы были недовольны такой переменой, так как им пришлось сносить свои дома и возводить новые уже в других местах, впоследствии же смирились со своей участью и даже, как пытается уверить нас Ксенофонт, радовались тому, что произошло, ибо теперь «имущие стали жить ближе к своим владениям, которые были расположены у них вокруг деревень, кроме того, они пользовались теперь аристократическим государственным устройством, избавившись от докучливых демагогов».

Текст Ксенофонта можно понять в том смысле, что на протяжении всего периода между синойкизмом, о котором историк, правда, прямо не упоминает, но который здесь явно подразумевается[37], и учиненным спартанцами диойкизмом мантинейская хора оставалась практически незаселенной. Все это время мантинейские землевладельцы, видимо, жили в городе вдали от своих земельных наделов[38]. Поэтому возвращение к старинному образу жизни в деревнях было воспринято если не всеми, то, по крайней мере, многими из них как перемена к лучшему, хотя им и пришлось затратить определенное время и средства на обзаведение новыми жилищами, хозяйственными постройками и пр. Не исключено, конечно, что Ксенефонт здесь несколько сгущает краски, стремясь во что бы то ни стало внушить читателю, что расселение по деревням так же, как и установление аристократической формы правления (заметим попутно, что между обеими этими мерами, в понимании историка, существует тесная внутренняя связь), было безусловным благом для граждан Мантинеи. Вполне возможно, что у многих из них были хотя бы небольшие сельские усадьбы, которые могли служить им пристанищем в сезон полевых работ[39]. Коли это действительно

---

[37] О синойкизме Мантинеи см.: Strab., VIII, p. 336. Его дата до сих пор точно не установлена и колеблется в промежутке между серединой VI и 60-ми гг. V в. до н. э. См.: *Hodkinson St. and H.* Mantineia and Mantinike: Settlement and Society in a Greek Polis // BSA. № 76. 1981. P. 260 f.

[38] *Busolt* G. Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 162, Anm. 4. Ср.: *Hodkinson St. and H.* Mantineia and Mantinike: Settlement and Society in a Greek Polis. P. 263 f.

[39] Во всяком случае, согласно сообщению того же Ксенофонта (Hell., VII, 5, 15), когда в 362 г. до н. э., т. е. уже после вторичного синойкизма Мантинеи, ее территория подверглась нападению беотийцев, правитель-

так, мантинейские землевладельцы едва ли были особенно заинтересованы в возвращении к сугубо деревенскому образу жизни.

О том, что такая система эксплуатации сельскохозяйственной территории полиса была известна в Греции задолго до диойкизма Мантинеи, может свидетельствовать рассказ Геродота (I, 17) о войне лидийского царя Алиатта против Милета (приблизительно на рубеже VII—VI вв. до н. э.)[40]. Вторгаясь в землю милетян, воины Алиатта каждый год уничтожали весь урожай (к тому времени уже созревший) и рубили деревья. Однако при этом они оставляли в неприкосновенности расположенные в полях дома. По словам Геродота, лидийский царь применил такую, на первый взгляд, странную стратегию совершенно сознательно: он хотел, чтобы у милетян сохранялась возможность засевать и обрабатывать землю (буквально в греческом тексте сказано: ὥπως ἔχοιεν ἐντεῦθεν ὁρμώμενοι τὴν γῆν σπείρειν τε καὶ ἐργάζεσθαι οἱ Μιλήσιοι), и именно ради этого щадил их загородные дома. Таким образом, очевидно, делалась ставка на моральное, а не только на физическое истощение противника. Этот любопытный эпизод, независимо от того, признаем мы его реальным фактом или же отнесем к разряду исторических анекдотов, ясно показывает, что уже в архаический период представление о сельской округе полиса как о системе земельных наделов с вынесенными на них загородными усадьбами было достаточно широко распространено, по крайней мере среди греков, живших в Малой Азии[41].

Как было уже замечено, в каждом конкретном случае структура системы полис—хора зависела прежде всего от размеров территории государства. Немалую роль в формировании того или иного типа этой системы играло также политическое и обществен-

---

ство полиса обратилось за помощью к оказавшемуся в городе отряду афинских всадников, мотивируя свою просьбу тем, что «весь скот и рабы (ἐργάται), а также много детей и стариков находились вне городских стен» (согласно Диодору, было как раз время уборки урожая (XV, 84, I)).

[40] Подробный разбор этого эпизода см. в работах: *Доватур А. И.* Аграрный Милет // ВДИ. 1955. № 1; *Pecirka J.* Homestead Farms in Classical and Hellenistic Hellas. P. 130 f.

[41] Свидетельство Геродота подтверждается также и археологическими данными: следы древнейших усадебных построек в Геле и Метапонте относятся к VI в. до н. э. (*Adamesteanu D.* Le suddivisioni di terra nel Metapontino. P. 50, 54 sg.).

ное устройство полиса. Аристотель в «Политике» прямо указывает на корреляцию, существовавшую между конституцией государства и свойственной ему формой расселения граждан. В одном месте (Pol., 1311 a 13—15) он относит «удаление черни из города и расселение ее по разным местам» к числу мер, практикуемых для обеспечения своей безопасности такими недемократическими режимами, как олигархия и тирания. В другом месте (1319 a 32—38) он уже сам рекомендует удалять из города народную массу (по его словам, это легко можно сделать там, где пахотная земля расположена на большом расстоянии от города), так как это способствует устройству «хорошей демократии и политии». Из множества исторических свидетельств, на которых Аристотель мог строить эти свои умозаключения, до нас дошли лишь очень немногие.

В «Афинской политии» того же автора (16, 2—3) сообщается, что Писистрат ссужал малоимущих крестьян деньгами в расчете на то, что занятые своими хозяйственными делами и рассеянные по территории хоры, они не будут стекаться в город, «не имея ни желания, ни досуга для того, чтобы заниматься общественными делами» (ср.: 16, 5)[42]. К этому сообщению примыкает скорее анекдотическая традиция, приписывающая тиранам Сикиона и Афин закон, который будто бы запрещал сельским жителям носить какую-либо иную одежду, кроме традиционных одеяний из овечьих шкур, чтобы тем самым отбить у них охоту появляться в городе (Pollux, 7, 68)[43]. Если предположить, что меры такого рода действительно принимались некоторыми из греческих тиранов ар-

---

[42] К. К. Зельин (*Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964. С. 187) замечает по этому поводу: «Упорное повторение известия о мерах к тому, чтобы население хоры не собиралось в городе ... едва ли является выражением лишь мнения Аристотеля: такая политика соответствует природе ранней тирании, возникшей в обстановке борьбы демоса и знати, но вовсе не представлявшей собой политической формы господства демоса».

[43] Это свидетельство перекликается с сообщением Феопомпа (Theop., 115 F 176 = Athen., 271 d) о так называемых катанакофорах — одной из разновидностей неполноправного или зависимого населения дорийского Сикиона. Феопомп называет их «рабами, близкими к эпеунактам», хотя в действительности они могли быть просто неполноправными, хотя и свободными крестьянами. Так думает Д. Лотце (*Lotze D.* Μεταξὺ ἐλεύθερων καὶ δούλων. Berlin, 1959. S. 54 f), сравнивающий их в этом плане с аргосскими гимнетами и эпидаврскими кониподами.

хаической эпохи, то они могли быть вызваны только резко усилившейся в этот период в связи со спонтанным ростом городов мобильностью сельского населения. Сами тираны выступают в этой ситуации не в обычной для них роли ниспровергателей устоев, а скорее, напротив, в роли ревнителей древних традиций аристократического полиса, одной из которых была, по-видимому, и довольно жесткая дискриминация городского и сельского населения.

О том, что такая дискриминация восходит ко времени достаточно раннему, свидетельствует ряд фактов. В некоторых местах знать жила по преимуществу в городе, простой же народ главным образом в сельской местности. Так, в Афинах к сословию евпатридов первоначально принадлежали лишь те, кто жил постоянно в городе (Etym. Magn.: Εὐπατρῖδαι οἱ αὐτὸ τὸ ἄστυ οἰκοῦντες)[44]. Это разделение жителей полиса на привилегированных горожан (ἀστοί, πολῖται) и непривилегированных поселян (ἀγροίκοι, ἀγροιῶται) прослеживается уже в гомеровском эпосе. В некоторых эпизодах «Илиады» и «Одиссеи» «поселяне» презрительно третируются как люди второго сорта. Сам термин ἀγροιῶται, используемый поэтом, несет на себе ясно выраженную печать социальной неполноценности (Il., XI, 676; Od., XXI, 85). «Поле» вместе с его обитателями воспринимается Гомером как синоним почти первобытной дикости, крайней социальной разобщенности. Правильная цивилизованная жизнь возможна в его понимании только в черте городских стен[45]. Следы этой старинной розни между жителями города и деревни мы находим также и у некоторых более поздних греческих поэтов, например у Гесиода (Theogon., 26)[46], Алкмана

---

[44] Применительно к Афинам этот вопрос специально исследован К. К. Зельиным (*Зельин К. К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. С. 117 сл.).

[45] Более подробно см.: *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис (гомеровский период). Л., 1976. С. 40 сл. (См. с. 80 сл. наст. изд.)

[46] Уединенный образ жизни, который ведет Гесиод в своей безрадостной деревушке Аскра (Opera, 639), возможно, является следствием его социального (гражданского) неполноправия, что было бы в общем вполне естественно, если учесть, что отец поэта прибыл в Феспии (беотийский полис, на территории которого находилась Аскра) из Малой Азии и, видимо, считался здесь чужеземцем (эпойком). Ср.: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800–500 B. C. P. 126; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 160.

(fr. 13 Diehl), Сафо (fr. 61 Diehl), наконец, у Феогнида Мегарского (53—57). Последний сетует на появление среди его сограждан новых людей, «которые доселе не знали ни справедливости, ни законов и подобно оленям паслись вне города, прикрывая ребра истертыми козлиными шкурами, ныне же стали благородными». Феогнид явно имеет в виду не рабов и не крепостных типа спартанских илотов, но людей свободных и даже состоятельных[47] (иначе как бы они могли сделаться «благородными» хотя бы в ироническом значении слова?). Истертый козлиный мех, так же, как и полное неведение законов — скорее всего, лишь поэтическая гипербола, выросшая, как и многие другие находки мегарского поэта, на почве, обильно пропитанной классовой ненавистью. Однако в ней заключен достаточно ясный намек на недавние приниженность и неполноправие этих «выскочек», видимо, тесно связанные в сознании поэта с их почти первобытным образом жизни где-то «в поле», вдали от городских стен. Очевидно, нужны были какие-то радикальные социальные перемены для того, чтобы люди такого склада смогли покинуть «поле» и переселиться в город, став таким образом, не только ἀγαθοί, но и ἀστοί — термин, которым Феогнид, видимо, по привычке все еще обозначает своих собратьев по классу (см.: 191 sq.).

Как известно, на ранних этапах развития греческого общества социальное и политическое бесправие широких масс крестьянства создавало благоприятную почву для его обезземеливания и порабощения господствующей знатью[48]. В некоторых местах этот процесс успел продвинуться довольно далеко уже в VIII—VII вв. до н. э., о чем свидетельствует положение афинских гектеморов и пелатов в период, предшествующий реформам Солона. Однако своего логического завершения он достиг лишь

---

[47] Ч. Старр (*Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 125) допускает даже, что Феогнид имел здесь в виду особую категорию зажиточных поселян, которых он называет «полуаристократами», включая в их число также и Гесиода. Сам термин «semi-aristocrats», на наш взгляд, здесь не особенно уместен, поскольку речь идет о людях еще недавно очень сильно урезанных в своих основных правах.

[48] См.: *Šišova I. A.* Zum Übergang von der patriarchalischen zur entwickelten antiken Sklaverei // Klio. Bd. 62. 1. 1980. S. 158.

в некоторых районах греческого мира, где объектом порабощения становилось покоренное силой оружия туземное население, как это было в Лаконии и Мессении, в Фессалии и на Крите[49]. В большинстве греческих полисов в конце концов возобладала противоположная тенденция: дискриминация сельского населения была изжита в процессе демократизации государственного строя, что должно было способствовать выживанию свободного крестьянства там, где оно еще сохранилось, и его регенерации там, где оно уже начало исчезать. Результатом всех этих социальных сдвигов должна была стать общая интенсификация демографических процессов, усиление мобильности среди косной и инертной массы поселян и, в частности, их массовое переселение в города, на что, по-видимому, и намекает Феогнид в своем уже цитированном стихотворении[50].

Там, где эти процессы в силу тех или иных причин протекали слишком медленно, они могли искусственно ускоряться благодаря целенаправленному вмешательству правительства полиса, которое с помощью убеждений или даже в принудительном порядке переселяло сельских жителей в город, осуществляя тем самым то, что греки обычно называли «синойкизмом»[51]. При этом крестьяне в большинстве своем так и оставались крестьянами, поскольку никто не лишал и не мог лишить их принадлежащих им земельных наделов. Многие из них, вероятно, сохраняли загородные дома, хотя и проводили значительную часть года в городе.

---

[49] Показательно, что в этих районах городские центры либо вообще не сложились, как в Спарте, либо долгое время существовали лишь в некоей эмбриональной форме, как в Фессалии и на Крите (*Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800–500 B. C. P. 107).

[50] Отнюдь не обязательно видеть в этом переселении лишь следствие обнищания и «раскрестьянивания» средних и мелких землевладельцев. Более или менее зажиточные крестьяне могли заводить городские дома по соображениям престижа или из политических амбиций.

[51] О синойкизме см.: *Francotte H.* La polis grecque. Paderborn, 1907. P. 105 s.; *Glotz J.* La cité grecque. Paris, 1928. P. 21, 335 s.; *Kirsten E.* Die griechische Polis als historisch-geographisches Problem des Mittelmeerraumes. S. 96 f.; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 156 f.; *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 14–15, 38; *Musiolek P.* Zum Begriff und zur Bedeutung des Synoikismos // Klio. Bd. 63. 1. 1981.

Насколько позволяют судить данные источников, синойкизм в его наиболее типичной форме обычно проводился в обстановке подъема демократического движения. Одной из основных его целей было, по всей видимости, именно приобщение широких масс земледельческого населения к активной политической жизни. Уже упоминавшийся диойкизм Мантинеи Ксенофонт прямо связывает с упразднением «власти демагогов» и установлением олигархического режима. Мерами, безусловно, демократического характера были синойкизм Мегалополя в 368 г. до н. э., так же, как и более ранние синойкизмы Элиды и целого ряда других городов Пелопоннеса[52]. Вместе с тем синойкизация того или иного полиса, как правило, преследовала и цели стратегического порядка, поскольку компактно заселенный и хорошо укрепленный город считался менее уязвимым для врага, чем разбросанные по территории хоры неукрепленные деревни. Соображениями именно такого рода был продиктован, например, синойкизм Мегалополя (Diod., XV, 72), синойкизм Олинфа в 432 г. до н. э. (Thuc., I, 58) и, видимо, также многие другие.

Все эти факты относятся по преимуществу к классическому периоду истории Греции. Однако примерно по этой же схеме греческая урбанизация могла развиваться и в более раннее время — еще в VIII—VI вв. до н. э.[53] Ее основной предпосылкой была, по

---

[52] *Busolt G.* Griechische Staatskunde. Hauptteil I. S. 156, Anm. 2.

[53] К сожалению, этот период в истории греческой урбанизации очень слабо освещен в письменных источниках. Практически мы почти не знаем о возникновении даже наиболее крупных городов, не говоря уже о десятках более мелких поселений. Судя по археологическим данным, в европейской Греции градообразование шло до начала VI в. до н. э. довольно медленными темпами. По словам К. Ребака, «город» Коринф оставался расползающимся сообществом разбросанных деревень на протяжении всего геометрического и большей части архаического периодов» (*Roebuck C.* Some aspects of urbanization in Corinth // Hesperia. Vol. 41. 1. 1972. P. 125). Во многом сходная ситуация прослеживается и в Афинах, которые вплоть до времени Солона, видимо, лишь немногим отличались от Спарты в известном описании Фукидида (I, 10, 2). См. также: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 101 f. Ср.: *Hägg R.* Zur Stadtwerdung des dorischen Argos // Palast und Hütte. Mainz am Rhein, 1982. S. 302. Колониальная периферия в этом отношении, по-видимому, несколько опережала метрополию, о чем мо-

всей видимости, крайне напряженная демографическая ситуация, обусловленная, в первую очередь, стремительным ростом населения в начале архаической эпохи[54]. Внешними проявлениями общей напряженности были почти непрерывные междоусобные войны, борьба за земли и воду как между соседними общинами, так и внутри них, наконец, вынужденная эмиграция больших масс населения. По существу ранняя урбанизация и колонизация развиваются в этот период в тесной связи друг с другом как два основных направления одного и того же процесса градообразования[55]. Синойкизация полисных общин на территории самой Греции логически дополняется их сегментацией и перемещением отделившихся сегментов в зону колониальной периферии. В обоих случаях в роли основного градообразующего элемента выступает свободное крестьянство, а сам город конституируется как гражданский коллектив земельных собственников, объединенных общей заинтересованностью в присвоении и закреплении за собой «объективных условий существования», т. е. прежде всего земли[56]. Без

гут свидетельствовать такие замечательные археологические памятники архаического периода, как Смирна — кольцо оборонительных стен IX—VII вв. до н. э. (*Cook J. M.* Old Smyrna, 1948—1951 // BSA. № 53—54. 1958—1959) и Мегара Гиблея — правильно распланированный городской центр со второй половины VII в. до н. э. (*Vallet G.* Espace privé et espace public dans une cité coloniale d'occident Megara Hyblaia // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. Paris, 1973. P. 83—94). В целом по этому вопросу см.: *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 75 s.; *Wąsowicz A.* Zagospodarowanie przestrzenne antycznych miast greckich. Warszawa, 1982. S. 37—123; *Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. (См. эту статью в наст. изд., с. 227—244.)

[54] *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkeley—Los Angeles, 1980. P. 19 f. Ср.: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 43 f.

[55] Ср.: *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т.* Полис и миграция греков // Проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 9 сл.; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 131; *Vittinghoff F.* Urbanisation als Phänomen der Antike. P. 777.

[56] Весьма удачное определение основной функции раннего полиса предложил в одной из своих последних работ В. П. Яйленко (*Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 161): «Полис — это инструмент противостояния

регенерации крестьянства как класса ни та, ни другая форма градообразования не были бы возможны.

Итак, специфичность греческого города в значительной мере определяется конкретными формами его генезиса, в котором чисто экономические факторы играли, по-видимому, лишь ограниченную роль, главенствующее же место принадлежало факторам демографического и военно-политического характера. Сами города представляли собой на этом раннем этапе своего развития лишь более или менее крупные аграрные поселения или модифицированные сельские общины, в жизни которых ремесло и торговля еще долгое время занимали второстепенное, подчиненное положение[57]. За очень немногими исключениями, обе эти отрасли экономики были скорее порождением урбанизации, чем стимулом, вызвавшим ее к жизни. Главное, что отличало город от деревни в момент его возникновения, а во многих случаях и еще долгое время спустя — это не столько его особые экономические функции рыночного или ремесленного центра, сколько его особый военно-политический статус «столицы» карликового государства и вместе с тем основного укрепленного пункта на его территории[58].

Разумеется, мы не вправе забывать о том, что основание новых полисов посредством либо синойкизма, либо вывода колоний было лишь начальным этапом в весьма длительном и сложном процессе становления греческого города-государства. Обусловленная конкретными обстоятельствами того или иного исторического момента, урбанизация на этом ее этапе шла, как правило, кратчайшим из всех возможных путей и потому носила во многом поверхностный, можно сказать, предварительный характер.

враждебному внешнему миру, основанный на внутренней интеграции коллектива». Ср.: *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 154 сл.; *Vittinghoff F.* Urbanisation als Phänomen der Antike. P. 778 f.

[57] Ср.: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800–500 B. C. P. 98 f.

[58] Ср.: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800–500 B. C. P. 100: «Корень города заложен в консолидации полиса, и по мере того, как в течение VII–VI столетий полис приобретал все большее гражданское единство, его физический центр иногда развивал внешние признаки урбанизации». См. также: *Martin R.* L'urbanisme dans la Grèce antique. P. 30 s.

В известном смысле это была всего лишь предурбанизация, а возникший в ее итоге тип поселения соответственно может быть квалифицирован как протогород или же ранний город скорее, чем собственно город.

Вместе с тем нельзя, по-видимому, недооценивать и то влияние, которое этот ранний город мог оказать уже самим фактом своего существования, предполагающим довольно высокий уровень концентрации населения, на только еще начинавшийся в то время процесс классообразования. В условиях тесного каждодневного общения больших масс людей, составляющего неотъемлемую черту городской жизни уже на самых ранних этапах ее развития, этот процесс должен был идти гораздо интенсивнее, нежели это было возможно в условиях разрозненных сельских общин[59]. Именно городская полисная община стала той социальной средой, в которой в относительно короткий исторический срок могла быть осуществлена коренная перестройка архаических структур варварского общества, чтобы тем самым подготовить почву для вызревания основных классов новой рабовладельческой формации. Концентрация свободных собственников, каждый из которых был хотя бы в потенции и товаропроизводителем, и покупателем, в поселениях городского типа уже сама по себе создавала благоприятные условия для развития товарно-денежных отношений и, в частности, такой важной их формы, как работорговля. Особенно велика была в этом плане, конечно, роль городов колониальной зоны, выполнявших функции транзитных рынков, через которые в Грецию устремлялся основной поток получаемого ею «живого товара».

В свою очередь, рабство и товарно-денежная экономика оказывали обратное воздействие на полисную общину, ускоряя социальное расслоение первоначально более или менее однородного гражданского коллектива[60]. По мере разложения крестьянской массы, составлявшей основное ядро этого коллектива, на рабовладельцев, с одной стороны, и «античный пролетариат», с другой, постепенно менял свой облик и сам полис. Из протогорода или, по определению Маркса, «места поселения земледельцев» он все более и более превращался в развитой античный город, к которому

---

[59] Ср.: *Vittinghoff F.* Urbanisation als Phänomen der Antike. P. 779.

[60] См. о взаимодействии полиса и товарно-денежной экономики: *Кошеленко Г. А.* Полис и проблемы развития экономики. С. 238 сл.

вполне приложима дефиниция, сравнительно недавно предложенная О. Г. Большаковым и В. А. Якобсоном: «город является пунктом, в котором осуществляется сосредоточение, перераспределение и реализация прибавочного продукта»[61], или, если попытаться несколько иначе выразить ту же самую мысль, становился «городом-потребителем»[62] с ярко выраженной тенденцией к социальному паразитизму. Основную часть его населения составляли теперь крупные рабо- и землевладельцы — получатели ренты, сами почти не занимающиеся хозяйством[63], обслуживающие их ремесленники и торговцы и, наконец, масса пауперизованного гражданства, существующая за счет либо филантропии богачей, либо подачек из государственной казны. Начиная с этого момента, городская жизнь становится у греков синонимом праздности и досуга, прямой антитезой трудовой жизни крестьянства.

Все это, разумеется, — лишь очень приблизительная реконструкция весьма важных сдвигов в жизни греческого общества, происходивших, насколько позволяют судить источники, в основном уже в рамках классического периода, т. е. в V—IV вв. до н. э. Как и всякая общая схема, она, безусловно, сильно упрощает реальный ход исторического процесса, сглаживая его внутреннюю противоречивость и чрезвычайную вариативность. Учитывая крайнюю неравномерность социально-экономического и политического развития греческих государств, а также очень большие различия в размерах территории и численности населения, уже a priori следовало бы ожидать, что смена относительно примитивных форм города относительно более развитыми происходила в них далеко не синхронно. В связи с этим приходится еще раз напомнить о чрезвычайной жиз-

---

[61] Цит. по: *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3.

[62] *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Tübingen, 1924. S. 13; *Finley M. I.* 1) The Ancient Economy. P. 125; 2) The Ancient City: From Fustel de Coulanges to Max Weber and Beyond. P. 325 f.; *Hopkins K.* Economic Growth and Towns in Classical Antiquity // Towns in Societies / Ed. by Ph. Abrams and E. A. Wrigley. Cambridge, 1979. P. 72 f. Ср.: *Starr Ch. G.* The economic and social growth of Early Greece 800—500 B. C. P. 107.

[63] См. о них: *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. С. 275 сл.

неспособности среднего и мелкого парцеллярного землевладения. Судя по некоторым данным, размывание слоя свободного крестьянства шло в Греции даже в период так называемого кризиса полиса далеко не столь стремительными темпами, а главное, далеко не столь равномерно, как мы привыкли себе это представлять по стереотипным учебным пособиям[64]. Во многих местах класс свободных земледельцев, вероятно, сохранялся не только в качестве полноправного гражданства полиса, но и в качестве наиболее многочисленной прослойки городского населения вплоть до наступления эпохи эллинизма. Выживание крестьянства означало бы тем самым и выживание протогорода как особой формы поселения. Вполне возможно, что в ряде областей и районов греческого мира поселения протогородского и собственно городского типа в течение длительного времени существовали, так сказать, «чересполосно» в довольно близком соседстве друг с другом, причем практическое их разграничение остается крайне затрудненным, поскольку в источниках все они обозначаются одним и тем же термином «полис».

Как следует из приведенного выше определения Большакова и Якобсона, в каждом конкретном случае уровень урбанизации, отличающий собственно город от протогорода, зависел, в первую очередь, от масштабов концентрации прибавочного продукта в том или ином населенном пункте и интенсивности его перераспределения. В поселениях протогородского типа общий выход прибавочного продукта был, как правило, незначителен, поскольку здесь он создавался трудом сравнительно немногочисленных рабов, поденщиков и арендаторов. В то же время относительная социальная однородность населения протогорода, а также замедленное развитие в нем ремесла и торговли сильно ограничивали возможность его перераспределения. В собственно городе уровень концентрации прибавочного продукта был, судя по всему, значительно выше, а масштабы его перераспределения намного шире. Этому способствовали такие факторы, как широкое применение рабского и наемного труда, интенсивное развитие товарно-денежных отношений, особенно внешней торговли, наконец, ярко выраженная гетерогенность социального состава населения.

---

[64] Обстоятельный критический разбор этой концепции преимущественно на афинском материале см.: *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V—IV вв. до н. э. С. 302 сл.

Интересно, однако, как мы уже обращали на это внимание, что прямой антагонизм между городом и деревней как будто не прослеживается даже и в таких крупнейших экономических центрах, как Афины, хотя здесь, казалось бы, имелись все необходимые предпосылки для его возникновения. Объяснение этому несколько загадочному факту дает, на наш взгляд, то простое соображение, что, хотя бурное развитие городов такого типа, как Афины, носило в своей основе, несомненно, паразитический характер, существовали они не столько за счет своей непосредственной сельской округи, сколько за счет гораздо более удаленной варварской периферии, откуда в Грецию поступали и рабы, и основная масса драгоценных металлов, и всевозможные иные ценности, получаемые различными как экономическими, так и внеэкономическими способами[65]. Таким образом, антагонизм между городом и деревней как бы выносился за пределы греческого мира[66], становясь составной частью гораздо более широкого противостояния «мирового города» и «мировой деревни». В самой Греции могли возникнуть поэтому лишь зачаточные или же очень сильно сглаженные его формы.

Радикальной перестройке эта система отношений подверглась только в эпоху эллинизма, когда огромная часть варварской периферии стала объектом экспансии стремительно разраставшегося конгломерата греческих полисов. Этот как нельзя более прямой и тесный контакт двух до того времени разъединенных миров, пожалуй, впервые в истории греческого общества сделал возможным четкое размежевание города как социального организма, по преимуществу аккумулирующего и потребляющего прибавочный продукт, и деревни как организма, по преимуществу этот продукт производящего. Но произошло это в основном уже за пределами самой Греции, на территории новых восточных держав, созданных Александром и его преемниками.

---

[65] *Хазанов А. М.* Первобытная периферия античного мира // СЭ. 1971. № 6. С. 19; *Андреев В. Н.* К. Маркс о цели античного производства и афинская экономика V—IV вв. до н. э. С. 22 сл.

[66] Конечно, здесь нельзя сбрасывать со счета также и возможность как экономической, так и внеэкономической эксплуатации более отсталых и более слабых греческих полисов более передовыми и более могущественными государствами.

АРХАИЧЕСКАЯ СПАРТА: КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА*

Спарта — одно из самых странных государств древности. Уже сама ее история заключает в себе некий парадокс, поражающий каждого даже не особенно вдумчивого наблюдателя. В самом деле, находясь в зените славы и могущества и пользуясь, благодаря своему огромному военному потенциалу и вместе с тем удивительной стабильности своей политической системы, почти непререкаемым международным авторитетом, это государство пребывало тем не менее в состоянии затяжной экономической стагнации, свело к минимуму все свои контакты с внешним миром и, казалось, было обречено на абсолютное творческое бесплодие во всех сферах культурной деятельности. После Алкмана и Тиртея, живших еще в VII в. до н. э., Спарта не дала миру больше ни одного сколько-нибудь известного поэта, философа, ученого или оратора. Греческие историки усматривали в этой странной ситуации результат сознательного выбора самих спартанцев, добровольно подчинившихся тягостному, но мудрому решению своего великого законодателя Ликурга.

В течение длительного времени Спарта и законы Ликурга оставались неразделимыми понятиями. В законодательстве Ликурга древние видели краеугольный камень спартанской государственной системы. Сам акт законодательства, к какому бы времени ни относили его античные историки[1], воспринимался ими как важнейшее событие во всей истории Спарты, а из ряда выходящее своеобразие ее общественного и политического строя ставилось в прямую зависимость от божественной мудрости законодателя, его сверх-

---

* ВДИ. 1987. № 4. С. 70–86.

[1] О крайнем разброде мнений во всем, что касается жизни и деятельности Ликурга, времени проведения его законов и их характера, удрученно говорит Плутарх, приступая к своему жизнеописанию спартанского законодателя (Plut. Lyc., 1).

человеческой изобретательности и хитроумия. В соответствии с этим вся ранняя история Спарты (до начала Греко-персидских войн) четко делилась на два основных периода: период смут и беззакония (аномии или каконomии) и период установленного Ликургом «благозакония» (евномии). Этой схемы придерживались уже основоположники классической греческой историографии Геродот и Фукидид, а вслед за ними и многие историки более позднего времени[2].

Историческая наука нового времени подвергла предание о великом законодателе беспощадному критическому анализу, не оставив буквально «камня на камне» от всей посвященной ему античной традиции. Одним из первых выразил сомнения в исторической реальности Ликурга еще в 20-е годы XIX века известный немецкий исследователь античности К. О. Мюллер[3]. Ему же принадлежит и ставшая впоследствии весьма популярной мысль о том, что так называемые «законы Ликурга», в сущности, гораздо древнее самого законодателя, даже если допустить, что он когда-либо существовал как реальная личность, ибо в действительности это не столько законы в собственном значении этого слова, сколько древние народные обычаи, уходящие своими корнями в самое отдаленное прошлое дорийцев и всех других эллинов.

Идеи Мюллера прижились в европейской, особенно в немецкой историографии, и к концу XIX столетия предание о Ликурге было окончательно зачислено в разряд тех псевдоисторических легенд или новелл, которыми была так богата греческая литература, начиная уже с эпохи Геродота[4].

Такие крупные ученые, как У. Виламовиц, Эд. Мейер, Ю. Белох, расценивали сохранившееся в нескольких вариантах жизнеописание спартанского законодателя как позднюю рационалистическую переработку мифа о древнем лаконском божестве Ликурге[5].

---

[2] Обстоятельный разбор античной традиции о Ликурге см. в работе Эд. Мейера: *Meyer Ed.* Lykurgos von Sparta // Forschungen zur alten Geschichte. Bd. I. Halle, 1892. S. 213–286. См. также: *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 70 ff.

[3] *Müller K. O.* Die Dorier. Bd. II. Breslau, 1824. S. 5 ff.

[4] Подробный обзор литературы по этой теме см. в книге П. Оливы (*Oliva P.* Sparta and her social Problems. Prague, 1971. P. 63 ff.).

[5] *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Homerischer Untersuchungen. Berlin, 1894. S. 267 ff.; *Meyer Ed.* Lykurgos von Sparta. S. 269 ff.; *Beloch J.* Griechische Geschichte. Bd. I. Abt. 2. Straßburg, 1913. S. 253 f.

Античная историческая традиция засвидетельствовала существование в Спарте особого культа Ликурга (Hdt., I, 66; Strab., VIII, p. 366; Plut. Lyc., 31). Отталкиваясь от этого факта все три названных выше исследователя пришли к выводу, что бог Ликург исторически предшествовал человеку Ликургу. Их научный авторитет в то время был столь велик, что, несмотря на возражения некоторых других исследователей, например Топфера и Бузольта[6], отношение к Ликургу как к реальной исторической личности в дальнейшем расценивалось многими как явная нелепость.

Покончив с великим законодателем, приверженцы гиперкритического направления, естественно, должны были поставить под сомнение и сам факт законодательства как поворотный момент в истории Спарты. «Для... жизненного нерва спартанского космоса, — писал Виламовиц, — νομοθεσία была бы смертельной»[7]. В свою очередь Эд. Мейер столь же решительно объявил подделкой, сочиненной в IV в., так называемую «Большую ретру», считавшуюся важнейшим из законодательных актов Ликурга[8]. Спартанский космос, т. е. свод обычаев и правил, регулировавших повседневную жизнь спартиатов, Мейер квалифицировал как законсервированный и приостановленный в своем развитии житейский уклад дорийской племенной общины (Wehrgemeinde), из которой, не претерпев сколько-нибудь существенных изменений, собственно и выросла классическая Спарта, известная нам по описаниям Ксенофонта и Плутарха[9].

Мысль о реликтовом характере спартанских институтов, об их глубокой генетической связи с различными формами и видами первобытной социальной организации довольно широко распространилась в научной литературе первых десятилетий XX в. Широкое привлечение этнографических параллелей в работах Нильссона, Фергюсона, Жанмэра и некоторых других авторов позволило найти вполне приемлемое объяснение для целого ряда отмеченных

---

[6] *Töpffer J.* Die Gesetzgeburg des Lykurgos // Beiträge zur griechischen Altertumswissenschaft. Berlin, 1897. S. 358; *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeronea. Bd. I. Gotha, 1893. S. 578.

[7] *Wilamowitz-Möllendorff U. von.* Homerischer Untersuchungen. S. 277.

[8] *Meyer Ed.* Lykurgos von Sparta. S. 261 ff.

[9] *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums. Bd. III. Stuttgart, 1937. S. 259, 294 f.

уже в древности аномалий спартанского образа жизни и всякого рода курьезных обычаев вроде криптии или бичевания эфебов у алтаря Артемиды Орфии[10]. Таким образом, как будто подтвердилась высказанная задолго до этого догадка К. О. Мюллера о спонтанном, независимом от воли законодателя, происхождении всего комплекса спартанских учреждений и жизненных норм.

Благодаря упорной работе нескольких поколений исследователей ранняя история Спарты была в значительной мере демифологизирована. Ореол загадочности, окружавший в древности «государство Ликурга», начал постепенно рассеиваться. Однако на этом пути были и свои потери. Дальнейшая разработка спартанской темы в европейской историографии показала, что ясность, которую, казалось бы, удалось внести в этот круг вопросов таким исследователям, как Эд. Мейер, Белох, Нильссон и др., была во многом достигнута за счет существенного упрощения сложной диалектики реальных исторических процессов. В сущности, на место одной схемы, выводившей спартанское государство со всеми его законами и учреждениями в уже готовом виде из головы великого законодателя, была поставлена другая схема, согласно которой общественный и государственный строй Спарты возник абсолютно самопроизвольно, без чьего-либо постороннего вмешательства, в результате постепенной адаптации племенной общины завоевателей в условиях хронической военной опасности. Приверженцы этой последней схемы были уверены в том, что Спарта очень рано, практически еще до начала так называемых Мессенских войн как бы выпала из общего русла истории Греции и превратилась в особый, наглухо изолированный от всего остального греческого мира микрокосм[11]. Между тем еще в начале XX столетия науке стали известны некоторые новые факты, которые при внимательном ознакомлении с ними породили настоятельную

---

[10] *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens // Klio. Bd. 12. 1912; *Ferguson W. S.* The Zulus and the Spartans // Harvard African Studies. Vol. 2. 1918; *Jeanmaire H.* 1) La cryptie lacédémonienne // REG. T. 26. 1913; 2) Couroi et courètes. Lille, 1939. P. 490 s.

[11] Этого мнения придерживался уже крупнейший английский историк XIX в. Дж. Грот (*Grote G.* A History of Greece. Vol. II. London, 1869. P. 391). См. также: *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens. S. 340.

потребность в пересмотре уже сложившихся представлений о древнейшем периоде истории Спарты и вместе с тем послужили поводом к частичной реабилитации античного предания о законодательстве Ликурга. Непосредственным толчком, вызвавшим эту реабилитацию, стали сенсационные открытия, сделанные в Спарте в 1906—1910 гг. английской археологической экспедицией под руководством Докинза. Английские археологи исследовали святилище Артемиды Орфии — один из самых древних спартанских храмов. Во время раскопок было обнаружено множество художественных изделий местного лаконского производства, датируемых преимущественно VII—VI вв. до н. э. Среди этих изделий были замечательные образцы расписной керамики, лишь немногим уступающие лучшим произведениям коринфских и афинских мастеров того же времени, уникальные, нигде более не встречающиеся терракотовые маски, разнообразные предметы, изготовленные из бронзы, золота, янтаря и слоновой кости[12]. Весь этот материал наглядно свидетельствует о том, что архаическая Спарта по праву может считаться одним из самых значительных центров художественного ремесла в тогдашней Греции. В то же время в большинстве своем находки, сделанные в святилище Орфии, совершенно не вяжутся с обычными представлениями о суровом и аскетичном образе жизни спартиатов, о почти абсолютной изоляции их государства от всего остального мира. Объяснить это странное противоречие можно было, лишь предположив, что в VII—VI вв., т. е. в то время, к которому относится основная часть археологического материала, собранного экспедицией Докинза, нивелирующий механизм «законов Ликурга» еще не был пущен в ход и социально-экономическое и культурное развитие Спарты шло в общем по тому же самому руслу, что и развитие большинства греческих государств[13].

---

[12] Основные публикации см. в изданиях: *Dawkins R. M. et al.* Excavations at Sparta // BSA. № 13—16. 1906—1910; *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. London, 1929. P. 1—51.

[13] В какой-то степени эту догадку подтверждают и свидетельства древнейших спартанских поэтов, особенно Алкмана. В дошедших от него стихотворных отрывках изображается житейский уклад, еще весьма далекий от казарменного аскетизма классической Спарты. См.: *Janni P.* La cultura di Sparta arcaica. Richerche. I. Roma, 1965. P. 85 sg.

В эти годы в специальной литературе утвердилось мнение, согласно которому своей высшей точки эволюция лаконской художественной школы достигла в первой половине VI в. Во второй половине того же столетия начинается быстрый и внешне как будто ничем не мотивированный упадок. Заметно снижается качество ремесленных изделий, ухудшается их художественная отделка. В это же время резко сокращается экспорт лаконской ремесленной продукции за пределы Спарты, в другие районы Средиземноморья[14]. С другой стороны, в самой Лаконии почти совершенно исчезают изделия чужеземных мастеров. Спарта явно замыкается в себе и, видимо, только теперь, к концу VI в., превращается в то государство-казарму, каким ее знали греческие историки V—IV вв.

Впервые мысль о существовании прямой зависимости между упадком спартанского искусства во второй половине VI в. и установлением «Ликургова строя» была высказана Г. Диккинзом еще в 1912 г. под непосредственным впечатлением раскопок в святилище Орфии[15]. В дальнейшем эта гипотеза была принята и поддержана многими другими учеными в различных европейских странах. В 20—30-е годы приверженцами новой концепции объявили себя Уэйд-Гери и Андруз в Англии, Вилькен, Эренберг, Леншау и Хазебрёк в Германии, Глоц, Олье и Жанмэр во Франции, С. Я. Лурье в нашей стране[16]. Все названные авторы (а мы

---

[14] Большие скопления расписных ваз лаконского происхождения (в основном датируемых VI в.) были обнаружены, кроме самой Спарты, также в Таренте, Катане, Кирене, на Самосе, в Навкратисе и некоторых других местах. См.: *Lane E. A.* Lakonian Vase-Painting // BSA. № 34. 1934. P. 99 ff.

[15] *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy // JHS. Vol. 32. 1912. P. 18 ff.

[16] *Wade-Gery H. T.* The Growth of Dorian States // CAH. Vol. III. 1925. P. 558 ff.; *Andrewes A.* Eunomia // CQ. Vol. 32. 1938. P. 100 ff.; *Wilcken V.* Griechische Geschichte. München—Berlin, 1924. S. 75 f.; *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. München, 1925. S. 8 ff.; *Lenschau Th.* Die Entstehung des spartanischen Staates // Klio. Bd. 30. 1937. S. 288; *Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. Tübingen, 1931. S. 208 ff.; *Glotz G., Cohen R.* Histoire grecque. T. I. Paris, 1925. P. 349 s.; *Ollier Fr.* Le mirage spartiate. T. I. Paris, 1933. P. 16 s.; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 492 s.; *Лурье С. Я.* История Греции. Ч. I. Л., 1940. С. 176 сл.

перечислили далеко не всех сторонников гипотезы Диккинза) сходились на том, что где-то около середины VI в. или, может быть, несколькими десятилетиями раньше в Спарте произошли события, оказавшие определяющее воздействие на все дальнейшее развитие этого государства. Согласно широко распространившимся в те годы представлениям, упадок спартанского искусства был прямо обусловлен перерождением самого спартанского общества. В свою очередь, это перерождение было вызвано двумя обстоятельствами: 1) искусственным выравниванием житейского уклада спартиатов в связи с введением «законов Ликурга» и 2) сознательной самоизоляцией Спарты от всего внешнего мира. Обе эти меры были ответом правящей элиты спартанского общества на ту взрывоопасную, чреватую угрозой илотского мятежа, обстановку, которая сложилась в Спарте после завоевания Мессении, когда численность порабощенного населения резко превысила численность полноправных граждан[17].

В рамках этой гипотезы получила свое в общем достаточно правдоподобное объяснение и легенда о Ликурге. Инициаторы серии реформ, посредством которых в Спарте были заложены основы «нового порядка», могли прибегнуть, как это нередко бывало в древности, к авторитету какого-нибудь древнего героя или божества, которому ad hoc было приписано проведение аналогичных преобразований в самом отдаленном прошлом, еще на заре спартанской истории. На эту роль в силу каких-то неизвестных нам причин был избран Ликург[18]. Начиная с этого момента, он мало-пома-

---

[17] На связь реформ, утвердивших «Ликургов строй», с завоеванием Мессении во II Мессенской войне и окончательным закреплением режима илотии указывают многие авторы, в том числе: *Wade-Gery H. T.* The Growth of Dorian States. P. 538 ff.; *Ehrenberg V.* Sparta // RE. Hbd. 6. 1929. Sp. 1380; *Wilcken V.* Griechische Geschichte. S. 76 ff.; *Лурье С. Я.* О фашистской идеализации полицейского режима древней Спарты // ВДИ. 1939. № 1. С. 101.

[18] Согласно оригинальной гипотезе В. Эренберга (*Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. S. 13, 30, 49), легенда о Ликурге была впервые пущена в ход эфором Хилоном, который, скорее всего, и был действительным автором конституции Ликурга и большей части приписываемых ему законов. См. также: *Wade-Gery H. T.* The Growth of Dorian States. P. 562, n. 2; *Lenschau Th.* Die Entstehung des spartanischen Staates. S. 271 f., 279; *Andrewes A.* Eunomia. P. 100 f.; *Wells J.* Studies in Herodotus. Vol. I.

лу стал превращаться из божества, каким он был первоначально, в человека-законодателя, хотя представления о его божественной природе не были полностью изжиты еще и во времена Геродота (I, 65). Таким образом, согласно этой концепции, сам «Ликургов космос» был осмыслен его устроителями как возрождение древних, искони заведенных в Спарте, но потом забытых, порядков.

Многие приверженцы теории «переворота VI в.» полагали, что так оно и было в действительности: древние дорийские обычаи, пришедшие за давностью времен в забвение и упадок, были планомерно восстановлены ставшей у власти партией ревнителей старины и с тех пор приобрели в Спарте силу настоящих законов. Такого мнения придерживался, в частности, уже Г. Диккинз, впервые выступивший с этой концепцией[19]. В литературе 20—30-х годов встречается, однако, и другая точка зрения на эти события. В представлении некоторых авторов реставрационные и охранительные лозунги, провозглашенные «хранителями заветов Ликурга», в действительности использовались ими лишь в качестве прикрытия для самых радикальных преобразований как политического, так и социального характера[20].

Несмотря на известную расплывчатость ее основных положений и возникавшие в связи с этим расхождения во взглядах между ее сторонниками, в предвоенные годы теория «переворота VI в.» занимала в целом господствующее положение в литерату-

---

Oxford, 1923. P. 47; *Jeanmaire H.* Couroi et courètes. P. 585 s. Все названные авторы, кроме Леншау, включают в общий комплекс приписываемых Ликургу преобразований также и так называемую «Большую ретру» (Plut. Lyc., 6), датируя этот документ VI или же, самое раннее, концом VII в., что едва ли соответствует действительности.

[19] *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy. P. 19; *Ehrenberg V.* 1) Neugründer des Staates. S. 22 ff.; 2) Der Damos im archaischen Sparta // Hermes. Bd. 68. 3. 1933. S. 301; *Andrewes A.* Eunomia. P. 101.

[20] Так, Хазебрёк (*Hasebroek J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit. S. 201 f.), подобно некоторым другим историкам, связывает переворот VI в. с реорганизацией спартанской армии и введением гоплитской фаланги и, таким образом, ставит это событие в один ряд с так называемыми «гоплитскими реформами», проводившимися в этот же период во многих других греческих государствах. Ср.: *Wilcken V.* Griechische Geschichte. S. 78; *Ehrenberg.* Sparta. Sp. 1380; *Lenschau Th.* Die Entstehung des spartanischen Staates. S. 288.

ре по истории ранней Спарты[21]. Однако в послевоенный период ситуация существенно изменилась. В 50—60-е годы выходит ряд работ, в которых взгляды Диккинза и его последователей были подвергнуты критическому пересмотру, а предлагаемое им объяснение культурного упадка Спарты в VI столетии признано несостоятельным[22]. В некоторых из этих работ указывалось, что вырождение спартанского искусства и художественного ремесла во второй половине VI в. могло быть вызвано чисто экономическими причинами и не нуждается для своего объяснения ни в каких политических революциях или реформах. Одной из таких причин могла быть, например, особая приверженность правительства Спарты к архаическим денежным единицам в виде железных спиц (оболов) в то время, когда другие греческие государства уже широко использовали как во внутренней, так и во внешней торговле серебряную монету. Это обстоятельство могло отпугнуть от лаконских рынков и гаваней чужеземных купцов, что, в свою очередь, должно было неблагоприятно сказаться на судьбах местного ремесленного производства[23].

Другие авторы, выступившие с критикой теории «переворота VI в.», видят главную причину упадка лаконского художественного ремесла в разрыве торговых контактов между Спартой и малоазийским побережьем Эгейского моря в связи с захватом этого района персами во второй половине VI в.: лишившись своих основных рынков сбыта, находившихся в Ионии и в Лидии, лаконские художественные промыслы будто бы быстро захирели[24]. Наконец,

---

[21] Ср., однако: *Blakeway A.* The Spartan Illusion. Рец. на книгу: *Ollier F.* Le mirage spartiate // CR. Vol. 49. Pt. 5. 1935. P. 185 и *Berve H.* Sparta // Historische Vierteljahrschrift. Bd. 25. 1929. S. 12.

[22] *Hammond N. G. L.* The Lycurgean Reform at Sparta // JHS. 1950. Vol. 70. P. 42 ff.; *Stubbs H. W.* Spartan Austerity: a possible explanation // CQ. Vol. 54. 1950. P. 32 f.; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. 2-nd ed. Manchester, 1952. P. 305 ff.; *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology // CQ. N. S. Vol. 12. 1. 1962. P. 156 ff.; *Huxley G. L.* Early Sparta. London, 1962. P. 64 ff.; *Boer W. den.* Laconian Studies. Amsterdam, 1954. P. 93, n. 1; 214, n. 2.

[23] *Blakeway A.* The Spartan Illusion. P. 184. См. также: *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 307.

[24] *Stubbs H. W.* Spartan Austerity: a possible explanation. P. 32 f.; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 307; *Huxley G. L.* Early Sparta. P. 73.

еще один и, пожалуй, наиболее распространенный вариант экономического объяснения упадка спартанского искусства ставит во главу угла вытеснение лаконских ремесленных изделий, и прежде всего керамики, как на внешних, так и на внутренних рынках более совершенной продукцией афинских мастерских. При этом отмечается, что подобная же участь постигла примерно в это же самое время (вторая половина VI в.) коринфскую керамику, в производстве и распространении которой наблюдается заметный спад[25].

Из этих трех контраргументов два первых не имеют большой доказательной силы и могут быть довольно легко парированы[26]. Более серьезного отношения заслуживает, пожалуй, лишь третий аргумент — указание на неконкурентоспособность лаконской расписной керамики в борьбе за внешние рынки с более ходовой афинской продукцией, что могло быть основной причиной, вызвавшей упадок этого вида художественного ремесла. Заняв такую позицию, мы едва ли, однако, сумеем объяснить, почему, начиная примерно с последней четверти VI в., производство расписных ваз в Лаконии совершенно прекратилось (местные гончары переключились теперь целиком и полностью на монохромную посуду). Ведь, не находя сбыта на внешних рынках, они могли обеспечивать хотя бы внутренние потребности самого населения Лаконии. Это тем более странно, что столь резкое сокращение ассортимента отечественной ремесленной продукции ни в коей мере не компенсировалось ввозом изделий чужеземных мастеров (чернофигурная афинская керамика на территории Спарты почти не встречается)[27]. Прямо противоположную ситуацию наблюдаем мы в Коринфе. «Посудный дефицит», образовавшийся здесь так же, как и в Спарте, вследствие упадка местного гончарного производства, был быстро ликвидирован благодаря массовому подвозу чужеземной, главным образом

---

[25] *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology. P. 156; *Huxley G. L.* Early Sparta. P. 73; *Forrest W. G.* A History of Sparta. 950–192 B. C. London, 1968. P. 57; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 291, n. 5.

[26] См. особенно: *Holladay A. J.* Spartan Austerity // CQ. N. S. Vol. 27. 1. 1977. P. 111 ff.; также: *Kiechle Fr.* Lakonien und Sparta. München–Berlin, 1963. S. 247 ff.; *Oliva P.* Sparta and her social Problems. P. 135.

[27] *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 117.

афинской, керамики. Да и вообще Коринф продолжал оставаться еще и в V в. довольно значительным центром художественного ремесла и искусства, чего никак нельзя сказать о Спарте[28].

Внимательное изучение имеющегося археологического материала, сопровождавшееся известной передатировкой основной его части, показало, что эволюция спартанского художественного ремесла в VII—VI вв. была довольна сложным и во многом неравномерным процессом[29]. Расцвет и упадок различных его видов и жанров оказались далеко не синхронными явлениями. Так, лучшие образцы лаконских изделий из слоновой кости (резные рельефные пластинки и фигурки людей и животных) датируются в основном второй половиной VII в. В начале следующего, VI столетия их общая численность заметно сокращается, а спустя короткое время (где-то около 590—580 гг.) они и совсем исчезают[30]. Одновременно исчезают и предметы, изготовленные из золота, серебра и янтаря, хотя в предшествующий период они были довольно широко представлены среди вотивных приношений в святилище Артемиды Орфии[31]. Однако в это же самое время начинается быстрый подъем лаконской школы вазовой живописи, которая достигает своего акмэ примерно в 565—550 гг. Затем наступает упадок и в этой области прикладного искусства и к 520—510 гг. производство расписной керамики в Лаконии совершенно прекращается[32]. Приблизительно в это же время прекратилось и производство бронзовых сосудов: гидрий и кратеров, изготовлявшихся так же, как и керамика, в ос-

---

[28] *Benson J. L.* Geschichte der korintischen Vasen. Basel, 1953. S. 106 f.

[29] *Blakeway A.* The Spartan Illusion. P. 185; *Huxley G. L.* Early Sparta. P. 62 ff.; *Boardman J.* Artemis Orthia and Chronology // BSA. № 58. 1963; *Kiechle Fr.* Lakonien und Sparta. S. 247 f.; *Häfner U.* Das Kunstschaffen Lakoniens in archaischer Zeit. Münster, 1965. S. 79 f.; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700—500 B. C. London, 1976. P. 127 ff.; *Rolley C.* Le problème de l'art laconien // Ktema. T. 2. 1977; *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 115.

[30] *Marangou E. L. I.* Lakonische Elfenbein und Beinschnitzereien. Tübingen, 1969. Ср.: *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. P. 204.

[31] *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. P. 381 f. Ср.: *Huxley G. L.* Early Sparta. P. 65.

[32] *Rolley C.* Le problème de l'art laconien. P. 128; *Lane E. A.* Laconian Vase-Painting. P. 150.

новном на экспорт[33]. Несколько дольше продержались лишь мастерские, выпускавшие бронзовые статуэтки (в основном это были довольно примитивно выполненные изображения гоплитов и атлетов обоего пола, предназначавшиеся для посвящений в храмы, а также женские фигурки, служившие ручками для зеркал). Их производство прослеживается вплоть до начала V в.[34]

Все эти факты в известной мере компрометируют теорию «переворота VI в.», ставя под сомнение научную состоятельность ее основного тезиса о стремительной, почти внезапной трансформации архаической Спарты в замкнутое милитаристское государство. В пылу полемики некоторые из авторов, касавшихся этой проблемы, впадают в противоположную крайность, утверждая, что между архаической Спартой Алкмана и Тиртея и той угрюмой классической Спартой, о которой писали Ксенофонт и Плутарх, в сущности, не было никакого разграничительного барьера и, следовательно, нет никакого смысла спорить о причинах и характере так называемой «спартанской революции». Так рассуждает, например, английский археолог и искусствовед Р. Кук[35]. В его понимании античные писатели, рассказывающие о спартанском образе жизни, о его необычайной простоте и суровости, чрезмерно сгустили краски: в действительности житейский уклад спартиатов был подчинен примерно тем же бытовым нормам и стандартам, которые действовали повсеместно в Греции, возможно, лишь с некоторыми поправками на экономическую отсталость Спарты.

Другие авторы признают, что в истории Спарты был некий переломный момент или даже целый переломный период, отмеченный интенсивной преобразовательной деятельностью, но в отличие от Диккинза и его последователей не ставят его в прямую связь с угасанием спартанского искусства и культуры в целом. Такова позиция, занятая известным английским историком М. Финли[36].

---

[33] *Rolley C.* Le problème de l'art laconien. P. 131 s. Ср.: *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology. P. 156; *Huxley G. L.* Early Sparta. P. 65.

[34] *Rolley C.* Le problème de l'art laconien. P. 129.

[35] *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology. P. 158.

[36] *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. New York, 1975. P. 161 ff. См. также: *Starr Ch. G.* The Credibility of early Spartian History // Historia. Bd. 14. 3. 1965. P. 266 ff.; *Forrest W. G.* A History of Sparta. 950—192 B. C. P. 57 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek

Принимая «революцию VI в.» как бесспорный исторический факт, он характеризует ее как «сложный процесс, который включал в себя некоторые нововведения, но вместе с тем значительную долю модификации и реинституционализации тех элементов, которые производят впечатление пережитков, сохранившихся без всяких изменений». «Я использую слово "революция", — продолжает Финли, — в более широком смысле, чем это обычно принято, но в этом нет никакого каприза. Это слово имеет самое широкое значение, ибо я ни на минуту не допускаю и не верю, что вся классическая спартанская система была создана в одно мгновение или даже в течение одного царствования»[37].

В своей работе Финли совершенно обходит стороной проблему культурного упадка Спарты. Остается, в сущности, неясным, признает ли он его историческую реальность или же полностью отрицает, подобно тому как это сделано в статье Кука. Во всяком случае, он выказывает явное пренебрежение к тому археологическому материалу, который послужил фактической основой для воссоздания картины «переворота VI в.» в работах целого ряда его предшественников. «Если оставить в стороне, — пишет Финли, — скорее проблематичное исчезновение слоновой кости из ар-

---

History. P. 290 ff. Три последних автора переносят постулируемый ими переворот из VI в VII столетие, помещая его либо во вторую половину этого века (Тойнби), либо даже в первую (Старр, Форрест), т. е. еще до II Мессенской войны, и, таким образом, резко увеличивают дистанцию, отделяющую это событие от начала культурного упадка. Многие историки, однако, как и прежде, рассматривают культурное оскудение Спарты как прямое следствие введения «Ликургова строя». См.: *Michell H.* Sparta. Cambridge, 1952. P. 22 ff.; *Andrewes A.* The Greek Tyrants. London, 1958. P. 73 ff.; *Roussel P.* Sparte. Paris, 1960. P. 41 s.; *Kiechle Fr.* Lakonien und Sparta. S. 247 ff.; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 68 ff.; *Oliva P.* Sparta and her social Problems. P. 132 ff.; *Mossé C.* Sparte archaïque // La Parola del Passato. Fasc. 28. 1973. P. 12 sgg.; *Weber C. W.* Die Spartaner. Enthüllung einer Legende. Düsseldorf—Wien, 1977. S. 208 ff.

[37] Тем не менее Финли (*Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 161, 164) находит возможным отнести «решающий поворотный пункт спартанской истории» ко времени правления царей Леона и Агасикла (где-то вскоре после 600 г.). Это убеждение основано на неправильном понимании слов Геродота (I, 65—66) о переходе Спарты от «какономии» к «евномии».

хеологических отложений, я не нахожу, что Артемида Орфия снабжает нас данными, с помощью которых можно было бы что-либо доказать. В сущности, эти "данные", на которые модно было делать упор еще каких-нибудь десять или двадцать лет тому назад, включают в себя немногим больше, чем крайне субъективные суждения о качестве лаконской керамики различных периодов, относительно которого специалисты так и не пришли к единому мнению»[38].

Этот тотальный скептицизм по отношению к археологическим источникам едва ли можно признать оправданным. Сколь бы велики ни были разногласия между специалистами-археологами и искусствоведами в оценках возраста и художественных достоинств различных типов лаконской вазовой живописи, факт остается фактом: начиная по крайней мере с конца VI в. как местная лаконская, так и чужеземная расписная керамика исчезает не только из святилища Артемиды Орфии, но и из всех мест на территории Лаконии и Мессении, где производились какие-либо раскопки. Практически то же самое происходит и со всеми остальными видами прикладного и изобразительного искусства, за очень немногими исключениями. Исчезают изделия из кости, терракотовые маски, бронзовая и мраморная скульптура (едва ли не самым последним ее образцом считается так называемый «Леонид» — погрудное изображение воина, датируемое началом V в.)[39]. Лишь

---

[38] *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 162. См. также: *Starr Ch. G.* The Credibility of early Spartian History. P. 265 f.; *Clauss M.* Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 24.

[39] *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 120. Уже в VI в. производство основной массы художественных изделий было, по всей видимости, сосредоточено в руках ремесленников-периеков. Резкое сокращение их производительной активности во второй половине VI в. можно объяснить лишь тем, что они одновременно или с определенным интервалом лишились возможности сбывать свою продукцию как внутри государства (в связи с изменением образа жизни самих спартиатов), так и за его пределами, поскольку лаконские гавани и рынки были закрыты для чужеземных купцов. См.: *Rolley C.* Le problème de l'art laconien. P. 132, 137. Ср.: *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology. P. 156; *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 122 f.; *Cartledge P.* Sparta and Laconia. A Regional History 1300–362 B. C. London, 1979. P. 182 ff.; *Clauss M.* Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. S. 181.

два вида археологических находок позволяют судить о возможностях спартанских мастеров и вкусах их заказчиков на протяжении большей части V в. Это — свинцовые фигурки гоплитов, которые в это время так же, как и раньше, продолжали использоваться в качестве вотивных приношений, и крайне примитивные по исполнению рельефы на каменных надгробных стелах[40]. Факт столь полного отмирания почти всех основных видов художественного производства не находит никаких аналогий, по крайней мере в истории Греции, и нуждается поэтому в особом объяснении.

Интересно сравнить это впечатление, основанное целиком и полностью на археологических данных, с тем немногим, что нам известно о развитии спартанского зодчества в этот же период. Основным источником, из которого могут быть почерпнуты некоторые сведения по этому вопросу, служат соответствующие разделы «Описания Эллады» Павсания. Сопоставляя свидетельства Павсания о наиболее примечательных архитектурных сооружениях, которые ему удалось повидать во время его визита в Спарту, можно сделать вывод, что периодом наиболее интенсивной строительной деятельности было в истории этого города VI столетие[41].

Именно в это время здесь были воздвигнуты такие постройки, как храм Афины Меднодомной на акрополе, портик Скиада неподалеку от агоры, сооружен так называемый «трон Аполлона» в Амиклах. В работе над этими сооружениями участвовали как местные лаконские, так и прославленные чужеземные мастера. Так, Скиада считалась творением мастера Феодора с острова Самоса (Paus., III, 12, 10). Сооружение трона Аполлона приписывалось Бафиклу из Магнезии (Paus., III, 18, 9). Храм Афины Меднодомной был построен лаконским зодчим и поэтом Гитиадом (Paus., III, 17, 2). С началом V в. строительная деятельность в Спарте и ее окрестностях замирает. Наиболее поздним из числа архитектурных сооружений, упоминаемых Павсанием, если исключить постройки эллинистической эпохи, может считаться, по всей видимости, так называемая «Персидская стоя», воздвигну-

---

[40] *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. P. 262 ff.; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C. P. 128 f.

[41] *Huxley G. L.* Early Sparta. P. 65; *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 120. Ср.: *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology. P. 157.

тая вскоре после 479 г. в память о победе над персами (Paus., III, 11, 3)[42]. Неудивительно, что на Фукидида, видевшего Спарту своими глазами где-то в последней четверти V в., этот город произвел самое безотрадное впечатление (Thuc., I, 10, 2). На фоне роскоши и величия афинского зодчества века Перикла Спарта могла показаться невзрачным провинциальным поселком.

И еще одна характерная деталь: говоря о статуях богов, которые ему довелось увидеть в спартанских святилищах, Павсаний чаще всего употребляет слово ξόανον, что указывает на глубокую древность этих изображений (см., например: III, 13, 9; 14, 4; 14, 7; 15, 10; 16, 7; 17, 5). Не боясь прослыть старомодными, спартанцы продолжали поклоняться архаическим деревянным или каменным идолам уже в те времена, когда в других местах создавали свои скульптурные шедевры Фидий, Мирон, Поликлет и другие выдающиеся ваятели[43]. Вообще упорная приверженность к архаичным, давно изжившим себя формам была, судя по всему, важнейшей отличительной особенностью культурной жизни спартанского общества. В известной эпиграмме Иона Самосского, вырезанной на пьедестале статуи Лисандра, Спарта была названа «городом прекрасных хоров» (Diehl. Anthol. Lyr., I, 1, p. 87). Очевидно, репутация крупного центра музыкальной культуры прочно закрепилась за Спартой и не покидала ее даже в те времена (около 400 г.), к которым относится эта эпиграмма. Однако сама спартанская музыка должна была восприниматься другими греками как некий анахронизм, разве что сохранивший прелесть пережитка седой старины, т. е. примерно так же, как мы теперь воспринимаем концерты ансамблей старинной музыки или фольклорных коллективов. К концу V в. знаменитые спартанские хоры, по-видимому, давно уже успели выйти из моды. Их репертуар в основной своей части был создан музыкантами и поэтами VII—VI вв. и в последующее время, скорее всего, не обновлялся. Среди тех, кому Спарта была обязана славой самого музыкального города Эллады, первое место по праву принадлежит чужеземцам: Терпандру с острова Лесбос, Полимнесту из Колофона, Сакаду из Аргоса, Фалету из критской Гортины, Ксенокриту из Локр, Стесихору из Гимеры и, наконец, Алкману, называющему

[42] *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 120.
[43] Ibid.

себя «уроженцем высоких Сард» (fr. 13 Diehl), хотя он, по-видимому, навсегда поселился в Лаконии[44]. Спартанская хоровая лирика складывалась, таким образом, в процессе активного взаимодействия местных дорийских традиций с привнесенными извне музыкальными и поэтическими новшествами. Однако к концу VI — началу V в. эти контакты были, по-видимому, надолго прерваны. Поэтому и музыканты из других греческих городов теперь обходят Спарту стороной[45].

Все эти факты, взятые в совокупности, создают впечатление постепенного угасания и омертвения спартанской культуры, которые становятся все более очевидными по мере приближения к концу архаического периода. Можно предполагать, что эта агония длилась в течение целого ряда десятилетий и прошла в своем развитии несколько этапов. За это время некоторые виды художественного творчества (вазовая живопись, резьба по кости, ювелирное дело) исчезли в Спарте практически полностью, другие (скульптура из металла и камня) были сведены к самому жалкому минимуму, третьи (хоровое пение, музыка и танцы) подверглись искусственной консервации и были приостановлены в своем развитии, так сказать, «на точке замерзания». Все это сопровождалось и, видимо, еще более усугублялось непрерывным нарастанием изоляционистских тенденций, что нашло свое выражение, во-первых, в почти абсолютном прекращении ввоза в Лаконию чужеземных ремесленных изделий и произведений искусства и в соответственном прекращении вывоза за пределы государства изделий лаконских ремесленников и, во-вторых, в прекращении или, по крайней мере, в резком сокращении посещений Спарты мастерами, музыкантами и поэтами из других греческих государств.

Эту картину логически дополняет еще один любопытный штрих (впервые на него обратил внимание уже Диккинз)[46]: во второй половине VI в. наступает заметное охлаждение спартанцев

---

[44] *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 40 ff.

[45] По-видимому, в числе последних посетил Спарту Феогнид Мегарский (fr. 783–85). О Пиндаре, несмотря на его известный панегирик Спарте (fr. 189 Bowra), этого уже нельзя сказать с уверенностью.

[46] *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy. P. 19, n. 1. См. также: *Ehrenberg V.* Neugründer des Staates. S. 10.

к Олимпийским играм, в которых до этого времени они принимали самое активное участие. Данные по просопографии олимпиоников архаического периода позволяют сделать вывод, что по сравнению с VII и первой половиной VI в. число спартанских атлетов — участников игр резко сократилось после середины того же VI столетия. Если в промежутке с 720 по 576 г. спартанцы составляли свыше половины победителей во всех основных видах состязаний (46 человек из 81), то за все время с 548 по 480 г. победу одержал только один представитель Спарты — царь Демарат и только в одном виде состязаний — скачках на ипподроме[47]. Также и в последующее время Спарту представляли на играх в основном лица, принадлежавшие к аристократической элите государства и участвовавшие преимущественно в конских ристаниях[48].

Возвращаясь к вопросу о причинах и характере культурного оскудения Спарты, следует признать, что ответ на него может быть найден все же скорее в сфере политических или социально-политических отношений, нежели в области чистой экономики. Это положение, которое можно, по-видимому, считать главным «краеугольным камнем» теории «переворота VI в.», неизменно присутствует или хотя бы угадывается в любых ее вариантах и модификациях. На одной из таких модификаций, предложенной сравнительно недавно А. Холлэдэем (на его статью нам приходилось неоднократно ссылаться уже и до этого), мы хотели бы теперь остановиться специально с тем, чтобы потом, отталкиваясь от нее, попытаться более четко определить свою собственную позицию в этой затянувшейся дискуссии.

Подобно Финли и некоторым другим авторам, специально касавшимся этой проблемы[49], Холлэдэй настаивает на неприемлемости широко распространенного представления о решительной и почти мгновенной переориентации всей внутренней жизни спартанского государства с помощью ряда принудительных мер. Решение проблемы культурного упадка Спарты заключается, как полагает Холлэдэй, не в «серии законов против роскоши», а в «возврате к строгой системе воспитания, пришедшей в упадок

---

[47] Ср.: *Lenschau Th.* Die Entstehung des spartanischen Staates. S. 270.

[48] *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 119.

[49] См. также: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 296 ff.; *Cartledge P.* Sparta and Laconia. A Regional History 1300–362 B. C. P. 156.

после завоевания Мессении»: «Дети были снова отделены в раннем возрасте от своих родителей, — пишет он далее, — и отец должен был посещать обеды за общим столом. Здесь не было места для изящной посуды и иных украшений жизни. Тяга к таким вещам рассматривалась теперь как антиобщественная и неприличная для спартанца. То, что Спарта перестала ввозить красивые вазы и поэтов, было следствием не бедности ее, а опасения ослабить суровую дисциплину посредством чувственных и развращающих внешних влияний»[50]. И несколько ниже: «Возрождение ἀγωγή, конечно, не возымело мгновенного эффекта, но, по мере того как молодежь взрослела, ее влияние влекло за собой те изменения, которые мы находим в классической Спарте. Именно потому, что эти изменения были постепенными и не было создано никаких новых законов или учреждений, они оставили так мало следов в исторической традиции»[51].

Нам представляется, что сформулированная таким образом концепция Холлэдэя при всей убедительности своей основной посылки страдает все же известной однобокостью. Исследователь явно упускает из вида некоторые важные аспекты проблемы, без учета которых ее окончательное решение едва ли возможно. Конечно, трудно не согласиться с тем, что знаменитое «спартанское воспитание» представляло собой мощное средство обработки общественного сознания и что результаты этой обработки должны были рано или поздно сказаться на всем житейском укладе спартиатов, а в равной степени и на их психологии и культурных запросах. Нельзя, однако, забывать о том, что само по себе воспитание подрастающего поколения было в Спарте лишь частью (пусть одной из наиболее важных) гораздо более широкой и сложной системы контроля над повседневной жизнью граждан. Поэтому Холлэдэй едва ли прав, когда ставит читателя перед альтернативой, предла-

---

[50] *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 124. На определяющую роль системы воспитания в формировании спартанского образа жизни и соответствующей ему идеологии указывают также: *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 163 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 317 ff., хотя, в сущности, все эти авторы лишь повторяют то, что задолго до них писали Диккинз и некоторые из его ближайших последователей (см.: *Dickins G.* The Growth of Spartan Policy. P. 19).

[51] *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 126.

гая ему выбирать одно из двух возможных объяснений причины упадка спартанской культуры: либо серия законов против роскоши, либо изменение методов и форм воспитания. В действительности, как то, так и другое было, по-видимому, звеньями одной цепи. Система ἀγωγή, вероятно, не смогла бы действовать достаточно эффективно, если бы она не подкреплялась всевозможными ограничениями и запретами, направленными к предотвращению и искоренению опасных последствий, судя, по всему, никогда не исчезавшего в Спарте социального неравенства[52].

Известно, как легко забывали уже взрослые спартанцы, прошедшие полный курс муштры в агелах, все внушения своих строгих наставников, лишь только им удавалось вырваться на свободу из-под контроля домашней «полиции нравов», как дорожили они поэтому любой возможностью «заграничных поездок»[53]. Античные авторы, начиная с Ксенофонта, недвусмысленно свидетельствуют о широко практиковавшихся в Спарте запретах на выезд за пределы государства и о систематическом выдворении из страны нежелательных элементов из числа чужеземцев — так называемых «ксенеласиях» (Xen. Resp. Lac., XIV, 2—4; Thuc., II, 39, 1; Plut. Lyc., 27)[54]. Еще одним звеном в той же цепи фактов может считаться изъятие из обращения всей иностранной валюты —

---

[52] На отсутствие реального имущественного равенства среди спартиатов указывают: *Kiechle Fr.* Lakonien und Sparta. S. 210; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 307 ff.; *Mossé C.* Sparte archaïque. P. 17; *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 168; *Weber C. W.* Die Spartaner. Enthüllung einer Legende. S. 242 f. и многие другие авторы, еще ранее касавшиеся этой проблемы. Отсюда не следует, однако, что вся античная традиция об уравнительном землепользовании в Спарте и других мерах, направленных к искусственному насаждению равенства внутри гражданского коллектива, представляет собой всего лишь позднюю псевдоисторическую фикцию. Ср.: *Cartledge P.* Sparta and Laconia. A Regional History 1300—362 B. C. P. 168 ff., 309.

[53] Ср.: *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 125.

[54] Как справедливо подчеркивает Холлэдэй (*Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 119 f.), все имеющиеся в источниках сведения о выездах спартанцев за границу относятся к «небольшой» кучке людей, которые обычно действовали в качестве военачальников, послов и проксенов. Все эти люди передвигались без ограничений, имея особые привилегии. Возможности рядовых спартанцев были в этом плане весьма ограничены.

мера, при помощи которой спартанское правительство, очевидно, рассчитывало создать мощный заградительный барьер на пути проникновения в Лакедемон вредоносных чужеземных влияний и одновременно (при фактическом отсутствии собственного денежного чекана) ограничить возможности личного обогащения граждан (см.: Xen. Resp. Lac., VII, 6; Plut. Lys., 17; Lyc., 9)[55].

Все эти факты воспринимаются как проявления вполне продуманной и достаточно последовательной политической линии, основной сутью которой могут считаться сознательный изоляционизм и искусственно насаждаемая ксенофобия. Конечной целью этого отгораживания от внешнего мира было, по всей видимости, создание и сохранение внутри государства особого психологического климата, в котором нормой и идеалом сделалась абсолютная унификация быта и в то же время подвергалась суровому осуждению и даже гонениям любая экстравагантность в одежде и пище, домашней утвари, устройстве жилищ и т. д.[56] Обычной стала мелочная регламентация хозяйственной и всякой иной деятельности спартиатов, их досуга[57]. Власти бесцеремонно вмешивались в

---

[55] Как считает П. Олива (*Oliva P.* Sparta and her social Problems. P. 135 f.), факт выживания в Спарте древней железной «монеты» в виде так называемых «оболов» невозможно объяснить одними только административными мерами: в конечном счете он коренится в общей экономической отсталости спартанского общества. С этим мнением, однако, трудно согласиться. В своем экономическом развитии дорийские полисы Крита едва ли сильно опережали Спарту. Тем не менее серебряные и золотые деньги были здесь в большом ходу, о чем свидетельствуют надписи и монетные находки. См.: *Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. М., 1964. С. 81.

[56] Намеки на такое положение вещей можно встретить уже у Фукидида (I, 6, 4): «Лакедемоняне первыми стали носить скромную одежду на современный манер, да и в остальном люди имущие более всего сблизились у них с толпой по своему образу жизни». См. также некоторые места в «надгробной речи» Перикла (особенно: Thuc., II, 37, 2), где историк явно намекает на всеобщую подозрительность, царящую в Спарте, и строгий взаимоконтроль в отношениях между гражданами.

[57] Важнейшим средством регламентации свободного времени граждан были, по всей видимости, общеобязательные коллективные трапезы, или сисситии, хотя и помимо них повседневная жизнь спартиатов была обставлена множеством всевозможных «табу». Некоторая их часть от-

частную жизнь граждан и даже в их семейные отношения. Очевидно, правящие круги спартанского общества надеялись, что таким способом им удастся положить предел демонстративному потреблению богатства[58] и навсегда внедрить в сознание рядовых спартанцев иллюзию «всеобщего равенства» вопреки реальной неосуществимости этого принципа.

В своей статье Холлэдэй явно склоняется к преуменьшению роли рационального начала, или, говоря иначе, роли сознательных усилий людей, стоявших у кормила государственного правления в процессе трансформации, пережитой спартанским обществом в течение VI в., хотя против этого говорят сами используемые им факты. В его понимании достаточно было одного лишь первого толчка — ужесточения дисциплины в агелах и сисситиях. Все дальнейшее развитие спартанской социальной системы шло целиком и полностью по инерции, пока не привело к тем результатам, которые с большим опозданием зафиксировали в своих сочинениях греческие писатели V—IV вв. С этим выводом непосредственно связан другой, который мы, так же как и первый, никак не можем разделить с автором этой в целом весьма интересной работы. Следуя логике его рассуждений, мы должны были бы признать, что «переворот VI в.» не внес ничего принципиально нового в развитие спартанского общества и государства, не создал никаких новых законов и учреждений и именно поэтому остался совершенно незамеченным в соседних греческих государствах. «Они узнали о том, что произошло, лишь по конечному результату — еще более грозной военной машине», — такими словами Холлэдэй завершает свою статью[59].

лилась в форму так называемых «ретр», или устных законов (Плутарх в «Биографии Ликурга» упоминает, по-видимому, лишь о некоторых из них — см.: Lyc., 13). Другие существовали лишь как выражение опирающегося на традицию общественного мнения. См.: *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 165.

[58] Единственными «дозволенными законом» формами демонстрации богатства оставались в Спарте содержание скаковых лошадей и выезды на них во время состязаний (*Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 118 f.), а также угощения, которые устраивали зажиточные спартиаты для своих сотрапезников в сисситиях (Xen. Resp. Lac., V, 3).

[59] *Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 126. Холлэдэй связывает возрождение системы ἀγωγή с «военным кризисом», пережитым Спартой

Вполне вероятно, что другие греки очень смутно представляли себе характер происходивших в Спарте перемен. Ведь еще и в гораздо более поздние времена внутренняя жизнь этого государства оставалась загадкой даже для его ближайших соседей. Лишь немногие, из ряда вон выходящие ее эпизоды, вроде расправы эфоров с победителем персов Павсанием или великого землетрясения 464 г., попали в поле зрения историков V—IV вв. О событиях более раннего времени они располагали, что само собой разумеется, еще более скудной информацией и поэтому вполне могли «упустить из вида» даже и наиболее важные среди них[60]. Отсюда, однако, вовсе не следует, что сами эти события не несли в себе ничего нового. Высказывая такую мысль, Холлэдэй лишь разделяет со многими другими историками давнее заблуждение, суть которого состоит в том, что история архаической Спарты якобы шла по замкнутому кругу и при ближайшем рассмотрении так называемая «революция VI в.» оказывается всего лишь реставрацией древних обветшавших учреждений[61].

Перенасыщенность общественного строя Спарты пережитками всевозможных архаических институтов, чему придают особое значение приверженцы этой концепции, не должна заслонять от нас тот весьма существенный факт, что все эти реликтовые учреж-

---

между 580 и 570 гг. в связи с затяжной и тяжелой войной против Тегеи (*Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 125 f.; см. также: *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 161, 164). Другие историки относят эту реформу, так же как и тесно связанную с ней реорганизацию спартанской армии на базе гоплитской фаланги, к гораздо более раннему времени, помещая ее где-то во второй или даже в первой половине VII в. См.: *Forrest W. G.* A History of Sparta. 950—192 B. C. P. 51 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 258 ff.; *Cartledge P.* 1) Sparta and Laconia. A Regional History 1300—362 B. C. P. 135; ср.: 2) Hoplites and Heroes // JHS. 1977. Vol. 97. P. 27.

[60] Нам представляются весьма убедительными те доводы, с помощью которых Холлэдэй оспаривает противоположное мнение Кука (*Holladay A. J.* Spartan Austerity. P. 126; ср.: *Cook R. M.* Spartan History and Archaeology. P. 158).

[61] См. работы, указанные в прим. 19, а также: *Kiechle Fr.* Lakonien und Sparta. S. 249. Более верный взгляд на существо проблемы мы находим в уже неоднократно упоминавшейся работе Финли (*Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 163).

дения выполняли здесь функции, по природе совсем им несвойственные[62]. Так, знаменитые спартанские криптии в первоначальном своем варианте представляли собой, по всей видимости, лишь одну из разновидностей первобытных посвятительных обрядов или инициаций. В классической Спарте они использовались главным образом как оружие слежки и террора, направленное против илотов[63]. Аналогичные метаморфозы претерпели агелы, сиситии и, вероятно, многие другие элементы «Ликургова строя»[64]. Приспособление всего этого комплекса первобытных обычаев к потребностям рабовладельческого государства, разумеется, не могло обойтись без коренной ломки и преобразования традиционных устоев спартанской социально-политической системы. Вопреки широко распространенному представлению о неизменности этой системы чуть ли не с самого момента дорийского вторжения в Лаконию, «Ликургов строй» явно не мог быть просто «вторым изданием» древнего дорийского космоса, приостановленной в своем развитии племенной общиной завоевателей и, бесспорно, заключал в себе целый ряд принципиально новых элементов. Сама застойность спартанского общества была явлением вторичного порядка, вызванным целенаправленным вмешательством государства в естественный процесс социально-экономической эволюции. Сознательно поставленный на пути этого процесса барьер «Ликургова законодательства» несет на себе ясно выраженные признаки рациональной, логически выверенной конструкции[65].

---

[62] См.: *Finley M. I.* The Use and Abuse of History. P. 164: «Классическая Спарта могла производить впечатление сугубо архаического или даже доархаического общества. Но главное значение здесь имеет функция "пережитков", а не просто сам факт пережитка». Также: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 320.

[63] *Jeanmaire H.* 1) La cryptie lacédémonienne; 2) Couroi et courètes. P. 550 s.

[64] *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens. S. 340; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 320; *Андреев Ю. В.* Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 34 сл.

[65] См.: *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 75 f.: «Спартанский "космос" ... отмечен неоспоримой логической последовательностью, настолько восхитительной, что она не могла быть делом случая, но только результатом сознательной политики... Эта

Внимательное изучение этой конструкции уже само по себе (даже вне зависимости от показаний археологических и всяких иных источников) наталкивает на мысль о некоем историческом скачке или перевороте. Скорее всего, к признанию реальности такого скачка и сводится тот допустимый минимум исторической достоверности, который может заключаться в античной традиции о Ликурге. Все остальное содержание предания, т. е. все, что касается личности самого законодателя, времени и обстоятельств учиненных им преобразований, по-видимому, выходит за пределы этого минимума[66].

Солидаризируясь с Финли и некоторыми другими авторами, разделяющими его точку зрения на эту проблему, мы готовы представить сам переворот как довольно длительный поэтапный процесс трансформации традиционных социальных структур. Вполне возможно, что известное нам «Ликургово законодательство» было продуктом коллективного творчества нескольких или даже многих реформаторов и что эта их деятельность растянулась на ряд десятилетий, может быть, даже на целое столетие[67]. Хочется

Спарта, представляющая собой произведение искусства, должна была иметь своего создателя». См. также: *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens. S. 430.

[66] Нам представляются совершенно неприемлемыми попытки реабилитировать античную традицию о Ликурге как серьезный исторический источник, предпринятые авторами ряда работ, опубликованных в послевоенный период. См.: *Hammond N. G. L.* The Lycurgean Reform at Sparta. P. 57; *Chrimes K. M. T.* Ancient Sparta. P. 305 ff., 346; *Boer W. den.* Laconian Studies. P. 89, 93, 126, 154; *Michell H.* Sparta. P. 22 f.; *Huxley G. L.* Early Sparta. P. 7, 42 и др. Ср.: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 274 ff.; *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 70 ff.; *Oliva P.* Sparta and her social Problems. P. 69 f.

[67] Едва ли кому-нибудь удастся определить с достаточной точностью хронологические рамки этого периода или его основных этапов, основываясь на той крайне скудной фактической информации, которой мы сейчас располагаем. Важнейшей хронологической вехой в спартанской истории VI в. остается пока дата эфората Хилона (556/555 г.), при котором эта магистратура достигла особенно большого могущества (Diog. Laert., I, 68). За этой датой следует окончательный упадок спартанского искусства. Примерно в это же время (около середины VI в.) был, по-видимому, закрыт ввоз в Спарту чужеземной монеты (первые де-

думать, однако, что процесс этот не был беспорядочным и стихийным, что отдельные его этапы или стадии были логически связаны между собой и подчинены одной общей задаче постепенного развития и усовершенствования однажды возникшей системы социального контроля. Отсюда не следует, конечно, что все детали этой системы были заранее продуманы и запрограммированы. Многие из них, вероятно, возникли экспромтом, сообразно с требованиями того или иного конкретного исторического момента. Но все вместе взятые они были пронизаны одной идеей, одним общим принципом консолидации гражданского коллектива Спарты ценой максимального самоограничения и выдержки всех его членов. В этом проявила себя определенная преемственность, или, может быть, лучше сказать, определенный стереотип политического мышления, выработанный у спартанской правящей элиты под воздействием той критической обстановки, которая сложилась в Спарте в период, последующий за II Мессенской войной. С течением времени эта политическая доктрина персонифицировалась и обрела самостоятельное существование в образе Ликурга. История стала легендой.

нежные чеканы в европейской Греции — эгинский, коринфский и афинский — сейчас датируются первой половиной VI в. — см.: *Starr Ch. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece. 800–500 B. C. New York, 1977. P. 109. f.). Все это позволяет предполагать, что центральные события спартанской «революции» разыгрались в промежутке с 600 по 550 г. до н. э.

КОЛЛАПС МИКЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСКИЙ МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ*

Драматический финал микенской эпохи давно уже привлекает к себе пристальное внимание ученых. Во многих отношениях он не менее загадочен, чем ее блестящее начало. Мы до сих пор не знаем, кем были и откуда пришли первые владыки Микен, погребенные среди фантастической роскоши шахтовых могил. Но точно так же нам ничего неизвестно и о судьбе их поздних потомков — последних царей Микен, Тиринфа, Пилоса и других дворцов и цитаделей, то ли погибших среди развалин, то ли вынужденных бежать из своих резиденций, спасаясь от каких-то неведомых опасностей.

За последние три десятилетия археологами разных стран, работавшими в материковой Греции и на островах Эгейского моря, изучен и систематизирован большой фактический материал, относящийся к завершающей фазе микенской эпохи или, если следовать общепринятой ее периодизации, к позднеэлладским периодам III B2—III C (вторая половина XIII—XII вв. до н. э.). Подлинные масштабы катастрофы или, может быть, целой серии катастроф, обрушившихся на микенские государства в это смутное время, постепенно начали вырисовываться в фундаментальных трудах таких исследователей, как П. Алин, В. Десборо, Я. Боузек, Э. Снодграсс, Фр. Шахермайр и др.[1] Если

---

* Археологические вести. СПб., 1992. № 1. С. 165—174.

[1] *Alin P.* Das Ende der mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund, 1962; *Desborough V. R. d'A.* 1) The last Mycenaeans and their successors. Oxford, 1964; 2) The Greek Dark Ages. London, 1972; *Bouzek J.* 1) Homerisches Griechenland. Praha, 1969; 2) The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. Praha, 1985; *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. Edinburgh, 1971; *Schachermeyr Fr.* 1) Die ägäische Frühzeit. Bd. IV. Griechenland im Zeitalter der Wanderungen vom Ende der mykenischen Ära bis auf die Dorier. Wien, 1980; 2) Griechische Frühgeschichte. Wien, 1984.

попытаться теперь кратко суммировать основные итоги кропотливой работы, проделанной всеми этими учеными, то агония микенской цивилизации предстанет перед нами как затяжной, но неуклонно приближающийся к своему концу процесс распада всех ее инфра- и суперструктур.

Примерно в течение столетия — с конца XIII до конца XII в. погибли все главные жизненные центры ахейской Греции — дворцы и цитадели вместе с примыкающими к ним крупными поселениями (так называемыми «городами»). Зона разрушений охватила практически все наиболее богатые и процветающие области микенского мира. Наряду с дворцами и цитаделями пострадали и многочисленные малые поселения, образовывавшие сельскую округу дворцовых центров. Так, в Мессении из 168 поселений, существовавших на ее территории в период расцвета Пилосского царства, к концу XII в. уцелело лишь 16[2]. Во многом сходная ситуация сложилась также и в других районах Пелопоннеса и средней Греции, в т. ч. в Лаконии, Арголиде, Беотии, Аттике и Фокиде[3]. Археология, таким образом, свидетельствует о запустении обширных пространств и массовом оттоке населения из зоны бедствия в относительно спокойные и безопасные районы в самой Греции, на острова Эгейского и Ионического морей, а также в Малую Азию и на Кипр.

Распад микенской социально-экономической системы, который неизбежно должен был последовать за гибелью дворцов, сопровождался ощутимым снижением жизненного уровня всего населения страны, резким падением бытовых и культурных стандартов. Об этом с полной очевидностью свидетельствуют такие важные симптомы упадка, как бесследное исчезновение линейного слогового письма, нивелировка жилищ и погребений, снижение уровня технического профессионализма в ремесленном производстве, постепенная деградация, а затем и полное отмирание основных видов и жанров микенского искусства и, наконец, разрыв

---

[2] The Minnesota Messenia expedition: A reconstruction of a Bronze Age environment / Ed. by W. A. McDonald, G. R. Rapp. Minneapolis, 1972. P. 141.

[3] *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 51; *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. P. 20; *Hammond N. G. L.* Migrations and invasions in Greece and adjacent areas. Park Ridge, 1976. P. 135.

экономических и культурных связей со странами Передней Азии, вылившийся в длительную изоляцию Эгейского мира от всего остального Средиземноморья. Логическим итогом всех этих процессов может считаться глубокая депрессия, охватившая греческое общество с началом (около 1125 г. до н. э.) субмикенского периода и продолжавшаяся в общей сложности несколько столетий (с XI до IX вв.).

Традиционное, восходящее к историческим концепциям начала XX в. объяснение этой катастрофы, резко изменившей весь ход истории Греции, ориентируется на античное предание о так называемом «возвращении Гераклидов» или «дорийском завоевании» Пелопоннеса и островов южной Эгеиды. Однако археологические реалии конца микенской эпохи, как это признают многие авторитетные ученые, плохо согласуются с лежащим в основе этого предания представлении о радикальном обновлении состава населения на большей части территории материковой и островной Греции[4]. Как не раз уже было отмечено, материальная культура страны, несмотря на все пережитые ею в течение ПЭ III С периода пертурбации, не претерпела за эти сто лет сколько-нибудь существенных изменений в своих основах и при всех очевидных признаках упадка и вырождения продолжала сохранять свой исконно микенский характер[5]. Отдельные культурные инновации, о которых нам еще придется говорить в дальнейшем, не меняют этого общего впечатления. Кроме того, уже отмеченный выше факт длительного запустения именно тех областей Пелопоннеса (Лаконии, Мессении, Арголиды), которые всегда считались основным ареалом дорийского расселения в южной Греции, явно не вя-

---

[4] *Desborough V. R. d'A.* 1) The last Mycenaeans and their successors. P. 252 f.; 2) The Greek Dark Ages. P. 23, 324; *Mylonas G.* Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton, 1966. P. 224; *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 200; *Cartledge P.* Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B. C. London, 1979. P. 75 ff.; *Schachermeyr Fr.* Die ägäische Frühzeit. Bd. IV. S. 406 ff. Все эти авторы, не отрицая реальности переселения дорийцев из Эпира или Македонии в южную Грецию, тем не менее относят его к гораздо более позднему времени — к субмикенскому или даже к следующему за ним протогеометрическому периоду.

[5] *Desborough V. R. d'A.* The last Mycenaeans and their successors. P. 224; *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. P. 311; *Hooker J. T.* Mycenaean Greece. London, 1980. P. 175.

жется с сообщениями греческой легендарной традиции о быстром завоевании пришельцами всей этой территории и ее последующем разделе между их предводителями[6].

Но если дорийцы действительно непричастны к гибели микенских дворцов и поселений, мы оказываемся перед необходимостью искать какое-то другое объяснение этого загадочного феномена. Впрочем, поиски в этом направлении ведутся уже давно. Пытаясь как-то заполнить вакуум, образовавшийся после вытеснения дорийцев с авансцены разыгравшейся исторической драмы, некоторые историки и археологи ставят на место легенды о «возвращении Гераклидов», во многом утратившей свое былое обаяние, весьма эффектную гипотетическую конструкцию, которая вводит события XIII—XII вв., происходившие на Пелопоннесе и в других смежных с ним районах Эгейского мира, в широкий исторический контекст «великого переселения народов», которое охватило в этот период бóльшую часть Средиземноморья — от Апеннинского полуострова до Палестины и Египта. Впервые идеи этого рода были высказаны Шахермайром в его книге «Etruskische Frühgeschichte» еще в конце 20-х гг. и в дальнейшем неоднократно воспроизводились и варьировались, обрастая все новыми и новыми аргументами, в других его работах вплоть до самых последних[7].

Гипотеза Шахермайра встретила поддержку большой группы ученых в Германии, Австрии, Чехословакии и других странах Центральной Европы[8]. Все эти авторы ставят падение микенских

---

[6] *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. P. 312.

[7] *Schachermeyr Fr.* 1) Etruskische Frühgeschichte. Berlin—Leipzig, 1929. S. 50 ff.; 2) Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960. S. 69 ff.; 3) Die ägäische Frühzeit. Bd. IV. S. 403 ff.; 4) Griechische Frühgeschichte. S. 239 ff.

[8] См., например: *Milojčić V.* Dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Quellen // Archäologischer Anzeiger. 1948/49. S. 12 ff.; *Kimmig W.* Seevölkerbewegungen und Urnenfelderkultur // Studien aus Alteuropa. Bd. I. Köln—Graz, 1964. S. 255 f.; *Gimbutas M.* Bronze Age cultures in Central and Eastern Europe. Hague, 1965. P. 335 ff.; *Bouzek J.* 1) Homerisches Griechenland. S. 40 ff.; 2) The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 222; *Deger-Jalkotzy S.* Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. Wien, 1977. S. 64 ff.

цитаделей в один ряд с такими событиями, как разгром Хеттского царства в Малой Азии, опустошение побережий Сирии и Палестины и нападение на Египет так называемых «народов моря», расценивая все эти эпизоды как последовательные ступени в своеобразной «цепной реакции» военных столкновений и катастроф, вызванной вторжением на Балканы и в страны Передней Азии огромной лавины блуждающих варварских племен из Центральной Европы и Подунавья. Приход дорийцев на Пелопоннес так же, как и более или менее синхронные с этим событием передвижения родственных дорийцам племен северо-западных греков (фессалийцев, беотийцев, этолийцев и др.), были осмыслены Шахермайром и его последователями как завершающее звено в длинной цепи миграций, хронологически отстоящее довольно далеко от ее начала — первой волны разрушений в Греции, датируемой концом XIII — началом XII вв.

Вся эта грандиозная конструкция в сущности покоится на двух группах фактов. С одной стороны, ее опорой служит относительная хронологическая близость целой серии катастрофических событий, происходивших в завершающей фазе эпохи поздней бронзы на большом пространстве от Трои и Пелопоннеса до Дельты Нила. Эта близость во времени наводит на мысль, что все эти катаклизмы были вызваны какой-то одной причиной, которой вполне могло оказаться очередное «великое переселение народов». С другой стороны, догадки такого рода базируются на сделанных на территории Греции, Анатолии, Кипра, Сирии, Палестины и Египта находках ряда артефактов, главным образом изделий из бронзы центрально-европейского, северо-балканского и адриатического происхождения. Впервые довольно внушительная группа таких изделий была выделена В. Милойчичем еще в 40-х гг. В свой состав она включала прямой обоюдоострый меч с рукоятью в виде вытянутого языка, предназначенный для колющих и рубящих ударов — так называемый «Griffzungenschwert» типа Schprockhoff II a или Naue II, кинжал аналогичной конструкции (тип Peschiera), наконечники копий в виде листа или языка пламени, нож с изогнутым однолезвийным клинком, так называемую «смычковую фибулу» (Violinbogenfibel) и некоторые другие предметы[9]. В конце

[9] См. их описание в работах: *Milojčić V.* Dorische Wanderung im Lichte der vorgeschichtlichen Quellen. S. 15 ff.; *Kimmig W.* Seevölkerbe-

эпохи поздней бронзы все эти артефакты были широко распространены на территории Центральной Европы от Подунавья до побережий Балтийского и Северного морей, т. е. преимущественно в зоне так называемой «культуры полей погребальных урн», причем особенно значительная их концентрация отмечена на среднем и верхнем течении Дуная, в долинах Дравы и Савы и на верхнем течении Тиссы, где, по всей видимости, в то время находились наиболее важные центры европейской металлургии[10]. В сравнительно небольших количествах изделия этого рода встречаются также в районе Адриатики.

Отталкиваясь от этих в общем не столь уж многочисленных находок, некоторые авторы из числа указанных выше приверженцев гипотезы Шахермайра приходят к мысли о радикальной трансформации материальной культуры и всего житейского уклада населения Греции, прямо связывая эти перемены с проникновением на ее территорию новых этнических элементов из Адриатики, бассейна Дуная и Прикарпатья. В их представлении пришельцы принесли с собой новые формы защитного и наступательного вооружения, быстро усвоенные микенскими греками, в т. ч. колющий и рубящий меч, вытеснивший старую микенскую рапиру, двухстворчатый бронзовый панцирь и поножи, небольшой круглый щит вместо прежнего башнеобразного[11]. Одновременно коренной реформе подверглась и микенская одежда, особенно женская. На смену пышным юбкам и корсажам придворных дам Микен и Тиринфа теперь приходит строгий хитон, скреплявшийся на плече одной фибулой. Хронологически все эти нововведения относятся примерно к тому же периоду, что и наиболее серьезные разрушения в микенских поселениях. Сопоставляя эти факты, нетрудно было прийти к заключению (гораздо труднее, вероятно, было бы от него воздержаться), что один и тот же народ (или народы) принес в Грецию «моду» на фибулы, панцири, ши-

---

wegungen und die Urnenfelderkultur. S. 228 ff.; *Bouzek J.* 1) Homerisches Griechenland. S. 40 ff.; 2) The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 92 ff.

[10] *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 92 ff.

[11] Весь этот набор поздней ахейской панoплии изображен на знаменитой «вазе воинов», найденной в руинах микенской цитадели.

рокие мечи и кинжалы и в то же время подверг разгрому и опустошению наиболее богатые и процветающие области Эгейского мира, после чего прошел «огнем и мечом» всю Малую Азию, Сирию и Палестину, остановившись только у границ Египта[12].

Основное преимущество этой эффектной концепции перед старой теорией «дорийского завоевания» заключается в том, что она, во-первых, дает более или менее удовлетворительное объяснение некоторым инновациям в археологической культуре Греции позднемикенского времени и, во-вторых, позволяет понять уже отмеченный выше факт резкого демографического спада на ее территории, сопутствовавшего первой волне разрушений на рубеже XIII—XII вв. В понимании большинства исследователей, разделяющих эту точку зрения на события конца микенской эпохи, северные варвары, сокрушившие твердыни ахейских династов и разграбившие их сельскую округу, в силу каких-то причин не захотели остаться в опустошенной ими стране и, видимо, по инерции продолжали двигаться все дальше и дальше в юго-восточном направлении, сметая все на своем пути[13].

---

[12] *Kimmig W.* Seevölkerbewegungen und die Urnenfelderkultur. S. 262 ff.; *Bouzek J.* 1) Homerisches Griechenland. S. 83 ff.; 2) The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 212 f., 222; *Deger-Jalkotzy S.* Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. S. 79 ff.

Этническая принадлежность орды или орд «разрушителей» по-разному определялась в работах разных авторов. Многие и в т. ч. сам Шахермайр склонны были видеть в них народы иллирийской и фригийско-фракийской групп и в то же время отождествляли их с библейскими филистимлянами, поскольку эти последние, как принято думать, принимали особенно активное участие в натиске «народов моря» на Египет и сиро-финикийское побережье (*Schachermeyr Fr.* Griechische Geschichte. S. 70; *Gimbutas M.* Bronze Age cultures in Central and Eastern Europe. P. 335 ff.).

[13] Впрочем, в своих последних работах, увидевших свет незадолго до его кончины, сам основоположник теории «великого переселения народов» Шахермайр начал склоняться к мысли, что орде «разрушителей» все же удалось закрепиться на захваченной ими территории и даже основать новые царские резиденции на руинах микенских цитаделей, после чего они довольно быстро растворились в среде местного населения, намного превосходившего их по уровню культурного развития (*Schachermeyr Fr.* 1) Die ägäische Frühzeit. Bd. IV. S. 101 ff.; 2) Griechische Frühgeschichte. S. 165, 197 ff.).

Однако при внимательном изучении этой логической конструкции выясняется, что аргументация ее сторонников далеко не так безупречна, как это может показаться при первом знакомстве. В принципе нет никакой необходимости связывать наличие ряда общих для микенской Греции и лежащих к северу от нее стран Южной и Центральной Европы типов бронзовых изделий с какими-то крупномасштабными племенными миграциями. Ведь это явление может быть объяснено и просто как результат параллельного развития нескольких очагов древней металлургии, между которыми в конце эпохи бронзы существовали достаточно тесные экономические контакты. Многие артефакты, в свое время включенные В. Милойчичем в комплекс, который он связывал с появлением в Греции первой волны северных пришельцев, могли довольно быстро распространиться на обширной территории, охватывающей целый ряд районов Европейского континента, просто благодаря своим чисто техническим преимуществам вне зависимости от каких-либо передвижений племен.

Уже в 60—70-х гг. к такому выводу пришли несколько авторитетных археологов-специалистов по культурным контактам Эгейского мира со странами Центральной Европы, в т. ч. Г. Мюллер-Карпе. Э. Снодграсс и Н. Сэндерс[14]. Объясняя необыкновенную популярность смычковой фибулы, засвидетельствованную многочисленными находками, сделанными в обширном ареале, простирающемся от верховий Рейна до Крита и Кипра, Снодграсс писал: «Она распространилась быстро, потому что это была хорошая идея». В понимании этого английского археолога, проникновение на территорию микенской Греции таких изделий европейских металлургов, как те же фибулы или мечи типа Naue II, происходило по преимуществу в процессе торгового обмена. Завершая свою статью 1973 г., специально посвященную этой проблеме, Снодграсс вполне резонно заметил: «Я уверен в том, что эгейская цивилизация позднего бронзово-

[14] *Müller-Karpe H.* Metallgegenstände der Kerameikos-Gräber // Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 77. 1962. S. 59 ff.; *Snodgrass A. M.* 1) The Dark Age of Greece. P. 309 ff.; 2) Metal-work as evidence for immigration in the Late Bronze Age // Bronze age Migrations in the Aegean. London, 1973. P. 210 ff.; *Sandars N.* The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean. London, 1978. P. 92 ff., 188.

го века ... была культурой, слишком высоко организованной, со слишком давними и широко распространенными контактами и, может быть, со слишком высоким уровнем специализации труда, чтобы появление на ее территории новых типов металлоизделий могло быть использовано нами для обоснования гипотез о чужеземном вторжении»[15].

В некоторых работах 70-х — 80-х гг. высказывалось предположение, что продвижение на юг Балканского полуострова ряда артефактов, особенно оружия центральноевропейских типов, могло быть связано с проникновением в этот регион небольших групп выходцев из Адриатики, Фракии и Подунавья, объединявшихся либо в наемные дружины, которые охотно брали к себе на службу постоянно враждовавшие между собой ахейские династы, либо в разбойничьи шайки, которые на свой страх и риск занимались опустошением владений тех же династов[16]. Эти пришельцы могли познакомить микенских греков со своим оружием и, прежде всего, с мечами, превосходившими по своим боевым качествам старую эгейскую рапиру, но в то же время и сами многое у них могли заимствовать, в частности, технику обработки листовой бронзы, из которой изготовлялись шлемы, панцири, поножи, кубки и т. п. предметы. Как бы то ни было, как заметила Н. Сэндерс, «производство вооружения приобрело в это время интернациональный характер, и хорошее оружие, как наступательное, так и оборонительное, быстро передвигалось то в одном, то в другом направлении, как только его преимущества были осознаны»[17].

Другие исследователи, касавшиеся этой проблемы уже в совсем недавнее время, считают, что присутствие на территории позднемикенской Греции некоторого количества изделий из бронзы, имеющих ясно выраженные центрально-европейские анало-

---

[15] *Snodgrass A. M.* Metal-work as evidence for immigration in the Late Bronze Age. P. 213.

[16] *Deger-Jalkotzy S.* Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. S. 75; *Sandars N.* The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean. P. 92 ff.; *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 222; ср.: *Snodgrass A. M.* Metal-work as evidence for immigration in the Late Bronze Age. P. 213.

[17] *Sandars N.* The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean. P. 188.

гии, совсем необязательно должно означать, что их появлению в этих местах предшествовал приход неких северных варваров, кем бы они ни были на самом деле: кузнецами, наемными солдатами или же завоевателями. Такого мнения придерживается, например, английский археолог Э. Хардинг. В его книге «Микенцы и Европа» мы читаем буквально следующее: «Вообще большинство бронзовых изделий, как кажется, связывающих Грецию с европейскими странами в поздний (после 1200 г. до н. э.) период, принадлежит к той категории артефактов, которая в то время покрывала большую часть территории Европы и в отношении которой обычно не удается установить специфические места происхождения для специфических типов. Так называемые "европейские мечи" дают в этом смысле наиболее показательный пример: негреческое происхождение меча с фланцевой рукоятью (the flangedhilt sword) не вызывает сомнений, но это отнюдь не делает негреческими их подлинные образцы, найденные в Греции; скорее это предполагает единообразие приемов кузнечного ремесла на территории, гораздо более обширной, чем прежде»[18].

Весьма показательно, что к почти аналогичной оценке ситуации, сложившейся в европейской металлургии в конце эпохи бронзы, пришел в последнее время и один из самых активных апологетов теории Шахермайра — Я. Боузек. В его понимании, в XIII в. в странах Центральной, а также Южной и Северной Европы сложилось своего рода культурное койне или «общий рынок», в пределах которого осуществлялась широкая циркуляция предметов вооружения, заколок для одежды и некоторых других изделий. Благодаря этому «на короткое время около 1200 г. до н. э. практически одни и те же типы наступательного и защитного вооружения вошли в употребление в Эгеиде, на западных Балканах, в Италии и в Центральной и Северной Европе...»[19]. При этом Боузек делает одно достаточно важное пояснение к этой общей констатации. По его словам, «более 95% оружия европейского типа, найденного в пределах Эгеиды, было изготовлено на месте, и таким образом, знания о различных его типах распространялись посредством крайне немногочисленных образцов, представленных

[18] *Harding A. F.* The Mycenaeans and Europe. London, 1984. P. 215.

[19] *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 241 ff.

in corpore». Эта оговорка, если она соответствует действительности, неизбежно ставит под сомнение возможность массового продвижения на территорию Греции самих носителей центральноевропейской культуры или культур, хотя Боузек и продолжает весьма энергично отстаивать эту свою старую идею[20].

Однако, если имеющийся сейчас в наличии археологический материал и не дает надежной опоры для апокалиптической картины грандиозного варварского нашествия, нанесшего смертельный удар микенской цивилизации, после которого она уже никогда более не смогла оправиться, то все же достаточно правдоподобной остается высказанная Сэндерс и разделяемая некоторыми другими авторами мысль о постепенном просачивании на территорию Греции небольших и чаще всего разрозненных групп пришельцев с берегов Адриатики, из Подунавья и, может быть, еще более удаленных районов Центральной Европы, которые сообразно с обстоятельствами могли из блуждающих вместе со своими стадами и семьями свободных пастухов превращаться в наемных солдат или грабителей. В некоторых местах эти номады могли переходить от своего кочевого или полукочевого образа жизни к более или менее прочной оседлости, о чем свидетельствуют не столько спорадические и в целом, как было уже сказано, не особенно многочисленные находки «северных бронз», сколько открытые в ряде позднемикенских поселений в Пелопоннесе, в Аттике, на о-вах Эвбея, Крит, Кефалления, Итака и в других местах образцы грубой лепной керамики или так называемой «варварской посуды», не характерной для материальной культуры микенской Греции пе-

---

[20] *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 242 ff. Не менее важно и другое признание, сделанное Боузеком в этой же связи. Говоря о найденных в Греции артефактах центральноевропейского типа, он прямо указывает на то, что в своем подавляющем большинстве они «представляют собой второе или третье поколение предметов, подражающих тем, которые были действительно транспортированы (в Грецию), но, за немногими исключениями, отнюдь не сам момент транспортировки». Но эта вторая оговорка делает совершенно невозможной синхронизацию предметов северного происхождения с волной разрушений на рубеже XIII—XII вв., хотя именно этот момент занимает чрезвычайно важное место в аргументации самого Боузека и других его единомышленников (ср.: *Deger-Jalkotzy S.* Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. S. 74 f.).

риода расцвета в XV—XIII вв.[21] В отличие от бронзового оружия или фибул изделия этого рода, конечно, не могли быть предметом импорта и, по всей видимости, были изготовлены прямо на месте — там, где их нашли археологи. Более или менее близкие аналогии «варварской посуде» удалось обнаружить во многих местах за пределами Греции, в т. ч. в некоторых районах Италии, на противоположном побережье Адриатического моря — в Албании и Югославии, а также в Македонии, Троаде и еще дальше к северу в Болгарии и Румынии. Столь значительный географический «разброс» этих керамических комплексов, так же как и их ясно различимая неоднородность, лучше согласуется с картиной хаотичных блужданий по территории Балканского полуострова множества разрозненных сегментов варварских племен, происходящих из разных районов центрально-европейского Хинтерлянда, нежели с широко распространенным представлением о массированном вторжении в Грецию большой орды хорошо организованных и тесно связанных между собой северных пришельцев.

В этой связи заслуживает самого пристального внимания то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев лепная керамика немикенского происхождения встречается в сугубо микенском археологическом «контексте», т. е. в сопровождении технически гораздо более совершенных изделий местных гончаров. Это дало основание С. Дегер-Ялкотци говорить о своеобразном «симбиозе» микенских греков с пришлыми варварами, на который, по ее мнению, может указывать керамический материал, найденный в Эгире (Ахайя), Тиринфе, Кораку и некоторых других местах[22]. Правда, сейчас нам еще трудно судить, какого рода мог

[21] *Rutter J.* Ceramic evidence for Northern Intruders in Southern Greece at the beginning of the LH III C period // American Journal of archaeology. Vol. 79. 1975; *Deger-Jalkotzy S.* 1) Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland; 2) Das Problem der «Handmade Burnished Ware»// Griechenland, die Ägäis und die Levante während der «Dark Ages» vom 12. bis zum 9. Jh. v. Chr. Wien, 1983; *Sandars N.* The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean. P. 126 ff.; *Schachermeyr Fr.* Die ägäische Frühzeit. Bd. IV. S. 68 ff.; *Harding A. F.* The Mycenaeans and Europe. P. 216 ff.; *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 183 ff.

[22] *Deger-Jalkotzy S.* Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. S. 88.

быть этот симбиоз: носил ли он характер мирного сосуществования местного грекоязычного населения с пришельцами, использовавшими в своем домашнем обиходе «варварскую посуду», или же ему предшествовало насильственное внедрение воинственных варваров в чуждую им этническую среду микенских греков. В принципе любой из этих двух вариантов должен быть признан одинаково вероятным. В большинстве своем находки лепной керамики на территории Греции датируются началом или первой половиной позднеэлладского периода III С и, таким образом, попадают в хронологический промежуток, непосредственно следующий за первой волной разрушений в микенских дворцовых центрах на рубеже XIII—XII вв. Отсюда, однако, совсем не обязательно вытекает, что производители сосудов этого типа и разрушители цитаделей были одним и тем же народом. Отчего бы не предположить, что они просто воспользовались благоприятной для них политической ситуацией на Пелопоннесе и в Средней Греции и, не встречая на своем пути сколько-нибудь серьезного сопротивления, начали понемногу просачиваться на территорию ослабленных какими-то потрясениями микенских государств? Во всяком случае, сама недолговечность известных сейчас комплексов «варварской посуды» (за редкими исключениями, она исчезает там, где ее находят, уже спустя короткое время после своего появления) может свидетельствовать о немногочисленности носителей этой новой для микенского мира культурной традиции и о их быстрой ассимиляции в местной этнической среде[23].

Итак, в нашем распоряжении, видимо, все же нет достаточных данных, которые позволили бы напрямую связать начало конца микенской цивилизации с некой критической фазой в развитии племенного мира Центральной Европы, ознаменовавшейся, согласно давно уже бытующим в науке представлениям, лавинообразным движением образующих его этнических массивов по направлению к берегам Эгейского моря и Восточного Средиземноморья. В картине грандиозного переселения народов, со-

---

[23] *Deger-Jalkotzy S.* 1) Fremde Zuwanderer im spätmykenischen Griechenland. S. 88; 2) Das Problem der «Handmade Burnished Ware». S. 161; *Harding A. F.* The Mycenaeans and Europe. P. 217; ср.: *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 183.

зданной воображением Шахермайра, Милойчича, Киммига и других ученых, развивавших далее эту же идею, не хватает целого ряда важных деталей, без которых довольно трудно себе представить массовое перемещение на юг Балканского полуострова выходцев из зоны так называемых «полей погребальных урн». В греческих некрополях позднеэлладского периода III С практически не встречаются столь характерные для этой зоны массивные бронзовые украшения (диадемы, подвески, браслеты) в виде соединенных между собой туго закрученных спиралей[24].

Большой редкостью остаются во всем этом регионе и некоторые другие, не менее типичные элементы той же Urnenfelderkultur вроде золотых спиралей, служивших украшениями для волос (единичные находки изделий этого рода относятся в основном к довольно позднему времени[25]). И наконец, что особенно важно, широко практиковавшийся в Центральной Европе и Подунавье в конце эпохи бронзы обычай кремации и соответствующая ему форма захоронения кремированных останков в специальных урнах — на территории Греции в это же самое время (вплоть до начала раннежелезного века) появляются лишь эпизодически и, похоже, совершенно независимо от главного ареала полей погребальных урн[26]. У нас нет, следовательно, никаких оснований для того, чтобы говорить о вытеснении микенской культуры на завершающих этапах ее развития привнесенной откуда-то извне культурой «разрушителей», поскольку отдельные элементы этой последней там, где их удается более или менее надежно идентифицировать, представляют собой всего лишь случайные и разрозненные вкрапления в местную культурную среду, сохранявшую свою органическую однородность вплоть до самого конца эпохи бронзы[27].

---

[24] *Müller-Karpe H.* Handbuch der Vorgeschichte. Bd. IV. Bronzezeit. München, 1980. S. 239 ff.

[25] *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 170.

[26] Само размещение познемикенских некрополей со следами кремации в Аттике, Беотии, на Эвбее, Кикладах, Родосе и Крите скорее может указывать на их связь с Малой Азией, чем с Центральной Европой (*Buchholz H.-G.* Ägäische Bronzezeit. Darmstadt, 1987. S. 442; ср.: *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe. Cultural interrelations in the second millenium B. C. P. 207).

[27] *Hooker J. T.* Mycenaean Greece. P. 175.

Завершая этот краткий обзор существующих позиций, мы можем констатировать, что вопрос о причастности варварского мира Центральной Европы к событиям, приведшим к гибели микенской цивилизации, если и может быть сейчас решен, то скорее в негативном, чем позитивном плане. Накопленный за последние десятилетия археологический материал позволяет говорить об инфильтрации сравнительно небольших групп (вероятно, отдельных племен или их сегментов) выходцев с побережий Адриатики, из Фракии, Подунавья и, может быть, из лежащих еще дальше к северу глубинных районов Европейского континента в пределы материковой и островной Греции. Но это просачивание северных пришельцев на территорию микенских государств было скорее следствием, чем причиной их ослабления и распада, которые могли быть вызваны факторами совсем иного порядка[28].

[28] В том, что это были факторы скорее внутреннего, чем внешнего характера, в настоящее время убеждены многие исследователи. Существует несколько вариантов-моделей объяснения упадка микенской цивилизации с позиций такого рода, в том числе модель экономического кризиса, модель междоусобных войн и внутренних смут, модель социального переворота и, наконец, модель стихийного бедствия, хотя ни одна из них до сих пор не завоевала общего признания.

КТО ИЗОБРЕЛ ГРЕЧЕСКУЮ ФАЛАНГУ?*

Создается впечатление, что греческие историки почему-то обошли стороной вопрос о времени и обстоятельствах возникновения гоплитской фаланги. Даже Фукидид, столь живо интересовавшийся процессом наращивания вооружений в греческом мире в период, предшествующий Пелопоннесской войне, не счел нужным уделить этому вопросу хотя бы несколько строк в своей «Археологии». Один лишь Аристотель в «Политике» (IV, 1297 b 16–27) прямо связывает зарождение первых греческих демократий или политий с ростом значимости тяжеловооруженной пехоты, что повлекло за собой участие в государственном управлении большего числа граждан. Но когда и как произошла эта революция в военном деле и одновременно в политическом устройстве греческого полиса, Аристотель не сообщает.

В современной научной литературе до сих пор высказываются крайне разноречивые мнения по этой важной проблеме. Большинство ученых относит зарождение фаланги к VII в. до н. э., мотивируя свой выбор, во-первых, тем, что именно в это время в Греции наблюдается мощный подъем демократического движения и возникают первые тиранические режимы (представление, согласно которому первые греческие тираны использовали фалангу как своеобразный трамплин для захвата власти, разделяется многими авторами[1].

---

* Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 7. С. 36–42.

[1] *Andrewes A.* The Greek Tyrants. London, 1958. P. 31; *Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C. London, 1976. P. 41, 67; *Detienne M.* La phalange. Problèmes et controversies // Problèmes de la guerre en Grèce ancienne / Ed. par J. P. Vernant et al. Paris, 1985. P. 140; *Ducrey P.* Guerre et guerriers dans la Grèce antique. Paris, 1985. P. 64; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 118; ср.: *Snodgrass A.* The Hoplite Reform and History // JHS. Vol. 85. 1965. P. 120–123.

Рис. 1. Ваза Киджи. Фрагмент росписи

Кроме того, от VII в. до нас дошли первые, как принято думать, вполне достоверные изображения фаланги в греческой вазовой живописи. Особое место среди этих изображений принадлежит росписям знаменитой «вазы Киджи», протокоринфской полихромной ольпы из собрания римской виллы Джулия. Живописный фриз, украшающий ее стенки, изображает четыре движущихся навстречу друг другу шеренги гоплитов, по две с каждой стороны

(рис. 1). Позади одной из них мы видим фигуру юноши-флейтиста, очевидно, задающего своей игрой необходимый ритм движению всей массы тяжеловооруженных пехотинцев. К сожалению, датировка этого шедевра архаической вазовой живописи довольно сильно колеблется. Если первоначально «ваза Киджи» датировалась примерно серединой VII в., то в работах последних лет ее относят уже к концу того же столетия[2]. Соответственно перемещается по хронологической шкале и важнейшая точка отсчета в истории греческой фаланги.

Некоторые авторы допускают, что сам принцип сражения в сомкнутом строю был открыт греками еще в самом начале архаического периода. В пользу этого предположения свидетельствуют, во-первых, так называемые «гоплитские пассажи» гомеровской «Илиады», например, некоторые эпизоды в описании битвы у кораблей в XIII песни поэмы или описание построения мирмидонского войска Ахиллом в XVI песни. Эти эпизоды показывают, что помимо сражений врассыпную или одиночных поединков героев, которыми заполнена большая часть батальных сцен «Илиады», Гомеру был известен и другой вид боевой тактики — столкновения больших компактно построенных масс пехоты, во многом уже напоминающие тактику классической греческой фаланги[3].

Это же допущение как будто подтверждают и имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные, из которых следует, что основные элементы гоплитской паноплии были освоены греками еще до конца VIII в. до н. э. Самым концом этого столетия датируется, например, замечательный комплект защитного вооружения, включающий шлем с нащечниками, еще, правда, не вполне канонической формы, и бронзовый двустворчатый панцирь. Этот комплект был найден в 1953 г. в одной из могил геометри-

---

[2] *Ducrey P.* Guerre et guerriers dans la Grèce antique. P. 65; *Charboneaux J., Martin R., Villard F.* Das archaische Griechenland 620—480 v. Chr. München, 1985. S. 71; ср.: *Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus // BSA. № 42. 1947. P. 81.

[3] *Webster T. B. L.* From Mycenae to Homer. 2-nd ed. London, 1964. P. 218—220; ср.: *Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus. P. 114; *Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons. Edinburgh, 1964. P. 177.

ческого некрополя в Аргосе[4]. Вполне вероятно, что в той же могиле лежали и не сохранившиеся до нашего времени, так как были изготовлены из каких-то нестойких материалов, скорее всего, из дерева и кожи, большой круглый щит и поножи, без которых набор гоплитского вооружения был бы не полон. В вазовой живописи изображения этих предметов появляются примерно в то же время, к которому относится и только что упомянутая аргосская находка, т. е. на рубеже VIII—VII вв.[5]

В литературе давно уже бытует убеждение, последователи которого готовы признать тактику фаланги чуть ли не автоматическим следствием ряда технических новшеств, освоенных греческими оружейниками в хронологических рамках раннеархаического периода. Среди этих нововведений особо важное место отводится изобретению двуручного щита[6]. Считается, что, обеспечивая надежную защиту левому боку гоплита, такой щит оставлял открытыми спину и всю правую половину его туловища. Именно это обстоятельство, как полагают сторонники этой гипотезы, как раз и вынуждало воинов в греческой фаланге держаться и в наступлении, и в обороне возможно более плотной сомкнутой линией (каждый из них при таком построении прикрывал своего соседа слева и сам был прикрыт соседом справа). При этом все построение должно было иметь в глубину хотя бы несколько шеренг или рядов, чтобы воины, стоящие впереди, могли быть спокойны за свой незащищенный тыл.

---

[4] *Courbin P.* Une tombe géometrique d'Argos // BCH. T. 81. 1957. P. 322—386; *Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons. P. 73; *Buchholz H.-G., Wiesner J.* Kriegswesen: Teil. I. Schutzwaffen und Wehrbauten // Archaeologia Homerica. Bd. I. Kap. E. Göttingen, 1977. S. 116.

[5] *Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons. P. 65, 89; *Snodgrass A.* The Hoplite Reform and History. P. 112; ср.: *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. Cambridge, 1973. P. 70; *Buchholz H.-G., Wiesner J.* Kriegswesen: Teil. I. Schutzwaffen und Wehrbauten. S. 36.

[6] *Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus. P. 76; *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. P. 71—73; *Cartledge P.* Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare // JHS. Vol. 97. 1977. P. 13, 20; *Detienne M.* La phalange. Problèmes et controversies. P. 121, 132—134; ср.: *Salmon J.* Political Hoplites? // JHS. Vol. 97. 1977. P. 85.

Не отрицая значимости двуручного щита как фактора, во многом определившего структуру классической греческой фаланги, вместе с тем не следует забывать и о некоторых других немаловажных моментах, без которых формирование гоплитского строя едва ли достигло бы когда-нибудь своего логического завершения. Мы имеем в виду прежде всего наступательное оружие гоплитов, которое так же, как и защитное вооружение, претерпело за время перехода к новой тактике самые радикальные изменения, на что почему-то до сих пор почти никто не обращал внимания.

Хорошо известно, что в гомеровском эпосе копье обычно используется как метательное оружие и лишь в сравнительно редких случаях (например, в сцене поединка Ахилла и Гектора) применяется для нанесения прямых колющих ударов с близкого расстояния. В вазовой живописи этого времени превалируют изображения воинов, вооруженных двумя, очевидно, метательными копьями. Их назначение становится совершенно очевидным в тех сравнительно редких случаях, когда мы видим «геометрических» воинов в действии — мечущими издалека копья или дротики в вооруженного тем же оружием противника. В этих сценах иногда участвуют также и лучники[7].

Интересно, однако, что воины с двумя копьями в руках, хотя в остальном и вооруженные как самые настоящие гоплиты, продолжают изображаться на греческих, в основном протокоринфских, вазах также и в течение почти всего следующего VII в. до н. э.[8] Даже в сцене битвы, изображенной на уже упомянутой «вазе Киджи», о которой многие с уверенностью говорят, что ее создатель ориентировался в своей работе на уже вполне сформировавшуюся фалангу классического типа, у воинов обеих движущихся навстречу друг другу боевых линий еще видны вторые копья, которые они держат в левой руке, очевидно, вместе с рукоятью щита (рис. 1). Ситуацию проясняет любопытный рисунок на одном коринфском алабастре второй половины VII в. до н. э., может быть, несколько более раннем, чем «ваза Киджи». Этот своеобразный «натюрморт» изображает отдельные детали гоплитского вооруже-

---

[7] См., например: *Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. P. 67, fig. 40.

[8] *Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons. P. 137–139; *Salmon J.* Political Hoplites? P. 90 f.

Рис. 2. Протокоринфский алабастр с изображением деталей гоплитского вооружения

ния и, в том числе, два стоящих вертикально копья, одно из которых короче другого и имеет на древке специальное приспособление для метания (рис. 2). Археологические данные, таким образом, показывают, что применение метательных копий и дротиков несовместимо с тактикой сражения в сомкнутом строю.

Разумеется, употребление метательного оружия не могло не наложить определенного отпечатка как на тактику греческой фаланги, так и на ее построение. Совершенно очевидно, что в таком сражении, которое начиналось с «обстрела» противника копьями и дротиками, боевые линии фаланги, во-первых, должны были быть довольно разреженными, чтобы воины не мешали друг другу в момент броска и в то же время имели больше возможностей уклоняться от направленного в них вражеского оружия и, во-вторых, должны были двигаться на довольно большом удалении друг от друга, чтобы каждая следующая линия имела и перед собой, и позади себя достаточно свободного пространства для разбега перед броском. Не исключено, что в момент «залпа», совершаемого той или иной линией, гоплиты, идущие впереди и уже использовавшие свое метательное оружие, приседали или опускались на колено, чтобы не мешать своим товарищам видеть врага, да к тому же и самим не пострадать ненароком от их ударов.

Ясно, что такая тактика заключала в себе ряд неудобств. Во-первых, она требовала от гоплитов умения быстро перестраивать-

ся на ходу, т. е. смыкаться в плотные шеренги, предназначенные для ближнего боя, и так же быстро подтягивать задние шеренги к передним, заполняя при этом образовавшиеся в них во время «перестрелки» пробелы и бреши. Ясно, что в такой ситуации исход сражения зависел в первую очередь от качества «строевой подготовки» каждой из противостоящих друг другу воинских масс. Гоплиты, замешкавшиеся во время перестройки фаланги, могли подвергнуться массированному удару уже сплотившего свои ряды неприятеля, и им оставалось только искать спасения в беспорядочном бегстве. Во-вторых, фаланга, в которой использовалось поочередно оружие дальнего и ближнего боя, не могла быть слишком глубокой. В лучшем случае ее построение насчитывало не более трех-четырех рядов в глубину. В противном случае начальная стадия сражения, во время которой противники обменивались «залпами» копий и дротиков, могла бы слишком затянуться и фаланга, первой исчерпавшая свой запас метательного оружия, оказалась бы в более выигрышном положении, успев перестроить свои ряды для ближнего боя раньше, чем это сделает противник.

Отсюда следует, что важным тактическим новшеством, придавшим фаланге ее классическую форму, должен был стать полный отказ от применения метательного оружия. Уже неоднократно упоминавшаяся нами роспись плечевого пояса «вазы Киджи» позволяет предположить, что эта реформа была проведена уже после того, как все воины, стоявшие в рядах фаланги, получили единообразное гоплитское вооружение, но еще сохраняли второе метательное копье, унаследованное от гомеровских времен. Учитывая новую датировку этого интереснейшего памятника греческого архаического искусства (конец или, самое раннее, последняя четверть VII в.), реформа эта может быть отнесена либо к самому концу VII в., либо к началу следующего, VI столетия. Но какой из греческих полисов впервые решился на этот смелый шаг и таким образом хотя бы на короткое время сумел добиться военного перевеса над своими противниками? Весьма вероятно, что этим полисом была Спарта.

Эту догадку подтверждают, с одной стороны, свидетельства письменных источников, среди которых на первом месте следует поставить, безусловно, прославленного лаконского поэта Тиртея как не только современника и свидетеля гоплитской реформы, но, возможно, также и активного ее пропагандиста, с другой же, бо-

лее или менее синхронные стихотворным фрагментам Тиртея археологические данные. В «Воинственных элегиях» Тиртея найдется немало поэтических мотивов и образов, которые вполне способны создать у читателя впечатление, что этот поэт, живший в эпоху так называемой II Мессенской войны (сколько-нибудь точная датировка ее до сих пор не установлена), уже застал в Спарте армию нового образца, приученную к сражению в сомкнутом строю. На это вроде бы указывают призывы, обращенные к спартанским воинам: сражаться, а если понадобится, то и пасть со славой в первых рядах (ἐνὶ προμάχοισι, см.: fr. 6, 1; 7, 30; 8, 4; 9, 16 Diehl) и ни в коем случае не покидать свое место в строю, «оставаясь (все время) друг подле друга» (παρ' ἀλλήλοις μένοντες, см.: fr. 7, 1; 8, 11).

Как каноническое описание фаланги обычно воспринимаются строки 31—34 VIII фрагмента: «И встав нога к ноге, опираясь щитом на щит, (приблизив) гребень к гребню, шлем к шлему и сблизивши грудь с грудью, пусть сражается с (враждебным) мужем, взявшись за рукоять меча или за большое копье». Правда, и стилистически, и по смыслу эти строки чуть ли не буквально повторяют один из «гоплитских пассажей» «Илиады» (XIII, 130 sq.), что дает нам право видеть в них своего рода поэтическое клише, легко и просто переходящее от одного автора к другому. К тому же в том же самом VIII фрагменте Тиртей сталкивает нас с двумя для него самого, по-видимому, вполне типичными ситуациями, которые, однако, совершенно не вяжутся с обычными представлениями о тактике классической греческой фаланги. В одном случае (стк. 27—28) поэт явно осуждающе отзывается о воине, который вместо того, чтобы занять подобающее ему место в строю, в самый разгар сражения стоит со своим щитом в безопасном месте, вне досягаемости для вражеских дротиков и стрел (ἐκτὸς βελέων) — ситуация, явно немыслимая в настоящей гоплитской фаланге, но зато хорошо известная опять-таки Гомеру, у которого Тиртей, несомненно, многое заимствовал[9]. Пожалуй, еще труднее понять наставление, с которым поэт обращается на стк. 35—38 того же фрагмента к гимнетам, т. е. легковооруженным воинам,

[9] *Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus. P. 126 f.; *Snodgrass A.* Early Greek Armour and Weapons. P. 182.

которым рекомендуется «перебегая с места на место то здесь, то там, из-за щита бросать большие каменные глыбы и метать в них (т. е. во врагов) гладко отесанные копья, оставаясь (все время) вблизи от тяжеловооруженных». В классической греческой фаланге такие перемещения легковооруженных внутри построения между рядами гоплитов были, конечно, совершенно недопустимы. Своими перебежками от щита к щиту они могли внести лишь хаос и беспорядок, ежеминутно рискуя к тому же попасть на копья или просто под ноги своих же гоплитов[10].

Несообразности такого рода неизбежно приводят нас к мысли, уже и ранее высказывавшейся в научной литературе, о том, что Тиртей застал спартанскую фалангу на одном из ранних этапов ее становления, в то время, когда ее боевые порядки еще только начали выкристаллизовываться из пестрой и беспорядочной массы разнокалиберно вооруженных пехотинцев[11]. По всей видимости, глубина построения фаланги в то время была еще сравнительно невелика. Она едва ли превышала две-три следующих друг за другом через определенные интервалы линии гоплитов. Компактность построения и общая скоординированность движения этих шеренг, очевидно, были еще очень далеки от совершенства, что и объясняет, с одной стороны, постоянные призывы Тиртея держать «линию», оставаясь друг подле друга, с другой же, возможность комбинированных действий тяжело- и легковооруженных воинов, на которую указывает уже цитированное обращение к гимнетам из VIII фрагмента.

Вместе с тем нельзя не заметить, что само по себе разграничение этих двух родов войск, различающихся как по характеру вооружения, так и по выполняемым ими в бою функциям, представляет собой важное тактическое новшество, без которого превращение беспорядочной толпы пеших ратников гомеровского времени в настоящую фалангу было бы практически невозможно.

---

[10] *Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus. P. 127.

[11] *Kiechle F.* Lakonien und Sparta. München—Berlin, 1963. S. 268; *Snodgrass A.* 1) Early Greek Armour and Weapons. P. 181 f.; 2) The Hoplite Reform and History. P. 115 f.; ср.: *Lorimer H. L.* The Hoplite Phalanx with special reference to the poems of Archilochus and Tyrtaeus. P. 121—125; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 258.

Преимущественным назначением тяжеловооруженной пехоты становится теперь ближний рукопашный бой, в котором первые линии противостоящих друг другу воинских масс сталкиваются «стенка на стенку» или, используя выражение самого Тиртея, «грудью на грудь». Заметим, что поэт ни разу не упоминает о использовании гоплитами метательного оружия, очевидно, оставляя его во всей его совокупности одним лишь гимнетам. Чтобы прояснить всю значимость этого сдвига, напомню, что в гомеровском эпосе все главные и второстепенные герои одинаково искусны в использовании приемов и оружия как ближнего, так и дальнего боя. Даже немногочисленные эпические лучники (Пандар, Тевкр, Парис) явно не могут расцениваться как представители какого-то особого специализированного рода войск.

Итак, основываясь даже и на той скудной информации, которую нам удалось извлечь из отрывков элегий Тиртея, мы вправе предположить, что именно спартанские стратеги периода II Мессенской войны впервые подняли на уровень продуманной военной доктрины принцип добровольного отказа от применения метательного оружия, который до этого лишь эпизодически применялся в ритуализированных сражениях небольших групп воинов-профессионалов (о таких сражениях, устраивавшихся на манер средневековых турниров, упоминает, например, Страбон (X, p. 448), рассказывая о событиях, связанных с так называемой Лелантской войной на о-ве Эвбея). Отказ от использования метательного оружия стал краеугольным камнем тактической организации спартанской, а затем и вообще греческой фаланги, позволив резко сократить интервалы между боевыми линиями и тем самым намного увеличить компактность, а, следовательно, и ударную мощь всего боевого порядка. Логическим развитием этой исходной тактической идеи должно было стать постепенное наращивание глубины построения фаланги, пока она не была доведена до ставшей обычной в классический период нормы — в восемь рядов[12]. Само собой разумеется, что необходимым условием, без реализации которого эта военная реформа вряд ли когда-нибудь была бы осуществлена, было увеличение численности самого «класса» гоплитов, что в свою очередь было бы невозможно без определенных социальных пре-

[12] *Pritchett W. K.* Ancient Greek Military Practices. Berkeley—Los Angeles—London, 1971. P. 137.

образований, которые были проведены в Спарте то ли еще в годы II Мессенской войны, то ли уже после ее завершения[13].

Вполне возможно, что именно переход к новой тактике способствовал окончательному успеху спартанцев как в этой войне, так и в последующих войнах с Аргосом, Тегеей и другими пелопоннесскими государствами. Не исключено, что к тому моменту, когда эти государства наконец «спохватились» и начали спешно вводить в своих армиях спартанскую тактику, Спарта уже успела установить свою гегемонию над большей частью Пелопоннеса.

Археология дает нам любопытное подтверждение высказанной только что догадки о приоритете спартанцев в развитии и усовершенствовании тактической организации фаланги. Свинцовые вотивные фигурки гоплитов, найденные английской археологической экспедицией под руководством Даукинса при раскопках архаического святилища Артемиды Орфии и в некоторых других местах[14], как правило, имеют только одно копье, явно предназначенное для использования в ближнем бою (рис. 3). Маловероятно, чтобы существовали какие-то серьезные технические препятствия, которые могли бы помешать изготовившим их лаконским ремесленникам добавить каждому гоплиту еще по одному копью, если бы они знали, что таково было обычное вооружение спартанских воинов того времени. Согласно откорректированной Дж. Бордменом хронологии археологического материала, происходящего из святилища Орфии, наиболее ранние из этих фигурок датируются временем около середины VII в. до н. э.[15] и, таким образом, могут считаться либо синхронными, либо даже несколько более древними, чем изображения гоплитов, вооруженных двумя копьями, из которых, по крайней мере, одно наверняка предназначалось для метания в противника, на протокоринфских вазах, в том числе и на «вазе

---

[13] *Andrewes A.* The Greek Tyrants. P. 73–76; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 290 f.; *Cartledge P.* Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare. P. 73 f.; *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 214 сл. (См. с. 270 сл. наст. изд.)

[14] The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta / Ed. by R. M. Dawkins. London, 1929. Tab. CLXXXIII, CXCI, CXCVII.

[15] *Boardman J.* Artemis Orthia and Chronology // BSA. № 58. 1963. P. 7; ср.: The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. P. 251.

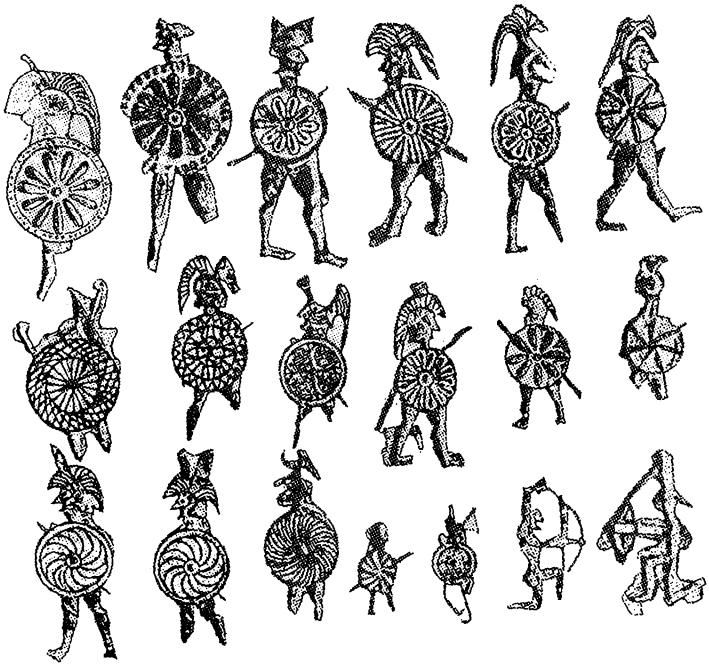

Рис. 3. Свинцовые вотивные фигурки
из святилища Артемиды Орфии в Спарте

Киджи». Гимнетам Тиртея в наборе вотивных фигурок, найденных в святилище Орфии, очевидно, соответствуют лучники, чаще всего изображенные стреляющими с колена.

Вероятно, преимущества новой спартанской тактики были вскоре по достоинству оценены в других греческих полисах и одни из них раньше, другие позже, но все же пошли по тому же пути. Однако инициатива уже была ими упущена. Спартанцы продолжали неустанно развивать и совершенствовать созданную ими боевую машину. Совершенствование это шло одновременно по двум направлениям: количественному и качественному. Земельная реформа, проведенная, по-видимому, после окончательного завоевания Мессении в конце VII или начале VI в. до н. э., позволила резко расширить рамки «класса» гоплитов и довести его общую численность до десяти — восьми тысяч человек (Hdt., VII, 234; Arist. Pol., II, 1270 a 38–39). К этим десяти тысячам были присоединены во-

инские контингенты, выставляемые периекскими полисами, что должно было сделать спартанскую фалангу самой многочисленной в Греции. Немаловажную роль сыграло и ужесточение системы воспитания подрастающего поколения спартиатов, очевидно, включенное как один из основных элементов в общую программу так называемого «ликургова законодательства», реализованную в течение первой половины VI в., если не раньше[16]. Как известно из более поздних источников: Ксенофонта и Павсания (Xen. Resp. Lac., IV, 6; Paus., III, 14, 10), особое место в этой системе отводилось таким «жестоким» видам атлетики, как кулачный бой и панкратий как в одиночной, так и в групповой их формах, что, несомненно, должно было способствовать превращению молодых спартиатов в стойких гоплитов, способных выдержать самый ожесточенный натиск даже намного превосходящих сил противника. Наконец, нельзя не учитывать и общий моральный климат, утвердившийся внутри спартанского государства в результате тех же «ликурговых преобразований». Жизненным credo каждого гражданина Спарты стало беспрекословное повиновение законам и представляющим их властям, гражданским и военным. Только при условии неуклонного соблюдения этого важнейшего принципа спартанцы смогли стать теми τεχνῖται τῶν πολεμικῶν «мастерами военного дела», какими их знала вся остальная Греция (Xen. Resp. Lac., XIII, 5).

Конечно, спартанцы едва ли сумели бы достичь столь высокого военного профессионализма без своих илотов, благодаря подневольному труду которых они были практически избавлены от всех хозяйственных забот в противоположность другим грекам, которые в большинстве своем оставались, по выражению Фукидида (I, 141, 6; ср.: III, 15, 2) αὐτοῦργοι и вследствие этого не могли уделять так много времени военной подготовке[17]. На первый взгляд, этот тезис находится в прямом противоречии с известным и в целом вполне справедливым объяснением феномена фаланги как формы военной организации, наиболее органичной для греческого полиса с типичной для него коллективистской психологией, с одной

---

[16] *Андреев Ю. В.* Спарта как тип полиса. С. 214. (См. с. 271 сл. наст. изд.)

[17] *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 224, 230; *Cartledge P.* Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare. P. 16.

стороны, и для греческого крестьянства с его вечными заботами о своих небольших земельных наделах, с другой. Именно привязанность к своему хозяйству была, по мнению некоторых авторов, тем основным фактором, который заранее сделал невозможным превращение греческого крестьянина в профессионального солдата и вместе с тем сделал наиболее приемлемым для него способом ведения войны стратегию и тактику фаланги, поскольку она не требовала от него слишком больших затрат времени на каждую военную кампанию, позволяя решить ее исход в одном генеральном сражении[18]. Но спартанцы как люди, полностью освобожденные от необходимости самим трудиться на своих наделах, казалось бы, вполне могли позволить себе такие затраты. Тем не менее, если оправданно все сказанное выше, именно они могут считаться первооткрывателями основного тактического механизма гоплитского строя, который им удалось довести до невиданного в Греции, вплоть до времен Эпаминонда и Филиппа II, совершенства.

Очевидно, подобно другим грекам, спартанцы остановили свой выбор на фаланге потому, что они, так же, как и все прочие, не были заинтересованы в слишком затяжных военных походах, грозивших им длительной разлукой с родной землей. Но, в отличие от своих соседей, они переживали такие разлуки особенно болезненно и остро. Об этом свидетельствует неоднократно отмечавшаяся «странная» нерешительность и медлительность спартанских стратегов, обычно проявлявшаяся во время крупных боевых операций в эпоху греко-персидских и пелопоннесских войн. Причина этой медлительности достаточно ясна: очевидно, спартанцы просто не решались оставлять на долгое время без необходимого присмотра своих непокорных, всегда готовых к возмущению рабов-илотов.

Следовательно, илотия была тем основным фактором, который предопределил приоритет Спарты в развитии армии нового образца: обеспечивая своих хозяев досугом, необходимым для их военных экзерциций, илоты в то же время держали их в постоянном страхе и нервном напряжении. Но именно по этой причине фаланга стала в их глазах не просто наиболее рациональной, но и единственно возможной формой боевого порядка тяжеловооруженной пехоты.

---

[18] *Anderson J. K.* Military Theory and Practice in Age of Xenophon. Berkeley—Los Angeles, 1970. P. 1—5; *Cartledge P.* Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare. P. 21—23.

ГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС БЕЗ БЮРОКРАТИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

(письменность в жизни спартанского общества)*

Одним из самых больших «белых пятен» на эпиграфической карте архаической и классической Греции до сих пор остается Спарта вместе с подвластными ей Лаконией и Мессенией. Каждый, кому приходилось обращаться к V тому «Inscriptiones Graecae», в котором собраны надписи, найденные на территории Лаконии, знает, что в своем подавляющем большинстве они не выходят за рамки эллинистического и римского времени. Надписи классического и архаического периодов крайне немногочисленны и, как правило, чрезвычайно лаконичны. В основном это — краткие (чаще всего из одного-двух слов) посвящения богам на различных предметах (главным образом на керамике и изделиях из бронзы или кости), найденные при раскопках важнейших спартанских святилищ: храмов Артемиды Орфии, Менелая и Елены, Афины Меднодомной на акрополе Спарты, Посейдона на мысе Тенар[1]. Очень редки и почти столь же немногословны лаконские эпитафии[2].

Общая численность известных в настоящее время ранних лаконских надписей официального характера не превышает и десятка. В их число входят несколько стел с манумиссиями, происходящих из уже упомянутого святилища Посейдона на Тенаре (IG, V, I, 122, 8, 1230–32), договор V в. до н. э. об оборонительном и наступательном союзе, заключенном между Спартой и нигде более не упоминающейся этолийской общиной Эрксадиэев[3], и, на-

---

* Hyperboreus. СПб., 1994. Vol. 1. Fasc. 1. С. 9–18.

[1] Наиболее важные публикации после выхода в свет V тома IG: The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta / Ed. by R. M. Dawkins. London, 1929. P. 367 ff.; *Jeffery L. H.* The Lokal Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1961. P. 183 ff.; *Catling H. W., Cavanagh H.* Two Inscribed Bronzes from the Menelaion // Kadmos. Vol. 15. 1976. P. 145 ff.

[2] *Jeffery L. H.* The Lokal Scripts of Archaic Greece. P. 200 f., № 26, 29, 57, 59.

[3] *Peek W.* Ein neuer spartanischer Staatsvertrag // Abh. Sächs. Akad. Wiss. Leipzig. Phil.-hist. Kl. Bd. 65. 3. 1974. S. 3 ff.

конец, список взносов, сделанных разными лицами и государствами для расходов на военные нужды (IG, V, I, 1). Столь привычные для каждого эпиграфиста виды надписей, как декреты народного собрания, законы, списки магистратов, документы о строительстве храмов, счета различных сакральных и светских коллегий, стихотворные эпитафии и т. п., на территории Спарты практически не встречаются вплоть до III—II вв. до н. э. В этом отношении державный Лакедемон не выдерживает сравнения не только с такими крупными культурными и политическими центрами греческого мира, как Афины, Дельфы, Делос, Родос, Милет, но и с такими в общем достаточно захолустными его уголками, как полисы Крита или города Северного Причерноморья. Все они и по богатству эпиграфического материала, и по его многообразию оставляют Спарту далеко позади.

Всех найденных в Лаконии и Мессении надписей хватает ровно настолько, чтобы можно было более или менее уверенно утверждать, что искусство письма не было абсолютно чуждо гражданам Спарты в эпоху ее расцвета. Само их существование должно нас предостеречь от излишней доверчивости по отношению к чересчур категоричным заявлениям некоторых греческих авторов о будто бы царившей в Спарте всеобщей неграмотности[4] и в то же время заставляет с доверием отнестись к свидетельствам противоположного рода, основываясь на которых позволительно сделать вывод, что люди, умевшие хотя бы элементарно читать и писать, существовали как в высших слоях спартанского общества, представленных царями, геронтами, эфорами, военачальниками, послами и т. п. должностными лицами, так и в низших, к которым могут быть причислены, например, так называемые «гипомейоны»[5]. По крайней мере, один из этих последних — предводитель знаменитого заговора Кинадон — был, по свидетельству Ксенофонта, человеком грамотным (Xen. Hell., III, 3, 4—11).

---

[4] Такие сообщения можно встретить, например, у Платона (Protagor., 342 b), Исократа (Panath., 209; ср.: 251) и в так называемых «Dissoi Logoi» (90 F 2, 10 DK).

[5] Все свидетельства источников о грамотных спартанцах были в свое время тщательно подобраны английским историком П. Кэртлиджем (*Cartledge P.* Literacy in the Spartan Oligarcy // JHS. Vol. 98. 1978. P. 28 ff.), что избавляет нас от необходимости здесь на них ссылаться.

Однако, с другой стороны, малочисленность и немногословность этих надписей нуждаются в каком-то объяснении. Ясно, что их нельзя «списать» просто на слабую археологическую изученность этой части Пелопоннеса. Ведь в III—II вв. до н. э. Спарта (без Мессении) уже начинает приближаться по количеству эпиграфических находок к тому, что может быть названо «среднестатистическим» греческим полисом, а в римское время даже превышает этот уровень. Очевидно, до начала эпохи эллинизма и окончательного упадка спартанского военно-политического могущества существовали какие-то обстоятельства, которые препятствовали широкому употреблению письма как в частной, так и в общественной жизни спартанцев и не давали ему стать тем поистине универсальным средством обмена информацией, каким оно давно уже стало в других греческих государствах.

В наших нарративных источниках встречаются сообщения, по крайней мере, отчасти подтверждающие эту догадку. По словам Плутарха (Plut. Lyc., 13, 1; Mor., 227 b), Ликург не стал записывать свои законы, полагая, что для насаждения добрых обычаев и нравов среди граждан Спарты вполне достаточно установленной им системы воспитания. Действительно, дошедшие до нас так называемые «ретры» Ликурга и, прежде всего, знаменитая «Большая ретра» (Plut. Lyc., 6, 1) были рассчитаны скорее на устное запоминание и передачу от поколения к поколению, нежели на распространение и бытование в виде каких-то письменных текстов. Свидетельство Плутарха косвенно подтверждает Аристотель, который порицает в «Политике» (Arist. Pol., II, 1270 b 28—31) спартанских эфоров за то, что они, будучи людьми в общем случайными, отнюдь не государственными мужами в подлинном значении этого слова, при разбирательстве судебных дел выносят решения по своему усмотрению, а не по предписанию закона, — из чего мы можем заключить, что в Спарте никогда не было настоящего свода гражданского и уголовного права.

Конечно, трудно себе представить, чтобы даже такая примитивная и экономичная государственная машина, как спартанская, могла обходиться в своей повседневной работе совершенно без помощи письма. Государственный бюджет Спарты, пусть очень скромный по сравнению с бюджетом афинской демократии, вероятно, все же требовал ведения каких-то счетных записей. Высшие должностные лица: цари, геронты и эфоры, по крайней мере, некоторые из своих распоряжений должны были составлять и рас-

сылать в письменной форме, заботясь об их точном исполнении. Примером могут служить так называемые «скиталы» — шифрованные послания, с помощью которых спартанцы, по словам Плутарха (Plut. Lyc., 30, 2), владычествовали над всей Грецией. Несомненно, записывались и хранились в каком-то подобии государственного архива, а иногда даже выставлялись для всеобщего ознакомления граждан тексты договоров, заключенных Спартой с другими греческими полисами (см., например: Thuc., V, 18, 10). Однако со всем этим делопроизводством вполне могли справиться несколько скромных писцов, скорее всего, не облеченных никакими должностями. Это могли быть просто грамотные рабы, состоящие в услужении у царей или эфоров и ведавшие их перепиской и другими «бумагами». Об одном таком «секретаре» (γραφεύς), сопровождавшем Агесилая во время походов, упоминает Ксенофонт (Xen. Hell., IV, 1, 39; см. также: Plut. Ages., 13, 2). Специальных магистратов, выполнявших всякого рода канцелярские обязанности, вроде афинского секретаря совета или критских мнамонов, Спарта, по-видимому, не знала вплоть до очень поздних времен. Да и сами спартанцы, судя по тому, что мы о них знаем, никогда не были одержимы той манией бумаготворчества, которая обуревала афинян, да и многих других греков.

Если отвлечься от дел государственных и бросить взгляд на частную жизнь спартанцев, то и здесь трудно будет избавиться от впечатления, что в их сознании всегда жило определенное недоверие и даже неприязнь к письменному слову и соответственно к людям, владеющим этим словом. Видимо, нельзя совсем сбрасывать со счета уже упоминавшиеся издевки над неграмотностью спартанцев, хотя было бы неверно принимать их безоговорочно за «чистую монету». Даже такой пылкий лаконофил, как Плутарх, признает, что детей в Спарте учили грамоте лишь в той мере, в какой это было совершенно необходимо для всяких житейских дел и нужд (Lyc., 16, 10; Mor., 237 a), т. е. на самом элементарном уровне и без таких излишеств, как чтение, переписывание и заучивание произведений классической литературы, которые входили в программу обучения в нормальных греческих школах. Конечно, спартанцы не могли не знать хотя бы своих великих «национальных» поэтов: Алкмана и Тиртея, но, по всей видимости, запоминали их стихи скорее со слуха, чем по прочитанному, т. е. как песни, а не как стихи в обычном понимании этого слова.

В этом культурно-историческом контексте особую значимость приобретает прославленная спартанская βραχυλογία как форма устной речи, наиболее независимая от навыков речи письменной, а также необыкновенная любовь спартанцев к «археологии», т. е. к науке о прошлом, изложенной в форме занимательных рассказов, которой они, по словам Платона (Plat. Hipp. Maj., 285 d) отдавали предпочтение перед всеми другими науками[6]. Можно предположить, что среди спартанских аристократов, в особенности в царских фамилиях, были люди, достаточно хорошо владевшие пером. Одним из них мог быть, например, царь-изгнанник Павсаний, написавший на чужбине какое-то сочинение о Ликурге, вероятно, что-то вроде памфлета, направленного против Лисандра и его партии (Strab., VIII, p. 366 = FGrH 582). Но рядовой гражданин Спарты был явно не приучен к этому способу выражения своих мыслей, о чем могут свидетельствовать хотя бы курьезные орфографические ошибки, обнаруженные в ранних граффити, происходящих со спартанского акрополя и из некоторых других мест[7]. В этом отношении, как, впрочем, и во многих других, спартанское общество еще оставалось как бы по ту сторону черты, отделяющей Грецию архаическую и, тем более, классическую от Греции гомеровской, т. е. эпоху письменной культуры и писаной истории от эпохи, вообще не ведавшей письменности или же знавшей о ней скорее понаслышке, чем на собственном опыте.

Пытаясь так или иначе осмыслить этот любопытный исторический феномен, мы почти неизбежно начинаем с объяснений, лежащих, так сказать, у самой поверхности проблемы, вспоминая о сугубо олигархическом характере спартанской конституции, о закрытости спартанского общества, о его экономической и культурной отсталости и т. п.[8] Но такого рода объяснения в сущности ничего не объясняют. В самом деле, зададимся вопросом: почему Рим времен децемвиров или Афины времен Драконта, хотя и по части олигархичности политического режима, и по части экономической и культурной отсталости они, по-видимому, нисколько не

---

[6] *Cartledge P.* Literacy in the Spartan Oligarcy. P. 33.

[7] Ibid. P. 32.

[8] По этому пути идет, например, Кэртлидж, автор интересной статьи, которой мы обязаны некоторой частью фактического материала, использованного в настоящей работе (*Cartledge P.* Literacy in the Spartan Oligarcy. P. 37).

уступали ликурговой Спарте, тем не менее могли себе позволить такую роскошь, как свод писаных законов, а Спарта не могла? О чрезвычайной любви к письменному законотворчеству критских дорийцев, ближайших сородичей спартанцев по крови, языку, духу и образу жизни, говорить не приходится. О ней свидетельствуют четыре внушительных тома «Inscriptiones Creticae», изданных М. Гвардуччи. Как бы ни были спартанцы грубы и отсталы, но, элементарно владея навыками алфавитного письма, они могли хотя бы в часы досуга поупражняться в вырезывании надписей на скалах или других твердых объектах, как это делали, например, обитатели островов Феры и Мелоса, кстати сказать, считавшиеся выходцами из Лаконии. Непонятно также, что мешало им указывать на надгробных плитах хотя бы имя покойника.

Как было уже указано, число надгробных надписей, найденных в самой Спарте и ее окрестностях, очень невелико. В известном собрании образцов локальных алфавитов архаической Греции, составленном Л. Джеффери, их всего четыре[9]. Это странное отклонение от общегреческих норм и понятий о приличиях привлекало внимание уже в древности. По крайней мере, один из наших основных источников — Плутарх — прямо указывает в биографии Ликурга (27, 3), что великий законодатель запретил надписывать на могильном камне имя умершего. Исключение в таких случаях делалось лишь для лиц, убитых на войне, и для жриц.

Нам кажется, что это любопытное сообщение может стать ключом к решению стоящей перед нами проблемы. Очевидно, даже и те весьма скромные навыки чтения и письма, которыми с детства владел средний спартанец, он мог использовать лишь в крайне ограниченных пределах. Употребление письма как в частной, так и в общественной жизни если и не было полностью запрещено, то, во всяком случае, строго регламентировалось законом или общественным мнением, что применительно к Спарте было в принципе одно и то же. В этом смысле письмо, как, по-видимому, и многие иные блага культуры, приравнивались к предметам роскоши вроде изделий из золота, серебра, слоновой кости, дорогой посуды, мебели, тканей и т. п. Подобно всем этим житейским усладам, оно вызывало настороженное и подозрительное отношение к себе со стороны блюстителей чистоты общественных нравов. Слишком свободное владение искусством письма могло

[9] См. выше прим. 2 настоящей статьи.

восприниматься в этом во всех отношениях ненормальном государстве как вызов общепринятым нормам морали, как проявление гордыни и высокомерия (ὕβρις).

Все это было бы можно, конечно, расценивать как свидетельство культурной отсталости и даже одичания граждан Спарты в обстановке перманентной казарменной муштры, подавления всех естественных человеческих чувств и склонностей. Но сама эта отсталость была, о чем нам приходилось уже писать по другому поводу[10], явлением во многом вторичного порядка. Доведенный почти до абсурда дух сурового аскетизма, являющийся главным идейным и психологическим стержнем всей конструкции ликургова космоса, похоже, заключал в себе изрядную дозу реакционно-утопического романтизма, т. е. представлял собой скорее проявление ностальгической рефлексии по отношению к прошлому, чем прямой возврат к этому прошлому.

К сожалению, нам практически ничего не известно о реальных перипетиях «спартанской революции» или, наверное, лучше было бы сказать, «контрреволюции» VII—VI вв. до н. э. и о ее главных действующих лицах. Позднейшие домыслы древних, собранные в плутарховом «Жизнеописании Ликурга» и в других источниках, по-видимому, не имеют большой исторической ценности[11]. Тем не менее, отталкиваясь от такой хорошо известной параллели из истории поздней Спарты, как реформы Агиса и Клеомена, мы без особых колебаний можем поставить в центре этих событий группу ностальгически настроенных аристократов. Если Агис, Клеомен и их приверженцы видели свой идеал в ликурговой Спарте, отделенной от их собственного времени двумя-тремя столетиями, то создатели самого ликургова строя должны были связывать свои надежды и чаяния с более отдаленным прошлым — со временами первых спартанских царей и с началом военной экспансии Спарты в Лаконии и Мессении, т. е., по нашему летоисчислению, с X—VIII вв. до н. э. Об этих временах им было доподлинно из-

[10] *Андреев Ю. А.* Архаическая Спарта: культура и политика // ВДИ. 1987. № 4. С. 84. (См. с. 368 сл. наст. изд.)

[11] *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 70 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. Oxford, 1969. P. 274 ff.; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 69 f.; *Clauss M.* Sparta. Eine Einführung in seine Geschichte und Zivilisation. München, 1983. S. 18.

вестно, что тогда все спартиаты вели исключительно простой и скромный образ жизни, не знали роскоши и богатства и были неграмотны, как неграмотны, например, гомеровские герои. Изгнав из жизни современного им спартанского общества все виды роскоши материальной, эти люди не могли смириться и с любыми проявлениями роскоши интеллектуальной и в своем праведном гневе разделались со всей письменной культурой, в то время еще только зарождавшейся, оставив письмо лишь для строго засекреченной дипломатической почты, для кратких посвящений богам и столь же кратких надписей на могилах людей, имеющих особые заслуги перед государством.

Как всякая сверхрациональная, до мельчайших деталей продуманная социальная система, ликургов космос, несомненно, заключал в себе немалую долю интеллектуальной игры и художественного произвола, т. е. элементов сугубо иррациональных. По-видимому, вполне сознательное отторжение спартанским обществом почти всех основных форм письменной речи[12] свидетельствует об этом, быть может, ярче и нагляднее, чем какие-либо другие его аномалии.

Нарочитая архаизация дополнялась в повседневной жизни граждан Спарты, вероятно, во многом столь же нарочитой засекреченностью всего происходящего, как на общегосударственном уровне, так и на уровне отдельной семьи. Такой внушающий доверие историк, как Фукидид, по крайней мере, дважды обращает внимание на это характерное для спартанцев τῆς πολιτείας τὸ κρυπτόν: один раз в надгробной речи Перикла (II, 39, 1) и второй раз уже от своего лица в рассказе о битве при Мантинее (V, 68, 2). Не будем сейчас углубляться в вопрос о реальных исторических предпосылках этой своеобразной черты в характере спартиатов и о тех социальных институтах, в лоне которых она могла быть взлелеяна (обо всем этом нам уже приходилось писать в другой связи)[13]. Заметим лишь, что многие конкретные проявления этой таинственности спартанского образа жизни несут в себе ясно выраженное игровое начало и явно не могли быть обусловлены никакими прагматическими соображениями, высшими интересами

---

[12] Ср.: *Marrou H.-I.* Histoire de l'éducation dans l'antiquité. Paris, 1971. P. 45.

[13] *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в структуре дорийского полиса // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. (См. эту статью в наст. изд., с. 275—290.)

государства и т. п. Знаменитые криптии при всей серьезности намерений их организаторов невольно вызывают в памяти детские игры вроде наших российских «казаков-разбойников», и это сходство кажется тем более очевидным, что, судя по сообщениям источников, в них участвовали юнцы, лишь недавно вышедшие из детского возраста[14]. В этом же направлении подталкивают нашу мысль и некоторые курьезные обычаи, соблюдавшиеся уже взрослыми спартиатами, например, запрещение расходиться по домам из сисситий при свете факелов (древние полагали, что это была проверка на трезвость — Xen. Resp. Lac., V, 7) или грозное предупреждение: «Речи за порог не выходят», которым старейшина и председатель фидития сдерживал болтливость остальных собеседников (Plut. Lyc., 12, 5; отсюда, видимо, следует, что мужчина-спартанец не имел права поделиться со своими домашними теми сплетнями и анекдотами, которые он мог услышать в кругу своих товарищей по «клубу»). Что уж говорить о брачных обычаях спартанцев, которые предписывали молодому супругу незамеченным проникать в дом своей собственной жены, не зажигая огня, общаться с ней в положенные для этого ночные часы и также никем не замеченным убираться потом восвояси (Plut. Lyc., 15, 4). В государстве, превращенном в некое подобие масонской ложи, слишком широкое употребление письма даже для составления и публикации официальных документов, что предполагало бы более или менее массовую грамотность граждан, очевидно, должно было расцениваться как нечто неуместное и даже опасное, и спартанцы сочли за лучшее свести его лишь к самому необходимому минимуму.

Если принять всерьез известную антитезу между древневосточной книжностью и эллинской словесностью, ориентированной по преимуществу на устную речь[15], то, пожалуй, именно в полуграмотных спартанцах следовало бы видеть подлинный цвет эллинской народности, эллинов par excellence. Нам кажется, однако, что антитеза эта во многом надумана и, стало быть, Спарта может по-прежнему оставаться на отведенном ей историей месте «на задворках» греческой культуры как полис без бюрократии и литературы.

---

[14] *Jeanmaire H.* La cryptie lacédémonienne // REG. T. 26. 1913.

[15] Ср., например: *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 188 слл.

СПАРТАНСКАЯ ГИНЕКОКРАТИЯ*

Пожалуй, никакой другой аспект пресловутого спартанского образа жизни не привлекал к себе в древности такого пристального внимания и интереса, как поведение женщин и то особое, по понятиям древних, явно ненормальное положение, которое они занимали в обществе. У одних, так называемых «лаконофилов», этот интерес смешивался с нескрываемым восхищением и преклонением перед государственной мудростью великого спартанского законодателя Ликурга; у других — лаконофобов — его дополняло столь же откровенное неприятие, переходящее в чувство глубокого нравственного негодования. Сугубо негативная позиция этой второй группы наблюдателей с предельной ясностью выражена в одном из разделов II книги «Политики» Аристотеля (1269 b 12—1270 a 29). Ликург обвиняется здесь в том, что, позаботившись о насаждении добрых обычаев и нравов среди мужской части населения Спарты, он не сумел сделать то же самое по отношению к женщинам, которые будто бы воспротивились воле законодателя, и ему пришлось отступиться от своего замысла. Предоставленные самим себе женщины предались своеволию, распущенности и роскоши (ζῶσι γὰρ ἀκολάστως πρὸς ἅπασαν ἀκολασίαν καὶ τρυφερῶς), и более того, начали вмешиваться в государственные дела, что в конце концов привело к установлению в Спарте самой настоящей гинекократии. «Да и какая разница, — горестно вопрошает философ, — правят ли сами женщины или же начальствующие лица находятся под их властью? Ведь следствие (в обоих случаях) одно и то же». В вину спартанским женщинам ставится то, что они позволяли себе роскошествовать, бросая тем самым вызов строгим нормам официальной морали, что они оказывали какое-то давление на долж-

* Женщина в античном мире. Сб. статей. М., 1995. С. 44—62.

ностных лиц, так что те попали в положение γυναικοκρατούμενοι и вообще вели себя дерзко и нагло[1].

Завершая весь этот перечень обвинений, Аристотель дает понять, что именно ненормальное положение женщин было одной из главных причин того, что Спарта во второй половине IV в. до н. э. страшно обезлюдела и лишилась своей былой военной мощи. По его словам, женщины в это время завладели двумя пятыми всей земли, находящейся в пределах государства, что повлекло за собой резкое сокращение числа граждан, пригодных к военной службе.

Конечно, мы не вправе забывать о том, что, изображая положение дел в спартанском государстве в столь мрачном свете, великий философ имел в виду прежде всего современную ему упадочную Спарту, уже утратившую свою былую славу и могущество и пораженную тяжелым внутренним недугом. Возможно, те проявления женской распущенности, о которых рассуждает автор «Политики», были так или иначе связаны с этим упадком и, напротив, не были характерны для более ранних этапов развития спартанского полиса. Здесь невольно напрашивается сравнение с Римом времен империи, где женская свобода также вышла, по понятиям древних, далеко за рамки дозволенного. Однако сохранившиеся в греческой литературе отголоски более ранней антилаконской традиции убеждают нас в том, что Аристотель был не так уж одинок и не так уж оригинален в своей неприязни к спартанским женщинам. Об их распущенности, роскошестве и расточительности был осведомлен уже его учитель Платон и писал о них почти в тех же выражениях, что и Аристотель, хотя и не так многословно (Legg., 637 c; 806 c).

---

[1] Из текста Аристотеля не следует, что он относит это положение дел в Спарте к какому-то определенному периоду ее истории. Употребленное им выражение «καὶ πολλὰ δοῳκεῖτο ὑπὸ τῶν γυναικῶν ἐπὶ τῆς ἀρχῆς αὐτῶν» (Pol., 1269 b 31–32) едва ли может быть понято как указание на время спартанской гегемонии в Греции между 404 и 371 гг. до н. э. (именно так интерпретировал это место С. А. Жебелев в своем переводе «Политики»). Рассуждая далее о дерзости или наглости (θρασύτης) спартанских женщин, Аристотель подкрепляет свою мысль конкретным историческим примером: во время фиванского вторжения в Лакедемон женщины «не принесли никакой пользы (государству), но зато вызвали больше переполоха, чем враги». Ср., однако, рассказ Плутарха (Pyrr., 27) о доблестном поведении спартанских женщин, активно участвовавших в отражении армии Пирра от стен Спарты.

Но еще задолго и до Аристотеля, и до Платона в чем-то сходные суждения высказал великий трагический поэт Еврипид. В его трагедии «Андромаха», созданной еще в те времена, когда Спарта находилась в зените своей славы и могущества, старец Пелей сурово порицает спартанца Менелая за то, что он ничего не сделал для того, чтобы оградить свой семейный очаг от скверны прелюбодеяния. Сам Пелей, однако, находит поступок Елены вполне естественным и соответствующим тем нравам, которые царят у нее на родине (595—602): «...А впрочем, спартанке как и скромной быть, когда / с девичества, покинув терем, делит она палестру с юношей и пеплос / ей бедра обнажает на бегах... / Невыносимо это... Мудрено ль, / что вы распутных ростите»[2]. Брюзжание Пелея явно повторяет обрывки каких-то реальных разговоров, которые поэт мог подслушать у афинских моралистов в первые годы Пелопоннесской войны или еще до ее начала[3]. Очевидно, среди современников Еврипида слухи о непозволительно свободном образе жизни спартанских женщин были, что называется, «притчей во языцех». Во времена же Аристотеля они, судя по всему, уже успели стать глубоко укоренившейся литературной традицией, хотя содержание и характер этой традиции могли, конечно, меняться в зависимости от личных вкусов и склонностей того или иного автора.

Прежде чем судить о том, насколько справедливы были все эти обвинения, необходимо выслушать также и другую сторону — друзей и почитателей Спарты, лаконофилов. Связанная с этим сюжетом лаконофильская традиция наиболее полно представлена в сочинениях Плутарха, заимствовавшего многие из своих суждений и оценок у таких авторов более раннего времени, как Критий, Ксенофонт, Филарх и целый ряд других, не столь известных. В «Биографии Ликурга» (14, 1—4) он вступает в прямую полемику с Аристотелем, доказывая, что спартанский законодатель отнюдь не обошел женщин своим вниманием, а, напротив, очень хорошо позаботился о их воспитании. Вслед за Ксенофонтом (ср.: Resp. Lac., I, 3—4) он усматривает большую заслугу Ликурга в

---

[2] Еврипид. Трагедии / Пер. И. Ф. Анненского. Т. I. М., 1969. С. 314.

[3] О других антилаконских выпадах у Еврипида см.: *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. Stockholm, 1965. P. 117 ff.

том, что, обязав спартанских девушек упражняться в беге, борьбе, метании диска и копья, он тем самым наилучшим образом подготовил их к тяготам ожидающего их материнства и, что особенно важно, гарантировал им и их будущим супругам здоровое потомство. Вероятно, отвечая на один из наиболее часто повторявшихся выпадов лаконофобов, обличавших непристойное поведение юных спартанок, которые то ли совсем нагишом, то ли в одном только коротком хитоне появлялись перед юношами и мужчинами во время торжественных процессий, священных танцев, песнопений и атлетических состязаний[4], Плутарх уверяет читателя, что их нагота не заключала в себе ничего постыдного и даже, напротив, способствовала тому, что у девушек вырабатывался самый возвышенный образ мыслей и укреплялось чувство собственного достоинства (Lyc., 14, 4).

Переходя вслед за тем (15, 3—5) к описанию брачных обычаев и семейной жизни спартанцев, он дает достойную отповедь недругам Спарты, видимо, особенно изощрявшимся в остроумии по поводу неслыханного распутства, будто бы царившего в этом государстве. Опровергая эти домыслы, Плутарх обращает внимание читателя на величайшую стыдливость и целомудрие, которые проявляли молодые супруги уже в первый год их совместной жизни. Следуя правилу, установленному Ликургом, они могли встречаться лишь урывками, обязательно в неосвещенном помещении и непременно в тайне от всех окружающих. «Бывало, — замечает историк, — что уже и дети рождались у некоторых, прежде чем им удавалось увидеть своих супруг при свете дня». Как и Ксенофонт, чью аргументацию он здесь в основном использует (ср.: Xen. Resp. Lac., I, 5—6), Плутарх находит эти меры предосторожности весьма полезными как с точки зрения чисто евгенической (молодожены не растрачивали попусту свой любовный пыл, что не могло не сказаться самым благоприятным об-

[4] См. также: Propert., III, 14; Ovid. Her., XVI, 149—152; Pollux, VII, 54 sq.; Athen., 566 e. Архаические бронзовые статуэтки лаконского производства изображают девушек, либо одетых в короткие хитоны (так называемые «бегуньи»), либо совершенно обнаженных (танцовщицы?). Фигурки этого второго типа обычно служили ручками зеркал. См. о них: *Herfort-Koch M.* Archaische Bronzeplastik Lakoniens. Münster, 1986. S. 27 ff.

разом на их потомстве), так и с точки зрения нравственной (поставленные в столь жесткие условия брачные пары поневоле приучались к сдержанности и стыдливости).

Защищая спартанцев от обвинений в бесстыдстве, Плутарх не мог не умолчать о некоторых особенно щекотливых аспектах их сексуального поведения, явно идущих вразрез с общегреческими представлениями о морали. Но даже и эти очевидные отклонения от нравственной нормы он постарался обратить на пользу своим «подзащитным». По его словам (Lyc., 15, 6–10), Ликург, стремясь вытравить из сердец граждан «пустую бабью (γυναικώδη) ревность», предоставил возможность «сообща заводить детей людям достойным» (παίδων δὲ καὶ τεκνώσεως κοινωνεῖν τοῖς ἀξίοις). Далее следуют два примера такого рода сообщества (оба заимствованы из «Лакедемонской политии» Ксенофонта: I, 7–8).

В одном случае старому мужу молодой жены было дозволено допустить к ней какого-нибудь молодого человека безупречной репутации, пользующегося безусловным доверием и любовью старца, с тем чтобы детей, родившихся от этого союза, он мог потом воспитать как своих собственных. В другом случае «человек порядочный» мог «убедить» мужа понравившейся ему женщины, плодовитой и непременно благоразумной, уступить ему на время свои супружеские права на нее (πεῖσαι τὸν ἄνδρα συνελθεῖν), «дабы породить хороших детей, единокровных (другим) хорошим детям». Плутарх ясно дает понять читателю, что в этих и других аналогичных ситуациях главной заинтересованной стороной было государство, контролировавшее и направлявшее процесс детопроизводства в масштабах всей гражданской общины. «Ведь Ликург, — утверждает он, — впервые признал, что дети принадлежат не их отцам, но всему государству, и именно поэтому хотел, чтобы граждане рождались не от кого придется, а (только) от лучших родителей». И тут же уже без всяких околичностей сравнивает этих образцовых производителей с припускными самцами, оплодотворяющими сук и кобыл по желанию их хозяев, которые однако же забывают о всех правилах евгеники, когда дело касается их собственных жен, и после расплачиваются за свое неразумие, воспитывая хилых и немощных детей, рожденных от них самих, а не от «порядочных молодых людей» со стороны, как это заведено в Спарте. Завершая этот в высшей степени интересный пассаж, Плутарх замечает еще, что все эти порядки, так хорошо

устроенные, с точки зрения как естества, так и политики, были настолько далеки от распространившейся позже так называемой «женской распущенности» (περὶ τὰς γυναῖκας εὐχειρίας), что прелюбодеяние среди них (т. е. спартанцев) было бы чем-то совершенно невероятным.

Вскоре, однако, становится ясно, что весь этот патетический слог, в который Плутарх облек свое восхищение мудростью спартанского законодателя и его заботой о женском благонравии, был во многом наигранным. В «Сопоставлении», которым завершаются биографии Ликурга и Нумы Помпилия, он решительно отдает «пальму первенства» римскому царю, находя оптимальным избранный им способ решения «женского вопроса» (Plut. Lyc., Numa, Comparat., 3, 1—5). Акценты в оценке нравов и поведения спартанских женщин, а также их общественного положения здесь явно смещены в сторону «общих мест» антилаконской традиции. Брачные обычаи спартанцев и в особенности обычай уступки жен другим мужчинам теперь уже не кажутся Плутарху такими уж превосходными. По его мнению, человек, способный на такое дело, либо совершенно равнодушен к своей супруге, либо, повинуясь закону, обречен терзаться жестокими муками ревности. Уже не вызывают у него былого восторга и спартанские принципы женского воспитания. Теперь он склоняется к мысли, что Ликург, допустив девушек и женщин к участию в атлетических состязаниях, предоставил им слишком большую и по природе им несвойственную (ἄθηλυς οὖσα) свободу, что не могло не шокировать поборников общественной нравственности в других греческих государствах и не раз служило поводом для насмешек и издевательства поэтов. Плутарх напоминает, что уже Ивик называл спартанских девушек «обнажающими бедра» (φαινομηρίδας), что об их неистовой похотливости был хорошо осведомлен Еврипид (цитируется уже упоминавшееся место из «Андромахи»). Эта ничем не сдерживаемая свобода сделала спартанок «чересчур дерзкими (θρασύτεραι) и мужественными (ἀνδρώδεις), что первыми испытали на себе их собственные мужья, ибо они и домашними делами распоряжались самовластно (κατὰ κράτος), и при обсуждении важнейших государственных дел могли свободно высказывать свое мнение» (ἐν δὲ τοῖς δημοσίοις πράγμασι καὶ γνώμης μεταλαμβάνουσαι καὶ παρρησίας περὶ τῶν μεγίστων). Симпатии автора здесь явно на стороне римского законодателя, который в отличие от Ли-

курга сумел привить девушкам и женщинам скромность, стыдливость и послушание. Таким образом, Плутарх как бы раздваивается, солидаризируясь то с восторженными почитателями спартанских порядков, то, напротив, с их неистовыми хулителями, и в результате вступает в очевидное противоречие с самим собой.

Эта двойственность его позиции ощутима также и в некоторых других его сочинениях, например, в «Биографии Агиса». Факты, которые приводит здесь Плутарх, хорошо вписываются в ту мрачную картину, изображающую Спарту под властью женщин, которую мы находим в «Политике» Аристотеля. У читателя может создаться впечатление, что во времена Агиса IV чуть ли не все дела в спартанском государстве вершились двумя противоборствующими кликами знатных «дам», одна из которых поддерживала юного царя в его реформаторских начинаниях, другая же активно ему противодействовала. Ближайшими союзницами и единомышленницами Агиса были, по словам Плутарха, его мать Агесистрата и бабка Архидамия[5]. Об Агесистрате историк сообщает (Agis, 6, 4), что эта женщина «пользовалась в государстве большим влиянием благодаря множеству клиентов, друзей и должников и многие общественные дела вершила самолично» (καὶ πολλὰ τῶν κοινῶν διαπραττομένην). Впрочем, в Спарте все это было в порядке вещей, ибо, как сказано немного ниже (7, 3), «лакедемоняне всегда оставались под властью женщин и больше позволяли им заниматься государственными делами, чем сами вмешивались в дела домашние», а в то время, о котором идет речь, и «богатства Лаконии по большей части находились в руках женщин». Заразившись консервативно-революционными идеями Агиса, Агесистрата и Архидамия не только сами отказались от своих огромных богатств в пользу государства, но и пытались склонить к тому же акту самопожертвования и гражданской сознательности также и других «дам из высшего общества» (Agis, 7, 2—3; 9, 3). Однако их агитация, по-видимому, не имела большого успеха. В большинстве своем состоятельные женщины не пожелали расстаться с привычной для них роскошью и тем почетом и мо-

[5] Жена Агиса Агиатида, по-видимому, также разделяла его образ мыслей. Насильно выданная после его смерти замуж за еще совсем юного тогда Клеомена III, она оказала на него большое влияние рассказами о своем первом супруге (Plut. Cleom., 22, 1—2).

ществом, которые им давало их богатство, и решительно воспротивились реформаторским замыслам Агиса, оказывая всемерную поддержку его главному сопернику — представителю другого царского рода Леониду (Agis, 7, 3—4). Потерпев поражение, сам Агис, а вместе с ним и его мать и бабка встретили смерть с мужеством, достойным героев Спарты славных былых времен.

Сопоставляя разноречивые суждения Плутарха и некоторых других античных авторов о спартанских женщинах, мы можем теперь определить, в чем заключалось основное различие в трактовке этого «деликатного вопроса» представителями двух противоположных традиций: лаконофобской и лаконофильской. В то время как лаконофобы в своих рассуждениях всячески подчеркивали своеволие и распущенность жен и дочерей спартиатов, видя в них носительниц стихийной разрушительной силы, враждебной закону и порядку, лаконофилы, напротив, пытались объяснить все странности и аномалии в их поведении их дисциплинированностью и законопослушанием. При этом как те, так и другие, несомненно, сильно сгустили краски. В изображении лаконофобов Спарта превратилась в своего рода перевернутый мир, в котором обычно бесправные и униженные женщины будто бы чуть ли не полностью подчинили себе мужчин и, оттеснив их от кормила власти, взялись сами вершить как домашние, так и государственные дела (ситуация, близко напоминающая фантастические сцены из аристофановских «Женщин в народном собрании»). Лаконофилы, со своей стороны, явно переоценили степень социализированности спартанских женщин, сделав их послушными рабынями государства, ради высших интересов которого они готовы были стать неким подобием «рожающих машин». В основе суждений как того, так и другого рода, по всей видимости, лежит один и тот же «мужской шовинизм», т. е. взгляд на женщину как на существо низшего рода, по своей природе нуждающееся в опеке и надзоре[6].

Как это чаще всего бывает, истина должна находиться где-то в промежутке, разделяющем эти две крайности. Попробуем теперь

---

[6] На этот общий недостаток почти всех имеющихся в нашем распоряжении источников справедливо обращает внимание П. Кэртлидж. См.: *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence? // CQ. 1981. Vol. 31. 1. P. 85.

определить ее местоположение несколько более точно. Взяв за точку отсчета безрадостную участь афинянки из «приличной семьи», известную нам по «Домострою» Ксенофонта и судебным речам ораторов IV в., мы неизбежно должны будем признать, что в своей повседневной жизни ее спартанская современница пользовалась несравненно большей свободой. Судя по отрывочным сообщениям источников, эта свобода должна пониматься в первую очередь как освобождение от монотонного и отупляющего домашнего труда, который в других греческих государствах превращал женщин в особую разновидность полурабынь.

Так, Ксенофонт (Resp. Lac., I, 3—4) восхищается мудростью Ликурга, который в заботе о правильном деторождении освободил спартанских девушек от слишком строгого домашнего надзора и вместо того, чтобы, как это обычно бывает в других греческих полисах, сидеть за ткацким станком в ожидании замужества, обязал их укреплять свое тело атлетическими упражнениями наравне с юношами. По словам Платона (Legg., 806 a), взрослые женщины в спартанских семьях также были избавлены от прядения, ткачества и, вероятно, от других видов физического труда (ср.: Heraclid. Lemb., 373, 13). В их обязанности входило лишь общее попечение о домашнем хозяйстве и воспитании детей. Всю тяжелую работу, по-видимому, исполняли домашние рабыни, то ли покупные, то ли взятые из илотских поселков[7]. Время, свободное от забот о семье и хозяйстве, спартанки могли посвящать занятиям атлетикой, продолжая, как и в юности, тренировать свое тело на благо самим себе и государству (на это прямо указывает Платон в том же разделе «Законов»). Пример образцовой гражданки Лакедемона являет собой Лампито в «Лисистрате» Аристофана, изображенная комедиографом с явной симпатией, хотя и не без оттенка иронии[8]. На комплименты, которыми ее осыпает главная героиня комедии (79—83): «Почтеннейшей спартанке, Лампито, привет! / Какой красою блещешь ты, любезная! / Румяна как и телом как упитанна! / Да ты быка задушишь!» — она отвечает без ложной скромности: «Ну еще бы нет! / Не зря ж

---

[7] См. о них: *Lotze D.* Μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων. Berlin, 1959. S. 36 f.

[8] Ср.: *Tigerstedt E. N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. I. P. 123 ff.

борюсь я, прыгаю и бегаю»[9]. Судя по ее участию в организованном Лисистратой сексуальном бойкоте, Лампито — уже не девица, а вполне зрелая замужняя женщина.

Атлетические упражнения не только физически укрепляли и закаляли спартанских девушек и женщин, готовя их к выполнению их основной биосоциальной функции, т. е. к родам и материнству (именно на это делают главный упор в своих суждениях об этом предмете Ксенофонт (Resp. Lac., I, 4) и Плутарх (Lyc., 14, 2)), но и прививали им чувство собственного достоинства, уверенность в своих силах, смелость и независимость[10]. И, наконец, что особенно важно, женская атлетика, впрочем, точно так же, как и мужская, была весьма эффективным средством воспитания социальных инстинктов и приобщения индивида к политической и религиозной жизни полиса[11]. Раньше, чем кто бы то ни было другой, это, по-видимому, понял Платон, предусмотревший занятия атлетикой для женщин в своем первом проекте идеального государства (Resp., 457 a—b). Подобно мальчикам-подросткам, и юношам, проходившим курс гражданского воспитания, спартанские девушки были разбиты на возрастные группы, называвшиеся так же, как и у мальчиков, «агелами» или «илами» (Pind., fr. 112; Callim. Hymn., V, 33—34; ср.: Theocr. Hymn., XVIII, 22—25)[12]. Во время атле-

---

[9] Аристофан. Комедии / Пер. А. Пиотровского. Т. II. М.—Л., 1934. С. 140.

[10] Немалое значение имело также и то, что девушек в Спарте выдавали замуж уже в достаточно зрелом возрасте (в этом опять-таки сходятся Ксенофонт и Плутарх), вероятно, между восемнадцатью и двадцатью годами. В отличие от афинских девочек-подростков, которые становились женами и матерями, едва достигнув четырнадцати лет, они плохо поддавались «приручению» и, видимо, были совсем не склонны безропотно выполнять волю своих супругов. См.: *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. London etc., 1969. P. 363 f.

[11] О ритуальном характере атлетических состязаний спартанских девушек см.: *Scanlon T. F.* Virgineum Gymnasium: Spartan Females and Early Greek Athletics // The Archaeology of the Olympics / Ed. W. J. Raschke. Madison, 1988. P. 186 ff.

[12] *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens // Wege der Forschung. Bd. 622: Sparta / Hrsg. K. Christ. Darmstadt, 1986. S. 324 f.; *Scanlon T. F.* Virgineum Gymnasium: Spartan Females and Early Greek Athletics. P. 187.

тических и музыкальных состязаний, обычно сопутствовавших большим религиозным празднествам, эти группы, по-видимому, вступали в борьбу друг с другом как соревнующиеся за первенство «команды». Своеобразные отношения любви-дружбы, связывавшие девушек-сверстниц, входивших в эти компании, могли, как и у мужчин, сохраняться в течение всей жизни и, несомненно, способствовали укреплению царившего в них корпоративного духа[13].

Получившие такое воспитание женщины едва ли были приучены смиренно угождать своим мужьям, взирая на них только снизу вверх, как на существ, высших по природе. В «Биографии Ликурга» (14, 3) Плутарх обращает особое внимание читателя на остроумие спартанских девушек, упоминает о насмешках и похвалах, которыми они осыпали юношей в своих песнях, возбуждая их честолюбие. Образчики такого рода острот и метких суждений представлены в принадлежащем тому же автору сборнике «Изречений лаконянок» (Mor., 240 c—242 d). Основную часть этих изречений составляют наставления матерей, обращенные к идущим в бой сыновьям (среди них и знаменитое «или с ним, или на нем»). Все они вещают как бы от лица самого спартанского государства, настойчиво повторяя главные заповеди официальной морали, некогда провозглашенные в «Воинственных элегиях» Тиртея. Как олицетворение деспотической власти закона они посылают на смерть своих сыновей и с презрением отказываются от них, если им удается вернуться живыми с поля битвы. Власть женщины-матери над своими детьми здесь как бы сливается с властью государства над гражданами. Отнюдь не случайным в этом контексте выглядит и известное изречение Горго, дочери Клеомена I и жены героя Фермопил Леонида (Mor., 240 e 5; см. также: Lyc., 14, 4). Парируя упрек некой афинянки, обвинявшей спартанок в том, что они — «единственные из женщин, которые правят мужами», она будто бы ответила: «Но ведь мы единственные и рождаем мужей».

В этом анекдоте, как и в других свидетельствах древних о спартанской гинекократии, реальное положение вещей, несомненно, представлено в сильно искаженном и гиперболизированном виде.

---

[13] Яркое представление об отношениях этого рода дает «Парфеней» Алкмана (*Page D. L.* Alcman: The Partheneion. Oxford, 1951). Об их определенно гомосексуальной окрашенности см.: *Dover K. J.* Greek Homosexuality. London, 1978. P. 179 ff., 195. Ср.: Plut. Lyc., 18, 4.

Тем не менее у нас нет достаточных оснований для того, чтобы сомневаться в том, что уровень социальной активности спартанских женщин был, по греческим стандартам, чрезвычайно высок, что по временам могло приводить даже к разного рода политическим эксцессам. Конечно, нельзя не считаться с тем, что почти все дошедшие до нас упоминания о прямом вмешательстве женщин в государственные дела Спарты относятся к достаточно позднему времени (не ранее 70-х годов IV в. до н. э.)[14] и, по крайней мере, у Плутарха ограничиваются лишь узким кругом лиц из высших слоев общества, принадлежавших к царским и другим аристократическим родам. По своим амбициям и всему складу мышления эти «знатные дамы», стоявшие очень близко к главным «жизненным центрам» спартанской большой политики, видимо, не так уж сильно отличались от женщин из эллинистических царских династий или же гордых матрон республиканского и императорского Рима. Оба наших источника — и Аристотель, и Плутарх, однако, в равной мере настаивают на том, что такое положение вещей существовало в Спарте с незапамятных времен. По Аристотелю (см. в особенности: Pol., 1269 b 39—1270 a 8), уже Ликург столкнулся с распущенностью женщин и, пытаясь бороться с ней, вскоре убедился в своем бессилии. Плутарх подтверждает его слова, замечая, что женщины в Спарте всегда владычествовали над мужчинами (Agis, 7, 3). Но, что особенно важно, оба этих автора достаточно ясно дают понять, что причастность женщин к управлению государством отнюдь не была здесь каким-то изолированным или случайным явлением, что, скорее напротив, она может считаться закономерным следствием всего их образа жизни и того неподобающе высокого положения, которое они занимали в спартанском обществе.

И Аристотель, и Плутарх (первый косвенно, второй прямо) связывают политическое влияние и могущество спартанских женщин с их из ряда вон выходящим богатством. Но принадлежавшие им огромные состояния едва ли могли возникнуть в те времена, когда в Спарте еще действовала приписываемая Ликургу уравнительная система землепользования[15]. Основным владель-

---

[14] Ср., однако, анекдот об участии Горго в переговорах ее отца Клеомена I с Аристагором Милетским (Hdt., V, 51; Plut. Mor., 240 d).

[15] Впрочем, уже и в ту пору большими богатствами могли владеть женщины из царских родов, на которых аграрное законодательство Ли-

цем каждого из 9000 так называемых «древних наделов» считался мужчина-спартиат. Доходы, получаемые с надела, обеспечивали его взносы в сисситии, а также, по-видимому, пропитание его детей. При этом, однако, определенная их часть была закреплена за женщиной, очевидно, супругой владельца надела. Согласно Плутарху (Lyc., 8, 4), мужчина получал 70 медимнов ячменя и соразмерное количество вина и масла, а женщина — 12 медимнов ячменя и соответствующую норму жидких продуктов. То обстоятельство, что женщина имела свою четко фиксированную законом долю в общих доходах семьи, пожалуй, говорит о необычности занимаемого ею положения. Вероятно, это означает, что она считалась в каком-то смысле совладелицей клера, хотя как далеко простирались ее владельческие права, сейчас судить трудно. В то же время ее участие в разделе и реализации урожая, полученного с земельного участка, признанного в принципе государственной собственностью[16], можно понять и как косвенное указание на то, что она так же, как и ее муж, принадлежала к категории лиц, состоящих на государственной службе, и именно по этой причине материально ни от кого не зависела.

В определенных ситуациях женщина могла оказаться единственной наследницей семейного имущества. Спартанцы называли таких наследниц — πατροῦχος (букв. «держательница семейного надела»). Об их особом положении свидетельствует тот факт, что в случае преждевременной смерти отца, если он не успел позаботиться о замужестве наследницы, его должен был заменить один из царей, который подыскивал девушке жениха (Hdt., VI, 57, 5). Однако за исключением этих особых случаев девушек в те времена, когда еще сохраняли свою силу законы Ликурга, выдавали замуж вообще без всякого приданого, вероятно, для того, чтобы избежать дробления семейного достояния (Plut. Mor., 227 f; Athen., 555 b—c)[17]. Все эти правила, очевидно, перестали соблюдаться после вступления в силу так называ-

---

курга, по всей видимости, не распространялось. Во всяком случае, сестра Агесилая II Киниска была достаточно богата, чтобы выставить четверку скаковых лошадей на состязании в Олимпии (Xen. Ages., 9, 6).

[16] *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. Prague, 1971. P. 3 f.

[17] *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence? P. 98. Ср.: *MacDowell D. M.* Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 81 f.

емой «ретры Эпитадея», практически легализировавшей в Спарте режим частной собственности, при котором каждый гражданин мог свободно распоряжаться своим имуществом[18]. В этой ситуации собственность, включая землю и другую недвижимость, должна была более или менее равномерно распределяться между представителями обоих полов. Результатом этого, по-видимому, и может считаться та ненормально высокая концентрация земельных владений в руках женщин, на которую обращает внимание Аристотель в известном пассаже «Политики» (1270 a 23—29), прямо связывая ее с вошедшими в его время в обычай большими придаными и правом свободного распоряжения судьбой дочерей-наследниц и их состояний.

Однако, как было уже замечено, слухи о распущенности спартанских женщин, за которыми, во всей видимости, скрывается представление об их непозволительно свободном образе жизни и исключительно развитом социальном темпераменте, восходят ко временам намного более ранним — по крайней мере, ко второй половине V в. Насколько позволяет судить цитированный выше отрывок из еврипидовской «Андромахи», в те годы спартанкам ставилось в вину по преимуществу их бесстыдство, прямо связывавшееся с сексуальной вседозволенностью и супружеской неверностью. О том, что распущенность спартанских женщин чаще всего понималась в древности именно как половое распутство, свидетельствует глосса Λακονικὸν τρόπον в словарях Гезихия, Суды и Фотия с пояснением: «Предлагать себя (ἑαυτάς) чужим (или, может быть, чужеземцам — ξένοις), ибо лаконяне очень плохо стерегут своих жен». Тот же смысл имеет, по-видимому, и любопытный анекдот о некоем Гераде, утверждавшем, что спартанские законы не предусматривали никакого наказания за прелюбодеяние, так как само это преступление было здесь абсолютно неизвестно. Плутарх ссылается на эту историю в «Биографии Ликурга» (15, 10), пытаясь подкрепить ею свои рассуждения о необыкновенном целомудрии семейной жизни спартиатов. Но скрытая скабрезная «соль» анекдота от него явно ускользает.

Как мы уже это видели на примере того же Плутарха, авторы, придерживающиеся лаконофильской ориентации, в своих по-

[18] *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 364; *MacDowell D. M.* Spartan Law. P. 107.

пытках защитить спартанских женщин, а, стало быть, и самих спартанцев от обвинений в распутстве обычно прибегали к двум контраргументам, доказывая, что, во-первых, сделав нормой временную уступку жен другим мужчинам, Ликург стремился обеспечить каждую спартанскую семью здоровым потомством, а все спартанское государство — достаточным количеством хороших солдат, и что, во-вторых, право решения в таких случаях обычно принадлежало мужу, а не жене, которая должна была безропотно повиноваться его повелениям и рожать детей от любого казавшегося ему «порядочным» мужчины[19]. При этом и Плутарх, и Ксенофонт, у которого он преимущественно заимствовал свою аргументацию, явно имели в виду, что партнеры по такого рода сделкам так или иначе узаконивали детей, прижитых от чужой жены или чужого мужа, и признавали их своими. Ксенофонт, пытаясь объяснить читателю, почему спартанцы так охотно вступали в эти противоестественные союзы, уверяет его (Resp. Lac., I, 9), что в таких случаях «женщины желают распоряжаться (одновременно) двумя домами, мужчины же присоединить к (своим) сыновьям братьев, которые могли бы разделить с ними благородство происхождения и (телесную) крепость, не претендуя, однако, на их имущество» (ср.: Plut. Lyc., 15, 7).

Однако совершенно по-иному описывает, по-видимому, этот же обычай Полибий, историк достаточно серьезный и объективный, которого трудно заподозрить в какой-то неприязни к спартанцам и их нравам. По его словам (XII, 6 b, 8), «у лакедемонян издавна было заведено (καὶ πάτριον ἦν καὶ σύνηθες), чтобы трое или четверо мужчин имели (одну общую) жену, иногда же (даже) и большее их число, если они были братьями, причем их дети считались общими; а для того, кто произвел на свет уже достаточно детей, отдать (свою) жену кому-нибудь из друзей считалось делом прекрасным и согласным с обычаем». Согласно наиболее распространенной интерпретации первой части этого пассажа[20], Полибий имел в виду особую форму брака, обычно обозначаемую

---

[19] Ср.: Nic. Dam., fr. 103 z (FGrH 90): «Они (лакедемоняне) приказывают своим женам рожать от самых благообразных мужей из числа как граждан, так и чужеземцев».

[20] Так, например, см.: *Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens. S. 136 f.

термином «полиандрия». Однако спартанская семья, судя по всему тому, что нам о ней известно, была обычной моногамной семьей[21], и Геродот, вероятно, знал, что он говорит, назвав «совершенно неспартанским» (οὐδαμὰ Σπαρτιητικά) поведение царя Анаксандрида II, женатого на двух женах, с которыми он жил в двух разных домах. Поэтому логичнее было бы предположить, что так называемая «полиандрия» в действительности представляла собой всего лишь поочередное сожительство одной женщины с несколькими мужчинами, которые могли быть связаны между собой отношениями дружбы или родства, хотя соблюдение этого условия, вероятно, не считалось чем-то обязательным. Дети, рожденные от таких связей, считались «общими», поскольку в каждом конкретном случае отцовство трудно было установить. Но отсюда вовсе не следует, что они и воспитывались сообща всей компанией сожителей их матери, которые должны были в этом случае вести также и общее хозяйство на одном из спартанских клеров[22]. Некоторые из них, возможно, усыновлялись своими предполагаемыми отцами, другие пополняли ряды незаконнорожденных. Иначе говоря, засвидетельствованное Полибием право нескольких или даже многих мужчин на одну женщину может быть понято как некий общий принцип, действовавший в спартанском обществе, а упоминаемая во второй части цитированного отрывка уступка мужем своей жены другому мужчине — как конкретный пример применения этого принципа на практике.

---

[21] Как и в других областях Греции, брачная церемония в Спарте включала в себя как один из обязательных элементов имитацию умыкания невесты (Plut. Lyc., 15, 3; ср.: Hdt., VI, 65, 2), которая, по крайней мере, формально устанавливала власть мужа над женой, что свидетельствует об исконно патриархальном и моногамном характере спартанской семьи.

[22] Те, кто расценивает эту форму брака как особую меру спартанского государства, продиктованную заботой о сохранении неделимости гражданских наделов (*Hodkinson St.* Inheritance, Marriage and Demography: Perspectives upon The Success and Decline of Classical Sparta // Classical Sparta: Techniques behind her Success / Ed. A. Powell. London, 1989. P. 90; ср.: *MacDowell D. M.* Spartan Law. P. 85), забывают о том, что доходов, полученных с одного надела, едва ли хватило бы для того, чтобы гарантировать всей компании мужей-братьев, а тем более их общим детям, их взносы в сисситии, и, следовательно, кто-то из них должен был лишиться своих гражданских прав.

Но всегда ли такой отказ от своих владельческих прав на жену происходил по инициативе самого супруга, и были ли на самом деле жены спартанцев такими пассивными и покорными созданиями, какими их хотелось бы видеть Ксенофонту или Плутарху? Нам думается, что отрицательный ответ на этот вопрос вытекает уже из всего сказанного выше о необычайно высоком (по греческим меркам) уровне социальной активности спартанских женщин, об их гордом и независимом характере, который древние нередко расценивали как слишком строптивый и необузданный[23]. Лаконофобы, несомненно, были ближе к истине, чем их противники, утверждая, что спартанки сами весьма охотно шли на сексуальные контакты с посторонними мужчинами, не дожидаясь пока их принудят к этому их не слишком строгие мужья. Общественное мнение, по всей видимости, не только не осуждало связи такого рода, но напротив, поощряло их, руководствуясь соображениями евгенического или какого-то иного порядка. На это указывает сохраненная Плутархом (Ругг., 26, 8–9; 28, 3) история Хилониды и Акротата. Хилонида, молодая и красивая жена Клеонима, незадачливого претендента на спартанский престол, была влюблена в юного и доблестного Акротата, сына царя Арея, соперника Клеонима. Потерпев поражение как в политической борьбе, так и в своей семейной жизни, Клеоним привел в Спарту прославленного полководца Пирра с большим войском, рассчитывая с его помощью вернуть утраченную царскую власть. В кровопролитном сражении под стенами Спарты Акротат показал чудеса героизма, и когда он с победой возвращался в город, старцы приветствовали его криками: «Ступай, Акротат, и возьми (οἴφε) Хилониду! Только сделай для Спарты хороших детей!» Этот эпизод, независимо от того, признаем ли мы его подлинным или вымышленным, достаточно ясно показывает, что спартанские женщины могли вступать во внебрачные связи, отнюдь не спрашивая согласия своих мужей и встречая при этом полное понимание и поддержку со стороны окружающих. Дети, рожденные от таких связей, по-видимому, расценивались гражданами Спарты как вполне удовлетворительное оправдание факта супружеской измены, даже если их родители отказывались или почему-либо не могли признать их

[23] *Den Boer W.* Laconian Studies. Amsterdam, 1954. P. 216. Ср.: *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence? P. 102 f.

своим законным потомством. В ситуации, изображенной Плутархом, их ожидала, по всей видимости, именно такая участь, поскольку Акротат не был мужем Хилониды, а ее законный супруг ненавидел и ее самое, и ее возлюбленного.

Ничто не мешает нам, однако, представить и иное, не столь драматичное развитие той же коллизии. Поступая в соответствии с общепринятыми в Спарте нормами морали, «обманутый супруг», очевидно, должен был смотреть «сквозь пальцы» на любовные увлечения своей жены, не проявляя никаких признаков ревности, а в иных случаях, возможно, даже вступал в полюбовное соглашение с ее избранником, т. е. действовал примерно так, как это изображается в соответствующих разделах «Лакедемонской политии» Ксенофонта и «Биографии Ликурга» Плутарха, но не прибегая к принуждению. Как было уже сказано, дети, прижитые в таком «браке левой руки», либо признавались законными наследниками одного из участников этой сделки, либо оставались под его опекой на положении незаконнорожденных. В этой связи особого внимания заслуживает одно место в «Греческой истории» Ксенофонта (V, 3, 9). Перечисляя всех, кто сопутствовал царю Агесиполиду в его походе против Олинфа в 380 г. до н. э., историк упоминает в числе прочих также и «незаконнорожденных сыновей спартиатов, людей приятной наружности и не чуждых благ государственности» (νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν, μάλα εὐειδεῖς τε καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν ὐκ ἄπειροι). Под «благами государственности» в данном случае, скорее всего, подразумевается воспитание, которое эти «бастарды» могли получить в агелах вместе с законными детьми граждан Спарты[24]. В завещании спартанца Ксуфия, вырезанном на бронзовой табличке из тегейского

[24] Об этом, в частности, свидетельствует и их «приятная наружность», которой, по понятиям древних, мог обладать только человек благородного происхождения, получивший к тому же хорошее воспитание. В том же перечне участников похода на Олинф фигурируют также «чужеземцы из числа так называемых "воспитанников" (τρόφιμοι)». Вместе взятые, эти две группы могли составлять особую социальную прослойку, в которую входили лица, получившие гражданское воспитание, но не пользовавшиеся всей полнотой гражданских прав. В более поздних источниках они именуются «мофаками» (Phylarch, FGrH 81 F 43; Plut. Cleom., 8, 1; Aelian. Var. hist., XII, 43).

храма Афины Алеи (Solmsem. Inscr. graec. dial. sel.[2], 26), незаконнорожденные названы в перечне наследников на втором месте после законных детей завещателя, но перед его родственниками, что свидетельствует, так же, как и цитированный только что текст Ксенофонта, об их довольно высоком общественном положении. Едва ли можно считать оправданным широко распространенное в науке отождествление представителей этой социальной прослойки с детьми, родившимися от связей спартиатов с илотскими женщинами[25]. При столь характерной для внутренней жизни Спарты обостренности социального антагонизма связи такого рода могли быть и небезопасны, и, скорее всего, не поощрялись общественным мнением. К тому же спартиатам не было никакой надобности рыскать по илотским поселкам в поисках «пригожих поселянок», когда в их распоряжении было столько свободных женщин и девушек[26]. Многие из них, вероятно, охотно прибегали к этому способу умножения своего мужского потомства, не подвергая опасности дробления свои наследственные наделы. И в этом их интересы вполне совпадали с чаяниями всего спартанского государства. Ведь привлекая незаконнорожденных на военную службу, оно могло в какой-то мере компенсировать убыль численности гражданской общины, оставляя в неприкосновенности ее экономическую основу.

Размышляя о причинах, обусловивших обрисованные выше аномалии в образе жизни, поведении и психологии спартанских женщин, лучше будет сразу же отказаться от невольно напрашивающихся параллелей с современностью, т. е. попыток объяснения этих аномалий как результата целенаправленного женского движения или

---

[25] См.: *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. Hauptteil II. München, 1926. S. 657; *Ehrenberg V.* Μόθακης // RE. Hbd. XXXI. 1933. S. 382. Ср.: *Lotze D.* Μόθακης // Historia. Bd. 11. 4. 1962. S. 430 ff.; *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 343 ff.; *Oliva P.* Sparta and her Social Problems. P. 174 ff.

[26] Косвенным указанием на распространенность в Спарте добрачной половой свободы уже в древнейший период ее истории может служить легенда о так называемых «парфениях» (букв. «сыновьях дев»), которым приписывалось основание Тарента в Южной Италии (Arist. Pol., 1306 b 30–33; Strab., VI, p. 278–284; Diod., VIII, fr. 21; Just., III, 4; XX, 1). В более позднее время рожденные до брака дети спартанских женщин, вероятно, попадали в ту же категорию νόθοι, что и их внебрачное потомство (ср.: Plut. Mor., 242 c; Athen., 602 d).

же эмансипации, осуществленной сверху, самим правительством Спарты. Столь же неплодотворны также и появляющиеся время от времени ссылки на будто бы сохранившийся в этом государстве мощный пласт реликтов эпохи матриархата и группового брака, чем собственно и был обусловлен необычайно высокий общественный статус спартанской женщины[27]. Гораздо больше доверия внушают те авторы, которые в своих рассуждениях об этом феномене исходят из той конкретной исторической ситуации, которая сложилась в Спарте после установления в ней так называемого «ликургова космоса», к какому бы времени ни относить это событие. Особого внимания заслуживают, на наш взгляд, соображения, которые были высказаны в свое время по этому поводу выдающимся английским историком А. Тойнби[28]. В его понимании, явно ненормальное положение спартанской женщины было прямым следствием того ненормального образа жизни, который вели мужчины-спартиаты в своих сисситиях — этих на аристократический лад замкнутых от всего внешнего мира корпорациях сотрапезников. Уже в младенческом возрасте вырванный из лона семьи, обреченный расти и развиваться под гнетом жестокой военной муштры, в обстановке, близко напоминающей современную казарму, спартиат, по-видимому, совершенно терял вкус к семейной жизни[29]. Его обязанности в этой отнюдь не самой главной сфере его существования как человека и гражданина в сущности сводились к одной единственной функции — детопроизводству. Судя по всему, он был практически отстранен от воспитания детей, почти не занимался хозяйством. Относительная свобода, которой пользовалась в своей повседневной жизни спартанская женщина, была, по мнению

---

[27] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 66 сл.; *Кагаров Е.* Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. Ч. I. М.—Л., 1937. С. 30 сл. Ср.: *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence? P. 104.

[28] *Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 361 ff.

[29] Далеко не последнее место в числе факторов, способствовавших этому отчуждению мужчины от семьи, несомненно, занимала педерастия, широко распространенная в агелах и сисситиях и, судя по всему, отнюдь не вызывавшая нравственного осуждения в спартанском обществе (*Toynbee A.* Some Problems of Greek History. P. 362; *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence? P. 92, n. 48; ср.: *Dover K. J.* Greek Homosexuality. P. 185 ff.).

Тойнби, своего рода побочным результатом этой возведенной в ранг государственного принципа сегрегации полов[30]. Вероятно, не слишком обремененная домашними заботами и в то же время свободная от тягот военной службы и других повинностей, возложенных государством на мужчин, она была и в самом деле, как считал уже Аристотель, предоставлена самой себе и, видимо, обладала достаточным досугом, что открывало перед ней возможности более или менее гармоничного развития ее личности, в других греческих полисах считавшегося привилегией одних только мужчин[31].

При всей ее убедительности гипотеза Тойнби едва ли может быть признана окончательным и исчерпывающим ответом на стоящий перед нами вопрос[32]. Не отвергая такую возможность решения проблемы, рассмотрим также и некоторые другие. Характерные для общественной жизни Спарты отступления от слишком строгих принципов патриархальной субординации могут свидетельствовать об определенной притупленности собственнических инстинктов у мужчин-спартиатов. Типично крестьянский взгляд на женщину как на своего рода придаток к семейному имуществу, глубоко укоренившийся в сознании греческого общества уже на заре архаической эпохи, о чем мы можем судить по хорошо изве-

---

[30] Задолго до Тойнби на значимость этого фактора уже указывал в своей упоминавшейся выше статье М. Нильссон (*Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens. S. 132, особенно). Выдвинутый им тезис о тесной скоррелированности институтов возрастных классов и мужских союзов с узаконенной сексуальной свободой был обоснован в этой работе с помощью многочисленных и весьма показательных этнографических параллелей.

[31] В «программу» воспитания спартанских девушек наряду с чисто физическими упражнениями, вероятно, входили и какие-то элементы обучения музыке, и, возможно, также чтению и письму. Не исключено, что в духовном отношении спартанки даже несколько превосходили своих брутальных, далеких от подлинной культуры мужей. Ср.: *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence? P. 92 f.

[32] В этой связи, несомненно, заслуживает внимания то обстоятельство, что в дорийских полисах Крита, несмотря на очевидную близость их социального и политического устройства спартанскому «ликургову космосу», положение женщины в целом почти не отклонялось от общегреческих стандартов. Ср.: *Казаманова Л. Н.* Семья и наследственное право на Крите // ВДИ. 1960. № 4. С. 52 сл.

стным высказываниям целого ряда авторов от Гесиода до Ксенофонта, в Спарте в силу некоторых причин не был принят общественным мнением. В этой связи будет уместно напомнить о том, что земельные наделы (клеры) спартиатов и прикрепленные к ним илоты, по крайней мере, юридически не считались их собственностью, а сами они находились на содержании у государства как пассивные получатели ренты, практически не принимающие никакого участия в производственном процессе. Сугубо собственническая психология греческого крестьянства, по всей видимости, была совершенно чужда этой замкнутой касте профессиональных военных, с презрением взиравших на земледельцев и всех вообще людей физического труда.

В немалой степени подавлению собственнических настроений в сознании граждан Спарты должна была способствовать и официальная пропаганда «достойного образа жизни», ориентированная на идеалы казарменного равенства и единомыслия. Борьба Ликурга или тех, кто скрывается за этим коллективным псевдонимом, с «пустым бабьим чувством ревности», о чем в один голос говорят наши основные источники, Ксенофонт и Плутарх, была по своей политической сути явлением того же порядка, что и предпринятые этим законодателем гонения на роскошь, запретительные меры против ремесла и торговли, ограничения денежного обращения и т. п. Как специфический предмет роскоши женщина в отличие от золота и серебра не могла быть полностью изъята из употребления. Следовательно, она должна была стать общим достоянием, как белый хлеб или жертвенное мясо на совместных трапезах в сисситиях (см.: Xen. Resp. Lac., V, 3; Plut. Lyc., 12, 2; Athen., 141 c—e). При отсутствии в Спарте признанного обществом и государством института гетер свободная женщина была вынуждена совмещать в одном лице две, казалось бы, несовместимые ипостаси: матроны-домовладычицы и блудницы — служительницы Афродиты Всенародной[33]. В свою очередь и мужчина как активный участник этого узаконенного спартанским общественным мнением и официальной моралью распутства не мог принадлежать только своей жене. Как справедливо заметил в свое время голландский исследователь В. Ден Боэр[34], в Спарте, как и

[33] Ср.: *Cartledge P.* Spartan Wives; Liberation or Licence? P. 104.
[34] *Den Boer W.* Laconian Studies. P. 217.

во многих других примитивных обществах, семя молодого и здорового мужчины-воина (γενναῖον σπέρμα, по выражению Плутарха) считалось своего рода общинной собственностью и как источник магической жизненной силы подлежало утилизации среди возможно большего числа также молодых и здоровых женщин. Мужчины, по тем или иным причинам уклонявшиеся от выполнения своего общественного и религиозного долга перед согражданами, попадали в категорию так называемых ἄγαμοι и подвергались суровым наказаниям, о которых сообщает Плутарх и некоторые другие авторы (Plut. Lyc., 15, 1–3; 30, 7; Athen., 555 c; Pollux, III, 48; VIII, 40)[35].

Все сказанное, конечно, не означает, что в Спарте практиковался настоящий групповой брак или тем более промискуитет в том смысле, который вкладывается в эти понятия современной этнографией. Скорее речь здесь может идти об освященной традицией и интересами общества свободе адюльтера, который в силу его привычности уже не считался ни нарушением общепринятых моральных норм, ни, тем более, преступлением. В этом смысле анекдот о Гераде, сохраненный Плутархом (Lyc., 15, 10), но неверно им понятый, вполне адекватно отражает самую суть сложившейся здесь ситуации[36]. Как равноправный партнер мужчины в свободной любви и в весьма угодном полису и его богам деле детопроизводства (τεκνοποιία), которое в Спарте не было ограничено тесными рамками патриархальной семьи, спартанская женщина вполне заслуженно пользовалась таким почетом и уважением, о которых не могли мечтать даже гражданки таких передовых и демократических государств, как Афины. Свобода женщины, если все же признать ее реальным историческим фактом, представляет собой едва ли не самое парадоксальное порождение спартанского тоталитаризма и его милитаристской, предельно маскулинизированной культуры.

---

[35] О религиозной подоплеке этих гонений на холостяков см.: *Den Boer W.* Laconian Studies. P. 220 ff.

[36] Как верно заметил Нильссон (*Nilsson M. P.* Die Grundlagen des spartanischen Lebens. S. 136), «вступление в брак было обязательно (для граждан Спарты), супружеская же верность совсем не обязательна». Ср.: *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence? P. 102.

ЕЩЕ РАЗ О РАННЕГРЕЧЕСКОМ ПОЛИСЕ*

К этой теме я не возвращался уже более 15 лет (после защиты докторской диссертации в 1979 г.). Тем не менее теперь, как мне кажется, пришла пора еще раз бросить взгляд на эту проблему. Во-первых, за эти годы накоплен кое-какой археологический материал, хотя и не очень большой, но все же интересный. Во-вторых, за эти же годы увидели свет несколько новых интересных работ, в которых проблема происхождения греческого полиса так или иначе затрагивается. На первом месте я поставил бы здесь две книги отечественных авторов: Э. Д. Фролова «Рождение греческого полиса» (Л., 1988) и В. П. Яйленко «Архаическая Греция и Ближний Восток» (М., 1990). И, наконец, третья и, пожалуй, наиболее важная причина возвращения к теме состоит в том, что за последнее время наметился любопытный параллелизм в подходах к двум кардинально важным проблемам истории ранней Греции: проблеме греческой колонизации и проблеме происхождения полиса, или греческой урбанизации. Получилось так, что старая, давно уже существующая и, конечно, хорошо известная каждому специалисту контроверза между аграрной и торговой моделями колонизационного движения теперь оказалась перенесенной и в круг вопросов, связанных с рождением полиса, и стала там едва ли не центральной. В ролях двух главных протагонистов или соревнователей здесь выступили Ваш покорный слуга и Э. Д. Фролов. Яйленко то ли не заметил здесь никакой проблемы, то ли счел ее настолько мелкой, что в соответствующих разделах своей книги не уделил ей абсолютно никакого внимания, может быть, полагая, что сам по себе феномен полиса, которому посвящена бóльшая часть его работы, и предпосылки его зарождения просто не нуждаются в каком-то особом объяснении.

Еще в 1950-е гг. в научной литературе стали поговаривать о том, что привычная формула «город-государство» будто бы не способна

---

* Доклад, прочитанный 2 июня в 1995 г. на заседании Отдела истории античной культуры ИИМК РАН.

вполне адекватно выразить внутренний смысл греческого слова «полис». В особенности эти сомнения относились к первой части формулы «город», хотя позже дело дошло также и до «государства» (несколько лет назад Е. М. Штаерман весьма озадачила нашу научную общественность, объявив, что Рим не был государством в собственном значении этого слова вплоть до сулланской диктатуры[1]). Относительно того, что полис не может считаться городом в обычном понимании этого термина, уже в начале XX в. писал Вилламовиц-Мёллендорф, хотя справедливости ради стоит заметить, что намного раньше (еще в середине XIX века) к этой же мысли пришел К. Маркс в своем неоконченном сочинении «Формы, предшествующие капиталистическому производству». В 1950–1970-х гг. эта мысль не раз мелькала в работах таких авторитетных американских историков античности, как Ч. Старр и М. Финли. Но наиболее последовательно она была развита немецким историком Э. Кирстеном в его книге «Die griechische Polis als historisch-geographische Problem des Mittelmeerraumes» (1956). В его понимании полис и город представляют собой явления совершенно разного порядка. Типичный полис — это поселение деревенской общины (Dorfmark или Stadtdorf). Настоящие города, возникающие в результате слияния нескольких или даже многих полисов, по Кирстену, встречаются в Греции лишь в виде исключения, как например, Афины. Как всегда, с большим опозданием эти новые веяния уже ближе к концу 1970-х гг. дошли и до наших ученых. Сомнения в полной тождественности понятий полиса и города можно было встретить в те годы, например, в работах С. Л. Утченко и Г. А. Кошеленко. Последний попытался даже соорудить из этих двух понятий некое подобие двуглавого орла или сиамских близнецов, один из которых (полис) появляется на свет раньше и становится своего рода питательной средой для постепенно вырастающего из него или, наоборот, в него врастающего города. В своей докторской диссертации и еще раньше в книге «Раннегреческий полис» я также позволил себе поразмышлять на эту важную и интересную тему и пришел к выводу, что основным «стимулом, вызвавшим к жизни раннегреческий полис, была потребность в политической консолидации или, точнее, в объединении сил и средств, принадлежавших отдельным общинам, в интересах совместной защиты и совместной

[1] См.: *Штаерман Е. М.* К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2.

же экспансии против враждебного внешнего мира. Скученность и теснота городского общежития были естественным порождением той крайне напряженной демографической ситуации, которая сложилась в Греции в период, предшествующий Великой колонизации. Но они же служили и известной гарантией выживания в той ожесточенной борьбе за существование, за сохранение и расширение "жизненного пространства", которой была заполнена в это время жизнь подавляющего большинства греческих племен»[2]. Как ясно следует из этой цитаты, в то время я выдвигал на первый план в процессе становления полиса факторы военного и политического характера, отодвигая на второй план или даже вообще сбрасывая со счета факторы экономические, т. е. торговлю и ремесло. Это дало мне основание и в статье, и еще раньше в диссертации, из которой эта статья была выкроена, охарактеризовать греческую урбанизацию на ранних ее этапах как «преждевременную» или «предварительную». В то время я еще не решался отказаться от самого слова «город» и не проводил сколько-нибудь четкого разграничения между понятиями «город» и «полис». Необходимость этого стала ясна мне позже. Тем не менее даже и эти весьма еще робкие мои поползновения в сторону от господствовавших в то время стереотипных схем рождения греческого полиса не укрылись от бдительного ока Э. Д. Фролова и он в своей книге определил и классифицировал меня как одного из членов опаснейшей секты «новейших скептиков», в число которых он уже включил Старра и Финли, что, надо сказать, было для меня большой и, может быть, не совсем заслуженной честью, поскольку к этим двум ученым я всегда питал глубочайшее уважение.

Теперь, как мне кажется, пришла пора окончательно разъяснить и определить свою позицию в этой дискуссии. Характеризуя греческую урбанизацию в ее начальной фазе как в известном смысле слова «предварительную» и даже «преждевременную», я имел в виду, что так называемый «город» формировался здесь в весьма еще архаичной и примитивной социальной среде, по существу еще доклассовой или предклассовой, и догосударственной, что главную роль в процессе его становления играли факторы отнюдь не экономического, а скорее военно-политического и демографического характера, поскольку торговля и ремесло, которым в та-

[2] Цит. по статье: *Андреев Ю. В.* Начальные этапы становления греческого полиса // Город и государство в древних обществах. Сб. научных статей. Л., 1982. (См. в наст. изд. с. 242 сл.)

ких случаях отводится почетное первое место, в этот период сами только еще начинали зарождаться и обособляться от сельского хозяйства, что основным градообразующим элементом здесь в силу этого могло быть только возглавляемое родовой знатью свободное крестьянство и что в соответствии с этим сам «город» на этой стадии его развития представлял собой ничто иное, как укрепленное и более или менее, хотя далеко не всегда и не везде, регулярно застроенное поселение земледельческой (сельской) общины.

Конечно, почти в каждой такой общине были люди, занимавшиеся ремеслом или торговлей иногда профессионально, иногда совмещая эти виды хозяйственной деятельности с крестьянским трудом на земле. Однако в любом из этих случаев их было не так много, чтобы превратить все поселение из укрепленной деревни в настоящий город, т. е. в торгово-ремесленный центр. Вот лишь некоторые факты, относящиеся в основном к VIII—VII вв. до н. э. При раскопках на о. Питекуссы (Исхия) были открыты помещения целых двух кузниц. Но две кузницы еще не делают города. В Лефканди и Аргосе следы металлургического производства восходят еще к ПГ периоду или к X в. до н. э., когда в обоих этих местах, как и повсюду в Греции, не было никаких намеков на городскую жизнь. Своя кузница была и в гесиодовской Аскре, которую сам поэт называет «комой», т. е. «деревней». Правда, в жителях приморских поселений вроде того же Лефканди (не Эвбее), старой Смирны (в Малой Азии), Загоры (на о. Андрос) и других сама близость моря должна была рано пробудить дух наживы и предприимчивости. Какая-то их часть вполне могла совмещать занятия сельским хозяйством с морской торговлей, рыболовством, пиратством, хотя должно было пройти немало времени, прежде чем эти люди, окончательно порвав с привычным укладом крестьянского быта и хозяйства, стали бы профессиональными купцами и мореплавателями. Как известно, свой корабль был у того же Гесиода, хотя он не любил и боялся моря. Его отец, выходец из эолийской Кимы, некоторое время промышлял морской торговлей, но затем вновь вернулся к более тяжелому, но и более надежному труду земледельца, осев у подножия «Геликона» в Беотии.

Наиболее весомым доводом, к которому прибегают все те, кто ратует за торгово-ремесленный характер греческой урбанизации, и Э. Д. Фролов не является здесь исключением, служит обычно известное наблюдение Фукидида в 7 главе «Археологии», где он сравнивает древние города, в видах безопасности от пиратских набегов

обычно устраивавшиеся вдали от морского побережья, с городами «последнего времени» (νεώτατα), которые, поскольку «мореплавание получило уже большое развитие, а средства имелись в большом избытке, обводились стенами и строились непосредственно на морских берегах; кроме того, в видах торговли и для ограждения себя от соседей, все старались занимать перешейки». Конечно, Фукидид — великий историк, и, разумеется во многих вопросах греческой истории он был информирован гораздо лучше, чем любой из современных ученых. Отсюда, однако, вовсе не следует, что каждую его фразу мы должны принимать на веру как истину в последней инстанции. Довольно часто, и чаще всего там, где ему приходилось говорить о событиях очень сильно удаленных от него во времени, он, подобно современным исследователям, вынужден был становиться на шаткий путь домыслов и гипотетических реконструкций прошлого, используя те немногие факты, которые были в его распоряжении. Похоже, что именно так он и поступил в своем экскурсе в историю греческого градостроения. Пытаясь охватить мысленным взором все «новое время», т. е. в современной периодизации греческой истории архаическую эпоху с добавлением так называемых «темных веков», т. е. все, что было после Троянской войны, он явно ориентировался в общих рассуждениях на передовую экономику и империалистическую политику Афин второй половины V в. Отсюда и чрезвычайная значимость торговли и мореплавания, и прямая зависимость развития системы городских фортификаций от богатства, нажитого торговлей, которого еще не могло быть у эллинов старого времени, постоянно бродивших по всей стране в поисках пропитания и нигде подолгу не задерживавшихся, как какие-нибудь варвары-номады. А между тем древние города, под которыми Фукидид подразумевает, конечно же, полисы, выросшие из микенских цитаделей, такие, как Микены, Тиринф, Аргос, Спарта, Афины, Фивы, Орхомен и др., судя по археологическим данным, были в свое время намного богаче, чем новые города, возникшие после Троянской войны и возвращения Гераклидов. В основном это были поселения на островах и на западной кромке Малой Азии, основанные в период так называемой «ионийской колонизации», когда торговля в Греции пребывала в эмбриональном состоянии и доходов от нее едва ли хватило бы для возведения сколько-нибудь приличной стены. Даже если предположить, что открытая английскими археологами в Турции стена старой Смирны, датируемая IX—VIII вв. до н. э., строилась на пожертвования

или налоги местных купцов, она все равно не выдерживает сравнения с циклопическими стенами Микен или Тиринфа. Что же касается расположения ионийских, эолийских и дорийских полисов Малой Азии вдоль береговой полосы, то оно объясняется отнюдь не каким-то особым их богатством и надежной защищенностью от пиратов, а скорее тем, что все они были, как известно, колониями, возникшими на чужой варварской территории. Море было для их обитателей единственной дорогой, связывавшей их с покинутой европейской метрополией, единственным путем к спасению в случае усиления варварской угрозы (классическим примером в этом плане может служить судьба Фокеи). Странно, что Фукидид не учел всех этих обстоятельств в своем экскурсе.

Все приверженцы торгово-ремесленной модели греческой урбанизации, включая многочисленных историков-марксистов советского периода, осознанно или неосознанно ориентируются на теорию известного бельгийского медиевиста А. Пиренна. Пиренн описывал становление средневекового западноевропейского города как процесс постепенной аккумуляции или нуклеации первоначально рассеянных, блуждающих, где придется, человеческих монад: отдельных ремесленников, купцов, оторванных от земли крестьян и т. п. людей без корней, вокруг какого-нибудь центра светской или духовной власти: королевской резиденции, замка феодального сеньора, монастыря и т. п. Этот центр притягивал к себе весь этот бродячий люд, как магнит притягивает стальные опилки. Можем ли мы представить себе нечто подобное в Греции VIII—VII вв., когда, согласно наиболее вероятным прикидкам современных историков, должен был зародиться полис в качестве города и государства в одно и то же время? Думаю, что процессы такого рода собирания городов буквально «по человеку» здесь едва ли были возможны. Греческие полисы тоже, если не всегда, то по крайней мере довольно часто, возникали в результате нуклеации. Но это была нуклеация не блуждающих индивидов, хотя таковых в Греции в те времена было, конечно, более чем достаточно и среди них было немало купцов и ремесленников (демиургов, как называл их уже Гомер). Это была нуклеация целых земледельческих общин, объединявшихся вокруг общего укрепленного центра — акрополя, который чаще всего оказывался старой микенской цитаделью, или наиболее почитаемого в данной местности святилища, или, наконец, комбинации того и другого, т. е. то, что сами греки обычно называют «синойкизмом».

Сейчас невозможно, конечно, определить даже и приблизительно, как много греческих полисов прошло в своем развитии через стадию синойкизма и сколь многие ее миновали. По письменным источникам нам, собственно, известен всего лишь один синойкизм за весь период с XI до конца VI в., т. е. за то время, которое Фукидид называет νεώτατα. Это так называемый «Тесеев синойкизм Аттики», точная датировка и характер которого до сих пор остаются предметом дискуссии. Не вдаваясь в детальный разбор этой запутанной проблемы, замечу лишь, что наш основной источник, все тот же Фукидид, довольно подробно рассказывающий об этом событии во II-й книге своей «Истории» в связи с описанием эвакуации населения сельских демов Аттики за городские стены перед с вторжением спартанской армии, вступает здесь в известное противоречие с самим собой. С одной стороны, он решительно настаивает на том, что и до синойкизма, и после него основная масса афинских граждан жила «на своих полях», а точнее там, где находились старинные аттические полисы, входившие некогда в состав так называемого «Кекропова двенадцатиградия». Именно по этой причине вынужденное переселение в Афины, под защиту городских стен было воспринято ими, по словам историка, как настоящее бедствие. С другой стороны, немного ниже Фукидид подчеркивает, что благодаря мерам, принятым Тесеем, этот город (т. е. Афины) «стал велик», тогда как до этого он весь состоял из одного акрополя. Ясно, что население Афин после синойкизма не могло состоять из одних лишь рабов и метеков или какой-нибудь голытьбы. Следовательно, в рассуждения историка здесь вкралась какая-то логическая неувязка. Да и сам термин συνοικισμός так же, как и глагол συνοικέω, от которого он образован, говорят сами за себя и вряд ли могут быть поняты в каком-то переносном, метафорическом смысле. Во всяком случае, сам Фукидид отнюдь не склонен был так его понимать, как это ясно следует из принадлежащего ему известного определения Спарты как «несинойкизированного полиса (πόλις οὐκ συνοικισθείση), заселенного по древнему эллинскому обычаю деревнями». Заметим также, что, говоря о «Тесеевом синойкизме», Фукидид не счел нужным рассуждать о каких-либо экономических предпосылках этого на свой лад эталонного или парадигматического события, с которого начинается длинный ряд греческих синойкизмов. В его понимании, это был чисто волевой акт великого человека, «соединявшего силу с умом». «Здесь будет город заложен», и город тут же появляется по одной лишь прихоти героя-ойкиста.

Археология, как и почти всегда в таких случаях, мало что добавляет к этой картине. Отмеченный Э. Снодграссом рост численности некрополей на территории Аттики, судя по приводимым им картам, в VIII в. привел к максимальной их концентрации в городской черте будущих Афин и в непосредственной близости от нее. Таким образом, мы получаем возможность хотя бы и очень неточно датировать событие, до сих пор остававшееся по ту сторону зыбкой грани, отделяющей историческую Грецию от ее все еще весьма туманного мифического прошлого. Однако, как справедливо предостерегает тот же Снодграсс, было бы ошибкой полагать, что все пространство между отмеченными на карте Афин геометрическими могильниками было уже в то время сплошь занято жилой застройкой. Поселение, образовавшееся вокруг акрополя в результате «Тесеева синойкизма», по всей видимости, не было городом даже в античном значении этого слова. Его «кварталы», вероятно, не так уж сильно отличались от окрестных деревень и так же, как и они, именовались «демами». Следы раннеархаической или геометрической застройки, обнаруженные на склонах акрополей Коринфа и Аргоса, производят именно такое впечатление аморфной, расползающейся во все стороны и внутренне еще очень слабо консолидированной жилой агломерации, прижатой к подножию цитадели лишь силой страха перед враждебным внешним миром. Все эти «эмбрионы» крупнейших политических и культурных центров европейской Греции, видимо, не так уж сильно отличались от маленького и скромного городища Эмпорио также позднегеометрического времени, открытого на о. Хиос экспедицией Дж. Бордмэна. Его основную часть (около 40% всей занятой им площади) составлял пустой акрополь, обнесенный низкой грубо сложенной из глыб известняка стеной без ворот и башен. Две постройки, находившиеся на этой укрепленной площадке, которая могла служить и убежищем, и местом собраний, Бордмэн квалифицировал как храм Афины и дом правителя. По склонам храма акрополя были беспорядочно разбросаны жилые дома разной величины и самой незатейливой архитектуры (всего около 50 построек).

Мы не знаем, прошел ли уже этот маленький и бедный полис фазу синойкизма или нет. Второе кажется более вероятным. Во всяком случае, в конце VIII в. поселение в Эмпорио прекратило свое существование. Та же самая участь постигла примерно в это же время ряд других островных поселений геометрического периода, в т. ч. Загору на Андросе, Кукунарис на Паросе, Лефканди

на Эвбее и некоторые другие. При этом никаких признаков вражеского нападения, следов пожаров и разрушений во всех этих местах обнаружить не удалось. Остается предположить, что жители этих небольших поселков добровольно оставили свои жилища и перебрались в какие-то более крупные поселения из соображений безопасности, социального престижа или каких-то других. Так, лефкандиоты могли перебраться в соседнюю Эретрию, как раз в то время вступившую в полосу своего процветания, обитатели Загоры, вероятно, пополнили население «города» Андроса, с тех пор остававшегося единственным полисом этого острова, жители Эмпорио, возможно, стали гражданами Хиоса. Факты этого рода позволяют предполагать, что на первых порах синойкизация, особенно в небольших государствах, влекла за собой ощутимое запустение сельской округи полиса.

Синойкизм такой, как раннеархаические синойкизмы Аттики или Хиоса и Андроса, других районов Греции, так и более поздние, классические или эллинистические (синойкизм Родоса, Элиды, Мантинеи, Мегалополя и др.) был, в первую очередь, актом политической консолидации некоего рыхлого и аморфного политического сообщества, предшествовавшего полису на его территории, будь то отдельная община, группа (гнездо) общин, среди которых некоторые уже успели обзавестись своими маленькими полисами, наконец, племя или то, что греки называли этносом. Ясно, что консолидация такого рода диктовалась отнюдь не интересами коммерции или развивающегося ремесла, а прежде всего, соображениями стратегического порядка — стремлением к максимальной концентрации населения в каком-то пункте, надежно защищенном самой природой и руками человека. В древности такая концентрация сил и средств давала общине или группе общин определенное преимущество перед враждебными соседями, позволяя сдерживать их натиск на свои границы более успешно, нежели это было возможно для населения, разбросанного по десятку или нескольким десяткам мелких деревушек и хуторов. Мотивы именно этого рода ясно просвечивают в действиях позднейших греческих синойкизаторов, например, при основании того же Мегалополя.

Э. Д. Фролов, видимо, хорошо понимая, что факты этого рода идут вразрез с его концепцией становления греческого полиса в качестве в первую очередь торгово-ремесленного центра, пытался их как-то нейтрализовать. С этой целью он использовал восходящее, по всей видимости, к Аристотелю сообщение Плутарха (в биогра-

фии Тесея) о социальных реформах этого героя, будто бы разделившего афинский демос на три сословия: евпатридов, геоморов и демиургов. Последние будто бы превосходили всех прочих своей численностью. Э. Д. Фролов и сам признает определенную сомнительность этого предания и, в частности, допускает, что демиургов, т. е. ремесленников, в Афинах во времена Тесея было не так уж много, как об этом пишет Плутарх вслед за Аристотелем. Тем не менее, даже и в такой странноватой редакции рассказ Плутарха воспринимается им как «выразительное подтверждение» его же (Фролова) мысли о «взаимосвязи синойкизма и глубинных социально-экономических перемен». Но если что здесь и может подтвердить эту мысль, т. е. не высказанное прямо, но явно подразумеваемое предположение о росте ремесла и торговли как одной из главных, если не самой главной предпосылке Тесеева синойкизма, то это как раз наполовину принятое, наполовину отвергнутое Э. Д. Фроловым упоминание о чрезвычайной многочисленности афинских демиургов, которые, следуя общей логике автора, очевидно, и должны были составить основное ядро населения нового полиса, а отнюдь не крупные землевладельцы-евпатриды или крестьяне-геоморы.

В отношении подавляющего большинства греческих полисов мы не располагаем даже и той скудной, видимо, сильно искаженной и запутанной информацией, которой нас снабжают Фукидид и Плутарх, говоря об афинском синойкизме. Мы не знаем, что представляли собой на ранних этапах своей истории многие впоследствии большие и процветающие полисы как евроопейской так и азиатской Греции. Вполне вероятно, что если не все, то, по крайней мере, некоторые из них долгое время оставались в несколько странном переходном состоянии: уже считались полисами, но еще не прошли через синойкизм. Фукидид в «Археологии» упоминает о полисах, «не защищенных стенами и заселенных по деревням», что делало их легкой добычей для шнырявших повсюду пиратов. Но даже и в таком плачевном состоянии они все же были полисами, хотя полис, если исходить из начального, по-видимому, древнейшего значения этого слова, широко представленного в гомеровском эпосе, все же есть ничто иное, как укрепленное место, соответствующее германскому Burg или старославянскому Град. Однако же, если взять наиболее выразительный, хорошо известный каждому пример, — Спарта всегда гордо именовалась полисом, хотя и была лишена стен и не подвергалась синойкизму, по определению все того же Фукидида. Сравнительно недавно два английских архео-

лога: уже упомянутый Э. Снодграсс и Дж. Бинтлиф сумели, как говорится, «поймать» эту раннюю, еще не урбанизированную форму полиса, проводя обследование района Феспий на родине Гесиода в Беотии. Основываясь на собранном ими в этих местах подъемном керамическом материале, они пришли к выводу, что в хронологических рамках позднегеометрического — раннеархаического периода, т. е. между 800 и 600 гг. до н. э. здесь существовало два относительно крупных поселения, одно из которых Снодграсс и Бинтлиф отождествили с Феспиями, другое с Аскрой — деревней, в которой жил Гесиод. При этом выяснилось, что предполагаемые Феспии не имели сплошной застройки и, в свою очередь, делились на три или четыре обособленных жилых массива, хотя в изображении Гесиода это был настоящий полис с агорой, где творили свой неправедный суд «цари-дароядцы».

Можно предположить, что роль своеобразного катализатора — ускорителя процесса в раннегреческой урбанизации могла играть на каких-то ее этапах колонизация. Переселенцы из разных деревень, объединившиеся для совместного вывода колонии, вероятно, и на новом месте где-нибудь в Карии или Ионии стремились сохранить это спонтанно возникшее единство и ради этого старались селиться кучно, окружая свои поселения хотя бы примитивными укреплениями (классическим примером такого поселения колониальной зоны до сих пор остается старая Смирна). К этому их вынуждали и соседство враждебно настроенных варваров малоазийкого хинтерланда, и нисколько не меньшая, чем в европейской Греции, земельная теснота, и возникавшие на этой почве распри с другими греками, прибывшими в те же края несколькими годами раньше или позже. Разумеется, само это превращение греческих колонистов в «горожан» sui generis не вносило ничего принципиально нового ни в их житейский уклад, ни в их хозяйственную практику. Они оставались такими же крестьянами-земледельцами, как и у себя на родине. Да и сама ионийская колонизация была, как известно, лишь продолжением миграционных процессов, охвативших Элладу в конце микенской эпохи и продолжавшихся на протяжении почти всего периода «темных веков». Поселения, возникавшие в ходе этих миграций, будь то Аргос, Коринф, Спарта на Пелопоннесе или же Смирна, Милет, Эфес, Колофон, Галикарнас и др. на азиатском берегу Эгейского моря городами в строгом значении этого слова, конечно, не были, хотя уже изначально могли называться «полисами».

SUMMARY

The monograph «The Early Greek Polis (in the Homeric Period)» by the outstanding Russian expert in Ancient Greek studies, Professor Yu. V. Andreev (1937—1998), was first published long ago enough, in 1976. Nevertheless, it still preserves its scientific significance because of the author's masterly dealing with many sharply discussion questions of the development of the Ancient Greek society.

In his «Introduction» Yu. V. Andreev briefly examines an old problem of historicity of Homer's poems, the «Iliad» and the «Odyssey». In particular, he comes to a conclusion that the Mycenaean civilization was as a whole alien and unintelligible to the epic poet. Like the majority of researchers, the author believes the poems to have been composed no earlier than within the 8th century B.C., while collecting data for them there were employed both «archaizing» and «modernizing» tendencies.

Chapter I, «From the Mycenaean Citadel to the City-State (an archaeological map of the period)», is devoted to a description of the post-Mycenaean culture in the territory of Ancient Greece. As well known, Mycenaean palaces were destroyed in the late 13th century B. C. The author binds this catastrophe with a possible invasion of the northern peoples, underlining that they did not leave any evident monuments of their culture. The Mycenaean cultural traditions finally disappeared in the late 12th — early 11th centuries B. C., and at the same time there came into existence shoots of a new, Hellenic, culture — the so-called Geometric style of vase painting, etc. Some of such new cultural elements were probably connected with the penetration of new ethnic groups (the Dorians?). Archaeological evidence related to the «Dark period» (11th through 9th centuries B. C.) is very scanty. However, the data coming from the 9th—8th centuries enable to speak of a considerable population increase in Greece, especially in the 8th century. The most important monuments of Greek city-building within that period are Smirna, Zagora on the island of Andros and Emporio on the island of Chios. Yu. V. Andreev calls the building up of the first and second settlements «intravert» and that of the third «extravert». The formation of the former is explained by him as due

to needs of defense, whereas a structure of the latter was dominated by the acropolis serving, too, as a refuge. Economic life was in both the cases of agrarian nature. The author, using German scholars' terminology, attributes all the settlements to the Stadt-Dorf or Ackerburg type.

Chapter II, «Homeric Polis», has mainly to do with an analysis of the «Iliad» and «Odyssey», both refer to cities frequently enough. These passages allow us to consider such cities to have had small dimensions, compact building up, defensive walls, etc. Yu. V. Andreev well demonstrates that the *poleis* described in the poems were diverse and non-standard, and for this reason it is possible to mark out two types of settlements corresponding probably to the two chief stages in the development of Early Greek *polis*. The former is a «*proto-polis*» or settlement of the initial familial-clan community, the most typical instance being the famous city of Troy. The latter type is an «Early Archaic *polis*» that presents the initial form of city-state — such was Pheai. Yu. V. Andreev has come out with a remarkable and convincing suggestion concerning Homer's usage of terms *polis* and *asty* which have one and the same general meaning — «city». In fact, the poet used the word «polis» when describing a city from outside and the other one, «asty», — when seeing it from within. The village is not an epic reality, and the poems do not mention it specially. In the author's opinion, cities were not separate here from villages, and the *polis* was a half-city — half-village right up to the «City revolution» in the 8th—6th centuries B. C. In addition, the term «polis» in Homer's poems is closely bound up with that «aristocracy».

Chapter III, «Polis and Royal Power», examines important matters of the political organization of the Homeric society. The usual system of ruling over a *polis*, which is represented in the poems, consists of three components: the king (*basileus*), the council of fathers, the popular assembly. Yu. V. Andreev pays attention to the presence of not one, but several kings. According to his point of view, a scheme of the development of the political organization «from monarchy to aristocratic republic» is, in the given case, not corresponding to the available facts. One of the most considerable ways to arrange the polis was «synoikismos», under which several villages formed a city centre. The author thinks that, as a result of this action, chieftains of village communities joining a *polis* constituted the elite of *basileis*. Homeric *poleis* were not monarchic, because they were dominated by the nobility, not by the king in a real sense of this term.

Chapter IV, «The Principal Structural Elements of the Homeric *Polis*. Family and *hetairia*», is very important for understanding the social organization of Ancient Greece in the period under review. The main characters of the poems of Homer are kings and heroes, and a concept of

«gentility» included those of «wealth» and «military valour». Practically, the aristocracy overrode the community. The only anti-aristocratic episode in the «Iliad» is bound up with the action of Thersites, who was therefor punished and derided. Blood relationship with the family and clan were much more significant for the heroes than civil solidarity. There were of great importance in the Homeric society structure such institutions as the bodyguard and the masculine alliance.

In Chapter V, «King and People. On the "Military Democracy"», Yu. V. Andreev expresses his critical attitude towards an idea, which holds much favour in Marxist literature, that the Homeric society was organized on the principles of primitive (military) democracy. Homer even does not know the word «democracy», and what is more, the main role in his poems is played not by the people, but by the mighty heroic personality. At that the people was utterly weak before the *basileis*' absolute power — this is well demonstrated once again by the episode with Thersites. Just formal sovereignty of the people under conditions of the real domination of the clan nobility is the most characteristic feature of the political system, which is outlined by Homer in his poems. For him normal was the republican form of government, when the entire power belongs to a group of the «best men».

In his «Conclusion» the author accents his attention on the fact that after the collapse of the Mycenaean civilization the Greek society could avoid the menace of returning to a bureaucratic monarchy. On account of a number of reasons the historical development was then going in a different way — from the initial familial-clan community to the city-state (*polis*). It was in the Homeric epoch that first steps for creating such a *polis* organization were made. Yu. V. Andreev defines the Homeric *polis* as a type of the late-clan barbarian society in its specific city form. In his opinion, the rise of the real city was «premature» at that time, as it would have taken place before the forming of the state.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. А. Виноградов.
Ю. В. Андреев и его концепция раннегреческого полиса 5

РАННЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС
(гомеровский период)

От автора 25
Вступление. Гомер и история 27
Глава I. От микенской цитадели к городу-государству (археологическая картина периода) 39
Глава II. Гомеровский полис 69
Глава III. Полис и царская власть 89
Глава IV. Основные структурные элементы гомеровского полиса. Семья и гетерия 129
Глава V. Цари и народ. К вопросу о «военной демократии» 163
Заключение 194

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Античный полис и восточные города-государства 203
Начальные этапы становления греческого полиса 227
Спарта как тип полиса 245
Мужские союзы в структуре дорийского полиса 275
Ранние формы урбанизации 291
Историческая специфика греческой урбанизации 317
Архаическая Спарта: культура и политика 346
Коллапс микенской цивилизации и варварский мир Центральной Европы 372
Кто изобрел греческую фалангу? 387
Греческий полис без бюрократии и литературы (письменность в жизни спартанского общества) 401
Спартанская гинекократия 410
Еще раз о раннегреческом полисе 433

Summary 444

Все новинки из области литературы по гуманитарным дисциплинам (история, философия, социология, филология, культурология, психология, религиоведение, литературоведение) Вы всегда сможете приобрести

в новом книжном магазине

«ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

Кроме того Вашему вниманию предлагается широкий выбор современной и классической *некоммерческой* художественной литературы; книги по искусству и архитектуре, литература о кино, театре, музыке и многое другое.

Мы ждем Вас по адресу:

Лесной пр., д. 8

(5 мин. пешком от ст. метро «Площадь Ленина»)

Тел.: (812) 542-82-12; 541-86-39

по будним дням с 10.00 до 19.00

и в субботу с 11.00 до 18.00

(Выходной день — воскресенье)

Научное издание

Юрий Викторович Андреев

РАННЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС
(гомеровский период)

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Главный редактор *Ю. С. Довженко*
Ответственный редактор *М. М. Холод*
Корректор *Я. Ю. Шувалова*
Художник *П. П. Лосев*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999
Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,

194044, Санкт-Петербург, Лесной пр., 8
Подписано в печать 24.10.2003. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 208.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Невская жемчужина»,
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 22.

